

J. R.

WARD

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

BLOOD FURY

BLACK DAGGER LEGACY

В этом эротическом паранормальном романе, автор бестселлеров по версии Нью-Йорк Таймс Дж. Р. Уорд, рассказывает историю двух пар — они должны найти любовь в разгар войны с обществом Лессенинг...

Как аристократ-вампир, Пэйтон хорошо знает свой долг перед родословной: соединиться с подходящей женщиной своего класса и продолжить традиции семьи. И он думал, что нашёл свою идеальную пару, пока она не влюбилась в другого мужчину. Но когда его молниеносное решение в битве с врагом ставит под угрозу жизнь другого новобранца, Пейтон должен понять, что его сердце и его будущее отдано только Ново...

Ново, будучи женщиной в программе Братства, отдаёт все силы на подготовку и борьбу — она не заинтересована в любви. Но когда Пэйтон проявляет себя не просто как богатый плейбой, она вынуждена противостоять трагедии, которая сломала её душу и закрыла от любви.

Поскольку они оба должны столкнуться с прошлым Ново и настоящим Пэйтона, другая пара должна столкнуться с эротической связью, которая не имеет себе равных и потенциально скандальна. Сэкстон, у которого разбито сердце после расставания с Блэем, обнаруживает в себе глубинное влечение к Рану, новому члену семьи. Но откроет ли он своё сердце Сэкстону? Или откажется душой и разумом от того, что может быть настоящей любовью, которая будет стоить Сэкстону всего...

-
- [Дж. Р. Уорд](#)
    - [Информация о переводе:](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
    - [Глава 16](#)
    - [Глава 17](#)
    - [Глава 18](#)
    - [Глава 19](#)
    - [Глава 20](#)
    - [Глава 21](#)
    - [Глава 22](#)
    - [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Внимание!](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)

- [69](#)
  - [70](#)
  - [71](#)
  - [72](#)
  - [73](#)
  - [74](#)
  - [75](#)
  - [76](#)
  - [77](#)
  - [78](#)
  - [79](#)
  - [80](#)
  - [81](#)
  - [82](#)
  - [83](#)
  - [84](#)
  - [85](#)
  - [86](#)
  - [87](#)
  - [88](#)
  - [89](#)
  - [90](#)
  - [91](#)
  - [92](#)
  - [93](#)
  - [94](#)
  - [95](#)
  - [96](#)
  - [97](#)
  - [98](#)
  - [99](#)
  - [100](#)
  - [101](#)
  - [102](#)
  - [103](#)
  - [104](#)
  - [105](#)
  - [106](#)
  - [107](#)
  - [108](#)
  - [109](#)
  - [110](#)
  - [111](#)
-

Информация о переводе:

Перевод: РыжаяАня, Naoma

Редактура: Андрованда, Tor-watt, Elsa

Перевод осуществлен на сайте jrward.ru

Когда ты владеешь всем в мире, то не осознаешь, что можешь что-то упускать. Возможности, которые не будут ждать вечно. Мечты, которые не обязательно исполнятся.

Пэйтон, сын Пейтона, пряча глаза за синими стеклами, посмотрел в противоположную часть комнаты отдыха. Пэрадайз, урожденная дочь Абалона, Первого советника Короля, сидела полубоком на немодном кресле, ноги перекинuty через один подлокотник, спина упирается в другой. Ее светлая голова наклонена, а глаза скользят по конспектам о СВУ.

Самодельных взрывных устройствах.

Зная, что содержится в тех записях: обещание смерти, реалии войны с Обществом Лессенинг, опасность, которой она подвергла себя, присоединившись к учебной программе Братства Черного Кинжала... от этого знания ему хотелось отобрать у нее конспекты и отмотать время назад. Он хотел вернуться в их прежние жизни, когда Пэрадайз еще не умела сражаться... когда она еще не знала, что является кем-то большим, нежели ослепительно красивой женщиной из знатного аристократического рода.

Но велика вероятность, что без этой войны они никогда бы не сблизились.

Та ужасная ночь, когда Общество Лессенинг напало на дома Глимеры, вырезая целые семьи и сотни слуг, стала катализатором для их сближения. Он всегда был отвязным тусовщиком, водился с богатеями, живущими по девизу «весь мир у моих ног», прожигавших ночи в человеческих клубах, коротавших дни в компании травки. Но после рейдов? Обе их семьи скрылись в убежищах за пределами Колдвелла, и они с Пэрадайз установили традицию звонить друг другу, когда не получалось заснуть.

То есть, почти каждый день.

Они провели много часов у телефона, разговаривая обо всем и ни о чем, начиная с серьезных тем и закачивая дуростью и бредом.

Он рассказывал ей то, о чем никогда и ни с кем не делился: признался ей, что был напуган, что чувствовал себя одиноко и беспокоился о будущем. Впервые в жизни озвучил свои опасения о своей наркозависимости. Сомнения в том, что сможет завязать, находясь вдалеке от клубной жизни.

И она всегда поддерживала его.

Она — первая женщина, ставшая ему другом. Да, конечно, он перетрахал кучу баб, но когда дело касалось Пэрадайз, секс отходил на второй план.

И все же он хотел ее. Конечно, хотел. Она была невероятно...

— Признай это.

Пэйтон встряхнулся, услышав голос Пэрадайз. Потом оглянулся по сторонам. В комнате отдыха остались они вдвоём, народ разошелся — в раздевалку, тренажерку или просто слонялся по коридору в ожидании конца учебной ночи.

Значит, да, она обращалась к нему. И смотрела на него.

— Вперед. — Ее взгляд был прямолинейным. — Скажи уже, наконец.

Пэйтон не знал, как реагировать на это. А когда между ними повисло молчание, казалось, словно он занюхал дорожку: сердце в грудной клетке превратилось в «мошпит» (*образованный толпой круг перед сценой на рок-концертах, прим. пер.*), ладони вспотели, моргающие веки напоминали венецианские жалюзи.

Пэрадайз выпрямилась в кресле, скинув свои длинные ноги с подлокотника и скрестив их в коленях. Это движение было рефлексорным, дело в ее родословной и аристократическом воспитании: все женщины ее статуса должны сидеть в подобающей позе. Непреложный

императив, вне зависимости от того, где ты находишься, и что на тебе надето.

Мебель из «Crate & Barrel» или времен Людовика XIV. Лайкра или одежда от «Ланван». Стандарты, милая. Он представил ее в платье, в украшениях ее покойной мамэн, под хрустальной люстрой в бальном зале, с высокой прической, ее идеальное лицо сверкает, ее тело... двигается напротив его.

— Где твой мужчина? — спросил он хрипло... надеясь, что шероховатость его голоса она спишет на травку.

Наблюдая, как на ее лице расплылась улыбка, Пэйтон почувствовал себя обдолбанным стариком, хотя они были ровесниками, и он был трезв.

— Ушел переодеваться.

— Большие планы на ночь?

— Не-а.

Ну да, точно. Ее румянец рассказал ему, чем именно они собирались заняться... и с каким нетерпением она ждет этого.

Закинув очки на лоб, Пэйтон потерял глаза. Было сложно поверить, что он никогда не узнает, каково это... иметь Пэрадайз под собой, объезжать ее, изучать обнаженное тело, широко раздвинуть ее бедра, чтобы...

— И не меняй тему. — Она подалась вперед. — Давай. Скажи это. От правды тебе станет легче, ведь так?

Когда включился компрессор за автоматом с газированной водой, Пэйтон перевел взгляд на продуктовую стойку, где всегда накрывали обеды и закуски, когда они проводили время в учебных классах или тренажерке. Хотя Братья выпускали их на поле для полноценных сражений с врагом, им предстояло еще многое узнать по части теории, рукопашного боя и оружейного дела, и занятия проводились на регулярной основе.

Он ел здесь две-три ночи в неделю...

Вау. Только гляньте. Он пытался отвлечь самого себя.

Пэйтон перевел взгляд на Пэрадайз. Боже, она была так красива, нереальные светлые волосы и огромные голубые глаза... и эти губы. Мягкие, натуральные, розовые. Ее тело слегка потеряло свои округлости, стало чуть более мускулистым с тех пор, как она начала усиленно тренироваться, и эта мощь возбуждала.

— Знаешь, — пробормотала Пэрадайз. — Когда-то между нами не было тайн.

На самом деле, это неправда. Он всегда умалчивал о своем влечении.

— Люди меняются. — Потянувшись, Пэйтон размял спину. — Отношения тоже.

— Не наш случай.

— В чем смысл? — он покачал головой. — Ничего хорошего не выйдет из...

— Пэйтон, да брось. Я чувствую, как ты смотришь на меня в классе, на поле боя. Не заметит только слепой. И слушай... Я же понимаю, что тобой движет. Я не наивная.

Ее напряжение было очевидно, плечи задеревенели, губы сжались в линию. И, хэй, вот неожиданность, ему тоже было ненавистно то положение, в которое он их ставил. Он бы прекратил все, если бы мог, но чувства подобны диким животным. Творят что хотят, и плевать, если в процессе тебя пнут, укусят и ударят.

— Как бы я не пыталась игнорировать это... — она перекинула волосы через плечо. — ...и, как бы я не верила, что ты хочешь не чувствовать этого... это есть. Думаю, нам стоит поговорить об этом, расставить точки над «и»? Прежде, чем это начнет влиять на наши отношения и остальных, когда мы на поле боя.

— Не думаю, что есть какой-то выход. — Только если ты не хочешь отрезать от себя двести семьдесят пять футов твоей половинки и лишиться своей пары. — И я не считаю, что это

настолько значимо.

— Я не согласна. — Пэрадайз вскинула руки. — И, да ладно? Мы столько всего пережили вместе. Нет ничего, с чем бы мы ни справились. Помнишь те часы на телефоне? Поговори со мной.

Гадая, почему, черт возьми, он не захватил с собой бонг, Пэйтон встал и принялся изображать следопыта среди мебели, расставленной с аккуратностью и точностью шариков в игре «Марбл»: разнообразные стулья, диваны и столы в результате сомнительных ставок на отжимания, приседания и арм-рестлинг рассредоточились по комнате в произвольном беспорядке.

Он, наконец, остановился и повернулся. И они заговорили в унисон:

— Окей, я влюблен тебя...

— Я знаю, ты все еще не одобряешь, что я...

А потом также синхронно замолчали.

— Что ты сказал? — выдохнула Пэрадайз.

Пистолет. Ему нужен пистолет, чтобы прострелить себе ногу в реальности, а не только в воображении.

Открылась дверь в комнату отдыха, и ее мужчина, Крэйг, вошел в помещение с таким видом, будто владел этим местом. Огромный, с горой мускул, один из лучших бойцов в программе, такой мужик воспользуется ржавым гвоздем вместо зубочистки, зашивая при этом собственные раны посреди горящего склада, со щенком золотистого ретривера под мышкой и двумя надвигающимися на него лессерами.

Крэйг замер и поочередно посмотрел на них.

— Я чему-то помешал?

***

Ново едва успела добраться до огромной металлической урны. Она согнулась в поясе, и ее вырвало водой, а потом, когда рвотные позывы затихли, она отодвинулась от урны и рухнула на маты. Прислонившись спиной к холодной бетонной стене, она ждала, когда мир вокруг нее остановит свою карусель.

Пот падал на ее лицо подобно слезам, горло горело... хотя тут виновата не рвота, а резкие выдохи во время становой тяги. И незачем говорить о легких. Казалось, будто она пытается отыскать крупицу кислорода посреди клубов горячего дыма.

Бряк. Бряк. Бряк...

Когда силы вернулись к ней, она подняла голову и сфокусировала взгляд. В противоположной части качалки огромный мужчина делал жим ногами в медленном, уверенном ритме, предплечья бугрились, когда он хватался за ручки возле бедер, мускулы ног, казалось, были высечены из камня, и повсюду виднелись выступающие вены.

Он пялился на нее. И в его взгляде не было ничего жуткого.

Скорее в духе «все-в-порядке? может-позвать-врача?».

— Я в порядке, — сказала она, отводя взгляд. Хотя он не мог услышать ее сквозь наушники.

Явпорядке. Явпорядке. Нетчестнаявпорядке...

Накренившись вбок, Ново подцепила свежее белое полотенце из стопки на скамейке и промокнула лицо. Учебный центр Братства Черного Кинжала являлся произведением искусства, лучшее из лучшего, профессионализм был виден в каждой детали: начиная с этого железного пристанища мазохизма и боли, тира и учебных классов, заканчивая бассейном олимпийских размеров, медицинским блоком, отделением физиотерапии и операционными... были охвачены

все помещения, а содержание было таким же педантичным и дорогостоящим.

С последним лязгом мужчина подался вперед и промокнул лицо полотенцем. У него были темно-каштановые волосы, совсем недавно подстриженные, с боками, сбритыми почти под ноль, длина на макушке осталась нетронутой. Глаза у него были карие, и в целом он обладал среднестатистической американской внешностью... ну, не считая брэмстокиерских клыков и того факта, что в нем американского и человеческого было столько же, сколько в ней самой. Белая майка в обличку скрывала его огромные грудные мышцы, а смуглая кожа без волос, подобно майке, обтягивала кожу так, что грозила разойтись по швам на его рельефном прессе и широчайших мышцах спины.

У него не было татуировок. Мнимого гонора. Невообразимых шмоток. И он почти не говорил... а если и открывал рот, то произносил что-то крайне логическое, например, к какому тренажеру она пойдет дальше, или «это же твое полотенце»? Он был до безобразия вежливым, далеким, как линия горизонта, и, казалось, не замечал ее принадлежности к женскому полу.

В общем, этот незнакомец стал ее новым лучшим другом. Хотя она и не знала его имени.

И они проводили много времени вместе. В конце каждой ночи, которую новобранцы проводили на базе, в зале оставались они вдвоем, Братья предпочитали тренироваться днем, другие ученики были слишком измотаны занятиями в классе.

У нее же всегда оставался бензин в баке, образно выражаясь.

В топку «5-hour Energy» или «Ксенадрин». Внутренние демоны заряжали энергией лучше всяких добавок.

О, и была еще одна причина тому, что она предпочитала плевать в мусорное ведро вместо того, чтобы тусоваться с остальными в ожидании автобуса, который увезет их с горы.

— У тебя кровь.

Ново вскинула голову. Мужчина возвышался над ней, и она нахмурилась, когда он указал на ее руки.

— Кровь идет.

Подняв руку, Ново заметила, что да, у нее кровотечение. Она забыла перчатки и стерла руки в кровь о пятисотфунтовую штангу.

— Как тебя зовут? — спросил она, прижимая полотенце к ранам.

Черт, а ведь больно.

Не получив ответа, она снова подняла голову. И в это мгновение мужчина положил руку на грудь и поклонился.

— Меня зовут Ран.

— Не надо этого делать. — Сложив махровую ткань пополам, Ново вытерла бровь. — Раскланиваться. Я же не член Глимеры.

— Ты женщина.

— Что с того? — Увидев его озадаченное лицо, Ново почувствовала себя стервой. — Пофиг. Меня зовут Ново. Я бы пожаловала тебе руку, но, сам видишь.

Когда она махнула раненой конечностью, на которую он так любезно указал, мужчина прокашлялся.

— Приятно познакомиться.

У них был схожий акцент, без вальяжного растягивания гласных, свойственного аристократии, поэтому мужчина мгновенно начал набирать очки в ее глазах. Как говорил ее отец: богачи могут позволить себе неспешное общение, ведь им не нужно зарабатывать на жизнь.

Поэтому шайку зарвавшихся легковесов сложно уважать или воспринимать всерьез.

— Ты собираешься присоединиться к программе? — спросила она.

— Что?

— К учебной программе?

— Нет. Я здесь просто тренируюсь.

Он улыбнулся ей... будто это могло рассказать историю его жизни и планы на будущее... а потом перешел к турнику. Его подходы были невероятными: быстрые, но отточенные, раз за разом, пока она не сбилась со счета. А он все продолжал.

Когда он, наконец, остановился, то дышал тяжело, но едва ли устало...

— А почему нет?

— Что? — удивленно спросил Ран. Будто вообще забыл о ее присутствии.

— Учебная программа. Почему не присоединишься к нам?

Мужчина резко покачал головой.

— Я не боец.

— А зря. Ты очень сильный.

— Я просто приучен к тяжелому труду. Оттуда и сила. — Он помедлил. — А ты в программе?

— Да.

— Сражаешься?

— О да. И мне это нравится. Люблю побеждать и причинять другим боль. Особенно убийцам. — Мужчина округлил глаза, а Ново их закатила. — Да, бывают и такие женщины. Нам не нужно разрешение на силу или агрессию. Или на убийство.

Когда он отвернулся, снова схватившись за перекладину турника и возвращаясь к тренировке, Ново выругалась себе под нос.

— Прости, — пробормотала она. — Это не относилось к тебе.

— Здесь есть кто-то еще? — спросил он между повторами.

— Нет. — Поднимаясь на ноги, она покачала головой. — Я извинилась.

— Все нормально. — Вверх. И вниз. — Но... — Вверх. И вниз. — ...почему ты не... — Вверх. И вниз. — ...с ними?

— Остальными новобранцами? — Ново перевела взгляд на часы на стене. — Они расслабляются перед приходом автобуса. Я ненавижу слоняться без дела. Кстати, уже пора. До встречи.

Она была у двери, когда он заговорил:

— Тебе не стоит так делать.

Ново оглянулась через плечо.

— Что, прости?

Ран кивнул на мусорное ведро.

— Тебя тошнит во время тренировки. Это нездорово. Ты перегибаешь палку.

— Ты не знаешь меня.

— Я и не должен.

Ново открыла рот, чтобы сказать ему, чтобы он держал свой комплекс Бога при себе, но мужчина просто отвернулся и продолжил делать жим.

А, точно, подумала она. Прекрасно, мать его. Почему бы не заняться просмотром кулинарных роликов на «БаззФид»^[1] и не поснимать селфи во время йоги.

#иникакойрвоты

Внутри поднялся гнев, и ей захотелось спровоцировать Рана на потасовку. Хотя она и была измотана до чертиков, а он бил в глаз относительно рвоты, но похрен. Живи сам и не мешай другим, да?

Точно, живи сам и не мешай саморазрушению других.

Томат, помидор.

Да пофиг. Нет причин спорить с незнакомцем относительно того, что она не собирается менять.

В коридоре воздух был холоднее... или, может, это вопрос восприятия: в длинном участке с бетонными стенами возникало ощущение, что здесь больше доступного воздуха. Заставляя себя двигаться вперед, Ново направилась к раздевалке, которой пользовались они с Пэрадайз, будучи единственными женщинами в программе. И, шагнув внутрь, она закрыла глаза, подумывая о том, чтобы вернуться домой потной и вонючей.

Сукин сын.

Этот гребаный запах.

Шампунь Пэрадайз был повсюду, в каждом дюйме этой комнаты: покрывал стены подобно слою краски, а пол — словно ковер; он был в вентиляторах на потолке, которые вращались с космической скоростью; производил эффект дискошара и стробоскопа.

Что еще хуже? Ведь она не была богомерзкой или некомпетентной, этакой куклой Барби, которую можно списать со счетов, как Тейлор Свифт в мире Нирваны. Именно Пэрадайз продержалась дольше всех в том ориентировании на адской местности, превосходно проявила себя на поле боя, обладала шокирующе молниеносными рефлексам и миллиметровым прицелом, который стоит хоть раз увидеть своими глазами.

Но она была хороша и в кое-чем другом.

И хотя у Ново не было права думать об этом, замечать это, и уж тем более ей должно быть по барабану... но ее до остервенения раздражало наблюдать, как Пэйтон бросает на Пэрадайз взгляды украдкой, медлит в дверях и пялится на нее каждый раз, как женщина смеется.

Что бесило еще хлеще? Что Ново вообще это заботило.

Пэйтон, сын Пейтона, не интересовал ее ни в коей мере. В конце концов, были самоочевидные вещи, на которые не подпишешься по доброй воле, например, на ампутацию конечности.

К тому же, алло, ей хватает прошлого.

Пэйтон к нему отношения не имеет, но все же.

Поэтому Ново хотела дать себе поджопник за то, что в принципе обращала внимание на одержимость этого парня другой женщиной.

Повернувшись к душевым кабинкам, Ново уловила свое отражение в полноразмерном зеркале... в мужской раздевалке такого точно не было.

И это было верхом сексизма...

Мысли оборвались сами, когда она увидела знакомое отражение. Глубоко запавшие глаза, впалый живот, обнаженный между спортивным лифом и легинсами, ноги бугрились мускулами во всех местах, не считая коленных чашечек.

Ни бедер, ни груди, никаких женственных признаков.... И даже ее длинные волосы были собраны в тугую косу, спускавшуюся между лопатками.

Ново одобрительно кивнула сама себе.

Она ничего не хотела бы изменить.

Пусть девчачье дерьмо и косые взгляды достаются Пэрадайз. Уж лучше быть сильной, а не сексуальной. Сексуальность вызывает восхищение...

... сила дарует безопасность.

— Нет, — ответил Пэйтон. — Ты вообще ничему не помешал.

Он улыбнулся Крэйгу с мыслью «дааа, все тип-топ. Я просто сказал твоей девочке, что люблю ее, в то время как она считала, что я парюсь из-за ее участия в обучающей программе». Так что да, у нас дуэль, у нее пистолет, а у меня на руках две скрепки и канцелярская резинка. Но ничего страшного».

«И, кстати, раз уж ты здесь, может, отрежешь мне яйца и засунешь к себе в карман, ведь мне-то они явно больше ни к чему».

Направляясь к двери, Пэйтон избегал смотреть на Пэрадайз. На самом деле, велика вероятность того, что он вообще больше никогда на нее не взглянет. Но он целенаправленно побратался с Крэйгом, когда проходил мимо, хлопнул его по плечу.

— Жду не дождусь завтрашней ночи на поле. — Если только он не повесится в ванной. Тогда он точно не появится. — Хорошо потренили сегодня. Просто класс.

Особенно когда считаешь, сколько раз парень ударил по твоему эго. Эта сучка уже никогда не встанет. Наверное, ему не обойтись без пластики и протеза.

Оказавшись в коридоре, Пэйтон остановился, смачно ругаясь под нос. Он оставил свою сумку в комнате отдыха, но возвращаться туда точно не станет. Не-а. Незачем созерцать Воссоединительный Поцелуй Крэйга и Пэрадайз № 45896, за которым последует обязательное «ОМБ^[2], ты не представляешь, что Пэйтон только что сказал». Хорошие новости? Крэйг был сосредоточен на обучении, роли лидера в команде и сражении с истинным врагом, и была велика вероятность, что связанный мужчина в нем не потянется за кинжалом сию же секунду.

И все же, наверное, это хорошая идея — спуститься на парковку. Просто вырваться вперед в процессе побега.

Даже ему хватало ума, чтобы не лезть в бой со связанным мужчиной. Особенно если того учили убивать.

Посмотрев на часы, Пэйтон направился в сторону укрепленной стальной двери в конце коридора, благодаря богов за удачу. Пятнадцать минут, и пуленепробиваемый автобус отвезет их на точку сбора. Если Крэйг пойдет вразнос во время поездки, кто-нибудь да справится с парнем. Бун был метким стрелком, он вмещается, и, может...

Внезапно, все тело Пэйтона пришло в режим боевой готовности, по коже хлынул жар, волосы встали дыбом на затылке, сердце усиленно начало качать кровь, будто он бежал спринт.

Он снова замер и медленно повернулся.

Ново выходила из женской раздевалки, жесткое тело было упаковано в кожаные штаны и куртку, вещевой мешок «Найк» перекинут через плечо, черные волосы собраны в косу, спускавшуюся по спине.

— Привет, — пробормотал он, когда она приблизилась. — Ты была хороша сегодня.

Она всегда хороша. И речь не только о спаррингах.

— Ты о том, — она намеревалась пройти мимо него, — что я наваляла тебе сегодня.

— По мне так все было иначе.

— Ну да. Похоже, ты совсем мозгами поехал после того, как я уложила тебя на лопатки.

Когда эрекция впилась в ширинку брюк, Пэйтон тайком поправил себя и последовал за Ново. Она уверенно вышагивала впереди него, сопровождаемая аурой крутизны и компетентности, и да, он пялился на ее задницу... хотел накрыть руками.

И ртом.

Ново будила в нем животное с самой первой встречи. Он не хотел заниматься с ней

любовью. Его даже не интересовал простой секс. Он хотел безудержного траха, после которого останутся отметины на коже, переломанная мебель и разбитые лампы.

— В итоге я победил, — протянул он.

Сейчас именно Ново резко остановилась и обернулась, длинная коса резко взметнулась и ударила ее по плечу.

— Потому что я поскользнулась, пока надирала твой зад. Нога. Поскользнулась. Вот как ты получил преимущество.

— Я все равно завалил тебя в конце.

— Я свалила тебя.

— А я выиграл.

Когда огонь вспыхнул в ее сине-зеленых глазах цвета тины, а клыки удлиннились, Пэйтон устоял на ее губы. В своих мыслях он толкает ее спиной к жесткому бетону, она сопротивляется, и они целуются так, будто умрут сразу после того, как трахнутся. Жестко. Яростно. С оргазмами, которые отпечатаются в мозгах на долгие ночи.

— Ты не выиграл, — выдавила она. — Я поскользнулась. И, если бы земля не ушла из-под ног, то я по-прежнему бы стояла на том полу, прибитая, словно ковер.

Пэйтон приблизился к ней.

— Оправдания, все пустое.

Она посмотрела на него так, будто собиралась ударить. Переломать ноги. Заколоть.

И он хотел всего этого. Это — его наказание за ту бомбу, что он сбросил на голову Пэрадайз в комнате отдыха. Это ущерб себе, нанесенный чужими руками, жизненно необходимое, болезненное отвлечение, которое уведет его мозг от того факта, что он втюрился в неправильного человека в неправильное время.

Черт, он действительно сказал Пэрадайз, что любит ее?

— Так, когда мы будем трахаться? — спросил он гортанно. — Я готов покончить с игнором.

Ново еще сильнее прищурилась.

— Никогда. Как тебе «никогда»?

— Ты хочешь этого.

— Не с тобой.

— Лгунья. — Он подался еще ближе. — Трусиха. Чего ты боишься...

Взметнувшаяся рука обхватила его горло, ноготь прижался к яремной вене, пережимая кровоток.

— Следи за словами, красавчик. Иначе я нанесу эстетический ущерб, который уже не исправят.

Закрыв глаза, Пэйтон покачнулся.

— Я хочу этого.

Накрывая ее руку своей, он сильнее вдавил ноготь в кожу, пока не выступила кровь. Когда ее глаза распахнулись, Пэйтон отпустил ее руку и посмотрел на красную каплю, размазанную по пальцу.

— Хочешь попробовать? — протянул он, поднося свою кровь к ее рту. — Открой для меня.

Когда Ново стиснула челюсть, он провел ее пальцем по ее же нижней губе, делая ставку на то, что соблазн станет слишком сильным, чтобы устоять...

Показался розовый язычок Ново, втягивая ее палец глубоко в рот, облизывая, задавая адское шоу, от которого Пэйтон едва не кончил в штаны.

Но перед самым взрывом она внезапно отступила и отвела взгляд.

— Народ, там буран.

Услышав мужской голос, Пэйтон мысленно выдал матерную цепочку. А потом посмотрел на

Акса, который выходил из офиса.

— Что ты имеешь в виду? — пробормотал Пэйтон.

Сокурсник подошел к ним. Акс — нео гот, покрытый на 50 % татуировками — был хорошим парнем... если удавалось абстрагироваться от его внешности серийного убийцы. Он встречался с аристократкой, одной из кузин Пэйтона, поэтому они в каком-то смысле породнились, чему Пэйтон был рад. Учитывая, какая чертовщина творится в мире, по крайней мере, он был уверен, что Элиза не просто любима, но надежно защищена от врага.

— Мы здесь застряли. — Акс размял руки так, словно болели мышцы. — Они не могут вывезти нас, автобус отменили.

— Что за хрень? — Перед глазами Пэйтона предстала нычка травы в его спальне, словно давно потерянный родственник. — У меня были планы.

— Все претензии к руководству. Я тебе не помощник.

Проблема в том, что они не могли просто так взять и дематериализоваться с горы. Лагерь Братства, включавший в себя и этот подземный комплекс, являлся высоко охраняемым объектом: во-первых, ученикам не было известно его местонахождение, да и не захочешь владеть такой информацией. Кому нужно знать, где проживает Первая Семья? Единственное, чего ты добьешься — попадешь в короткий перечень потенциальных кандидатов на пытки, в случае заговора и покушения на жизнь. Но, что более важно, территория укрыта *мисом*, который размывал локацию в визуальном плане, а также не давал материализоваться сюда и отсюда тем, кто не знал точные координаты.

Поэтому да, никто из учеников и с места не сдвинется.

Черт, а он думал, что дорога назад в Колдвелл будет отстойной? Вот это — настоящий кошмар. Взаперти, с Пэрадайз и Крэйгом, до пяти-шести вечера следующего дня, пока не станет достаточно темно для поездки на автобусе? Если, конечно, буря утихнет к тому времени.

Пэйтон перевел взгляд на Ново. Они с Аксом обсуждали СВУ, о которых читала Пэрадайз, и, следя за движениями ее рта... он думал о том, где на своем теле хотел видеть эти губы.

Ну, что ж, решил он. По крайней мере, Братство не запрещало напиваться во внеклассные часы. И, если он будет достаточно убедительным? То настало время для него и Ново уединиться и с толком скоротать часы... и это успешно займет его и убережет от мощных ударов мужской половины Самой Счастливой Парочки На Гребаной Планете.

Перед ним появилась возможность, а не проблема.

***

Он был шикарным на вкус. Чтоб ему провалиться.

Ново следовала за Аксом, поддерживая легкий разговор, обмен словами и терминами, которые они выучили на занятиях. Но прикрываясь стандартными звуками, мысленно она вернулась в то мгновение, когда приняла частицу Пэйтона в себя... и ей это понравилось.

Мужчина все еще смотрел на нее, тело застыло в такой позе, словно он был готов в любое мгновение повалить ее на пол; он испускал всевозможные флюиды секса и страсти, которые она практически осязала, словно прикосновения на обнаженной коже.

Агрессия и откровенный голод стали неожиданностью, учитывая его аристократическое происхождение, но не шоком, если знаешь Пэйтона на самом деле. Для богатенького мальчика он проявил себя как искусный и несгибаемый боец, сильный и — что странно — бесстрашный. А сейчас... она гадала, хочет ли узнать, каков он в постели...

— День рождения Пэрадайз, — обращался к ней Акс. — Элиза сказала, что вы собирались встретиться и напоследок все уточнить.

Ново сосредоточилась, когда Пэйтон кивнул.

— Я позвоню ей вечером. Думаю, мы все в деле.

— И когда? — услышала Ново свой вопрос.

Когда озвучили дату/время/место, а потом еще потрепались о праздновании, Ново снова погрузилась в свои мысли.

Да, это не ее тема. Две-три сотни аристократов из поколения не старше ста лет, заливающих в себя элитарное пойло, разодетые в «Стеллу Маккартни» и «Том Форд», плюс фуршетные блюда на серебряных подносах и аристократический гонор?

Пристрелите меня прямо сейчас, подумала она.

И это без Пэйтона, плящегося на именинницу, словно она украла его сердце и спрятала в своей сумочке от «Шанель».

— ...идешь, да?

Повисла пауза, и она посмотрела на Акса.

— Что?

— Ты должна пойти, — пробормотал парень. — Мне нужен адекватный собеседник.

— Почему бы не забить и не махнуть сразу в «Ключи»?

— Не, я завязал.

— А, точно. У тебя ведь «жили долго и счастливо», поэтому ты стал слишком хорош для шлюх вроде нас.

И да, плевать, что в ее голосе сквозила горечь...

Ладно, может, ей было неудобно за свое сучье поведение. Но парень стал легендой в колдвелловском скандальном секс-клубе. Она не понимала, как можно все бросить ради одного человека, фуршет променять на шкаф, забитый одинаковыми банками с супом, на много десятилетий. К тому же тема со всеми яйцами в одной корзине? Не для нее.

Этот урок она уже выучила на себе.

— Часто там бываешь? — спросил Пэйтон с отстраненным выражением лица.

Когда он посмотрел на нее, прищурившись, ее подмывало напомнить Мистеру Анахронизм, что женщинам — ШОК! — разрешалось водить автомобили, владеть недвижимостью и носить брюки. И цивилизация не разбилась вдребезги о гору под названием «Раньше было лучше».

— Я член клуба. — Ново скрестила руки на груди. — Какие-то проблемы с этим?

— Когда возьмешь меня с собой?

Она скрыла свое удивление.

— Не дорос еще.

— Откуда ты знаешь?

Ново окинула его взглядом с головы до пят.

— Не знаю, с другой стороны, ты недостаточно интересен для меня, чтобы это выяснять.

Акс присвистнул на выдохе.

— Ауч.

Пэйтон проигнорировал парня, в его взгляде вспыхнул холодный огонек.

— Вызов принят. Когда?

Ново покачала головой.

— Это не вызов.

— А я думаю, как раз он. И хотя ты очень низкого мнения обо мне, я буду выше этого и не стану говорить, что ты лжешь. Как солгала, когда совсем недавно сказала мне, что не хочешь, чтобы я трахнул тебя. — Он накрыл рукой рот. — Ой. Упс. Что я только что ляпнул?

— Может, перестанете трепаться и уже снимете комнату, — протянул Акс. — Без обид, но меня тошнит от ромкомов.

— Это не романтическая комедия, — выдавила Ново. — А детективная история с очевидным финалом.

— Вынужден согласиться с ней. — Подавшись вперед, Пэйтон пробежал пальцами по ключице Ново. — Хороший оргазм называют маленькой смертью. Я более чем готов умереть за тебя. Чуть-чуть.

Прежде чем она смогла дать ему по руке... или нанести телесный ущерб... Пэйтон с улыбкой отошел.

— Где здесь алкоголь? — бросил он через плечо. — Мне срочно нужно выпить, если я хочу пережить этот день под гнетом твоего отрицания очевидного.

Ново скрестила руки на груди.

— Какой же он мудака.

— Всем нужно хобби. — Акс пожал плечами. — А он, очевидно, обожает бесить тебя.

— Если скажешь, чтобы я перестала поощрять его, получишь по жопе.

Акс вскинул руки.

— Не, не о том. К тому же, одно твое присутствие — само по себе поощрение. Что тебе остается, выпрыгнуть из собственной шкуры?

— Да, точно. Он же хочет именно Пэрадайз, и не надо видеть в моих словах нытье. Пусть девочка сохранит за собой эту высокопоставленную роль. И, аналогично, если он хочет продолжить и биться рогом об эту стену до потери пульса, то, что ж, флаг ему в руки.

Акс смотрел на нее долгое время. Потом протянул руку.

— Сотку на то, что он хочет именно тебя.

— Я не спору.

— Трусиха.

Она вскинула руку и с силой обхватила его ладонь.

— Пошел ты. И да, спорим.

— Ты не сможешь повлиять на него.

— Это стандартный порядок действий между нами. Я не собираюсь что-то менять.

— Я о другом. — Акс покачал головой. — Это не в твоей власти. И не в его.

— А ты, типа, эксперт.

— Эксперт. — Мужчина пожал мощными плечами. — Сам прошел через это. Поэтому и знаю, чем в итоге все кончится.

Боец ушел с таким спокойствием, будто мог предвидеть будущее, и Ново пожелала ему наслаждаться чувством собственного превосходства... пока есть такая возможность.

Она же с удовольствием потратит его баксы.

Это она знала наверняка.

Стоя перед длинным окном, обрамленным зелеными бархатными шторами с золотыми кисточками и вышивкой, Сэкстон вглядывался в бурю, морально готовясь к ледяному душу. В одной руке он держал портфель, в другой — шарф от «Гуччи»... и его сопровождала острая неприязнь к холоду вокруг.

Особняк Братства Черного Кинжала располагался на вершине горы, и порывы ветра на возвышении напоминали армию, штурмующую стены каменного строения. Ветер дул резкими порывами с разных сторон, и, наблюдая, как снежинки сносит под его силой, он подумал о косяках рыб, двигавшихся в беспорядочном хаосе.

Я не хочу больше заниматься этим, подумал Сэкстон.

Когда его посетила данная убежденность, он сказал себе, что причина его апатии в январе... который на севере штата Нью-Йорк был сам по себе мерзким периодом в году, холодным, темным и опасным, если надолго оставаться на улице. Однако он опасался, что виноват не только мертвый промежуток с декабря по февраль.

— Попытаешься добраться до дома?

Сэкстон посмотрел через арочный проем в бильярдную. Роф, сын Рофа, Великий Слепой Король, появился в фойе, и мужчина казался огромным, жестким и аристократичным прирожденным убийцей в этой черной коже... а рядом с ним стоял красивый золотистый ретривер с доброй мордой.

Сэкстон прокашлялся.

— Не уверен, мой Господин.

— За тобой закреплена спальня.

— Вы очень великодушны. — Сэкстон поднял портфель, хотя Король и не мог его увидеть. — Но меня ждут дела.

— Когда ты в последний раз брал выходной?

— У меня нет в этом необходимости.

— Чепуха. Я знаю ответ, и он мне не нравится.

На самом деле, целую вечность. Ночные аудиенции Короля с подданными требовали последующего контроля и бумажной регистрации... и помимо этого обоснования, он уходил в работу, пытаясь отвлечься и избавиться от тоски.

Как по наводке, до него донеслась пара голосов, эхом пронесшаяся по громадному пространству, и Сэкстон сделал глубокий вдох. Блэй и Куин спускались по парадной лестнице, каждый нес в руке по малышу, и пара смеялась. Когда они добрались до последней ступеньки, Куин положил руку на поясницу Блэя, и парень взглянул на Брата, задерживаясь взглядом так, будто мог смотреть на него бесконечно.

В груди вспыхнула резкая боль, такая же знакомая, как и щемящее чувство в животе: эта боксерская двойка^[3] — заявление Блэя «Я-хочу-его-а-не-тебя» — делала перспективу сражения с Норд-остом^[4] вполне заманчивой. В конце концов, другой вариант — воспользоваться комнатой, которой он пренебрегал, и попытаться поспать под одной крышей со счастливой парой и их красивыми малышами.

Порой ничто так не заставляет почувствовать себя древним и дряхлым, как чужое счастье. И да, звучало неблагородно... но именно поэтому хорошо, что внутренними мыслями ты делишься только с собой.

— Мой Господин, желаю вам приятного ужина. — Сэкстон нацепил улыбку на лицо, хотя Король, разумеется, ее не увидит. — Я обязательно...

— Присоединишься к нам за Последней трапезой? Офигенно. Пошли. Зайдем вместе.

Сэкстон прокашлялся и начал придумывать ложный предлог, которому нельзя будет возразить, неоспоримый аргумент...

— Я жду, — пробормотал Роф. — А ты в курсе, как я люблю ожидание.

Поникнув, Сэкстон понял, что проиграл это спор еще до его начала. И он также осознавал, что терпение Короля такое же короткое, как и его запал.

После предупредительного выстрела Роф мог вполне приказать его пытаться и четвертовать на снегу.

— Ну разумеется, мой Господин. — Сэкстон поклонился и начал снимать свое любимое пальто от Марка Джейкобса. — С удовольствием.

Следуя за своим Королем, он прошел через фойе и зашел в просторную столовую, оставляя свой портфель, шарф и пальто из добротного кашемира на кресле возле одного из боковых столов. Если повезет, то никто из додженов не «поможет» ему, убрав его вещи. В масштабах особняка? Они могут оказаться в чем-нибудь шкафу в миле от столовой.

Буря или нет, но как только закончится трапеза, он уйдет.

Пользуясь периферийным зрением, Сэкстон определил положение счастливой семейки из четверых и стратегически выбрал свободный стул в стиле Королевы Анны^[5] на той же стороне необъятного стола. Как результат — целых пятнадцать человек между ними... ну, точно будет, когда все рассядутся по своим местам. Тем временем, он устроил целое шоу, перекладывая с места на место и без того идеально расставленное столовое серебро... а потом преступно долго объяснял терпеливому доджену, сколько именно клюквы и сельтерской воды^[6] он хочет в своем напитке.

Без алкоголя. От алкоголя он становился — за неимением другого слова — озабоченным... и в таком случае ему светит лишь сексуальная неудовлетворенность. Никто не ждал его дома. Никому не хотелось звонить. И ничего с этим не поделаешь...

Я не хочу больше этого.

Когда мысль всплыла в его мозгу, он решил, что да, наверное, Король был прав. Может, ему следовало взять выходной, если бы он только смог найти облегчение в компании незнакомца... одного или двух. На большее не стоит и надеяться. Его сердце осталось в другом месте и уже не вернется, и порой безымянное тело, используемое в качестве тренажера, — все, что ему светит...

Прямо напротив, через стол, сел огромный мужчина. И Сэкстон ощутил, как непроизвольно выпрямляет спину.

Это был Ран. Родной дядя Битти, удочеренной Рэйджем и Мэри. Новый житель в особняке. Весь из себя сдержанный, крайне... примечательный... мужчина.

Странно, как кто-то его размеров может двигаться в такой собранной, контролируемой манере. Он словно управлял и побуждал к движению не только свои руки и ноги, но и каждую клетку, вплоть до молекул.

Поразительно.

И да, простая одежда подходила ему. Не сшитый на заказ твидовый костюм с рубашками ручной работы, галстук и туфли из кожи страуса... стандартная рабочая униформа для Сэкстона. Нет, Ран носил футболки «Хэйнс» под темно-синим вязаным свитером «Ливайс». Мужчина закатал рукава свитера, и сухожилия и вены, выделявшиеся на предплечьях, служили доказательством силы и сухощавости. Чистые руки, покрытые мозолями, с неотполированными, стриженными под корень ногтями, а грудь была такой широкой, что несчастный свитер...

— Дядя, привет!

Когда Битти обогнула стол, Сэкстон прекратил мысленную оценку. Но его глаза тут же

вернулись к предмету его рассуждений.

— Привет, Битти. — У Рана был прекрасный голос, низкий и звучный, с рабочим акцентом южных штатов. — Как ты?

Не громко. И когда девочка обняла его, эти огромные руки бережно и медленно обняли ее в ответ, словно мужчина боялся раздавить малышку.

И, учитывая его сложение? Это вполне в его силах.

— Хорошо! У тебя волосы влажные.

Действительно, темные пряди были зачесаны назад и уже закручивались на кончиках, благодаря сухому зимнему воздуху.

— Ты только с тренировки? — спросила девочка.

— Да.

— Ты становишься таким же огромным, как и мой папа.

— Да нет, на самом деле.

Сэкстон улыбнулся. Мужчина набирал вес, это было заметно: сколько бы часов он не проводил, качая железо в учебном центре, он прибавлял фунты в груди, плечах... руках. Но, очевидно, он предпочитал держаться в тени.

Когда девочка села за стол, продолжая разговор, Ран с кивком и легкой улыбкой произнес пару слов в ответ на некий вопрос. К несчастью, сорокафутовый стол вскоре заполнился под завязку, и Сэкстон не мог расслышать их разговора.

Но он не перестал смотреть. Пока Марисса устраивалась по одну сторону от него, а Тормент — по другую, а еду разносили на серебряных блюдах и в глубоких фарфоровых чашах, Сэкстон поддерживал приятный разговор, при этом время от времени сканируя противоположную сторону стола.

Ран ел с низко опущенными бровями, словно концентрировался на каждом движении ножа или вилки. Было ли дело в том, что он умирал с голоду, но не хотел набрасываться на еду, или в том, что боялся уронить что-нибудь, сложно сказать... но Сэкстон думал, что виновато последнее.

С тех пор, как Ран переехал в особняк, он вел себя исключительно вежливо и тихо, и ему нельзя было не посочувствовать. Он словно боялся, что его попросят на выход из-за любой мелочи, но это было далеко от правды. Сейчас он стал членом семьи, ведь Битти тоже вошла в семью... и, воистину, поразительно, насколько мужчина заботился о благополучии своей племянницы. После ухода в Забвение мамы Битти, Ран был ее ближайшим родственником, и имел все права, чтобы забрать малышку у Рэйджа и Мэри.

Которые стали ее приемными родителями и отчаянно хотели удочерить.

Но вместо проявления собственнических чувств, Ран повел себя бескорыстно... и увидел сильную любовь, связывающую эту семью. Мужчина сам настоял на удочерении и отказался от всех прав, не ожидая ничего взамен.

Если это не любовь, то что, в таком случае?

И в ответ на этот акт сострадания, Рана приняли все домочадцы... хотя привыкание к Колдвеллу и особняку давалось ему с трудом. Но ему не стоило беспокоиться за свое будущее под крышей Братства, ведь этот особняк будет домом для него столько, сколько он сам захочет.

Он впервые встретил Рана во время процедуры удочерения, но после того как он помог оформить документы на Битти, Сэкстон старательно избегал встреч.

Хотя у него были выдающиеся внешние данные, мужчина ни единым намеком не выказал свою сексуальную открытость или просто тот факт, что он обращает внимание на мужчин... ни на кого не обращал, на самом деле. Зная, как устроена вселенная? Ран был на сто процентов гетеросексуален, и, видит Бог, Сэкстону надоело хотеть того, что он не может получить...

Внезапно глаза цвета бурбона посмотрели на него через весь стол, и, наткнувшись на спокойный, даже невинный взгляд Рана, Сэкстон от шока смахнул салфетку со своих колен. Что дало ему прекрасный предлог наклониться и скрыться из вида.

Не-а. Он точно не останется на день.

Плевать, если он ошибочно материализуется в сугроб вниз головой, черта с два он останется под одной крышей со своей безответной любовью с одной стороны и с безответным сексуальным влечением — с другой.

Он этого не допустит.

***

Стоило пообедать в своей комнате.

Опустив взгляд на столовый набор, Ран попытался проглотить тревогу, которая поднималась внутри во время каждой подобной трапезы. Вокруг его тарелок так много позолоченных вилок и ложек. Столько народу вокруг, которые чувствовали себя комфортно в огромной столовой — в противовес ему. Так много блюд, слуг, свечей и...

— Дядя?

Услышав тихий голос Битти, он сделал глубокий вдох.

— Да?

— Еще булочку?

— Нет, спасибо.

Он отказался от серебряной корзинки не потому, что не хотел есть. Боги, он умирал с голоду, хотя уже вылизал свою тарелку. Но ему была ненавистна дрожь в руках, и он боялся, что может уронить корзинку и перебить весь хрусталь.

Прошу, отправь корзинку в другом направлении... о, слава Богу. Рейдж забрал булочки и поставил между солонкой и перечницей из стерлингового серебра и золотым канделябром.

Ран не понимал, как они могут просто сидеть, расслабившись, после того, как управились с главным блюдом, и буднично болтать, уверенно держа в руках бокалы с вином, пока перед ними убрали тарелки и выставляли десерт...

Когда он поднял глаза и поймал на себе взгляд королевского адвоката, Ран поежился, ему захотелось рявкнуть, «да знаю я, у меня ужасные столовые манеры, но я стараюсь изо всех сил, и твой внимательный взгляд, отмечающий каждую выроненную горошину или каплю соуса, нисколько не помогает».

Вместо этого, он опустил глаза, гадая, сколько еще должен просидеть здесь, прежде чем станет мало-мальски приемлемым ломануться к двери.

Сэкстон, сын, без сомнения, Высокородного Аристократа из Благородной Семьи, часто смотрел на него. Когда Ран проходил мимо или садился поблизости к джентльмену, что, к счастью, случалось редко, эти глаза следили за ним с неодобрением и осуждением. С другой стороны, адвокат всегда был одет с иголочки, в костюмах, сидевших на его теле так, словно шились прямо на нем, с идеальной прической, из которой не выбивалось ни волоска, его светлые волосы были зачесаны на один бок, а выбрит он был так, что даже к концу ночи казалось, что он только вышел из душа.

Для подобного мужчины? Разумеется кто-то, пришедший в этот дом с двумя парами джинсов, тремя футболками — парадной, средней и потрепанной — и одной парой рабочей обуви, был оскорбителен на вид. А прибавить к этому безграмотность Рана и тот факт, что он не смог написать даже собственное имя на бумагах об удочерении Битти? Да ладно. Неприязнь была оправдана и очевидна.

Но, может, было что-то еще. Может, Сэкстону была известна правда о его прошлом.

Ран содрогнулся при одной мысли об этом. Он рассказал правду о том, откуда он и чем занимался, и понимал, что королевский адвокат имел доступ к информации. Но кто знает. По крайней мере, казалось, все остальные приняли его... и когда его совсем тревожил вопрос с Сэкстоном, он старался успокаивать себя этим. Но это все равно приносило боль и беспокойство.

Тем временем, Ран пытался найти способ приносить пользу домочадцам и отработать свое содержание. В чем проблема? Повсюду были доджены, и как бы он не хотел взять на себя заботы о ремонтных работах в особняке или помогать по кухне, все отказывали ему.

Поэтому он качался и пытался притвориться, что не заходится внутренним криком, убеждая себя при этом, что связь с дочерью своей покойной сестры все оправдывала.

Но с каждым днем становилось все сложнее.

И, как бы ни было ненавистно признавать, но он начинал думать, что должен уйти. Он больше не мог барахтаться здесь, как рыба на суше.

Ничего не получалось.

— Я люблю тебя, дядя, — сказала Битти, будто читая его мысли.

Закрыв глаза, он протянул руку и сжал крошечную ладошку. Оставить ее — значит заморозить свое сердце. Но однажды у него получилось.

Получится еще раз.

В учебном центре был достаточно большой спортзал, и даже разделив помещение пополам, все равно хватило бы места на две полноценные баскетбольные коробки. Потолок на уровне пятидесяти футов от пола, с зарешеченными лампами, ряды скамеек протягивались как крылья вдоль обоих флангов. Имелось два табло, которые можно приспособить для ведения игрового счета, а также множество колец и баскетбольных щитов, которые также легко демонтировались. Пол был медового цвета, покрыт толстым слоем лака, с баскетбольной разметкой, и на сосновых досках отменно скрипели кроссовки.

Пэйтон развалился в металлическом складном кресле прямо возле одной из дверей, с бутылкой «Грей Гуза» Вишеса, в другой руке он держал открытую пачку «Комбос»^[7]. Алкоголь он прикончил наполовину, закуски осталось буквально на доньшке, кренделя и кусочки сыра чеддер заменили ему Последнюю трапезу.

Ему жутко не хватало бонга^[8], но Братство не одобряло наркотики... и, к тому же, водка вполне неплохо справлялась, от легкости его голова ощущалась надутым шариком, прицепленным к позвоночнику на честном слове.

Он также охренеть как хотел секса.

Бун, Крэйг, Джон Мэтью и Ново играли два на два, эхо стуков мяча напоминало оркестр марширующих музыкантов, которые никак не попадали в такт. Пэрадайз — вместе с остальными — расположилась на трибунах, все еще в обнимку с конспектами, и поэтому он сидел здесь в одиночестве, прямо возле выхода: у нее не получится втихаря подкатить к нему с разговором по душам... а она хотела поговорить с ним. Девушка постоянно поглядывала на него, пыталась встретить его взгляд.

Не-а.

Выражаясь словами старого-доброго Дэна Карви^[9], Фигушки.

К счастью, возле нее сидел Зэйдист... и пытливая натура Пэрадайз не могла не воспользоваться моментом и не задать Брату вопросы, а также указать на моменты, которые она выписала для самостоятельного изучения.

Это достойно уважения. И, учитывая, что Пэйтон собирался избегать ее до конца своих дней, данная склонность работала в его пользу...

Крик привлек его внимание.

Мяч был у Ново, и она вела его к корзине, уклоняясь от Буна, а потом прогнала снаряд между ног Крэйга. Ее данк^[10] вышел в стиле Майкла Джордана из середины девяностых, она зависла в воздухе, посылая мяч прямо в сетку, и удар оказался победным. Когда Джон Мэтью подошел к ней, чтобы дать пять, она улыбнулась.

Искренне улыбнулась.

На короткое мгновение Ново выглядела на свой возраст, ее глаза сияли, лицо смягчилось, аура светилась.

— Утритесь, лузеры, — сказала она, показывая средние пальцы Буну и Крэйгу. — Выкусите.

Они с Джоном Мэтью пустились в пляс, имитируя МС Хаммера^[11], четкие движения спортивных тел приправлялись «утритесь» от лица Ново, пока соперники повержено скидывали руки и стонали на свою жалкую судьбу.

Внезапно Пэйтон забыл обо всем. Забавно... как порой открываешь что-то новое в том, с кем давно знаком. А это открытие о Ново?

Она была до ужаса несчастна. Иначе это короткое проявление нормальности не выглядело

бы таким контрастом.

И да, она посмотрела на него, и сразу же прекратила свое победно-песенное выступление, возвращая на лицо маску холодной и жесткой сосредоточенности. Повернувшись к нему спиной, она подошла туда, где сидела Пэрадайз и порылась в вещевом мешке в поисках бутылки воды.

Но она не стала пить. Она достала телефон и нахмурилась, посмотрев на экран.

Когда Джон Мэтью подошел к ней и похлопал по плечу, она подпрыгнула и чуть не выронила телефон.

Братство недавно улучшило прием связи в подземных помещениях, поэтому сейчас звонки и смс-ки доходили с большей вероятностью. Это было и благословение, и проклятие. Порой просто хорошо быть в зоне доступа.

Покачав головой Джону Мэтью, она оставила игру и направилась к комнате физиотерапии, скрываясь за закрытыми дверьми.

Когда началась следующая партия, Пэйтон наблюдал, как Хекс и Пэйн вышли против Бутча и Вишеса. Но недолго. Примерно через пять минут от начала игры он поднялся на ноги и двинулся вдоль противоположной стены зала... следуя за Ново.

***

Сэкстон едва смог высидеть десерт, и, как только народ начал уничтожать парфе и фрукты, он свернул салфетку и положил рядом с нетронутыми сладостями. Пожелав хорошего дня своим соседям, он поднялся из-за стола и направился к выходу вместе с парой домочадцев, которые, как и он, торопились закончить: Братство обычно задерживалось после последней трапезы, расслабляясь и ведя беседы под кофе или легкие вина.

Что в настоящий момент казалось ему целой вечностью и по ощущениям как ожог второй степени по всему телу...

— Ты серьезно собираешься домой по такой буре?

Сэкстон оглянулся через плечо и попытался скрыть свою реакцию. Блэй стоял позади него с салфеткой в руке, будто спешно покинул стол.

Ну... черт. Было сложно игнорировать его красивое лицо, его доброту, ум, участие и заботу.

— Со мной все будет нормально, — сказал Сэкс хрипло.

Но в это было сложно поверить, особенно стоя в непосредственной близости к источнику своей боли. Что он хотел сказать? *Я скучаю по тебе. Я хочу обнять тебя. Я снова хочу почувствовать себя целым, ощутить вкус к жизни...*

— Погода на самом деле разбушевалась.

Сэкстон сделал глубокий вдох.

— Это вопрос пары секунд — добраться до центра города.

Блэй нахмурился.

— До центра... но зачем тебе... прости, это не мое дело.

— Я переехал три месяца назад.

— Подожди, я думал, ты живешь в доме Фрэнка Ллойда Врайта^[12]?

— Нет. Я продал его и купил пентхаус Рива в Коммодоре.

Рыжие брови удивленно взметнулись вверх.

— А что случилось с викторианским домом?

— Тоже продан.

— Ты любил это место.

— И я люблю свое новое жилье.

— Вау. — Блэй улыбнулся спустя мгновение. — Ну, ты путешествуешь по жизни.

— Забираюсь все выше, это точно. — Повисла пауза, и Сэкстон не мог не сказать: — Малыши хорошо себя чувствуют.

Блэй оглянулся на Куина и два детских кресла, которые им принесли из кухни.

— С ними весело. Также они требуют много внимания, но мы вчетвером справляемся. — Мужчина скрестил руки на груди, но его поза была расслабленной. — Боже, кажется, мы не разговаривали целую вечность.

— Мы оба очень заняты.

А ты любишь другого.

— Я рад за тебя. Кажется, все получается как нельзя лучше.

Для Куина.

— Я тоже рад за тебя. Вы с Королем делаете невероятную работу. Кстати об этом. Не возражаешь, если я поделюсь кое-чем? Речь пойдет о соседке моих родителей. Мне очень нужно знать твоё мнение о происходящем.

А, так, значит речь не о том, что я отправляюсь домой в самый разгар бури. Рабочий вопрос.

— Да, конечно, — ответил Сэкстон, как он надеялся, ровным и спокойным тоном.

Когда Блэй начал рассказ, Сэкстон ощутил, что выпадает из реальности, внутренняя часть его спряталась глубоко внутри тела и разума, прочь на целые мили от этого приятного незамысловатого разговора о недвижимости.

Жестокость выражается множеством разных способов, не правда ли? И Блэй ненамеренно причинял ему боль. Для него стал бы шоком тот факт, что он разрывает душу опечаленного, пустого мужчины в клочья своим простым, теплым и будничным разговором.

— Прошу прощения, — сказал ему Сэкстон. — не хочу перебивать тебя, но ты мог бы обобщить основные пункты в электронном письме, и я отвечу чуть позже? Если я собираюсь уйти, то нужно сделать это прямо сейчас.

— О, Боже, ну конечно. Прости. Твоя безопасность важнее, не стоило мне начинать разговор сейчас. — Блэй положил руку на плечо Сэкстона. — Будь осторожен среди бури.

— Спасибо.

Хотя под этой крышей ему будет намного хуже, чем посреди шторма, — добавил Сэкстон мысленно.

Привычно поклонившись, он покинул своего бывшего любовника... и отворачиваясь, он был рад обнаружить свое пальто и портфель там, где он их оставил — возле столика. Натянув пальто, Сэкстон пересек фойе и вышел в вестибюль.

И сразу же остановился, опуская голову.

Сердце гулко стучало, и он покрылся потом, несмотря на прохладу.

Ничего не получится. У него в Колдвелле. Ему нравилось работать на Короля, но боль от общения с тем, кого он потерял и с кем больше никогда не будет, убивала его.

Блэй и все, что было между ними в тот короткий срок, — вот причина его переезда в пентхаус в небоскребе. Дом Фрэнка Ллойда Врайта не терпит модернизации, а они провели много времени в том прелестном викторианском доме... это было их любовное гнездышко, в которое они сбегали из особняка Братства в поисках уединения. Они занимались любовью в главной спальне. Лежали бок о бок перед камином. Обсуждали личное и обедали. Читали книги и газеты. Пели в душе и смеялись в ванной на ножках.

Он мечтал, что они будут жить там вечно, образуют семейную ячейку, наслаждаясь жизненными взлетами и переживая падения.

Поэтому да, было необходимо переехать куда-то. Он не хотел постоянно видеть мужчину, беспокоиться, как он там на поле боя вместе с Братьями, вспоминать каково это — заниматься с ним сексом... а потом возвращаться домой, туда, где каждая поверхность — прямая и не очень

— связана с воспоминаниями об их страсти.

Это был сущий ад...

Его внимание привлёк ритмичный стук, и Сэкстон нахмурился.

Подавшись вперед к двери вестибюля, он не смог идентифицировать звук, понимая лишь одно — он исходил снаружи.

Если бы это были лессеры, то они бы ломались внутрь, а этот стук нельзя назвать громким или требовательным.

Поставив портфель на пол, Сэкстон обмотал шарф вокруг шеи, заправив концы в пальто в районе груди и застегиваясь на пуговицы.

А потом он открыл дверь...

Ветер со снегом ударил прямо в лицо, зрение затуманилось от жгучего холода. Но вскоре помехи исчезли. В следующую секунду, порыв устремился в другую сторону и, подобно рок-звезде, ведущей за собой толпу, снежинки последовали за своим лидером, оставляя за собой пустоту, открывающую для него обзор.

Шшшш. Бросок. Шшшш. Бросок. Шшшш. Бросок...

Ран кидал снег через плечо мощными движениями без единого признака усталости, он создавал тропу от парадного входа в сугробах высотой в три-четыре фута... невольно задумываешься, ради чего он старается. В любом случае до рассвета к ним никто не придет и, уж определенно, в дневное время, даже несмотря на затянутое облаками небо...

У него было невероятно мощное тело.

Сэкстон, наблюдая за его движениями — выпад вперед, оттяжка назад, снова и снова — почувствовал, как что-то зашевелилось внутри него... и это было удивительно. После того как Блэй пронёсся по его жизни, оставив после себя замерзший разрушенный ландшафт, Сэкстон особо не обращал ни на кого внимания. Да, в его жизни был секс, но он быстро обнаружил, что это несколько не приглушало его боль, и никто не трогал его сердце. И вот он, стоит посреди снежной бури, оценивая размах плеч, разворот торса и мощные ноги.

Словно почувствовав его присутствие, Ран обернулся.

— О, прости, я загораживаю тебе путь.

— Вовсе нет.

Подул ветер, прогоняя поток снежинок между их телами. Потом Ран внезапно отступил в свежавыпавший снег и устроил лоток лопаты у ног. Опустив голову, он обхватил древко, принимая позу слуги, готового ждать до рассвета — или до смерти — пока мужчина с более высоким социальным статусом пройдет мимо.

— Что ты делаешь на улице? — спросил Сэкстон.

Ран удивленно поднял глаза.

— Я... нужно расчистить дорогу.

— У Фритца есть снегоуборщик.

— Он занят по дому. — Мужчина снова опустил взгляд. — И я хотел помочь.

— Он знает, что ты занимаешься этим?

Глупый вопрос. Несмотря на социальный статус Рана до переезда, сейчас мужчина был гостем Первой Семьи, а проживая в доме в таком статусе и занимаясь при этом чисткой снега в шторм? Дворецкого хватит удар.

— Я никому не скажу. — Сэкстон покачал головой, хотя мужчина даже не смотрел на него. — Обещаю.

Эти глаза цвета ирисок снова посмотрели на него.

— Я не... я не хочу причинять неудобства. Но, по правде...

На них налетел очередной порыв ветра, и Сэкстону пришлось сместить вес, чтобы его

совсем не унесло. Когда природа утомилась, Сэкстон все ждал, что Ран закончит фразу.

— Ты можешь поговорить со мной, — сказал он, потому что мужчина хранил молчание. —

Я — адвокат. Это мой профиль — хранить чужие тайны.

В итоге Ран просто покачал головой.

— Мне это не по нраву.

— Что именно?

— Жить здесь и... ничего не делать. — Мужчина скользнул взглядом по серому камню огромному особняка. — Это неправильно.

— Ты — почетный гость.

— Нет, это не так. Так не должно быть. Я не хочу...

Когда мужчина снова замолк, Сэкстон подтолкнул его:

— Чего ты не хочешь?

— Я не хочу быть бесполезным. — Мужчина нахмурился. — Ты действительно собираешься уходить в бурю?

— Я выгляжу таким хрупким?

Ран низко поклонился.

— Прошу прощения. Я не хотел оскорбить тебя...

— Нет, нет. — Сэкстон шагнул вперед, протягивая руку, чтобы, может, успокоить парня. Но вовремя остановил себя. — Я просто шучу. И со мной все будет хорошо. Спасибо за заботу.

Повисла неловкая пауза. И, воистину, было невозможно не заметить, как снежинки приземляются на эти темные волосы, покрывают массивные плечи... а в воздухе чувствовался запах, дурманящий, сексуальный аромат здорового мужчины, занимающегося физическим трудом... и, Боже, посреди бури, при виде этого сурового профиля хотелось расслабить шарф.

— Мне стоит поторопиться, — сказал Сэкстон хрипло. — Оставайся здесь сколько хочешь. Нельзя держать все в себе.

На этой ноте он дематериализовался под вой ночи.

И путешествуя потоком молекул, он смутно подумал, что к следующему вечеру вся гора может быть расчищена от снега.

У Рана определенно хватит сил для этого.

В комнате физиотерапии в учебном центре, Ново вела внутренний спор с собой, прижимая мобильный к уху и прислушиваясь к щебетанию в трубке:

— ... рада слышать тебя! О, Боже, сто лет прошло. Ну, с тех пор, как ты переехала и...

Когда голос ее сестры зашелся пением, Ново закрыла глаза и запрыгнула на массажный стол. «За» то, чтобы перезвонить, было решение оторвать уже пластырь с проблемы, которая все равно никуда не денется: ничто не будет грызть ее по ночам, если она перестанет откладывать неизбежное.

Когда Софи что-то хотела, то могла быть прилипчивой, как свежий слой краски.

«Против»? Ну, очевидно же. Женщина звонила, только когда ей что-то было нужно, и приторно-сладкая прелюдия к просьбе являла собой игру в дешевой мыльной опере, приправленной хорошей долей нарциссизма. А если сказать, что женщина могла бы и пропустить это дерьмо и перейти к сути? Тогда тебе выпадет честь прослушать часовой слезливый монолог, такой же искренний и трогательный, как посты ботов^[13] в интернете.

Так что да, как бы ни было больно, намного эффективней позволить Софи провальсировать эту преамбулу. И это напомнило Ново о рекламе «Тамс»^[14], где человек съедает что-то, что просится назад и задает жару. Но в ее случае приемы ниндзя показывает «Самсунг», прижатый к ее уху.

— Мама с папой так рады за меня и Оскара. В общем, я хочу, чтобы ты была подружкой невесты.

Стоп.... Чтоoooooooo?!

Когда по телу пронеслась волна жидкого холода... так всегда бывает, когда твоя лучшая-во-всем сестра звонит и сообщает, что выходит замуж за твоего бывшего... а ты отвлекаешь себя раздражением на Софи, которая настойчиво называет родителей человеческими терминами. Да ладно. Нужно ли притворяться человеком только потому, что считаешь это крутым?

Подружкой невесты? Что за хрень? Они собираются сочетаться по человеческой традиции, не вампирской?

— Ново? Алло? Ты слышишь меня?

Она прокашлялась.

— Да, слышу...

— Знаю, ты, должно быть, шокирована. — Голос Минни Маус понизился до уровня Мишель Таннер^[15]. — Ново, я понимаю, что это, наверное, неудобно для тебя. Но ты моя сестра. Без тебя эта ночь не станет главной в моей жизни.

Понимай как: мой триумф над полученным трофеем не будет полным без тебя на этой церемонии награждения.

— Ново?

На мгновение она закрыла глаза и представила, что говорит от всего сердца: *я уже знаю, что ты выиграла. Ты заполучила его, он твой. Давай озвучим это раз и навсегда и будем жить дальше?*

О, и это известие не стало шоком. О неловкости нет и речи. На самом деле, это «счастливое» объявление стало кульминацией того, чему Софи положила начало два с половиной года назад. Единственный незначительный сюрприз состоял в том, что у нее ушло так много времени на то, чтобы затащить Оскара под венец.

— Пожалуйста, Ново. Ты должна быть там.

Нет, на самом деле, не должна. Самое здоровое решение — вежливо отклонить предложение,

пожелать женщине счастья и притвориться, что она не будет связана официальными родственными узами с мужчиной, который бросил ее и ушел к ее сестре.

К несчастью, это отговорка. Трусливое бегство. Большая часть Ново, та часть, которая отказывалась сдаваться, не позволяла себя бить, которая скорее лишится руки, чем позволит себе потерять лицо или гордость, эта часть приказывала ей идти.

Просто доказать себе, что она сильная. Несломленная. Целая.

Вопреки той трагедии, что произошла после ухода Оскара.

— Ново?

— Да. Конечно. Я буду.

Вот вам и слезы счастья. Признательность. Притворные эмоции журнала «Космо», Инстаграмма и «Фейсбука»: на-по-каз.

Когда сестрица затараторила об обязанностях подружки невесты и подробностях девичника... и опять, ну что за человеческая придурь? Она сочеталась браком с вампиром, не с человеком... Ново покачала головой.

— Мне пора.

— погоди, что? Ты не можешь. У тебя есть дела, мы должны обсудить твои обязанности. Ты должна организовать презентацию подарков^[16] и мой девичник, и нужно подобрать платья...

— Презентацию подарков? Девичник? Софи, что значит это дерьмо?

Повисла пауза.

— Прощу, следи за выражениями.

А ты у нас Королева Англии, подумала Ново.

— Никогда не думала, что в тебе столько предубеждений. — Софи раздраженно вздохнула. — У людей есть традиции, которые можно адаптировать для наших церемоний. Почему нет? Они сделают эту ночь особенной для меня.

Ну даааа. Ведь дело не в мужчине, за которого ты выходишь замуж. А в том, что ты сможешь запостить на всеобщий суд.

— Я сделаю все, что смогу. Но сейчас я на работе.

— И у тебя есть долг перед сестрой.

— Соф, я сражаюсь в войне. Ты хотя бы понимаешь, что это значит? Это опасное мероприятие, которое убивало вампиров, вроде нас с тобой, последние пару столетий. А ты хочешь, чтобы я посвятила все свои мысли организации вечеринок? Перестань.

Повисла очередная пауза. И чем больше она затягивалась, тем сильнее Ново хотелось дать себе поджопник.

Будь она умной, не стала бы провоцировать драму. Но она сама выстелила красную дорожку.

— Мне пора, — сказала Софи спустя серию шмыганий носом. — Я просто... Ново, сейчас время радоваться. Я не могу принять твой негативный настрой. Я попытаюсь позднее, когда буду готова.

Когда Софи отключилась, Ново оторвала телефон от уха.

— Ну почему... почему я — не единственный ребенок в семье.

Общение с сестрой напоминало поездку на плохом аттракционе: ты знаешь наверняка, где притаились паршивые повороты и мертвые петли, падение с высоты и непомерно высокие точки, потому что видишь все впереди. А твой корн-дог и вишневая газировка рвутся из желудка на волю.

Если бы она прикусила язык, то могла бы избежать того, что ждет ее дальше. Почти. Ей почти это удалось. Проблема в том, что сестре ничего неизвестно об истинной боли, настоящем самопожертвовании, действительной потере. А прибавить к этому нарциссизм и наигранность? Этого было достаточно, чтобы вполне здравомыслящему человеку захотелось выйти в окно.

Окидывая взглядом чистую опрятную комнату, пребывающую в идеальном порядке, Ново обнаружила, как прошлое заменяет джакузи, мягкие лавочки и полки, заваленные бондажными бинтами, костылями и бутылками с гелем.

Оскар тоже был светловолосым, как Пэйтон. Но не такой богатый.

И когда Ново впервые встретила парня, то даже не представляла, насколько плохо все кончится. Будь хоть намёк? Она бежала бы без оглядки...

Дверь в кабинет распахнулась, и в проеме появился Пэйтон с бутылкой в руке, возбужденным членом в штанах и диким взглядом. В своей текущей ипостаси, мужчина словно сошел с каталога плохих идей.

И вот неожиданность... блондинчик с жаждущим телом — именно то, что нужно в ее виртуальной корзине покупок.

***

Стоя в дверях кабинета физиотерапии, Пэйтон совсем не видел самого медицинского помещения... а видел только женщину, сидевшую на одной из кушеток.

Накачанное тело Ново была напряженным, как натянутый провод, словно она собиралась прыгнуть или, может, даже напасть на кого-то. Руками она сжимала мягкую обивку стола, ноги висели в воздухе, мускулы, накачанные благодаря постоянным тренировкам, бугрились вокруг костей рук.

— Все в порядке? — спросил он хрипло.

— Дай мне.

Когда она вытянула руку, Пэйтон наслаждался фантазией, что она тянет свою руку к его твердому члену. Но нет, Ново нужен «Гусь». И кто он такой, чтобы отказать ей?

Особенно когда она так томно смотрит на него.

— Скажи «пожалуйста», — протянул он.

— Нет.

Вспышка похоти пронзила его пах, и он улыбнулся.

— Осторожней, я заставлю тебя умолять.

— Я жду.

Он пересек комнату, не пытаясь даже скрыть эрекцию, и черт, да, она заметила, ее взгляд скользнул к его бедрам и выше уже не поднялся.

— Разве могу я отказать женщине, — пробормотал он, протягивая ей бутылку.

Ново смачно отпила из горлышка, глотая водку как «Спрайт». И опустив бутылку, она кивнула на его стояк.

— В чью честь?

— В твою. Если хочешь.

Она сделала еще один глоток, и Пэйтон дожидался ее отрицательного ответа, сказанного с большой долей превосходства. Он получил лишь молчание, и кровь побежала по венам еще быстрее.

— Это «да»? — спросил он, не отрывая взгляда от ее губ.

— Это не «нет».

— Тогда я возьму все, что смогу получить.

— О да, это точно. — Ново улыбнулась, обнажая клыки. — Ты не можешь иметь ту, которую хочешь, и ты застрял здесь со мной на целый день.

— Напрашиваешься на похвалу? Не похоже на тебя.

— Констатирую факты. — Она сделала еще глоток водки. — Ты тоже мой единственный

вариант. Так что мы оба в дерьме.

— Я краснею от твоих комплиментов, — пробормотал он. — Нет, прекрати, ну правда.

— Не нравится, когда тебя используют? Хм, может, это жизненный урок за всех женщин и вампирш, которых ты перетрахал в клубах.

— Это не использование, когда речь о взаимном удовольствии.

Ново резко рассмеялась.

— А сейчас ты должен сказать мне, что еще никто не жаловался на твои потуги? Потому как статистика оказалась бы более релевантной, будь у бедных женщин возможность дать тебе обратную связь.

— Ново, будешь плохо себя вести, я уйду, прихватив с собой водку и член.

— Ты прав. Разговоры не приведут нас к желаемому.

На этих словах она протянула свободную руку и, схватив его за перед рубашки, дернула к своему рту, удерживая на месте, прижимаясь к его рту своими губами.

Точнее, сминая.

В прикосновении не было ничего романтического, соблазнительного, не было и речи о первом пробном поцелуе. Мощная сексуальная энергия вспыхнула между ними, их языки боролись, ощущения были головокружительными, инстинкты вырубали мыслительные процессы. Ее вкус — вкус дикости и «Грей Гуза», ее запах — насыщенный, словно травка, и, черт, он должен прикоснуться к ней... он так давно хотел этого. Прошелся руками по ее зачесанным волосам, шее, плечам... его сердце гулко билось в груди, он был готов войти в нее прямо сейчас...

Он плотно закрыл дверь?

Разорвав контакт, Пэйтон, тяжело дыша, оглянулся через плечо и мысленно запер дверь на замок... и когда он повернулся, Ново поставила «Гуся» на пол и уже снимала свои свободные шорты из нейлона...

Трусиков не было.

Твоюююю ж. Все развивается слишком быстро.

И на этой ноте ее руки потянулись к ширинке, и в одно мгновение его дорогие свободные брюки спустились к лодыжкам. Он также не носил белья, потому что в тайне надеялся на подобную ситуацию. И, вот неожиданность, настал момент под названием чаша-моя-преисполнена^[17]: следующее, что он понял — как Ново широко раздвинула ноги и обхватила его бедра, впиваясь в кожу ногтями. Она рывком подтянула его к себе, и он устроился между ее ног, обхватил член, направляя себя...

— О... черт... — выдохнул Пэйтон, соединяя их.

Она была такой узкой и горячей, Пэйтон чувствовал ощущения всем телом, выгибаясь над ней, в то время как сама Ново откинулась на массажный стол. Он стоял ногами на полу, поэтому не мог поцеловать Ново, но точно мог начать движения. Положив руки на ее бедра, Пэйтон начал в нее вбиваться, наращивая скорость, прибавляя силу...

Сложно сказать, когда он заметил, что Ново неподвижно лежит под ним.

Во-первых, его тело было полностью занято сексом, кровь бурлила в венах, вид того, как его влажный член снова и снова входит в нее, выносил то малое, что осталось от его мозгов. Как результат всего этого, ему приходилось прикладывать все усилия, чтобы не кончить... что равносильно попытке потушить пожар в доме силой мысли. Но даже посреди этого безумия и, несмотря на весь выпитый алкоголь, он заметил, что глаза на ее лице-застывшей-маске были закрыты, дыхание даже не сбилось, а ее голова двигалась туда-сюда, пока он ее трахал.

Пэйтон замедлился. А потом остановился.

Он просто стоял там, легкие горели, шелковая рубашка промокала от пота, и Ново открыла

глаза.

— Что такое? — Когда он не ответил, ее брови взлетели вверх. — Ты уже всё?

Пэйтон моргнул.

И вышел.

Выругавшись, он наклонился и натянул штаны.

— Да, — пробормотал он, застегивая ширинку. — Я всё.

— Не думала, что ты не доводишь дело до конца.

Он отвел взгляд. Снова посмотрел на нее.

— Тебе вообще все равно с кем спать?

Ново резко села.

— Пытаешься пристыдить меня за блядство? Seriously? Потому что если это не двойной стандарт, то я не знаю что, в таком случае.

Он взял бутылку с пола и умудрился сделать большой глоток, пока выпрямлялся.

— Нет, я просто хочу, чтобы женщина, которую я трахаю, не лежала подо мной, перебирая в голове список продуктов.

— Аааа, ну точно. Я для тебя недостаточно активная. — Ново положила руку на сердце и сделала вид, будто умирает от сожаления. — Я недостаточно хороша для Пэйтона, сына Пейтона. — Внезапно она прекратила театральное представление и вперила в него серьезный взгляд. — Ты же сказал, что будешь довольствоваться малым?

— Похоже, уже не хочу.

— Лжец. — Ново спрыгнула со стола, и он отвернулся, пока она натягивала шорты. — Ты гребаный лжец.

— Нет. Об этом я не лгу.

— Ты же не распустишь передо мной сопли? — усмехалась она. — Посмотри на себя, совсем повесил голову.

— Я не хотел смущать тебя и дал тебе спокойно одеться.

— После того, как засунул в меня член?

Пэйтон направился к двери, забрав «Гуся» с собой.

— Трус, — пробормотала она.

Он подошел к выходу, оставив ее оскорбление без ответа. И, ступая в коридор, ему было ненавистно то, каким он себя чувствовал.

Слабак. Он гребаный слабак.

По неясной причине, ему было больно. И это сумасшествие. По плану они должны были использовать друг друга. Честная сделка. Без эмоций, простой трах.

Это его стандартная валюта. Так в чем, черт возьми, его проблема?

***

Оставленная в гордом одиночестве в помещении для физио, Ново хотелось раскидать по комнате массажные столы и скамейки, пока не останется ни одного целого предмета мебели или мединструмента. Но были в ее стратегии проблемные места. Во-первых, все, что на четырех ножках, прикручено к полу. Во-вторых, несмотря на кавардак в голове, она не хотела приносить умышленный ущерб чужой собственности.

— Черт, — прошептала она, уставившись на закрытую дверь.

Между ног все еще было тепло и гудело, и, черт, тело по-прежнему хотело вернуться туда, где было... под Пэйтона, его член в ней, мощные проникновения, выбивающие крик из ее горла... Однако он стал откровением. В плохом смысле.

Ее цель — стереть Оскара из головы. Заменить другой моделью. Заставить мужчину, который не хочет ее... и который даже не знал об этом сексе... ревновать ее за то, что она спит с другим.

Боже, звучало безумно. В любом случае, ничего не вышло, потому что она поняла, что слишком хочет этого: под маской, за которой она спряталась, она парила на грани оргазма.

Их тела были созданы друг для друга.

— Плевать.

Мечась по комнате, Ново дала себе время, чтобы запах ее возбуждения утих, и, наконец, вышла в спортзал с невозмутимым видом, как ей хотелось надеяться. Как выяснилось, зря она беспокоилась о зрителях. В помещении было пусто.

Пока она изучала осиротевшие трибуны, свободные кольца и поле, в заднем кармане шорт завибрировал телефон... и, доставая его, Ново уже знала, кто звонит. Да. Ее мать. Готовая посетовать, что она была несправедлива к Софи, и тем самым портит то, что должно было стать радостным событием для всех.

Донесшийся издали ужасающий крик звучал как предвестник смерти.

Это тот пациент, Эссейл. Запертый в той палате. Она не знала подробностей, но могла догадаться, судя по крикам, что мужчина сходил с ума.

Может, она была следующей в очереди.

В противоположность такому исходу — от всех поползновений ее сестры, она подумывала направиться в качалку за второй тренировкой... когда в голове внезапно всплыла сегодняшняя дата.

Закрыв глаза, она поникла.

В эту самую ночь три года назад она забеременела.

Когда Оскар, мужчина, за которого ее сестра выходит замуж, обслужил ее во время жаждающего периода.

После чего бросил, отправившись к другим берегам, образно выражаясь. Разумеется, она не сказала ему, что была беременна, и он понятия не имел о том, что произошло одиннадцать месяцев спустя.

Желудок сжался, и она решила, что ее вырвет при мысли обо всех событиях, начиная с беременности и заканчивая тем... кошмаром... который, казалось, произошел с кем-то другим... с незнакомцем. Сейчас она совсем другая. Сильнее. Жестче. Выносливее. Вступление в учебную программу Братства доказывало, какой длинный путь она прошла, а сражения на улицах Колдвелла служили еженощным напоминанием того, что она двигается вперед, а не назад.

Она поедет на брачную церемонию. И станет той самой адской подружкой.

Это — ее финальное испытание. Если она сможет пережить ритуал соединения этой парочки? Значит, она окончательно похоронит ту дуру, которой была когда-то... как и потерю, что едва не стоила ей жизни.

Ни слабости. Ни пощады, ни поблажки. Ничего не останется от той, кем она была... не останется страха, что ей снова могут причинить такую боль.

Ново посмотрела на табло, на котором все еще высвечивались последние результаты игр. Местная команда и чужие. Хозяева вышли вперед на 10 очков.

С ней все будет в порядке, решила Ново, направляясь к двери.

И она абсолютно точно забудет, каково это — быть с Пэйтоном.

Сто-черт-возьми-процентно.

Следующим вечером Сэкстон материализовался в Дом для аудиенций раньше положенного, принимая форму у отдельно стоящего двухэтажного гаража позади особняка в федеральном стиле. Доджены в течение дня расчистили весь снег, но он все равно осторожно шел к двери в кухню. Подошва лоферов от «Гуччи» скользила, как на ледовом катке... и, зная основательный подход Фритца? Подъездная дорожка и парковка напоминала глазированный пирог от Айны Гартен^[18].

Сэкстон вбил код и открыл дверь, зная, что первым пришел на работу, но в течение дня здесь побывало уйма народу. Когда он закрыл дверь изнутри, то увидел свежую выпечку на серебряных подносах, все было аккуратно завернуто в пленку для сохранения свежести, большой кофейник, готовый к варке кофе, а корзины с яблоками и бананами были выставлены в комнате для ожидания.

Первые аудиенции назначены не раньше восьми, но Сэкстон предпочитал удостовериться, что все документы для личной встречи с Королем были в порядке, чтобы все прошло без накладок, ради Рофа и во благо гражданских. На каждую ночь приходилось примерно двадцать встреч, поэтому нужно было уследить за многим. Некоторые аудиенции — например, просьба о благословении брака или рождении малыша — проходили относительно быстро и без затруднений. Другие, например, касающиеся распоряжения имуществом после смерти, родовых распрей или инцидентов, включающих телесный вред, требовали внимания и последующего мониторинга.

Выходя в коридор для персонала, Сэкстон открыл первую дверь справа и включил свет. Его офис был абсолютно лишен декора, не было картин на стенах, предметов искусства на массивном письменном столе^[19], только юридические книги на простых полках. Не было даже ковра. Просто два откатных кресла по обе стороны от рабочего стола, монитор, который можно было подключить к ноутбуку, чтобы не напрягать глаза, и несколько шкафчиков с текущими делами.

Все записи во время аудиенций он вел от руки, потому что стук по клавиатуре, каким бы тихим он ни был, выводил Рофа из себя. Поэтому Сэкстон записывал все ручкой, а потом оцифровывал, и была своя польза в двойной работе. Во-первых, у него хранилась вещественная копия всего на случай компьютерной поломки... чего Вишес, конечно, не допустит, с его драгоценной анти-эппловской сетью и оборудованием... но, что более важно, когда Сэкстон перепечатывал свою писанину, он прогонял все в голове.

Сев за стол, он достал ноутбук из портфеля и подцепил к монитору, от которого не болела голова, и клавиатуре, что лежала на выдвижной полке под столом.

А потом застыл на месте.

«Ну же», прошептал он про себя.

Включая «Леново», он вошел в электронную почту, где его ждало двадцать-с-чем-то деловых писем, реклама из «Мета» и 1stdibs^[20], а также уведомления из картинного отделения «Сотбис»^[21] и об он-лайн распродаже часов в «Кристис»^[22].

Он все проигнорировал.

Взгляд зацепился за жирную строчку, которую он не смог проигнорировать: письмо было от Блэйлока с темой «Информация».

Письмо пришло прошлой ночью примерно через час после того, как Сэкстон покинул особняк, но он не смог открыть его дома. При виде одного имени его одиночество кристаллизировалось до обжигающего ледяного копья, которое вонзилось прямо в грудь... и,

воистину, он бы предпочел отправить сообщение в спам и притвориться, что ничего не получал. Однако избегать своих профессиональных обязанностей нельзя, даже если его эмоции сплетались в ужасную сердечную боль, к которой он давно привык... а Блэй, очевидно, искал возможность законного решения своей проблемы.

Открывая сообщение, Сэкстон мгновение собирался с мыслями, чтобы прочитать, наконец, слова, и первое, что он заметил, — в тексте не было опечаток, грамматических ошибок, пунктуация соблюдена. Но, это же Блэй. Сдержанный и последовательный мужчина, который все всегда делал тщательно и доводил до конца. И, разумеется, он изложил факты и просьбу в логичном и уважительном стиле...

Сэкстон нахмурился, снова перечитывая пять коротких параграфов.

И еще раз.

По всей видимости, родители Блэя несколько месяцев назад переехали в дом в человеческом районе на окраине пригорода. Разумеется, Сэкстон там не бывал, ведь все произошло уже после него, но он подслушал, как Блэй рассказывал остальным о красоте дома с прудом, крыльцом и кучей комнат. Его мамэн не особо любила это место, ведь оно было слишком новым, но она привыкала.

Проблема касалась соседки их родителей, пожилой вампириши, которая проживала на огромном участке рядом с жилищным комплексом. Человеческие застройщики, которым была необходима площадь в той местности, вынуждали женщину продать дом, чтобы они смогли продолжить расширяться и построить поле для гольфа и загородный комплекс. Но она не хотела съезжать. Она жила в фермерском доме, который они с мужем построили еще в тысяча восьмисотом году, и это — все, что осталось от него и их совместной жизни. По словам Блэя, ей осталось жить не так много, лет десять или чуть больше, и остаться там — ее единственное желание. Но ее внучка беспокоится о безопасности своей бабушки.

Люди долбили в дом в дневные часы, названивали ей по телефону, писали письма, присылали кучу бумаг с угрозами. Это продолжалось уже полгода, и все только набирало обороты, хотя женщина ясно дала понять, что не собирается уезжать. Отец Блэя, Рок, однажды вечером даже сходил к ней, пытаясь вмешаться, но люди не унимались.

Сэкстон покачал головой. Ни женщина, ни ее семья не могла обратиться в человеческую полицию: *«Здравствуйте, технически я не существую в вашем мире, но я связана вашим имущественным правом, и у меня возникли проблемы с нарушителями границ. Вы могли бы помочь мне?»*

Ой, и не обращайтесь внимания на клыки.»

Сэкстон мог лишь представить, как переживала ее семья. Пожилая женщина, одна, человеческие бандиты мучают ее, а она ведь хочет всего лишь спокойно дожить оставшиеся годы.

И неясно, когда все прекратится.

Да, люди эволюционно стояли на ступень ниже, но они тоже могли быть смертельно опасными.

Набрасывая в голове план действий, Сэкстон пытался игнорировать тот факт, что понимание благой цели омрачало иррациональное желание быть необходимым для Блэя, решить эту проблему не потому, что это — его работа, а чтобы, возможно, впечатлить бывшего любовника.

Что, естественно, в его гипотетической фантазии, побудит Блэя расстаться с Куином, оставить двух чудесных малышей и по своей воле сбежать из Колдвелла с Сэкстоном.

Да, все это станет результатом одного грамотно написанного ответного письма.

Ну, это и успешный отпор бандитам, докучающим соседке его родителей.

Сэкстон закатил глаза и начал печатать.

Отбрасывая романтические грезы, он озвучит проблему Рофу, и они посмотрят, что можно будет сделать. По крайней мере, он мог поступить по совести по отношению к незащитной старушке, и было в этом своего рода утешение.

Нажав «отправить», Сэкстон повернулся кругом и поднял жалюзи, чтобы взглянуть на зимний ландшафт. Все было покрыто толстым слоем снега, ведь судя по прогнозным сводкам с человеческих новостных порталов, день выдался холодным. В сиянии особняков зимний пейзаж светился голубым светом.

Одиночество подобно зиме, подумал он. Холодное и вездесущее, заставляющее тебя уходить внутрь от жестокости окружающей реальности.

Он когда-нибудь в жизни почувствует тепло?

***

В трех кварталах, в особняке аналогичного размера и красоты, только в тюдоровском, а не федеральном стиле, Пэйтон вышел из душа и потянулся за полотенцем, украшенным принтом с монограммами. Пока он вытирался, воздух в ванной был таким густым от пара, словно он попал в пелену тумана над морем, зеркала покрылись слоем влаги, в каждом вдохе, казалось, кислорода было столько же, сколько и воды, а кожу пощипывало от жара.

Пэйтон только вернулся домой из учебного центра, автобус высадил их возле магазина в парах миль от дома, и у него в распоряжении был час перед тем, как отправиться на поле боя в центре города. Он умирал с голоду, с похмелья, был выжат как лимон... и душ нисколько не помог.

И была еще другая проблема.

— Черт подери.

Несколькими рывками он свернул мокрое полотенце и со всей дури зашвырнул через мраморную ванную комнату. А потом просто стоял там, с голой задницей, упершись ногами в теплый пол, а руками в бедра — чтобы не разнести помещение в щепки.

То... что бы это ни было... в комнате физио с Ново, оно не покидало его. Каждый раз, закрывая глаза, он видел ее лежащей на массажном столе, с закрытыми глазами, лицо безэмоциональное, как у гребаного трупа. И визуальные образы — не самое худшее. Ее циничный, жесткий голос бился в его голове, насмехаясь над ним, провоцируя, заставляя чувствовать себя идиотом.

Оставив ее, он отправился в комнату отдыха, добил остатки водки и потом окопался через три двери, в свободной палате. В течение дня приглушенные крики того ненормального мужика соперничали с ночными кошмарами, в которых голый Пэйтон оказался среди роя жалящих ос. Он постоянно просыпался, и еще вопрос, какая из причин его пробуждения была хуже.

Когда на улице, наконец, достаточно стемнело для отправки автобуса, он устроился на передних сидениях... потому что Ново всегда уходила на галерку. И во время всей поездки в город он четко ощущал ее присутствие, словно ее тело было маяком. Но она не произнесла ни единого слова.

Хорошие новости? Он был столь озадачен, что и думать забыл про бардак с Пэрадайз.

И вот он здесь, пытается навести в голове порядок, чтобы не самоубиться, когда выйдет против врага...

Раздался аккуратный стук в дверь, от чего он сразу понял, кто это. Охренеть как кстати.

— Да, — рывкнул он.

Доджен по ту сторону двери заговорил в своей надменной мелодичной манере:

— Мой господин, прошу меня простить, но ваш отец желает поговорить перед вашим уходом.

Ну, во-первых, дворецкий вообще ни за что не извиняется, и, во-вторых, это прямой приказ. Никаких «желает».

Положив руки на раковину, Пэйтон оперся на них.

— Он сказал, зачем? — выдавил он. — У меня мало времени.

Это была правда, но суть не в этом. Лишь одно раскурочит ему мозги еще хлеще: царский призыв от Папочки, тема разговора — алко- либо наркозависимость Пэйтона. Подобные представления по королевскому указу происходили на регулярной основе последние несколько лет, и всегда проходили ну ооооооочень мииииииило.

И, да ладно. Он начал исправляться после вступления в учебную программу. Ну, по крайней мере, так было до убийства его кузины Эллисон. С тех пор он вернулся к старым привычкам, но кто посмеет бросить в него камень? Именно он отправился в ее квартиру и обнаружил кровавые пятна. И да, конечно, пофиг, тот факт, что из него с потом выходила вчерашняя водка, не сулил ничего хорошего, если он надеялся отмазаться от темы пристрастий... или, по крайней мере, не мог считать это хоть сколько-нибудь убедительным контраргументом.

— Мой господин? — напомнил о себе дворецкий отца.

Пэйтон выругался.

— Скажи, что сначала я должен одеться.

— Как пожелаете.

Он никак не желал. Вообще ни хрена.

Целых полчаса спустя Пэйтон соизволил спуститься на первый этаж и с наслаждением, неспешно прошел к закрытым дверям в кабинет отца. В любой момент мог выскочить дворецкий с секундомером наперевес и...

— Он ждет вас.

Бинго.

Пэйтон оглянулся через плечо на дворецкого. Доджен нависал над ним, как это умеет только старомодный слуга Семьи Основателей, одетый в ливрею, его среднестатистический вес переходил в лигу ЛеБрона^[23] благодаря благочестиво-лицемерному поведению.

Блин, будь оно более явное, и неодобрение доджена можно намазывать на хлеб.

— Я сообщу ему о вашем приходе, — пробормотал дворецкий, подойдя к двери и постучав. — Мой господин?

— Впусти его, — донесся приглушенный ответ.

Дворецкий распахнул резные двери, ведущие в обширное пространство красно-коричневого дерева, восточных ковров, книг в кожаном переплете и медных люстр. В высокой и длинной комнате был второй этаж с книжными полками, на который вела удобная медная лестница, а весь второй ярус опоясывали перила с орнаментом.

Когда Пэйтон поднял взгляд на золоченое ограждение, то вспомнил детство: тогда он свято верил, что это — корона короля гигантов, которую привезли откуда-то и установили в фамильном доме.

Ведь он и его род — особенные.

— Пэйтон. Присаживайся.

Он перевел взгляд на отца. Мужчина сидел за столом, таким же огромным, как кровать королевских размеров, спина была выпрямлена, руки скрещены поверх кроваво-красного блоттера. Пейтон был одет в темный костюм с белым нагрудным платком, галстуком, идеально повязанным на шее, и рубашку. Не бросающиеся в глаза часы «Картье» выглядывали из-под французских манжет вместе с золотыми запонками с бирманскими рубинами.

Когда отец указал на свободное кресло напротив себя, Пэйтон осознал, что так и не сдвинулся с места.

— Как поживаете, Отец? — сказал он, проходя вперед.

— Хорошо. Как мило, что ты спросил.

— О чем пойдет речь?

— Садись.

— Мне и здесь неплохо. — Он встал рядом с креслом, скрестив руки на груди. — Чем могу быть полезен?

— Сначала сядь. — Отец кивнул на обитое шелком кресло. — А потом мы поговорим.

Пэйтон оглянулся по сторонам, но не получил поддержки от развешанных перед книгами портретов, мерно потрескивающего камина и расставленных кресел и столиков.

Стиснув зубы, он обошел кресло и сел. По его мнению, он мог получить разнос и...

— Обязательно носить эти одежды в доме.

Пэйтон окинул себя взглядом. Кожаная куртка, тяжелые армейские штаны и ботинки со стальными носами — стандартная форма для новобранцев.

«Ты еще не видел спрятанное под ней оружие», подумал он.

— Отец, чего ты хочешь от меня?

Пэйтон прокашлялся.

— Думаю, пришло время обсудить твоё будущее.

«Какое именно будущее?» задумался он. Как в шоу «Вмешательство»^[24]?

Отец не продолжил, и Пэйтон пожал плечами.

— Я состою в учебной программе. Я — боец...

— Нам обоим известно, что это блажь...

— Черта с два... ты хотел, чтобы я поступил.

— Потому что я надеялся, что это сделает из тебя...

— Кого-то вроде тебя? О да, ты ведь важная шишка.

— Следи за языком, — отрезал его отец. — И позволь напомнить, что твоя жизнь тебе не принадлежит. Она принадлежит роду, частью которого ты являешься, и посему мой долг направить тебя в нужном направлении.

Пэйтон подался вперед в кресле.

— Я...

Отец перебил его:

— И, таким образом, я хочу, чтобы ты встретился кое с кем. Она из подходящей семьи, и, опережая твои тревоги, писаная красавица. Уверен, она придется тебе по вкусу. Если у тебя есть мозги, то ты оценишь ее по достоинству, без всяких протестов, которые у тебя могут возникнуть в связи с моей инициативой. Я забочусь исключительно о твоих интересах, умоляю, пойми это.

«Умоляешь? Ни о чем ты не умоляешь», подумал Пэйтон.

— Разумеется, если ты не проявишь себя должным образом, — его отец холодно улыбнулся, — я буду вынужден урезать твои расходы.

— У меня есть работа.

— Оклад солдата не заплатит за все это. — Его отец окинул рукой кабинет в широком жесте, что становилось ясно — он говорит о целом особняке. Может, даже, половине Колдвелла. — И что-то мне подсказывает, ты не сможешь прожить в иных условиях. Ты не настолько вынослив.

Пэйтон посмотрел в сторону, на портрет мужчины в придворном платье девятнадцатого века. Разумеется, это был его отец. На всех портретах был изображен Пэйтон в разных стадиях своей жизни, словно вызов любому, кто бы посмел оспорить его положение.

— Почему ты такого низкого мнения обо мне? — пробормотал Пэйтон.

— Почему? Потому что я пережил и пир, и голод. Войны — человеческие и вампирские. Я первый пересек великий океан и обустроился здесь. Я — глава этого великого рода, и веками заботился о своей репутации, храня верность твоей матери и подарив ей тебя. Я защитил три докторских в человеческих университетах, я сертифицированный эксперт по Древнему Праву. Я также виртуозный виолончелист и владею двенадцатью языками. Расскажи, чего добился ты? Мог ли я каким-то образом упустить твои великие достижения, замечая лишь твою способность истреблять алкоголь огромными партиями и что ты там еще делаешь в своей комнате, которую я предоставил тебе под этой крышей? Хм?

Пэйтон оставил выпад без ответа, подумывая о том, чтобы встать и выйти. Вместо этого он тихо сказал:

— Могу я задать вопрос?

Отец вскинул ладонь навстречу высокому куполообразному потолку.

— Ну, разумеется, любые вопросы приветствуются.

— Почему ты хотел, чтобы я принял участие в учебной программе?

— Пришло время для тебя прославить нашу семью. Перестать быть обузой.

— Нет... — Пэйтон покачал головой. — Думаю, дело в другом.

— Они научили тебя читать чужие мысли?

Пэйтон поднялся на ноги.

— Я думаю, ты заставил меня поступить, потому что хотел, чтобы я провалился... ты искал очередную возможность понукать мной.

Его отец прекрасно изобразил оскорбленную невинность. Но огонек в его глазах... мерзкий огонек был там, и это — лучшее подтверждение, не так ли?

— Разумеется, нет. Не драматизируй.

— Да, так я и подумал, — ответил Пэйтон, отворачиваясь.

С каждым шагом в сторону двери он чувствовал себя еще хуже: в своих мыслях он видел выражение лица Пэрадайз, когда он признался ей в любви. Потом он наслаждался кадром Ново, девушка лежала под ним с таким лицом, словно ее вот-вот стошнит. Ну а добила его отцовская физиономия, скрытая неприязнь, которую он никогда не понимал, просачивалась под идеальными аристократическими чертами, точно такими же, как у него самого.

Дойдя до двери, Пэйтон бросил через плечо:

— Я встречусь с женщиной. Просто скажи, когда и где, и я буду там.

Его отец удивленно отшатнулся, но быстро взял себя в руки.

— Что ж, хорошо. Я все устрою. И я верю, ты будешь вести себя с достоинством... по моим стандартам, не твоим, разумеется.

— Хорошо. Отлично. — Он вышел. — Плевать.

Закрывая за собой двери, Пэйтон удивлялся тому, что вообще согласился. Но потом он решил... почему бы не пойти отцовским путем. Он не любил парня, не уважал его, но все шло просто ужасно, когда Пэйтон сам садился в кресло капитана Кирка^[25]. Все, чего он добился за последние пять лет, — убитая печень, тяга к марихуане и неразделенная любовь.

Может, иной путь будет успешней.

Хуже уже точно не станет.

— Мой господин, — дворецкий снисходительно посмотрел на него.

— Заткнись. — Он злобно глянул на доджена по пути к выходу. — Я вооружен и сейчас умею стрелять... а ты бегаешь не быстрее пули, поверь на слово.

Когда слуга его отца забрюзжал, словно старый двигатель, Пэйтон вышел на улицу.

Хоть бы сегодня ночью ввязаться в бой, — думал он. — Лишь в таком случае я вернусь на

рассвете без желания убивать.

Ново материализовалась на крыше стандартного дома без лифта на пересечении Шестнадцатой и Торговой, в распоряжении у нее был пистолет на правом бедре и еще один на поясице, два кинжала на груди и цепь, спрятанная в полах кожаной куртки. Ноги были упакованы в армейские ботинки, кожаные штаны плотно облегли бедра и икры. На глазах были защитные очки с цветными стеклами, которые служили двойной цели: во-первых, защита от холода и, значит, слезоточивости, во-вторых, они приглушали уличное освещение, которое вполне могло ослепить при взаимодействии с белым снегом или просто помешать в процессе боя.

Когда порыв ветра пронесся по городскому лабиринту многоэтажек и грязных магазинов, она почувствовала, как промерзают ноги, но холод должен задержаться ненадолго. Как только она начнет двигаться, то перестанет чувствовать его... и где, черт возьми, остальные? Выпуская на волю свои инстинкты, Ново выискивала движение, запах детской присыпки... черт, да хватило бы и тупого человека... Хотя, все это было бы преждевременно. Ей было запрещено вступать в бой до появления Братьев или других учеников.

Когда чья-то рука хлопнула ее по плечу, Ново резко обернулась, доставая один из кинжалов...

— Джон Мэтью. — Она опустила оружие. — Господи, я тебя не услышала.

Мужчина начал показывать что-то на американском языке жестов, и Ново нахмурилась, пытаясь расшифровать послание. Хорошо, что он делал поблажку для новобранцев и жестикулировал медленно, буква за буквой.

— Я знаю. Мне нужно следить за тылом. Ты прав.

Она поклонилась, что делала весьма редко. Но Джон Мэтью был не просто профессионалом во всех видах ведения боя, он также был одним из немногих мужчин, кому она доверилась с первого взгляда. Было в нем что-то такое... тихое спокойствие, когда он смотрел тебе прямо в глаза, но при этом не пугал. Для нее это было эквивалентно ощущению безопасности, абсолютно непривычному для нее.

Он снова начал показывать знаками, и Ново кивнула:

— Да, я с удовольствием выступлю с тобой в паре этой ночью... стой... можешь повторить? А... да, верно, поняла. Да, у меня есть запасные обоймы, четыре штуки. — Ново хлопнула по передним карманам куртки. — Здесь и здесь. — Она снова кивнула. — И цепь. Зачем? Ну, знаешь, это единственная побрякушка, которую с радостью наденет женщина вроде меня.

Джон Мэтью улыбнулся, сверкая клыками, а потом, когда он подставил свой кулак, она ударила по нему костяшками.

Один за другим, начал подтягиваться народ: Акс, Бун, Пэрадайз и Крэйг были первыми, потом Фьюри и Зейдист, за ними — Вишес, Рейдж и Пэйн.

— Где золотой мальчик? — требовательно спросил Вишес, прикуривая самокрутку. — Пэйтон не почтит нас своим присутствием этой ночью?

Притворяясь, что ей до глубокой фени, Ново перепроверила оружие и боеприпасы, хотя буквально только что сделала это для Джона Мэтью...

Вспышка жара, прокатившаяся по телу, мгновенно сообщила ей, когда Пэйтон появился на точке.

Это простая неловкость, сказала она себе. Всего лишь заурядная неловкость, замешанная на неприязни и возмущении, может быть с толикой смущения... потому что, алло, прошлой ночью она позволила себе открыться.

Даже если Пэйтон не понял этого, уж она-то знала.

В ретроспективе она понимала, что не стоило использовать его таким образом. Не потому, что она причинила ему боль. Черт, да ему плевать: она видела, как он обращался с безликими телками в клубах. Нет, в конечном итоге это больно ударило по ней.

Да, даже сутки спустя ее тело все еще хотело того, в чем ей было отказано.

Но плевать. Незачем продолжать об этом думать... и, вот неожиданность, обязанность выйти на поле и приложить все усилия, чтобы не помереть в ходе боев с врагом? Та самая необходимость, которая сотрет из головы ненужные мысли.

Даже о Софи и Оскаре.

Сначала было беглое обсуждение позиций и напоминание о порядке ведения боя, затем предоставили эфирное время для вопросов, чем новобранцы не воспользовались, потому что все было отработано до автоматизма на занятиях.

Если повезет, этой ночью они завалят пару лессеров.

Сейчас, когда осталось совсем мало убийц, было очевидно, что Братство сосредоточилось на возможности положить конец этой войне: чувствовалась среди них некая дерганность, беспокойное осознание, которое становилось все более интенсивным... Это, вкупе с подслушанными разговорами об Омеге, позволяло ей заключить, что война достигла апогея.

Каким будет этот мир без Общества Лессенинг? Сложно представить... и она задумывалась, чем тогда займутся новобранцы в отсутствие сражений. Да, нужно присматривать за людишками, но это вопрос сосуществования, а не рукопашная схватка за выживание.

Если, конечно, эти бесхвостые крысы никогда не узнают о расе.

В ином случае? Их ждет скверная игра.

— Сделаем это, — заявил Брат Фьюри.

Они парами начали дематериализовываться на свои участки, и когда они с Джоном Мэтью приняли телесные формы, то сразу же установили уверенный ритм. Благодаря буре тротуары были непроходимыми, на дорожках застыли глубокие следы подобно древним ископаемым — в камне.

Хотя на нее и Джона Мэтью отписали квадрат на десять-пятнадцать кварталов, район был типичным, те же старые четырех-пятиэтажные дома без лифтов, узкие и вмещающие от восьми до десяти квартир, арендуемых по замороженной ставке. Машины были припаркованы вдоль зданий практически впритык, и в результате бури вереница тачек, уткнувшихся бампер-в-бампер, превратилась в один сплошной сугроб, только изредка мелькали дверные ручки и кузовная краска. Снегоуборка едва ли поможет; потребуется несколько дней под солнечными лучами или часы работы лопатой, прежде чем владельцы смогут сдвинуть их с места.

Скользя взглядом по местности, Ново обращала внимание на уличное освещение. Большая часть фонарей не горела, где-то были выкручены лампочки... где-то сбит либо отстрелен сам цоколь. Освещение переулков — это свет, время от времени пробивавшийся из горящих окон, либо потому, что шторы были достаточно ненадежны, пропуская свет наружу, либо потому что в защитном экране было столько дыр, что он скорее напоминал москитную сетку.

Людей на улице не было, вообще.

И окинув взглядом утрамбованную дорожку к одному из подъездов, Ново попыталась представить, каково это — ходить здесь в течение дня. Странно, что у Колдвелла была вот эта другая сторона, альтер-эго, которое они никогда не видели собственными глазами. Они получали смутное представление об этой жизни через СМИ или тропинки, засыпанные снегом, автомобили или следы спрятавшихся, закрывшихся на все замки квартирных обитателей, которые и носа не высунут на улицу. Но во время их ночных вылазок они никогда не получают истинного представления об этой жизни, ведь законопослушные граждане не высовываются

после десяти вечера...

Они с Джоном Мэтью остановились одновременно.

В трех кварталах впереди них, из-за угла вывернула парочка. Один шел чуть впереди второго, и они были достаточно крупными, скорее всего, оба — мужского пола. Кто бы это ни был, они так же шли по дороге... и так же застыли, заметив, что уже не одни.

Ново потянулась к бедру, обхватывая пистолет, но она не стала поднимать руку с девятимиллиметровым. Краем глаза она отметила, что Джон Мэтью сделал то же самое.

Ветер дул им в спины, и это было плохо: если впереди них шли лессеры, они бы распознали запахи, а так они с Джей-Эмом понятия не имели, кто перед ними — человеческие бандиты или лессеры.

Так или иначе, приток адреналина и внутренней силы заставил ее ощутить себя удивительно живой, разум мгновенно очистился, эмоции успокоились, как школьник, которого отчитал учитель.

Боевые инстинкты взяли контроль над ней, ее тело превратилось в камертон, улавливающий любую информацию, которую она сможет использовать в ходе нападения.

Черт, вот бы ветер изменил направление...

Двое людей, лессеры или кем они там были, развернулись и направились в том направлении, из которого пришли, снова скрываясь за углом.

Когда Джон Мэтью толкнул ее локтем, Ново кивнула в ответ.

Охота началась.

***

Закончив свой доклад Королю, Сэкстон замолчал, терпеливо дожидаясь ответа.

Зал для аудиенций, который раньше служил столовой данного особняка, был пуст, не считая их двоих, кресла возле камина свободны, равно как и выстроенные в ряд дополнительные сиденья, которые в случае необходимости можно было расставить, образуя круг. Рабочий стол Сэкстона, стоявший сбоку, был готов к предстоящей ночи, разложенные по порядку папки, блокнот на А8 и несколько ручек — все, что ему понадобится.

Роф выписывал круги по свободному пространству, топот его ботинок приглушал восточный ковер, достаточно большой, чтобы покрыть всю парковку «Таргета». Джордж, пес-поводырь, хоть и без поводка, но следовал по пятам за своим хозяином, его большая квадратная голова и мохнатые треугольные уши держались начеку, словно он был готов вмешаться в случае необходимости.

— Разве нельзя просто прихлопнуть застройщиков, которые преследуют пожилую женщину? — пробормотал Роф, остановившись под хрустальной люстрой, которая также могла служить наглядным изображением Млечного пути. — Это было бы во сто крат эффективней.

«Да», подумал Сэкстон. Он полагал, что именно такой станет первая реакция Короля, и, в действительности, Роф вполне мог сию секунду позвонить Брату и отправить его с пистолетом наперевес, несмотря на то, что это будет считаться убийством. С другой стороны, Роф никогда не церемонился с людьми, хоть его Королева и была полукровкой. И, на самом деле, когда Сэкстон впервые услышал от Короля подобный вариант решения проблем с хомо сапиенсами, то списал все на шутку. Потом ему, потрясенному до глубины души, пришлось отговаривать Короля от подобной затеи.

Старая песня.

— В этом есть свои достоинства, без сомнений. — Сэкстон поклонился, хотя Роф и не мог увидеть его. — Но, возможно, мой Господин захочет испробовать, по крайней мере, в начале,

более сдержанные варианты. Чуть больше дипломатии и поменьше пуль.

— Умеешь ты испортить настроение, — но Роф улыбнулся. — Ты бы пришелся по вкусу моим мамэн и отцу. Они тоже были за мир.

— В данном случае целью является не мир, а отсутствие проблем с человеческими правоохранительными органами.

— Ладно, уговорил. Что предлагаешь?

— Я подумал, что сначала стоит поговорить с самой женщиной, убедиться, что все документы на право собственности соответствуют человеческому законодательству. А затем, я бы от ее лица связался с теми людьми и попытался убедить их прекратить преследование. Учитывая зимний период времени и длинную ночь, я могу заниматься и тем, и другим, ведь перед началом аудиенций полно времени.

— Я не хочу, чтобы ты отправлялся туда в одиночку.

— У нас нет оснований считать, что эти люди на самом деле представляют опасность. И, к тому же, я вполне комфортно живу без...

— Прости, что? Ты там что-то говоришь? Слышу какой-то шум. — Когда Сэкстон замолчал, Роф кивнул. — Да, так и знал, что ты не станешь со мной спорить. Вы с Абалоном — единственные посторонние, кому я могу доверить все, что происходит здесь. Так что, нет, я не стану рисковать твоей жизнью. Отбросив тот факт, что я могу выносить тебя в течение десяти часов кряду, причем каждую ночь — а это охренеть какое чудо — есть еще один мерзкий фактор: ты — профи в своем деле.

Сэкстон снова поклонился.

— Благодарю за похвалу. Однако со всем уважением, я не согласен со степенью опасности, с которой я могу столкнуться, и...

— Ты сделаешь так, как я велю. — Роф хлопнул в ладоши. — Отлично. Люблю, когда мы сходимся во мнениях.

Сэкстон моргнул. Потом прокашлялся.

— Да, мой господин. Разумеется. — Он помедлил, осторожно подбирая слова. — Я бы хотел отметить, что Братство и новобранцы полезней здесь, в качестве вашей охраны, либо на поле боя. А вне смены им необходима передышка для восстановления. В вопросе распределения ресурсов, моя охрана занимает наименее приоритетное место.

Повисла короткая пауза. Потом:

— Я знаю, кто займется этим. И закроем тему, ясно?

Король смотрел на него с высоты своего огромного роста, брови были низко опущены к очкам, его невероятные размеры делали даже эту большую комнату крошечной. Сэкстон знал, что на этом дискуссия окончена. Несмотря на совместную работу с гражданскими, в любом случае не стоило забывать, что этот мужчина был хладнокровным убийцей, и прежде чем сесть на трон, он познал азы искусства войны.

— Как пожелаете, мой господин.

Ран шел по расчищенной дорожке к дому для аудиенций, кутаясь в старое шерстяное полупальто. Он не захватил перчатки на выходе из особняка, и руки, сжатые в кулаки в карманах, сейчас покрылись потом.

Остановившись на вершине лестницы, он не смог скрыться от воспоминания о своем первом приходе в этот изящный старинный дом.

Он пришел сюда в поисках своей племянницы Битти после того, как узнал об объявлении о смерти его сестры, размещенном в «Фейсбук». Тогда он стоял перед массивными дверьми с небольшой надеждой и серьезной долей отчаяния, долгие поиски новостей о родной сестре вышли на новый виток в его печальном, безуспешном путешествии.

Он не знал, что ждало его в конце пути. Как выяснилось — одно благословение за другим, в общей сумме удивительная удача, друзья и доброе отношение.

Но, наверное, сейчас и этому пришел конец, и он ожидал подобного поворота. Рано или поздно естественный баланс должен был вернуться в равновесие, и значит он неизбежно, каким-то образом должен скатиться назад.

Официальный вызов в Дом для аудиенций от Короля? Что еще, если не плохие новости?

И, на самом деле, Ран подозревал, что это связано с...

Дверь широко открылась, и сбоку показался Брат Куин.

— Здорово. Нужно чего?

Ран низко поклонился.

— Прошу прощения. Меня призвали. Это связано с чисткой?

— Чего?

— Снега?

Когда они уставились друг на друга... словно оба надеялись, что из ниоткуда появится переводчик и все объяснит... Сэкстон, адвокат Короля, вышел из зала для аудиенций с гражданскими — мужчиной и женщиной. Юрист говорил в своей привычной спокойной, аристократической манере.

— ...вы получите от меня электронное письмо с информацией по средствам правовой защиты и последствиям в случае...

Увидев Рану, Сэкстон застыл на месте. А потом он быстро прошелся по нему взглядом так, как смотрят порой на персону «нон грата».

Мужчина прокашлялся.

— Добрый вечер. Прошу, заходи внутрь. Его Величество ждет тебя, а я присоединюсь через минуту.

Ран посмотрел на пару. На Брата Куина. Потом оглянулся за себя и обнаружил, что там не было ни души.

Все верно. Очевидно, обращались к нему.

Он поклонился адвокату.

— Разумеется. Спасибо.

Минуя огромную толпу в фойе... ну, ладно, там всего-то было четыре человека и он пятый, и места хватит для парковки восьми машин, но, срань Господня, казалось, ему было нечем дышать... Ран тихо вошел в Зал для аудиенций.

Король мгновенно почувствовал его присутствие, великий правитель, ставивший в это мгновение у камина чашку с водой для своей собаки, выпрямился.

Когда Джордж вильнул хвостом, а потом склонился над водой, Король посмотрел в сторону

Рана, хотя и не мог его видеть.

— Привет. — Правитель всех вампиров махнул на одно из кресел перед камином, не поворачивая головы. — Садись.

— Да, мой Господин.

Ран низко поклонился, а потом торопливо пересек необъятный, украшенный узором ковер. Садясь в кресло, Ран попытался не падать в него всем весом. Он знал свои габариты и последнее, чего ему хотелось — переломать мебель.

— Как поживаешь?

Ран заерзал, когда Король подошел к нему.

— Прошу прощения?

— Я задал простой вопрос, разве нет? — Роф сел под ритмичное чавканье пса на заднем фоне.

— Я... эм, хорошо, мой Господин. Спасибо.

— Хорошо. Очень хорошо.

Джордж поднял голову и прошелся языком по челюстям, словно не желая терять ни капли. Потом он направился к своему хозяину и уселся рядом, чтобы Роф мог поглаживать его ухо.

Не в силах больше выносить молчания, Ран прокашлялся.

— Мой Господин, могу я...

— Да? — Роф размял плечо, которое хрустнуло так громко, что Ран вздрогнул. — Говори.

— Вы желаете, чтобы я освободил ваши владения?

Темные брови опустились низко за очки.

— Я сам позвал тебя сюда. Зачем мне хотеть твоего ухода?

— Я имел в виду особняк, мой Господин.

— Что?

— Я могу забрать свои вещи, если вы желаете, но я хотел бы остаться в Колдвелле, чтобы поддерживать связь с Битти...

— О чем, черт возьми, ты толкуешь.

Не вопрос. Скорее пистолет, приставленный к виску.

В последовавшем молчании, Ран перевел взгляд на золотистого ретривера... который тут же лег на пол, словно не хотел проявлять грубость по отношению к гостю, но должен был поддержать своего хозяина и потому решил остаться в стороне от происходящего.

— Похоже, это связано с чисткой снега прошлой ночью? — спросил Ран.

Когда Король открыл рот, изумленное выражение на его лице допускало, что впереди их ждет еще большее непонимание.

— Я попробую еще раз: о чем ты вообще говоришь?

В это мгновение Сэкстон зашел в зал и закрыл за собой дверь.

— В некотором смысле здесь замешана чистка снега, — сказал мужчина.

Ран прокашлялся, чувствуя себя идиотом. Не стоило верить аристократу на слово.

— Я просто пытался помочь. Я был осторожен, стараясь не задевать каменные ступени и...

— Так, хватит, я не знаю, о чем ты говоришь, да и плевать хотел. — Роф резким движением откинул волосы назад. — Ты здесь, потому что Сэкстон сказал мне, что ты ищешь возможность отработать свой стол и проживание. Поэтому у меня есть работа для тебя.

Ран перевел взгляд с Короля на адвоката.

— Мне не нужно уходить?

— Черт, да нет же. Кто тебя вообще надоумил?

Ран, не скрываясь, облегченно выдохнул.

— О, благодарю вас, мой Господин. Что бы вам ни потребовалось от меня, будьте уверены, я

сделаю все, что в моих силах. Для меня неприемлемо пользоваться вашей щедростью...

— Отлично. Я хочу, чтобы ты свозил его к моему подданному, у которого возникли проблемы с людьми.

Ран нахмурился.

— Прошу прощения, мой Господин, но я не умею ни читать, ни писать. Как я могу оказаться полезным в работе Королевского Адвоката?

Сэкстон сделал шаг вперед, и его запах мгновенно достиг носа Рана... странно, что он вообще это заметил. С другой стороны, этот визит вообще нельзя назвать нормальным.

— Наш Король, — сказал мужчина, — хочет, чтобы меня сопровождали в данной поездке к гражданскому из соображений моей безопасности. Братья, солдаты и новобранцы заняты на поле боя, охраняют этот дом, либо восстанавливаются, поэтому неуместно назначать их на это дело.

Роф поднял ладонь.

— Слушай. Я просто хочу, чтобы ты был там, на случай, если те люди начнут чудить. О сражении нет и речи, но мне не нравится мысль, что Сэкстон будет без подстраховки. И до меня дошел слух... что ты неплохо дерешься... охренеть как хорошо, на самом деле.

Ран отвел глаза, чувствуя на себе взгляд Сэкстона... и был у него соблазн отрицать свое прошлое... или хотя бы приуменьшить заслуги. Конечно, он не мог сделать это, не противореча Королю... и без откровенной лжи. К тому же, адвоката наверняка уже просветили на его счет.

— Опять же, я не ожидаю, что кто-то из вас будет в опасности, — заявил Роф. — Но я не могу обещать, что все обойдется без конфликтов. Ничего, с чем ты не сможешь справиться... учитывая, с чем ты имел дело в прошлом.

Старая, знакомая ему усталость, весившая добрую тонну, накрыла плечи, и Ран опустил голову, не говоря ни слова.

— Ты не обязан соглашаться, — сказал Роф спокойно. — Это не является условием твоего проживания в доме.

Спустя мгновение Ран перевел взгляд на своего правителя. Великий Слепой Король смотрел на него с такой сосредоточенностью, что он мог поклясться, будто мужчина что-то видел. А потом его ноздри расширились, словно он принюхивался.

Внезапно Роф повернул голову в сторону юриста.

— Ничего страшного. Я найду кого-нибудь...

— Я возьмусь за это, — сказал Ран хрипло. А потом перешел на Древний Язык: — *Я перед вами в неоплатном долгу за то, что вы пустили меня в свой благословенный дом и разрешили поселиться в нем. Для меня честь — служить вам.*

Ран поднялся и подошел к Королю, опускаясь на колено.

Но Король не протянул черный бриллиант для скрепления клятвы.

— Ты уверен? Я не одобряю, когда людей заставляют заниматься всяким дерьмом... ну, заставляют убивать ради выживания или спортивного интереса.

— Я уверен.

Его ноздри снова расширились. Потом Король кивнул.

— Да будет так.

Когда ему протянули кольцо, Ран поцеловал огромный камень.

— *В этом и многом другом, я не подведу вас, мой Господин.*

Снова встав на ноги, он перевел взгляд на Сэкстона. Адвокат все еще смотрел на него с нечитаемым выражением, черты его идеально красивого лица смущали его... а еще были умные слова, которые он произносил с идеальной интонацией, и эта дорогая и модная одежда.

— Мой Господин, если позволите, — сказал мужчина. — Я провожу его? И самое время

сделать перерыв на обед? У нас впереди еще три часа работы.

Ран смутно осознавал, что Роф сказал что-то, и Сэкстон ответил ему.

Все, на чем он мог сосредоточиться — что его снова втянули в это.

Последнее, чего он хотел, — это сражаться с кем-либо, шла ли речь о нападении или защите.

Он оставил насилие в прошлом.

Но Ран не мог отказать Королю. Или отрицать необходимость защиты юриста. Этот джентльмен был очень умным и являлся неотъемлемой частью работы Дома для аудиенций. Ран слышал много историй во время трапез в столовой. Сэкстон был незаменим.

Если повезет, то ему не придется никого убивать.

Он на самом деле ненавидел убивать.

Пусть и был профи в этом деле.

***

Просто люди.

Когда Ново и Джон Мэтью материализовались в тених с подветренной стороны к той паре ночных бродяг, стало очевидно, что это не враги. Но это не значило, что парочка не несла потенциальной угрозы и, соответственно, ее можно было прихлопнуть. Нужна была провокация с их стороны, и это она могла устроить, плевое дело... но против правил.

Живи и не мешай другим, если только тебя не провоцируют на бой.

— Черт возьми, — пробормотала она.

Джон Мэтью кивнул. Потом указал в сторону, откуда они пришли.

— Да, вернемся на маршрут.

Двадцать минут спустя они прочесали первый отрезок своего сектора, и пришло время для повторного осмотра. И это забавно... пока они прочесывали квартал, Ново вспоминала первые пару ночей на поле. Одна из самых главных задач в этом деле — не беситься из-за того, что ты не дерешься каждую минуту своего патрулирования.

Почему-то она считала, что будет сражаться постоянно.

Фиг вам. Главное в этом деле — над чем она до сих пор работала — оставаться в постоянном фокусе без лишнего перенапряжения, когда минуты затишья растягиваются в пятнадцатиминутные и получасовые интервалы. Нужно быть начеку в последние секунды своего патруля, таким же бодрым, как и в начале ночи, ведь никогда не знаешь...

Когда заработал наушник, Ново подняла руку, заталкивая его поглубже в ухо.

— Дерьмо.

«Бойтесь своих желаний», подумала она, снова доставая пистолет.

Джон Мэтью похлопал ее по плечу, и она кивнула.

— Да, я прикрою слева.

Несколько секунд спустя они материализовались посреди заварушки. Пэрадайз и Фьюри сражались с убийцей, загоняя лессера в переулок. Но в дальнем конце показалось еще двое.

Быстро оценив ситуацию, Ново бросилась в атаку. При использовании пистолета велика была вероятность сопутствующего ущерба, поэтому она на бегу убрала огнестрельное и расцехлила один из кинжалов.

С обнаженными клыками и сердцем, полным ярости, она как поезд налетела на левого лессера, заваливая его наземь прежде, чем он успел сообразить, что происходит. Она вонзила кинжал в его кадык, а потом свободной рукой схватила за перед куртки и начала вбивать его череп в заледеневший асфальт, снова и снова.

Черная кровь брызгала на ее лицо, попадая в глаза и рот, тошнотворная сладость вместе с холодным воздухом, обжигавшим дыхательные пути, попадала внутрь.

На задворках разума Ново понимала, что нужно переключиться на следующего. Нужно вонзить кинжал в сердце гаденьша, отправляя назад к Омеге... а потом помочь остальным.

Но ее рука работала как поршень, а черное пятно на снегу становилось все шире. Самое охрененное? Убийца все чувствовал, боль от ее ударов отражалась на шокированном лице и в рваных вдохах.

Лессера можно «убить» лишь одним способом.

Нужно заколоть его в отсутствующее сердце. Так что она может продолжать так до бесконечности, бессмертный убийца будет чувствовать агонию от каждого удара, как от первого...

Рядом с левым ухом просвистела пуля, заставив ее поднять взгляд. Примерно в пятнадцати футах от нее, в переулке появился другой убийца, готовый поиграть, и у него в руках был малокалиберный пистолет.

Она бы посмеялась, не будь ствол нацелен на нее... чуть ближе, и ее ждет выстрел в упор.

Ново перекатилась, потянув недееспособного лессера на себя, используя его в качестве щита. В процессе она лишилась кинжала, но у нее оставались другие варианты... потянувшись к бедру, она достала пистолет, пропихнула его между конечностями лессера и открыла огонь.

Она попала новоприбывшему лессеру в плечо, удар отбросил его назад, но не сильно замедлил ублюдка... поэтому она продолжила стрелять, пока не опустошила обойму. Хорошие новости? Она сбила убийцу наземь. Плохие новости? В следующую секунду нежить снова стояла на ногах и жала на курок... достав второй пистолет.

Твою дивизию... Ново, отталкивая вялые конечности лессера, попыталась добраться до запасной обоймы.

Слишком поздно. Нескоординированно.

Ее убьют...

Краем глаза она уловила вспышку движения, и на опознание ушла всего секунда: Пэрадайз выпрыгнула из теней, становясь в низкую стойку, готовая завалить стрелка.

Слава Богу. Однако Ново не стала полагаться на волю случая. Она умудрилась вставить новую обойму и подняла пистолет, но не стала спускать курок, боясь зацепить коллегу...

Что-то пронеслось мимо пистолета Ново... прямо навстречу пулям, которые выпускал убийца. Вспышка слева. Настолько молниеносная, что она не могла понять, друг это или враг.

Но потом она увидела.

Пэйтон не дал Пэрадайз завершить атаку. Он налетел на нее, отбрасывая девушку в сугроб, уничтожая ее оборонительную стратегию, целью которой было спасение Ново.

Убийца с пистолетом опустошил обоймы, только чудом никого не зацепив, а потом он воспользовался возможностью для побега, развернувшись и бросившись со всех ног...

Недалеко он ушел. Зейдист занялся им, хлопок и вспышка света объявили о быстром устранении лессера.

С этим, а также благодаря подмоге, которая появилась на поле, битва закончилась также быстро, как и началась.

— Твою мать, да что с тобой не так?! — рявкнул Брат Фьюри.

Когда они с Джоном Мэтью приблизились, стало очевидно, что молчаливый боец был также Адски, Охренеть Как Зол.

Ново отпихнула от себя покрывало в виде лессера и подняла голову, чтобы понаблюдать за разбором полетов. Параллельно осматривая себя на предмет пулевых ранений.

Фьюри, тем временем, оторвал Пэйтона от Пэрадайз как липучку, и разве что не швырнул

бойца через весь город. Когда Пэйтон с досадной ловкостью приземлился, началась жара.

Фьюри подошел к нему.

— Не хочешь объяснить, что за херня здесь только что случилась? — Брат ткнул пальцем в сторону Пэрадайз, которая уже встала на ноги и сейчас отряхивала снег с кожаных штанов. — Ты подверг опасности всю команду и жизни двух человек, в итоге этот убийца вернулся к Омеге.

Пэйтон скрестил руки на груди и уставился в точку над левым плечом. Потом прошелся туда-сюда и в итоге встал возле Ново.

— Пэрадайз была в беде.

— Прошу прощения? — изумилась девушка. — С какой стати?

Пэйтон избегал смотреть на нее.

— У него был пистолет. Он мог развернуться и выстрелить ей прямо в лицо.

— К тому моменту, как он бы увидел меня, я бы уже контролировала его оружие, — парировала она. — Он был сосредоточен на другом.

— Ты этого не знаешь. — Пэйтон покачал головой. — Вовсе нет.

— Нет, знаю. — Пэрадайз сократила расстояние, встречая его в лобовую. — Я оценила ситуацию и начала действовать. Если бы я не предприняла попытку обезоружить его, он бы мог убить Ново.

— И, повторюсь, ты этого не знала наверняка.

Ново закатила глаза.

Спасибо за беспокойство, говнюк.

И, п.с., почему вы спорите над моей душой?

Ради всего святого, так ей не подниматься, если она, конечно, не хочет занять место судьи на ринге.

Пэрадайз вскинула руки.

— Мне не дали шанса это выяснить, верно? Потому что ты решил поиграть в гребаного героя, который мне был не нужен.

«Пошли проповеди», подумала Ново, еще дальше отпихивая от себя едва шевелившегося лессера и садясь.

— Это неприемлемо. — Фьюри достал телефон. — Ты не выходишь на поле до получения дальнейших распоряжений.

— Что?! — Перестав оглядываться через плечо, Пэйтон посмотрел Брату прямо в глаза. — За что?!

— За нарушение протокола. — Фьюри вскинул руку. — Рот закрыл. Могу заверить: чтобы ты ни сказал, легче тебе...

Из ниоткуда, по широкой дуге, в воздухе взлетел кинжал, целясь прямо в центр груди Ново.

Изо рта вырвался крик, когда она вскинула руки, пытаясь поймать предплечье лессера: тяжелораненый враг каким-то образом умудрился найти ее потерянный кинжал... и сделал все возможное, чтобы вернуть ей клинок. И немёртвый, вопреки всем ранам, был невероятно силен.

А ее руки соскользнули из-за черной крови, которую она пролила...

Кинжал вошел в ее сердце, прорезая бронежилет.

Боли не было, что, наверное, являлось плохим знаком, и Ново, рухнув на снег, смогла поднять голову и уставиться на казавшуюся нереальной, торчащую из ее грудины рукоять кинжала, который все еще сжимала рука лессера.

Странно, но она обратила внимание на белое облако, вырвавшееся из ее рта, выдох рассеялся в ночи, будто его и не было. А, может, это душа покинула ее тело?

Последнее, что она увидела — лессера, улыбающегося над ней, его безумные счастливые глаза светились от триумфа, изо рта сочилась черная кровь, когда он начал смеяться.

А потом его голова взорвалась, с какой-то стороны прилетели пули, разрывая кости и распыляя мозги тонким слоем на обжигающе-холодном ночном воздухе.

На этом все.

Ново потеряла сознание, ее засосала огромная черная дыра, Мрачный жрец накрыл ее своим плащом, и ткань была столь плотной и тяжелой, что она не могла противиться ей.

Последней мыслью стало признание, что именно такой исход она предсказывала себе в то мгновение, когда заполняла заявление в учебную программу. Что удивляло? Все произошло охренеть как быстро.

Она была уверена, что протянет год или два.

Заметив, что лессер сел, Пэйтон сразу понял, что у них проблемы. А потом лезвие взметнулось над плечом нежити, на гротескном лице с открытой пастью растянулась ухмылка, полная ненависти.

И вечность сжалась до мгновения.

Не нужно было проводить точные геометрические измерения, чтобы понять, куда вонзится бритвенно-острое лезвие, и было невозможно остановить неизбежное. Оружие выполнило свой долг, попав Ново в грудь, прорезая бронежилет, обретая дом в ужасном месте...

Шум от выстрела в упор отдался в его ушах, и Пэйтон отскочил. Но это был не враг. Это Пэрадайз, сильная и уверенная, выполнила свою работу: точным выстрелом разнесла голову убийцы, кусочки и части посыпались как конфетти, черная кровь мелким дождем покрыла белый снег, словно сажа.

Но гребанный лессер, вместо того чтобы завалиться назад, рухнул вперед, на Ново... и на кинжал.

Когда лезвие вошло еще глубже, Ново дернулась, вскидывая руки и ноги. А потом обмякла.

— Звоните Мэнни! — закричал Фьюри, бросаясь вперед и оттаскивая лессера. — Звоните, черт возьми...

— Я уже! — перебил его Крэйг.

Пэйтон покачнулся, увидев рукоять кинжала, торчащую из кожаной куртки Ново. Лезвие вошло так глубоко, что не было видно ни миллиметра стали. Она умрет... если уже не умерла.

И все по его вине. Благодаря ему, Пэрадайз убила своего врага слишком поздно.

Когда ноги подкосились, он узнал о том, что нижняя половина тела отказала, только по смене уровня обзора. Сам он ничего не почувствовал... в физическом плане. Эмоционально же... он попал в огненный смерч.

Зейдист тем временем послал оставшееся тело к Омеге, и, когда шум со световой вспышкой утихли, все собрались вокруг Ново, усевшись на корточки, упершись одним либо обоими коленями в пропитавшийся кровью снег. Сейчас Пэйтон ее почти не видел: Пэрадайз и Крэйг держали ее за руки, Фьюри проверял пульс, а Бун устроился у нее в ногах.

О, Боже, этот кинжал.

Торчащий прямо из ее груди.

Пэйтон проглотил ком.

— Ново? Она жива?

Тупой вопрос. С другой стороны, чтобы он не сказал, это будет трагедия...

Громоподобный топот. Из-за спины.

Извернувшись, он посмотрел в сторону нового нападения. Но нет, там никого не было; это его сердце билось в груди, панический ритм рикошетом отдавался в ушах.

Пэйтон открыл рот и распахнул кожаную куртку в напрасной надежде, что это облегчит нехватку кислорода в легких. Где гребаная скорая?

Поднимаясь, он попытался заглянуть за головы других бойцов... и почти пожалел о том, что ему это удалось. Ново была блее снега, открытые глаза уставились куда-то в точку над ее головой. Она видела Забвение?

Вернись к нам, — ему хотелось кричать. — Отвернись от другой стороны... останься здесь!

И, черт подери, ему было ненавистно смотреть на кровь убийцы на лице Ново. Он хотел стереть жидкость с ее неестественно-бледной кожи, избавить ее от этого боя, своей ошибки и

последствий.

Выругавшись, Пэйтон сделал несколько шагов, цепляясь за свои волосы, натягивая их со всей силы. Мозг сказал ему, что если он сможет достаточно ясно мыслить и представить себя там, где он стоял в момент принятия неверного решения, то каким-то образом у него получится вернуться назад во времени... и, не пытаясь защитить Пэрадайз, исправить ужасные последствия.

Тогда они все еще будут сражаться... или, может, эта перестрелка уже будет выиграна, и они просто останутся стоять здесь, радуясь победе, готовясь к следующему бою.

— Она жива? — спросил он хрипло. — Она...

Ново закашлялась, и при виде красной крови у него так сильно закружилась голова, что он снова рухнул на снег. Опустив голову, Пэйтон оперся на руки, готовясь к рвоте. Но, несмотря на тошноту, его не вырвало.

Грохот подъезжающего фургона скорой помощи звучал подобно пению ангельского хора, и, освобождая путь, Пэйтон оттолкнулся от снежного покрова, в итоге прижавшись спиной к стене ближайшего здания. Когда скорая остановилась, из-за руля выскочил Мэнни с вещевым мешком в руке, на его шее болтался стетоскоп.

— Не передвигайте ее, — рявкнул мужчина.

И все разом убрали руки, будто никто не хотел нанести тот самый, непоправимый вред. А потом все отошли, освобождая место для доктора.

Пэйтон остался на своем месте, сжимая голову, удерживая в руках бетонную черепашку. Он моргал время от времени — это были единственные движения с его стороны.

Он даже не дышал.

Мгновенье спустя в переулке материализовалась Елена с рюкзаком, полным медицинских инструментов. А потом появилась Док Джейн. И другие Братья.

Время от времени Пэйтон чувствовал на себе чужие взгляды, слышал перешептывания о том, что произошло. Его не волновало все это. Он просто хотел знать, что Ново жива.

Перед ним остановилась пара огромных ботинок.

Когда Пэйтон поднял взгляд, Брат Рейдж сказал:

— Я знаю, ты не хотел этого.

— Она еще жива? — Срань Господня, он говорил не своим голосом. — Прошу... скажи...

— Я не знаю. Но мы должны увезти вас отсюда.

— Клянусь, я не хотел этого. — Он закрыл глаза и прижал к ним ладони. — Я не хочу этого.

— Я знаю, сынок. Сейчас нам нужно вернуться, нам с тобой.

— А что с ней? — Он опустил руки. — Что будет с ней?

— Мэнни, Елена и Джейн делают все, что в их силах. Но мы хотим увезти учеников на базу. Автобус приехал.

Черт, он даже не заметил.

Он попытался встать, и огромная рука Рейджа помогла ему.... А потом Брат начал его обыскивать.

— Что ты делаешь? — спросил он у своего наставника.

— Забираю у тебя оружие.

— Я под арестом?

Рейдж покачал головой.

— У тебя на роже написано — «самоубийца».

***

Пэйтон не знал, сколько времени ушло на то, чтобы вернуться в учебный центр. Время перестало быть для него измеряемой величиной... скорее, превратилось в бескрайнее пространство, бесконечное, неисчислимое, больше него самого и кого бы то ни было. Он также не знал, как оказался в подземном комплексе Братства. Не помнил дорогу в автобусе, как заходил в помещение, как в итоге оказался сидящим в кресле в комнате отдыха.

Должно быть, сам передвигался. Уж точно не дематериализовался, и на руках его не несли. Его мозг был мертв...

Боже, он не хотел использовать это слово.

Подняв руки, он обнаружил, что держит бутылку с выпивкой... в этот раз джин, «Бифитер». Крышка была снята. И кто-то опустошил бутылку на четверть.

С покорностью заключенного, осужденного на смертную казнь, Пэйтон окинул взглядом комнату отдыха. Он был один, и, судя по часам, прошло уже пару часов.

«Сколько еще Ново будет в операционной?» — размышлял он. В какой-то момент к нему зашел Рейдж и сказал, что они стабилизировали Ново в том переулке, но она проведет еще много времени в операционной.

Жива ли она...

Дверь в комнату распахнулась, и когда Пэйтон увидел, кто пришел, то уткнулся взглядом в бутылку джина. Приказав руке поднести открытое горлышко ко рту, он взбесился, что конечность отказывалась подчиняться.

Интересно. Его словно парализовало.

— Как... как ты? — спросила Пэрадайз, войдя внутрь.

«Хуже вряд ли будет», решил он, пофиг, и посмотрел на нее. Ее налитые кровью глаза опухли от рыданий, щеки покраснели от постоянного вытирания слез на морозе, а руки дрожали, когда она туда-сюда расстегивала и застегивала свою черную флисовую кофту.

— Отлично, а ты? — пробормотал он.

— Пэйтон, перестань.

— Что ты хочешь от меня услышать? Они забрали у меня все оружие, потому что решили, что я сведу счеты с жизнью... и, знаешь, это о многом говорит. Я ответил на твой вопрос?

Когда она уставилась на него, он прошептал:

— Прости.

Опустив взгляд, Пэйтон покрутил в руках бутылку, пока не нашел на этикетке крошечного королевского стражника^[26]. Блин, хотел бы он поменяться местами с этим двумерным изображением... хотел бы он стать плоской картинкой.

— Есть новости о ней? — спросил он хрипло.

— Пока нет. Мы просто ходим по коридору. Элена сказала, что еще не скоро.

— Поэтому ты пришла сюда? Рассказать мне об этом?

— Я подумала, что ты имеешь право знать.

— Я ценю это. — Он сделал судорожный вдох. — Знаешь, я должен был дать тебе сделать свою работу.

— Пэйтон...

«Она будет произносить его имя в такой манере до конца их жизней?» задумался Пэйтон. Как облеченное в звуки рыдание.

Она подошла к нему и села напротив.

— Это была ошибка. Рефлекс.

— Если она умрет, то я — убийца.

— Это не так.

Пэйтон просто покачал головой. Потом посмотрел на Пэрадайз и заставил себя не отводить

взгляд.

Светлые волосы, выбившиеся из высокого хвоста, сияли в тусклом освещении с потолка, образуя вокруг ее головы нимб... и это казалось таким уместным. Она была святой женщиной с золотым сердцем.

А потом он вспомнил мастерский выстрел, который разнес голову лессеру.

Ну, женщиной с золотым сердцем и меткостью снайпера.

С неожиданной четкостью Пэйтон вспомнил ее действия во время ориентирования: как Пэрадайз помогала ему после того, как он наелся отравленных закусок, и его затошнило, как она тащила его вперед, пока он, наконец, не рухнул от истощения на конечном витке того теста на выносливость... после чего она продолжила путь. Он также вспомнил ее в классе: она всегда была собрана, усердно готовилась к тестам, задавала правильные вопросы. Ту же сосредоточенность и целеустремленность Пэрадайз проявляла во время физподготовки, шла ли речь о рукопашных спаррингах, тренировках в качалке или беге с препятствиями.

Она была полностью компетентна для своей работы.

И, что более важно? Он был готов поспорить, что Пэрадайз никогда бы не поступила так, как поступил он в том переулке. Она бы не вмешалась туда, где ее помощь не требовалась.

«Рефлекс» — так она назвала его реакцию.

Нет, рефлекс тут не при чем. Он защищал ее так, словно она была его женщиной. Подверг себя опасности, спасая ее... когда помощь, на самом деле, ей не требовалась. Если бы кто-то другой боролся с тем лессером? Он не стал бы вмешиваться.

Нахмурившись, он заметил, что Пэрадайз теребит что-то у своего горла. Небольшая подвеска на цепочке. Она никогда не носила ничего подобного, и, видит Бог, украшения ее матери были яркими творениями известных ювелирных домов, не что-то столь изящное и простое.

Должно быть, подарок Крэйга.

«Белое золото, даже не платина», подумал он. Но, без сомнений, Пэрадайз считала вещь бесценной.

Наблюдая, как ее тонкие пальцы теребят подвеску на изящной цепочке, он чувствовал ясную необходимость отпустить свои грезы.

— Слушай, Пэйтон... о том, что ты сказал прошлой ночью...

— Я ничего не говорил. Это была шутка. Тупая неуместная шутка.

Повисшая тишина подсказала, что Пэрадайз сделала вывод из его гронковского ^[27] рывка в ее сторону в переулке, и сейчас знала, что он лжет. Но в это мгновение, словно их разговор транслировали по громкой связи, открылась дверь... и да, разумеется, это был Крэйг.

— Они уже зашивают ее, — заявил мужчина жестким тоном.

«Вау», — подумал Пэйтон, когда Крэйг смерил его злобным взглядом. Такой взгляд нанесет ущерба не меньше разрывной пули... ему ли не знать, ему же стреляли в голову.

— Она поправится? — спросила Пэрадайз, подходя к своему мужчине. — Правда?

— Не знаю. — Они обнялись, поддерживая друг друга... отчего Пэйтон почувствовал себя аутсайдером. Справедливо. — Ново в критическом состоянии. Но они ищут добровольцев, чтобы покормить ее, значит, шанс есть. Слушай, ты не против, если я дам ей свою вену...

— О, Боже, ну конечно. Разумеется.

— Она не захочет мою вену, — сказал Пэйтон.

— А тебя никто не спрашивает, — неприязненный взгляд снова обратился к нему.

«Значит, так теперь всегда будет», — подумал Пэйтон. Но он понимал позицию парня.

Дерьмо.

Прежде чем Крэйг бросился на него с кулаками, Пэрадайз встала между ними и, уперев

ладони в его грудь, оттолкнула своего парня назад.

— Успокойся, ладно? Нам больше не нужны травмы в команде.

Она понизила голос, и они переговаривались шепотом. А потом Крэйг толкнул дверь и вышел из комнаты.

Пэрадайз сделала глубокий вдох.

— Слушай... нам надо поговорить.

— Нет. Не надо, и говорить мы не будем.

— Пэйтон. Произошедшее сегодня ночью...

— Никогда не повторится. Вероятней всего потому, что они вышвырнут меня из учебной программы, но даже если нет, я не повторю эту ошибку. Ты теперь сама по себе.

— Стой. Прощу прощения? Мне не нужно, чтобы ты присматривал за мной. Я сама могу позаботиться о себе.

— Знаю, знаю. — Он потер лицо. Сделал еще один глоток из бутылки. Ему хотелось кричать. — Пэрадайз, все кончено, ясно? Хватит... и перестань на меня так смотреть.

— Как «так»?

— Не знаю.

Повисла пауза.

— Пэйтон, мне жаль.

— Это я совершил ошибку, не ты. — Чтобы не звучать двусмысленно, он покачал головой. — Я извинюсь перед Крэйгом. Сам понимаю, можешь не говорить.

Дверь снова открылась, но в этот раз пришел Брат Рейдж.

— Так, Ново покинула операционную, и, по крайней мере, она жива. Мы должны написать подробный доклад по происшествию, а потом проведем психическую оценку твоего состояния.

Когда Пэйтон не ответил, Рейдж кивнул на коридор за собой.

— Сынок, пошли, ты должен проследовать за мной в офис.

Поднимаясь на ноги, Пэйтон подумал, как это печально характеризует его жизнь: их прервали, требуя от него обоснований его непростительных действий... мешая другому «приятному» варианту времяпровождения — веселому диалогу о неразделенной любви с объектом этой самой любви.

Выбирай — не хочу.

По пути к выходу, он поставил «Бифитер» на боковой столик, и, проходя мимо Пэрадайз, помедлил.

Положив руку на ее плечо, Пэйтон ободрительно — хотелось в это верить — сжал его.

— Прости. За все. Во всем виноват я один.

Прежде чем она успела ответить, он разжал хватку и вышел.

В коридоре собрались остальные ученики и несколько Братьев, они бродили туда-сюда, но когда заметили его, то все застыли, а разговоры — стихли.

Он не знал, что сказать им.

Поэтому опустил голову и прошел мимо.

— На этой развилке нужно свернуть направо, — сказал Сэкстон, указывая на лобовое стекло, хотя фары грузовика и так осветили путь. За рулем сидел Ран, одну большую ладонь он положил на двенадцать часов, вторая покоилась на бедре.

Дядя Битти был превосходным водителем. Он вел плавно и ровно, полностью контролируя машину-неизвестной-фордовской-модели на гололеде, сравнимом с тем, что можно встретить на Аляске.

Приятно чувствовать себя в безопасности.

А еще мужчина невероятно пах. Чистый запах силы, смесь мыла, шампуня и крема после бритья, но ничего новомодного. С другой стороны, на Ране? Даже «Палмолив» будет звучать как дорогой одеколон.

— В следующий раз мы сможем дематериализоваться, — сказал мужчина. — Прости, я еще плохо ориентируюсь в Колдвелле.

Что ж, ты мог бы взять мою вену, а потом просто проследовать за мной...

Сэкстон оборвал неуместную мысль.

— Поездка на машине совсем не плоха. На самом деле, я уже давно не передвигался на транспортном средстве. Есть в этом своя прелесть, не так ли?

Он забыл, какой гипнотический эффект могут оказывать автомобили: мерное урчание двигателя, ровный поток теплого воздуха в ноги, размазанный ландшафт за окном... в их случае — сменяющиеся раскатыстые поля, покрытые слепящим снегом.

— Могу я спросить кое о чем? — услышал он свой голос.

— Слишком жарко в салоне? — Ран посмотрел на него. — Я могу убавить печку?

Когда мужчина потянулся к приборной панели, Сэкстон покачал головой.

— Температура идеальна. Спасибо.

Спустя мгновение Ран снова посмотрел на него.

— Я еду слишком быстро?

— Нет, ты образцовый водитель.

«Ого, на этих щеках вспыхнул румянец?» — удивился Сэкстон.

— В общем, мне просто любопытно... — Сэкстон прокашлялся, не понимая, отчего чувствует неловкость. — Я не знал, что в прошлом ты участвовал в боевых действиях. Могу предположить, что речь идет о войне... ты сражался с нашим врагом в Южной Каролине?

Не получив ответа, он посмотрел на Рану. Сейчас его рука лежала на руле не так расслабленно, костяшки побелели... а брови были низко опущены.

— Прости, — пробормотал Сэкстон. — Я оскорбил тебя. Прими мои извинения.

— Нет, дело не в этом.

Но мужчина не продолжил, и они подъехали к следующему повороту раньше, чем кто-либо успел что-то сказать.

— Здесь сверни направо, — пробормотал Сэкстон.

Ран замедлился, включил поворотник и повернул. Затем, примерно через двести ярдов, на обочине показалась подсвечиваемая табличка «Фермерские угодья Блуберри».

— Здесь живут его родители, — произнес Сэкстон в глухой тишине. — Ну, Рок и Лирик, отец и мамэн Блэйлока. Именно они сообщили о возникшей проблеме, значит, пожилая женщина живет где-то рядом.

— Сюда? — спросил Ран, когда подъехали к почтовому ящику с номером, написанным от руки.

— Да, этот адрес.

Подъездная дорожка к территории дома была не расчищена, но на снежном покрове виднелись следы по крайней мере одного транспортного средства. Наверняка те люди, что преследуют женщину, снова приезжали сюда?

— Сейчас будет трясти, — сказал Ран. — Держись.

Сэкстон ухватился за дверную ручку, когда они съехали с сельской дороги на тропу, которая могла вместить максимум один автомобиль. Голые ветки и кусты опоясывали дорогу, словно сама Мать Природа была против и лишь таким образом могла помешать проникновению на территорию.

Подавшись вперед, Сэкстон представил, как в теплое время года эта дорога представляет собой туннель из листьев.

А потом они увидели фермерский домик.

Усадьба оказалась больше, чем он представлял. В своей голове он нарисовал домик хоббита^[28], с покосившимися ставнями и ненадежной трубой. Вместо этого перед ними предстал прочный кирпичный дом, с широким парадным входом, четырьмя окнами, разделенными на двенадцать секций^[29] — на первом этаже и восьмью окнами на шесть секций — на втором. Шиферная крыша была прочной и пережила бы апокалипсис, и да, на окнах имелись ставни, но они были выкрашены в черный и висели строго по уровню.

Дым клубился у обеих труб. Которые были прямыми, словно стрелы.

Также было дерево.

Точнее... ДЕРЕВО.

В центре круга перед домом, из земли выросал грациозный клен с толстым стволом, казалось, он стремился к небесам, его массивные ветви простирались во все стороны и вверх, своей формой и видом он доказывал существование Руки Господней и подтверждал, что Создатель поистине являлся художником.

Но не все являло собой пасторальный образ и покоилось в мире.

В окне в левом углу второго этажа отсутствовала стеклянная секция. По крайней мере, он решил, что в этом дело, ведь к одной из шести секций была прибита фанера.

По неясной причине от этого октрытия Сэкстон промерз сильнее, чем от стоящего на улице холода.

Ран остановил грузовик перед низкими ступенями, ведущими к внушительной парадной двери.

— Нас ожидают? — спросил мужчина.

— Да. Точнее, я звонил внучке. У меня нет прямого контакта самой женщины.

Сэкстон открыл свою дверь, и холодный ветер ворвался внутрь так, будто неистово стремился уничтожить искусственно созданное тепло, и, когда он ступил в своих «Мерсел»^[30] на снег, то по скрипу понял, что температура опустилась ниже нуля^[31]. Сделав глубокий вдох, он ощутил, как древесный дым защипал синусовые пазухи, напоминая ему о рекламе «Вермонта».

На первом этаже горел свет, и сквозь раздвинутые шторы Сэкстон мог видеть мебель ручной работы, по стилю напоминавшую о прошлых веках, а стены оказались покрыты обоями в цветной принт, который был мало популярен в Бурные Двадцатые^[32].

Но это — не проявление упадка, скорее верность Древним Традициям.

Парадная дверь открылась в тот миг, когда Ран обошел кузов грузовика, и в проеме показалась женщина, оправдывающая все ожидания Сэкстона: немного сутулая, с седыми волосами, собранными в пучок, с приятным лицом, испещренным морщинами. Но ее взгляд был внимательным, улыбка — широкой, а пошитое вручную платье — отглаженным и с добротным

кружевным воротничком.

Учитывая скорость старения вампиров, которое практически не проявлялось вплоть до последних годов жизни, ей осталось лет десять, может, чуть больше. Но ненамного.

— Должно быть, вы Сэкстон, — сказала она. — Адвокат Короля. Я — Минни. Это сокращенное от Миниана, но, прошу, зовите меня Минни.

Сэкстон зашагал сквозь снег, понимая, что где-то впереди должны быть ступеньки.

— Хорошо, мадам. А это Ран, мой... помощник.

Ран пробормотал что-то и низко поклонился.

— Прошу вас, входите.

Когда она отошла в сторону, Сэкстон поднялся по ступенькам, а Ран последовал за ним в теплый золотистый интерьер. В воздухе витал запах корицы и чего-то сладкого, напоминая ему о том, что он забыл позавтракать... и, хм, это пчелиный воск?

Страхивая снег с подошвы на коврик, он осмотрелся. Впереди располагалась лестница с деревянными резными перилами, которые, должно быть, регулярно полировали... должно быть, именно от них исходил легкий аромат лимона.

— Я заварила нам чай. — Она указала на гостиную. — Присаживайтесь?

— Разумеется, мадам. Мы должны разуться.

— О, это не обязательно.

— Это быстро. — И, вот неожиданность, Ран уже развязывал шнурки на своих ботинках. — Я не хочу наследить.

— Я очень ценю это, — сказала Минни. И когда Сэкстон снова поклонился, женщина улыбнулась еще шире. — У вас такие хорошие манеры. Вы напоминаете мне моего Рисланда, да упокоится он в Забвении.

— Воистину.

— Присаживайтесь, а я принесу напитки.

Минни ушла, и Сэкстон выбрал место на диване ближе к огню. Камин был облицован кафельной плиткой в голубом и белом цветах, перед каминной решеткой из старой меди лежал вязаный бело-голубой коврик, остальная же часть комнаты была декорирована в викторианских красном и темно-синем цветах.

Оглянувшись через плечо, Сэкстон посмотрел в окно на занесенный снегом пейзаж. «Прекрасное место для чтения», — подумал он... а потом осознал, что он один устроился с комфортом. Ран все еще стоял возле двери, мужчина скрестил руки за спиной, низко опустил голову, и, судя по его стойке, он приготовился провести в таком положении столько времени, сколько они пробудут в этом доме.

— Ран? Заходи, присаживайся рядом.

Ран покачал головой, не поднимая взгляда.

— Я бы предпочел подождать у двери.

— Если ты не сядешь рядом с нами, это будет выглядеть совсем неловко.

— О. Хорошо.

Мужчина, казалось, зарылся в свое полупальто, хотя огонь в камине вполне успешно справлялся с уничтожением холода, и Сэкстон чувствовал, что Ран словно пытался казаться меньше. И, конечно, он медленно сел на другой край дивана, словно боялся опускать весь свой вес на предмет мебели.

По неясной и, наверное, неуместной причине, Сэкстон обратил внимание на то, как близко они сидели друг к другу. Уютный диван вмещал двоих... но не размеров Рана... и сейчас их бедра едва соприкасались.

«Ты здесь по рабочему вопросу», сообщил Сэкстон своему либидо. «Нечего пялиться на

свою охрану».

Минни вернулась с подносом, и не успела она ступить и шагу, как Ран встал и забрал у нее тяжесть.

— Куда я могу поставить это? — спросил он.

— Сюда, прошу.

Ран направился к кофейному столику, и когда он наклонился, блики от камина попали на длинную прядь на голове мужчины, отчего волосы блеснули подобно свежей меди в лучах лунного света.

Интересно, каково будет прикоснуться к...

— Сэкстон? — позвала его Минни.

Встряхнувшись, он увидел, что женщина вопросительно смотрит на него, и ответил наугад:

— Я бы хотел чаю. Спасибо.

— Это «Эрл Грей».

— Мой любимый. — Сэкстон заставил себя сосредоточиться и случайно бросил взгляд в сторону камина. — Делфтская плитка^[33] вокруг вашего камина изумительна.

Минни улыбнулась так, словно он сказал, что ее ребенок — самый замечательный на всей планете.

— Мой Рисланд, он привез ее из нашего дома в Старом Свете. Он купил их у человеческого мастера, и они обрамляли нам камин с 1705 года. Когда он решил, что мы должны пересечь огромное море в поисках лучшей жизни, то знал, что я с тяжестью в сердце покидала то место. И он втайне от меня снял плитки и бережно упаковал их. Только спустя пятьдесят лет мы смогли позволить себе приобрести эту землю, и еще десять лет ушло на возведение дома, но мой Рисланд... — На глаза набежали слезы, и она достала платочек из кармана своего платья. — Он не говорил мне, что задумал, и в качестве сюрприза приклеил их. Он сказал, что эта плитка — мостик к нашему будущему и связь с нашим прошлым.

Пока Минни пыталась взять себя в руки, Сэкстон подался вперед, к плитке, давая женщине такую возможность... и увиденное буквально захватило его. В центре каждой белой плитки голубой краской была изображена некая причудливая сценка, — ветряные мельницы или поля, рыбацкие лодки и люди, занятые работой, — выполненная в беззаботном художественном стиле и украшенная декоративными завитками по углам. В общем, плитка производила восхитительный эффект... и выполненная при жизни настоящих мастеров, она стоила целое состояние.

— Вы пьете с сахаром, добрый адвокат?

Сэкстон кивнул.

— Да, спасибо. Одного будет достаточно.

Ему передали фарфоровую чашку, и он крошечной серебряной ложечкой размешал сахарный кубик на дне. Ран отказался от чая, но взял большой кусок коричне-кофейного пирога.

— Выглядит изумительно вкусно, — сказал Сэкстон, кивая на предложенный ему пирог. — Я пропустил Первую трапезу.

— Важно хорошо питаться, — улыбнулась Минни. — Я всегда говорю это своим внукам. Хотя они давно пережили превращение и живут собственными жизнями. Я взяла их к себе, когда моя дочь трагически умерла при родах. И никто из них еще не стал родителем... а вы состоите в браке с детьми?

Сэкстон прокашлялся.

— Нет. Я — нет.

— Нет, мадам, — ответил Ран.

— Что ж, — заявила она, усаживаясь в кресло-качалку с собственной чашкой чая. — Нужно

исправить это недоразумение, не так ли? Знаете, моя внучка не состоит в браке и весьма недурна собой.

Когда Минни указала на картину маслом позади себя, Сэкстон покорно поднял взгляд. Женщина действительно была красива, имела длинные тёмные волосы и правильные черты лица. Ее глаза покоряли, они излучали острый ум, а ее улыбка показывала, что она обладала добрым сердцем, но душой не была.

— Она ненавидела это старомодное платье, которое я заставила ее надеть. — Минни улыбнулась. — Моя внучка из современной эры, а это платье я сшила давным-давно, когда была в ее возрасте. Я сшила его, когда впервые встретила Рисланда, и поэтому сохранила. Наверное, я надеялась, что оно поможет ей увидеть ценность брака с хорошим мужчиной и жизни, подобной моей. Однако у нее были другие планы... но это не говорит о том, что она не благочестива.

Он посмотрел на Рана. Мужчина тоже изучал портрет, и по неясной причине, Сэкстону было важно то мнение, что формировалось в его голове. Ран нашел ее привлекательной? Захотел с ней встретиться? Будучи свободным мужчиной и заручившись разрешением главы семейства, было вполне приемлемо для него договориться о встрече при свидетелях. Он не принадлежал к аристократии, как и Минни со своим кланом, но правила приличия никто не отменял.

— Вы упоминали, что у вас есть внуки? — спросил Сэкстон. — Я слышал только о внучке.

Минни опечалилась.

— У нас с Рисландом также есть внук. Но мы с ним не очень близки.

— Что вы имеете в виду? И прошу простить меня, если я лезу в ваши дела, но это может иметь отношение к вопросу с вашим домом.

Повисла длинная пауза.

— Дело не в том, что я не люблю своего внука. Но есть в нем черта, которую мне сложно понять и принять. Он всегда искал легких путей, и это служило источником постоянных конфликтов с его дедушкой.

— Прошу прощения. Отношения порой бывают очень сложными.

— Да, и боюсь, мой внук скоро узнает, насколько это утверждение правдиво. — Минни поставила чашку и поднялась на ноги. — Но это его путь, не мой.

Женщина пересекла комнату, чуть сместила абжур, потом выровняла его... передвинула аметистовую жеоду^[34] на приставном столике... потом поправила диванную подушку.

— Минни, прошу, расскажите нам о своем доме, — мягко сказал Сэкстон. — Мы здесь, чтобы помочь вам.

— То же самое сказала мне внучка. Но я думаю, что здесь много шума из ничего.

— И вашей внучке, и вашим соседям так не кажется.

— Вы говорите о Роке и Лирик?

— Да.

— О, они замечательные.

Сэкстон перевел взгляд на бело-голубую плитку вокруг камина. Потом снова сосредоточился на женщине.

— Минни, мы не позволим отобрать у вас собственность незаконным образом, и не важно, идет речь о людях или вампирах.

— Но вы служите Королю.

— А вы думаете, что Роф, сын Рофа, недостаточно могущественен, чтобы влиять на человеческий мир? Хочу убедить вас в обратном.

— Мой хеллрен всегда говорил, что людей лучше оставить в покое.

— Простите меня, мадам... — Ран поставил наполовину съеденный кусок пирога на столик, — но это справедливо лишь в том случае, если они соблюдают собственные законы.

Улыбнувшись, она вернулась в свое кресло-качалку.

— Мой Рисланд сказал бы точно также.

— Расскажите нам, — мягко побуждал ее Сэкстон.

Женщина заговорила не сразу. И когда она начала рассказ, то словно бы примеряла все факты на себя, пытаясь определить, является ли та реальность, которую видят другие, тем, что происходит на самом деле.

— Мой дорогой хеллрен ушел в Забвение два года назад. Моя внучка, которая живет вблизи к городу, просила меня продать дом и переехать к ней. Но я не хотела навязываться, и, что более важно, это мой дом. Как я могу бросить его... дом, имею в виду. Но потом рядом возвели жилой массив... так, кажется, люди называют это. Помню, как не могла спать в течение дня, слушая весь этот стук и шум грузовиков, постоянно сновавших туда-сюда по дороге. После этого, спустя примерно шесть месяцев, со мной связались с целью покупки дома. Людям нравилось то, что они строили, и дома хорошо продавались, поэтому они хотели расширяться.

— Кто вышел на вас? — спросил Сэкстон.

— Мужчина по имени Мистер Романски. Или нет... подождите, это был юрист, представлявший его интересы? Не помню. Сначала они послали мне письмо. Потом позвонили... не знаю, где они взяли мой номер. Когда я не ответила, они позвонили снова. Прислали еще больше писем. Потом люди стали стучать в дверь в течение дня, когда я была внизу. Практически перед уходом в Забвение, Рисланд установил небольшую камеру перед входом, поэтому я видела человеческих мужчин. Сначала пришел один. Потом они начали ходить по двое. Сначала — раз в неделю. Потом чаще.

Сэкстон покачал головой.

— Что произошло дальше?

Минни накрыла рукой основание шеи.

— Они начали оставлять голосовые сообщения о том, что я нарушила обязательства по своей ипотеке? Но у нас нет ипотеки. Я уже говорила, что мой хеллрен построил этот дом два века назад. Потом они заявили, что на территории найдены токсичные вещества... тогда начали звонить человеческие власти из конторы под названием «АООС»^[35]. Они хотели получить допуск на участок. Я пустила их, и они ничего не нашли. Потом всплыла несуществующая проблема с неуплатой человеческих налогов. Уровнем грунтовых вод. Было столько... стресса.

Пожилая женщина посмотрела на окна.

— Вполне естественно, что я не могу выходить на улицу в дневные часы, чтобы встретиться с этими человеческими агентствами... и поэтому они стали подозрительными. Мне пришлось просить доджена моих друзей, чтобы она притворилась мной, и от этого я чувствую себя еще более скверно, ведь это подлог. А потом...

— Что произошло дальше? — спросил Сэкстон.

— Две ночи назад кто-то стрелял в мое окно. Я была внизу в это время и услышала хлопок и звон стекла, разлетевшегося по полу. Это было бы окно хозяйской спальни, если бы я не спала в подвале...

Сначала Сэкстон не мог понять, откуда исходило тихое рычание. А потом он посмотрел на другой край дивана. Ран обнажил клыки... которые выступили в полную длину, напоминая лезвия... а его и без того большое тело преисполнилось агрессией, становясь поистине огромным и смертоносным.

Сэкстон увидел эту трансформацию, и его мозг разделился надвое, одна половина прислушивалась к Минни и ее рассказу... а вторая?

Думала лишь о том, каково это — заниматься сексом с таким мужчиной.

Внезапно Ран закрыл рот и, казалось, взял себя в руки.

Покраснев, он сказал:

— Прошу прощения. Но я не хочу, чтобы с вами обращались так в вашем собственном доме. Это неправильно.

Минни, которая тоже успела встревожиться, снова улыбнулась:

— Вы такой замечательный молодой человек.

— Нет, на самом деле, — прошептал Ран, опуская глаза. — Но я бы обеспечил вам безопасность здесь, если бы мог.

Сэкстону пришлось силой возвращать себя к обсуждаемому вопросу. Иначе он будет пялиться на это лицо две ночи кряду.

Прокашлявшись, он попросил:

— Скажите еще раз, как давно это было?

— Позапрошлой ночью. Разумеется, я ничего не сказала внучке. Не хочу, чтобы она переживала. Но я позвонила Року, и он пришел, чтобы заделать фанерой разбитую секцию. В итоге я была вынуждена рассказать ему все... а сегодня пришли вы.

Сэкстон подумал о том, как заметил на подходе к дому, что с окном на втором этаже что-то не так.

Все могло оказаться намного серьезней, подумал он.

***

После того, как госпожа Миниана закончила свой рассказ, Ран унес поднос с чайным набором на кухню. Он пытался проявить вежливость и принести пользу, но на самом деле добивался одного — осмотра первого этажа. На окнах задней части дома были задвинуты ставни, и это обнадежило его... хотя, в таком случае, почему ставни на передних окнах были распахнуты? Она могла закрыть их все.

И обходя простые просторные комнаты, он отметил, что столовая располагалась в задней части. Сбоку от нее была библиотека. Под лестницей ютилась небольшая ванная комната. Также имелась кладовка и несколько гардеробных.

Краем глаза он не мог не отметить изумительную резьбу по дереву на молдингах, мебели, особенно на панелях и полках в библиотеке. Ее хеллрен, должно быть, был мастером старой школы, и по неясной причине от этого осознания Ран почувствовал, как крепнет его желание защищать госпожу Миниану. С другой стороны, они были похожи: оба гражданские, честным трудом зарабатывающие на хлеб. Он не хотел сказать, что не уважает Братьев. Будучи солдатами, они трудились также усердно, и даже в более напряженной, смертельно опасной обстановке. Нет, он думал о Глимере... о таких, как Сэкстон... хотя он не относился с пренебрежением к этому мужчине... нет, адвокат возвысился над бесполезной массой своего класса, ведь Ран знал, что мужчина трудился, не покладая рук.

Но, да, он думал о высокородных дилетантах.

На самом деле, может, поэтому Ран чувствовал себя чужим в особняке. Будучи окруженным предметами роскоши, ему было сложно увязать истинные личности домочадцев с атрибутами высшего вампирского общества. А этот дом был в его стиле. Больше, чем он когда-либо сможет себе позволить, но потрясающе выстроенный и радующий глаз.

Гребаные люди.

Воистину, он поклялся не возвращаться к старым привычкам, но он с радостью возьмется за решение этой проблемы. Силовыми методами, если потребуется.

Ран вернулся через кухню в гостиную. Сэкстон сидел на диване, подавшись вперед, и активно жестикулировал.

— ... думаю, мы свяжемся с ними от вашего имени.

— О, я не хочу быть обузой, — сказала хозяйка дома. — Вы работаете на Короля. У вас есть более важные дела.

— Мы с удовольствием поможем вам.

— Нет, я вынуждена настойчиво отказаться. Все успокоится... наверняка им скоро это надоест?

Когда Сэкстон беспокойно пропустил руку сквозь густые светлые волосы, Ран заметил, как волны вернулись на место, формируя небольшой вихор на боку.

Казалось странным обращать внимание на подобные вещи, и Ран переключил внимание на хозяйку дома.

— Прошу вас, — услышал он свой голос. — Я буду скверно себя чувствовать, оставив вас сражаться в одиночку с этими людьми.

— Обязательно ли сражаться? — Руки пожилой женщины сжались на коленях. — Вдруг я им просто надоем.

— Они угрожали вам оружием, — сказал Сэкстон. — Думаете, им надоест...

— Простите, — перебил его Ран. — Но когда я был на кухне, то заметил, что ставни на задней стороне дома закрыты... а впереди нет? Почему они открыты?

Миниана покраснела.

— Окна окрашены и не открываются, ставни можно закрыть только вручную снаружи. Я открыла их перед штормом, чтобы насладиться лунным светом... и доказать, что я не напугана. Но потом пришла буря... и я побоялась выходить на улицу в одиночку. Клянусь, я держалась комнат в задней части дома все время, кроме этой ночи. Я ждала вас и подумала... если за мной следят, то хорошо, если они увидят, что ко мне приезжают люди, что я не одна. Или я была права? О, милые, я подвергла вас опасности...

Ран вскинул руку.

— Не думайте больше об этом. Вы поступили правильно. Но могу я сейчас закрыть окна за вас?

— Да? — Миниана заморгала. — Вы очень мне поможете.

— Я отойду на минуту.

Ран кивнул Сэкстону и направился к парадной двери, где обул свои ботинки. Когда он вышел на улицу, глаза и нос защипало от холодного воздуха, но он проигнорировал ощущения, и, сойдя с крыльца, двинулся между изгородью и домом. Одно за другим, он закрыл ставни на каждом окне, запирая на предохранительный крючок.

Быстрый осмотр флангов и заднего двора показал ему, что все было в порядке, и он вернулся к передней стороне дома.

Но не стал сразу же заходить внутрь. Изучая огромное дерево, Ран подумал о следах на дороге.

Повинуясь внезапному порыву, он прошел по глубокому снегу к грузовику и взял фонарик. Включив его, Ран навел луч на голые ветви над ним.

Он нашел камеру чуть сбоку, когда свет попал на отражающую поверхность линзы. Но прежде чем что-то предпринимать, он продолжил свой осмотр по периметру всего участка и нашел еще одну камеру с задней стороны.

Выключая фонарик, Ран вернулся к парадному входу, на коврике стряхнул снег с обуви и вошел внутрь.

Закрыв дверь, он заглянул в гостиную.

— Госпожа? Вы сказали, что у вас есть скрытая камера... одна или больше?

— Нет, а в чем дело?

— Ни в чем. Где установлена ваша камера?

— На углу дома, под карнизом. — Она указала вправо от себя. — Чтобы я могла видеть, кто стоит на пороге. Что-то не так?

Он покачал головой.

— Вовсе нет. Я сейчас вернусь. Проверю все ставни.

Снова оказавшись снаружи, он определил камеру наблюдения, а потом еще раз обошел территорию, чтобы убедиться, что ничего не пропустил. После этого он скрылся из виду и дематериализовался прямо на огромный клен. Сняв с него камеру, он перенесся к заднему двору и удалил вторую камеру. На обеих был несложный механизм управления, и он отключил камеры... и они оказались настолько маленькими, что легко уместились в карманах его полупальто.

Когда он снова вернулся внутрь, госпожа Миниана посмотрела на него.

— Все нормально?

— Да, мадам. Все в полном порядке.

— Вы видели кого-нибудь?

— Нет, никого. — Он посмотрел на Сэкстона. — Наверное, стоит оставить телефон для связи с нами?

— Да, разумеется. — Сэкстон запустил изящную руку в карман пиджака. — Вот моя визитка... Ран, у тебя же нет визитной карточки?

— Я могу продиктовать свой номер? — сказал он хозяйке дома.

— Вот ручка. — Она выдвинула небольшой ящик на боковом столике рядом с собой. — Запишите свой номер на его карточке?

Ран застыл.

Но, к счастью, Сэкстон сгладил неловкую паузу, взяв предложенную ручку.

— Ран? Продиктуешь номер?

Проглотив ком в горле, он назвал цифры, стараясь не чувствовать себя при этом совсем тупым.

— Вот, держите. — Сэкстон встал, протягивая женщине карточку. — Звоните любому из нас. В любое время суток. Я проведу собственный независимый аудит прав собственности, хотя сомневаюсь, что найду какие-либо правонарушения. А потом как ваш адвокат я свяжусь с Мистером Романски, и мы посмотрим, как можно будет решить вашу проблему.

Госпожа Миниана, встав, прижала визитку к груди.

— Я так благодарна вам. Я на самом деле ненавижу приносить неудобства, но я не... наверное, моя внучка права. Не следовало пытаться решить это в одиночку.

— Вы сказали, что ваша внучка живет неподалеку?

— В двадцати милях отсюда.

Сэкстон кивнул.

— Есть вероятность, что прежде чем пойти на поправку, дела могут принять опасный оборот. Я не могу приказать вам покинуть свой дом, могу лишь посоветовать.

— Я бы предпочла остаться.

— Мы понимаем. Но, прошу, рассмотрите такой вариант.

Они низко поклонились, и когда хозяйка пожелала им хорошей ночи, Сэкстон надел свои ботинки, и они вернулись в грузовик.

— Я нашел кое-что, — сказал Ран, увозя их от дома к проселочной дороге.

— Рассказывай.

— Вот. — Он достал камеры из кармана. — Я заметил только две. Но может быть и больше.

Сэкстон взял их в руки.

— Где ты нашел их?

— На деревьях. Они следят за ней.

Когда Сэкстон прошептал что-то нецензурное, Ран вывернул на дорогу и прибавил газу.

— Не могу не согласиться, — пробормотал он.

За следующие двадцать минут королевский адвокат сделал несколько телефонных звонков, один Вишесу, личности же остальных было сложно определить.

А после они просто продолжили свой путь к особняку Братства.

— Я пойду с тобой, когда ты соберешься разговаривать с людьми, — заявил Ран.

— Да, думаю, буду готов завтра ночью или послезавтра. Мне нужно изучить документы.

— Я собираюсь периодически проводить ее. — Он почувствовал на себе взгляд Сэкстона. — Можешь сказать ей... или не говорить. Как посчитаешь нужным. Но сейчас я могу дематериализоваться сюда, причем незаметно. Я не хочу, чтобы она оставалась там одна.

— Нужно обговорить твои действия на случай, если ты встретишь кого-то из них. Особенно если это случится до того момента, как я закончу изучать документы на собственность.

— Я не причиню им вреда. Но и нежничать не стану, прогоняя их с территории этой женщины.

Внезапно до носа Рана дошел необычный запах... темные специи. Странно. Но чтобы это ни было, оно проникло в его нос и каким-то образом распространилось по всему телу. На самом деле, он никогда не чувствовал такого чудесного аромата. Это был...

Ран нахмурился, ощутив перемену в теле, странный инстинкт наполнил его кровь... и сделал тверже кое-что другое.

Когда он осознал, что был возбужден, то резко отшатнулся на водительском сидении, руки с силой вцепились в руль, пот выступил на груди и лице.

«Это было сексуальное притяжение», подумал он шокированно.

К... мужчине.

— Ран?

Он подскочил.

— Прости, что?

— Ты в порядке? Ты только что издал странный звук.

Понимая, что сердце от паники забилось быстрее, он проглотил ком в горле.

— Я в порядке. В полном порядке.

— Хорошо. В общем, Вишес хочет взглянуть на камеры, я отнесу их ему. А потом...

Адвокат Короля продолжил, и Ран попытался уследить за разговором, заполняя паузы подобающими поддерживающими и одобрительными кивками и мычанием.

Но внутри себя он кричал.

Одно он знал о себе точно — он нигде не мог найти себе место. Ни с любимыми родителями, с которыми он рос, ни в мрачные годы его жизни, ни когда он искал свою потерянную сестру... и даже когда он прибил к Братству, стал жить в их красивейшем особняке и принял материальные блага, которых не заслуживал.

Он всегда был одиночкой, и уже долгое время считал или, может, надеялся, что эта изоляция закончится, когда он найдет, наконец, свое место в этом мире.

Шокирующее влечение? К мужчине? Это казалось очередным напоминанием, что его удел — быть изгоем. В конце концов, подобные отношения могли счесть приемлемыми в Глимере, но не среди рабочего класса.

— Ран?

Закрыв глаза, он ответил:

— Да?

— Ты неважно выглядишь.

— Я в порядке. Не беспокойся, я в состоянии выполнить свою работу.

И он доведет дело до конца, несмотря на это мгновенное... чем бы оно ни было... а потом он покинет особняк. Он найдет себе пристанище в одном из домов в Колдвелле, чтобы иметь возможность видеться с Битти, и вернуться к своей работе — починке вещей и уходу за домашним хозяйством.

Пока его не призовут в Забвение.

Непримечательная жизнь для кого-то. Но не всем предначертано иметь великую судьбу, и кто он такой, чтобы считать себя особенным?

Что он знал наверняка? У него было достаточно тайн.

Странное, неуместное влечение к Сэкстону не войдет в этот перечень.

В итоге Пэйтон остался на день в учебном центре, как и остальные. Все новобранцы ночевали здесь... и он старательно избегал их. После разбора полетов с Рейджем, он покинул офис и подумывал о том, чтобы присоединиться к трапезе в комнате отдыха. Но непонятная тошнота и вполне конкретная головная боль в лобной доле сообщили, что это плохая идея. К тому же, последнее, что всем нужно — чтобы Крэйг сорвался с цепи и набросился на него.

Хотя, учитывая, как Пэйтон себя чувствовал, он бы не стал защищаться, предлагая своего рода старомодный *rit*^[36].

По крайней мере, Ново была жива. Как сказали Пэйтону, Крэйг и Бун кормили ее. Он удивился, что никто из Братьев не вызвался, но потом решил, что медицинский персонал осознал важность сплочения учеников и помощи своему раненому товарищу, хотя кровь Братьев, без сомнений, была сильнее.

Боже... он хотел бы дать ей свою вену. И, по крайней мере, она уже пришла в сознание, ведь в ином случае ее не смогли бы покормить.

С другой стороны, никто не просил его, и он знал, что не стоит соваться с предложениями.

Предоставленный самому себе, Пэйтон добрался до учебных классов и обнаружил, что комната под номером 3 оказалась незапертой: он окопался среди столов, стульев и классной доски в пустом помещении, где Тор учил их, как делать бомбы и детонаторы, а Ви читал курс по пыткам.

На хрен алгебру. Вот это дерьмо им действительно пригодится.

Точнее, пригодится остальным. Хотя Рейдж сказал, что вопрос о его исключении не поднимался, сам Пэйтон считал, что оно не за горами.

А терапия? С Мэри?

Кого они пытаются надурить? Последнее, чего он хотел — поговорить с шеллан Рейджа о своих чувствах относительно произошедшего. Черт, достаточно сложно было обсуждать факты... к тому же, ничего нового там нет. Вина, сожаление, стыд.

Да ладно. Ну-ну.

Походив туда-сюда, он улегся на стол и впери́л взгляд в потолок. Копчик тут же сообщил, что под ним не было матраса, рука заныла, потому что он согнул ее и использовал вместо подушки. Дневные часы шли неторопливо, и он периодически вставал и прохаживался по классу, скользя пальцами по блестящим поверхностям столов, за которыми они сидели во время занятий.

Он хотел вернуться во времена классного обучения, когда они занимались сплошной теорией. Тогда это казалось невероятным путешествием.

Он хотел вернуться в прошлое, где его кузина еще жива. Потому что, казалось, это было одним из первых упавших проклятых домино.

Он хотел вернуться в тот переулочек. Но он уже достаточно думал о том, что бы он изменил.

Когда дверь распахнулась, Пэйтон лежал и даже не потрудился поднять голову со своего стола-кровати. Он по запаху определил, кто это.

— Рейдж, привет. — Пэйтон потер лицо. — Есть хорошие новости для меня? Нет? Что ж, я привык к этому... сейчас ты должен сообщить мне, что я уволен?

— Она зовет тебя.

Пэйтон вскочил на ноги прежде, чем успел сообразить.

— Что она сказала?

— Ты меня слышал. — Брат кивнул в сторону коридора. — Она ждет.

Нифига себе. Хотя, может Ново хотела покричать на него... и, алло, если это смотивирует ее оставаться в живых, то он с радостью примет роль мальчика для битья.

Выйдя в коридор, Пэйтон направился в медицинский блок, и на своем пути он подтянул военные штаны и заправил в них черную майку.

Но будто ей не пофиг, как он выглядит?

У двери в ее палату он постучал... и, услышав приглушенный ответ, вошел внутрь.

О... дерьмо.

Ново лежала на больничной койке с высокими ограничителями по бокам, ее неподвижное тело было облеплено милями проводов, подключенных к медоборудованию. Ее кожа была землистой, желтый оттенок намекал на состояние печени... э, нет, или все-таки почек? Его голова отказывалась соображать.

Веки Ново были низко опущены, рот приоткрыт, словно она пыталась дышать, прилагая минимум усилий. Елена, стоявшая рядом с ней, проверяла показатели на одном из мониторов... а потом медсестра влила что-то в капельницу с помощью шприца.

— Подойди ближе, — прохрипела Ново. — Я не кусаюсь.

Медсестра улыбнулась, оглянувшись через плечо.

— Рада, что они нашли тебя. Я оставлю вас наедине... но скоро должен зайти доктор Манелло.

Когда женщина ушла, Пэйтон подошел к кровати. Открыв рот, он хотел сказать что-то подобающее. В голову ничего не пришло.

Чувствуя себя идиотом, он начал с:

— Привет.

Да, очень оригинально, основательно и емко... Боже, ну почему это не его закололи?

Ново подняла руку, или, по крайней мере, попыталась... от простыни оторвалась только кисть.

— Не уходи.

— Только если ты мне прикажешь.

— Нет... из программы. Не уходи. Я знаю, о чем... о чем ты думаешь. Я знаю... ты попытаешься... уйти.

Мгновение Пэйтон подумывал о том, чтобы соврать, что не думал об этом буквально две минуты назад. Но она выглядела такой уставшей и истощенной, что он не хотел тратить ее силы... хотя не понимал, почему ее это вообще волновало.

— Нам нужны... бойцы, — хрипло сказала она. — А ты... хороший боец.

— Как ты можешь заявлять такое? — Он подкатил стул к кровати, уселся и положил голову на руки. — Как ты можешь даже...

Голос пропал, когда на глаза набежали слезы. Его так достало быть главным косячником, мудаком, вечным тусовщиком и распутником... его с большой натяжкой можно было назвать достойным мужчиной, и отец знал это, как и все, с кем он сталкивался на своем пути.

А сейчас появилось неопровержимое доказательство его неспособности здраво мыслить.

Вот оно.

Здесь. Лежит на больничной койке. Только выбралась из операционной, где они зашивали ее сердце.

Пэйтон услышал приглушенный рёв пациента, который сходил с ума; мужчина кричал так, словно не мог выбраться из какого-то ночного кошмара.

— Не... уходи... — сказала она. — Посмотри... на меня...

Протерев лицо руками, Пэйтон сосредоточился на глазах Ново... ее красивых, умных, ясных глазах. И каким-то образом он не удивился тому, что, несмотря на слабость в теле, ее взгляд был

осознанным, в нем горела целеустремленность.

— Прости меня, — прошептал он. — За мой поступок.

— Все... нормально...

— Нет, я был неправ. — Когда его голос затих, он направил все силы, чтобы придать ему громкость. — Я хотел спасти Пэрадайз, но она не нуждалась в спасении. Ей это не нужно. Она такой же сильный боец, как и любой из нас. Не знаю, чем я думал.

— Ты... любишь ее. — Лицо Ново напряглось. — Не твоя вина. Чувства... они такие. Поверь на слово, я знаю, что это такое.

— Я не желал тебе вреда.

— Я знаю...

Когда ее глаза закрылись, Пэйтон запаниковал, что, может, она умирала перед ним, и он повернулся к мониторам с кучей диаграмм, цифр и мигающих лампочек. Не было ни одного признака тревоги. Они вообще правильно функционировали?

Но, казалось, она была в порядке. Да, ее дыхание оставалось неглубоким, но ровным, а лицо не выражало боли.

Ново была очень красивой, подумал он. Такая сильная и стойкая, даже в своем ослабленном состоянии.

— Ты не можешь покинуть программу, — прошептала она. — Все развалится. Братья... они разгонят всех...

— Я не люблю ее, — выпалил Пэйтон. — Не люблю. Я просто не осознавал этого раньше.

Глаза Ново резко распахнулись. А потом она еле заметно покачала головой на подушке.

— Это... неважно.

— Ты права. Неважно.

— Обещай... мне. Не бросай...

— Посмотрим...

— Моя вина... тоже. — Когда он нахмурился, Ново продолжила: — Я должна была... заколоть лессера. Должна была... закончить дело. Я тоже отвлеклась. Частично... моя вина.

— Ты неправа насчет этого...

Она подняла руку, словно пыталась прекратить его возражения, а на слова не было сил.

— Я совершила ошибки... тоже. Первое правило... закончить работу. Я накосячила. Я была ранена... также по своей вине.

Пэйтон моргнул пару раз, прежде чем убедиться, что он не разревется.

— Позволь мне взять всю ответственность. Пусть Братья делают со мной что хотят.

— Мы снова будем сражаться... плечом к плечу... — Сделав глубокий вдох, Ново поморщилась. — Как только я... выберусь из койки...

Ты очень благородная женщина, подумал Пэйтон.

И чем больше он убеждался в этом, тем сильнее окружающее пространство исчезало — мониторы, запах антисептика, слишком яркое освещение и чересчур жесткий стул. А потом эффект ретуши пошел дальше, стирая весь учебный центр, гору, на которой он располагался... Колдвелл, северо-восток... всю гребаную планету.

Он видел лишь Ново, все детали, от крапинок в ее сине-зеленых глазах до ее косы, лежавшей на плече, ее руки, которую она протягивала так, словно хотела, чтобы он взял ее.

Протянув собственную руку, Пэйтон сжал ее ладонь и ощутил удивительно-сильное движение в ответ.

— Мы снова будем сражаться плечом к плечу, — поклялась она.

Сражаясь с адовой болью и влиянием лекарств, Ново пыталась сосредоточиться на Пэйтоне. Нельзя закрывать учебную программу. Без обучения у нее не будет цели и способа выплеснуть все то дерьмо, с которым она имела дело. Если она не признает свою вину в произошедшем в переулке и не простит Пэйтона, то группа будет разобщена. Братство разочаруется в них, их терпение лопнет, и потом ей придется участвовать в получеловеческой свадьбе ее сестры без защитных доспехов против всего, чего она лишилась.

Без этой работы, боев и ночной рутины, она лишится фундамента под ногами. Ничто не поможет ей справляться с этим, двигаться вперед.

И ее спасение от забвения начиналось с Пэйтона.

Прощение его проступка с ее стороны распространится на всех и снова сплотит коллектив. Другие последуют ее примеру... и, п.с., она не придумала дерьмо про свою вину. Нельзя было позволять убийце расслабленно валяться на ней. Эти ублюдки напоминали гремучих змей — могли цапнуть, даже когда разрубишь тварь пополам. Поведение Пэйтона запустило ужасную цепочку событий, но и она внесла свой вклад.

Никто из них больше не совершит такую ошибку.

Если, конечно, им дадут второй шанс.

Собрав крупницы сил, Ново попыталась сосредоточиться на лице Пэйтона, но получилось лишь отчасти. Все было размыто, словно между ними стояло несколько слоев пыльного стекла.

Что она чувствовала четко? Запах его слез.

И это был шок. Да, ей провели операцию на открытом сердце, но, да ладно, Пэйтон был вечным балагуром, озорником, который насмехался над всем и вся. Даже дыхание смерти неспособно было отрезвить его... по крайней мере, она бы никогда не подумала...

Я не люблю ее.

Это не имеет никакого значения, сказала она себе.

Дверь распахнулась, и в палату зашел доктор Манелло; мужчина сменил хирургическую форму на спортивный костюм, подмышкой он держал бутылку воды, а в руке висели наушники.

— Мы проснулись. — Человек улыбнулся. — Ты лучше, чем я ожидал.

— Я боец, — выдохнула она голосом, хриплым, как наждачная бумага.

Господи, ей была ненавистна эта слабость в голосе.

Доктор Манелло подошел к кровати и поздоровался с Пэйтоном, ударив костяшками по предложенному кулаку. Потом он склонился над изголовьем койки.

— Да, и будучи солдатом, ты идешь верной дорогой. У тебя дважды останавливалось сердце на моем столе, что, честно говоря, выбесило меня до чертиков. Но это было небезосновательно. А в какой-то момент я почти поверил, что потеряю тебя... но ты вернулась. Видимо, решила, что у тебя остались на Земле незавершенные дела... в общем, твое шестикамерное сердце продолжило биться для нас. И даже протянуло достаточно долго, чтобы я смог зашить дыру.

— Может, все дело в том, что мой хирург... — она сделала глубокий вдох, — талант? В смысле, талантливый.

— Да нет, я просто механик в халате вместо рабочего комбинезона.

Разумеется, он лгал. Когда она только пришла в себя, то услышала Вишеса. Брат говорил, что на такое были способны всего два хирурга — Док Джейн и доктор Манелло. Особенно с учетом того, что у них не было аппарата кровообращения в скорой.

Чем бы он ни являлся.

— Значит так, план следующий. — Доктор Манелло сделал то, что должен сделать врач: просмотрел информацию на расставленных вокруг койки мониторах так, словно в своей голове обновлял информацию в ее карточке. — Ты останешься здесь на следующие двое суток. И не

смей мне тут ныть, что это безумно долго, рассказывать про изумительные регенерирующие способности твоей расы и том, как сильно хочешь домой после заката. — Мужчина вскинул руку, когда она только открыла рот. — Нет, это не подлежит обсуждению. Через двенадцать часов я хочу, чтобы ты встала и прошла по коридору. До выхода и назад, каждые два-три часа...

— Хотела... вернуться в дело... через двое суток.

Доктор Манелло бросил на нее ты-издеваешься-взгляд.

— После операции на открытом сердце? Ну да, конечно.

— Кормление? Я могу... питаться больше.

— Это поможет, безусловно. Но знаешь, что будет еще лучше? — Он посмотрел в потолок и восхищенно произнес: — Остаться, мать твою, в койке.

— Я быстрее исцеляюсь... если питаюсь.

— К чему спешка? Никто из вас завтра все равно не выйдет на поле. — Хирург внезапно закрыл рот, словно выдал информацию, не предназначенную для разглашения. — Так или иначе, расслабляйся, лопай шоколадный пудинг, чтобы успокоить горло, раздраженное после интубации, а мы посмотрим, какими темпами ты пойдешь на поправку.

— И кормление.

— Да, да, конечно, возьми столько вен, сколько захочешь. Но даже если ты превратишься в Френка Ланджелла^[37], я выпишу тебя, когда буду, черт возьми, готов.

— Ты всегда... ругаешься на своих пациентов?

— Только на тех, кто мне нравится.

— Повезло же... мне. — Но она улыбнулась. — Я уже... говорила... спасибо.

— Ты же не разреवेशься при этом, как девчонка? Потому что, без обид, я плачу при виде слез, и мне же лучше не появляться в качалке с зареванной рожей.

— Я никогда не плачу.

— Ну, а я тебе скажу, что у тебя большое сердце. Я видел его своими глазами. — Доктор Манелло положил руку на ее ногу и слегка сжал. — Если что-то понадобится, жми на кнопку вызова. Елена за соседней дверью. Я следующий час тренируюсь, потом буду спать в конце коридора на случай, если откроется рана. Но это маловероятно.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста, — ответил хирург. — Я люблю добиваться положительного результата. И давай остальная часть выздоровления пройдет в таком же темпе, хорошо?

— Да, доктор.

— Хорошая девочка. — Он улыбнулся. — В смысле, крутая чувиха.

Когда ее хирург направился к двери, Ново призналась себе, что мужчина прав. Слишком самонадеянно с ее стороны считать, что она сможет сражаться через два дня. Боль в груди была невыносимой, она чувствовала ее зубами и кончиками пальцев ног, несмотря на все принимаемые лекарства. Черта с два она утихнет к следующей ночи.

Ново посмотрела на Пэйтона. Он сидел на стуле так, словно был готов в любой момент подскочить, торс подался вперед, руки уперлись в бедра, будто он, опираясь на них, собирался встать.

— Что? — спросила она. — Ты выглядишь... так, словно хочешь... выйти к классной доске.

— Шоколадный пудинг.

Ново попыталась сделать глубокий вдох, но в итоге просто просипела:

— Что..?

— Он сказал, что тебе надо есть его для горла. Я принесу пудинг.

— Нет. — На самом деле, чем больше Ново думала о еде, тем сильнее ее тошнило. — О, нет. Желудок... нет.

— Я просто хочу помочь чем-нибудь.

Она какое-то время смотрела на него. Во всех значимых смыслах, Пэйтон воплощал в себе все, что она презирала в мужчинах, глимеровское дерьмо в — как бы ей не хотелось отрицать — привлекательной упаковке.

Вообще-то, ее сестра любит таких типов.

Хорошо, что Софи никогда не встретится с ним. Иначе Оскар на своем опыте узнает, каково это — когда твой любимый относится к тебе как к айФону пятой модели, когда на рынок уже вышел X.

На самом деле, заманчивая фантазия...

В чем там вопрос? Боже, мысли путались. А, точно... Пэйтон — это все, что она ненавидела в богатеньких высокородных типах, которые считали себя лучше всех остальных... но кое-что во всем этом работало в ее пользу.

Его кровь была чертовски чистой, буквально полезной с медицинской точки зрения.

— Что я могу сделать? — спросил Пэйтон. — Если ответ «оставить тебя в покое», то я сделаю и это.

На задворках сознания раздался сигнал тревоги, тихий перезвон, указывающий, что может, только может, для нее же лучше — никогда не знать, каков он на вкус.

Хотя, да ладно, она уже усвоила свой урок по части мужчин и лишилась части себя. В прямом смысле.

Она больше не будет такой душой... и она охренеть как хотела выбраться из больничной койки.

— Позволь... взять твою вену.

Услышав ее слова, Пэйтон округлил глаза так, будто это было последним, что он ожидал от нее услышать.

— Прощу, — сказал он, протягивая свое запястье.

Но потом сразу же убрал руку и поднес к собственным губам. На мгновение его брови напряглись, когда он прокусил кожу, а потом он протянул ей руку с двумя дырочками.

Челюсть хрустнула, когда Ново попыталась открыть рот, звук вышел весьма неприятным, и, может, причиной была интубация. Но она сразу обо всем забыла, когда первая капля крови упала на ее нижнюю губу.

Один запах мог заменить еду для ее желудка, учитывая, что она ослабела от голода, все тело пробудилось... нет, ни хрена. Она словно приняла дозу кокаина. А потом она вытянула язык и слизнула ее...

Смутно она осознавала, что застонала, а ее глаза закатились... и не потому, что она умирала. О, нет, она внезапно ощутила себя невероятно живой. Его вкус. Ее подкинуло от его вкуса, как от разряда тока, вспышка, пронзившая ее грудь, запустила систему кровообращения.

— Возьми из меня, — сказал Пэйтон словно с большого расстояния. — Возьми все...

Когда он опустил свою руку, Ново прижалась к его вене. Первые пара глотков были неуклюжими... но она быстро исправилась. И вскоре она уже делала большие глотки, казалось, что ее не кормили десятилетиями.

Срань... Господня... она никогда не пробовала ничего подобного. Крэйг и Бун вызвались, когда она периодически приходила в сознание и снова отключалась. А еще ранее? Она питалась от таких же гражданских, как и она. Но Пэйтон по сравнению с ними — как высококачественный бензин на фоне скидочного топлива, его кровь опалила пищевод, отчего на ее коже выступил пот... и тут же завывающая окружающая ее аппаратура, ведь сердце стучало как бешеное под защитой грудиной.

Ей на самом деле было все равно, если глупый орган остановится. Или если сердечная

мышца вообще разлетится на части. Если голова оторвется от спины, ноги вырастут в пятнадцать раз, она ослепнет или лишится речи.

Инстинкт, привитый расе, захватил ее, подчинил каждую унцию ее тела.

А потом Ново встретила взгляд Пэйтона.

Она сказала себе, что дело в ее здоровье, в том, чтобы набраться сил. Но чем больше она пила, чем больше принимала его кровь в себя, тем яснее осознавала, что было здесь кое-что иное.

Он был трапезой, которую, как Ново боялась, она захочет снова. Даже когда речь не будет идти о ее выживании.

И она захочет не только его кровь.

В другом конце коридора, в качалке, Ран лежал торсом на скамейке, ноги были согнуты и упирались в маты на полу. В руках он держал железную штангу весом пятьдесят фунтов с дополнительным весом в виде блинов — на семьсот фунтов^[38].

Сняв вес со стоек, он поднял его над грудью и сделал глубокий вдох, выравнивая вес. Потом он опустил штангу до груди, контролируя движение, воплощающее триумф силы над гравитацией. Сначала правой, затем левой рукой он немного изменил хватку... а потом толкнул гриф вверх, шумно выдыхая. Вниз. И вверх. И вниз...

Ран продолжал, пока грудные мышцы, бицепсы и трицепсы не задрожали, а в локтях не вспыхнул огонь... а он все продолжал, пока не пришлось выгибать спину, чтобы поднять штангу в высшую точку.

Пот выступил над бровью и побежал к волосам и ушам. Бедра болели. Легкие отказывались работать. Сердце не столько билось, сколько взрывалось с каждым ударом.

И он все равно не останавливался.

У него никогда не возникало даже мысли, что его мог привлечь кто-то его пола. Да, он осознавал, что подобные связи имели место, но всегда считал, что это удел аристократии. Откуда он родом? Рядовой гражданский из традиционной семьи?

Нет, его родители никогда бы не одобрили это, особенно отец. Этот мужчина был непреклонен в вопросах традиционных ролей для полов, и пар М+М в этом списке не было. Он также имел свой взгляд относительно каждого члена семьи — мамэн, отца, сына и дочери.

К тому же Ран хотел получить одобрение старшего поколения, особенно потому, что в детстве был крупнее всех и при этом трусливым, как олененок, в социальных вопросах.

На самом деле, Ран едва не убил себя, во благо семьи и в попытке соответствовать отцовским представлениям. От мысли, что он подведет предка таким образом...

Секунду, он серьезно думает об этом? Словно уже занимался сексом с кем-то своего пола... ну, конкретно сексом.

Потому что ты хочешь поцеловать его. Признай это.

Когда мысль возникла в его голове, Ран выместил свое «нет, не хочу» на гриф, толкая вес с силой как при первом подходе. Он сто процентов не хотел этого мужчину. Вовсе нет. Потому что если да? Он однажды пережил кошмар, свойственный внезапному открытию в себе новой, неизвестной стороны, и это был без преувеличения ужаснейший опыт.

Он не пройдет через это снова.

Не-а...

Внезапно руки предали его, мускулы обмякли, и вес штанги рухнул на грудь. Боль была мгновенной и парализующей, все семьсот пятьдесят фунтов сдавили легкие, и казалось, что целое здание рухнуло на грудь.

Внезапно над ним появилось лицо.

— Я помогу снять его... давай, толкай! Черт подери, ТОЛКАЙ!

Это был хирург, доктор Манелло.

Ран уже терял сознание, смутно слыша резкий сигнал тревоги в качалке... нет, это был свист. Человек свистел, пытаясь при этом хоть немного облегчить давление, нависнув над скамьей и поднимая вверх штангу обеими руками.

Это помогло. Ран смог сделать несколько вдохов, и зрение немного прояснилось.

В качалку вбежало еще двое, а потом невероятный вес убрали с его груди. Но он все еще не мог адекватно дышать. Он проломил себе торс?

Перед ним снова показалось лицо доктора Манелло.

— Я не стану вскрывать сегодня еще одну грудную клетку, усек?

А потом его нос и рот накрыли маской, и от мощного потока кислорода раздулись щеки и пересохло горло. Воздух был странным на вкус, словно в нем была карандашная или жестяная стружка... и вкупе с пластмассовой анатомической маской возникало ощущение, что он задыхался еще сильнее, чем без всего этого.

Когда Ран попытался отпихнуть от себя маску, сильные руки помешали ему.

Но он был сильнее. Вспышка чистой паники заставила его сесть, несмотря на окружающих его людей, и он сорвал кислородное питание с себя.

Чтобы оборвать все аргументы, он открыл рот и вдохнул в себя практически весь воздух в тренажерке. Сразу же раздался ужасный треск, словно дубовая ветвь переломилась надвое, а вслед за звуком он ощутил вспышку боли... но головокружение испарилось как дым на ветру, а сердце забилося в ровном ритме.

— Ну, можно и так, в принципе, — пробормотал доктор Манелло. — Не возражаешь, если я осмотрю тебя?

Ран все еще концентрировался на правильном дыхании, поэтому просто кивнул.

— Можешь лечь на скамью? — попросил мужчина.

Ран покачал головой. Нет, ни за что. Паника вернется и снова захватит контроль... и в приступе клаустрофобии он посмотрел в сторону двери. Слава Богам в панели было окно в коридор, и он сказал себе, что у него есть возможность выбраться...

Кто-то подошел к нему с чем-то.

Ведомый мгновенно включившимся инстинктом выживания, он схватил запястье и с такой силой и быстротой вывернул его в суставе, что его владелец осел на маты.

— Вау, полегче... — Брат Рейдж разжал хватку и встал перед ним. — Эй, посмотри на меня. Давай, сынок, сфокусируйся на мне.

Ран моргнул. Еще раз. Попытался выполнить приказ, но это было невозможно. Рейдж прыгал вокруг как вода на сковородке... о, нет. Это Рана трясло. Да, огромные ноги Брата не двигались, это его штормило из стороны в сторону.

— Ран, где ты? — пробормотал Брат. — Потому что мне нужно, чтобы ты вернулся ко мне, ты ж не хочешь причинить вред доктору, правда?

Что-то не так было с его слухом. Звук то повышался, то понижался, слова съедались с разной периодичностью, не давая ему заполнить пропуски.

Ран еще какое-то время просто дышал, а потом опустил взгляд на доктора Манелло, который осматривал свою руку на наличие переломов.

— Мне так жаль, — выдохнул Ран. — О, милостивая Дева, я не хотел...

Доктор улыбнулся ему.

— Да все нормально. Я уважаю чужие границы. Просто в следующий раз скажи, чтоб я сдал назад, прежде чем соберёшься скрутить меня в бараний рог, и только если не послушаю, используй приемы ММА^[39]. Так, ты дашь мне послушать твоё сердце? Это не больно.

Человек поднял небольшой металлический диск, прикрепленный к проводу... который уходил в уши доктора.

— Тебя когда-нибудь осматривали раньше? — тихо спросил доктор Манелло.

Ран покачал головой.

— Ладно, это — стетоскоп. Я приложу его сюда, — мужчина указал на свою грудь, чуть в сторону от центра. — И прослушаю сердцебиение. Это неинвазивный осмотр... то есть я не причиню тебе боли и ничего не буду резать. Обещаю.

Содрогнувшись, Ран кивнул... не потому, что хотел подпускать к себе что-то, скорее потому,

что повел себя непростительно грубо по отношению к мужчине и стремился загладить вину.

И, казалось, единственный шанс это сделать — выполнить просьбу.

— Ты можешь сесть ровнее?

Он подчинился, выпрямляя спину, а Рэйдж в это время подгонял собравшихся в зале в сторону выхода... и за это он был благодарен. Что ему нужно было в настоящий момент — как можно меньше сенсорной информации, а для него, страдающего от застенчивости, было сложно вынести кучу взглядов, пусть и сочувствующих.

— Видишь? Не о чем беспокоиться.

Ран опустил взгляд, к его груди прижали круглую пластину инструмента, а сам доктор смотрел в сторону, словно он концентрировался на том, что передавалось в его уши.

— Дышать не больно? — спросил доктор. — Да? Можешь снять майку, чтобы я посмотрел, что происходит?

Ран кивнул прежде, чем успел толком подумать, и доктор Манелло с Рейджем каждый со своей стороны взяли за ткань и начали задираť ее.

Ран, как ребенок, вытянул руки вверх... а потом вспомнил, почему ему нельзя снимать майку.

Оба мужчины с громким вздохом застыли.

И внезапно Рану захотелось выругаться. Он забыл об отметинах на спине.

Черт возьми.

***

После того, как Ново закончила кормление и провалилась в беспокойный восстанавливающий сон, Пэйтон вернулся в учебный класс на онемевших, дрожащих ногах и с вестибулярным головокружением. Закрывшись внутри, Пэйтон поразился тому, насколько незнакомыми показались ему парты и стулья, учительский стол и доска, он словно впервые зашел сюда.

Чушь какая-то. Его не было максимум полчаса, и краткосрочная память сообщила, что ничего не изменилось с момента его ухода.

С другой стороны, изменился он.

Выключив свет и устроившись на столе, Пэйтон чувствовал себя мешком с костями, острыми и несоединенными друг с другом. Господи Иисусе, что только что произошло в той палате? Да, если смотреть со стороны, то Ново просто взяла его вену, и ему не впервой кормить женщин. И, алло, она лежала на больничной койке, обвешанная проводами.

Но сам опыт? Ощущение ее губ на коже его запястья, легкие глотки, язык, облизавший ранки в конце?

К черту наркозависимость. Дайте ему сто пятьсот раз этого, и он больше не выложит ни одной кокаиновой дорожки.

Закрывая глаза, Пэйтон заново переживал произошедшее, с начала, когда он вскрыл вену, до первой капли, упавшей на ее губы. Ощущения прокатились по телу, воспаляя кровь, делая член еще тверже.

Он противился эрекции.

И проиграл.

Стоя возле койки, он смог удержать себя в руках, незаметно поправив член. Здесь, в темноте? Он чувствовал себя последним распутником, но с таким стояком ему точно не светило заснуть.

Пэйтон грубо опустил руку к военным штанам, и при первом же прикосновении взорвался в

оргазме, воспоминания о Ново с занятий, во время спаррингов или на поле боя, образы пронесли в голове, продлевая удовольствие. Он даже вспомнил мгновение, когда был в ней, ее голое лоно принимало его член так, словно она была создана для него и для него одного.

Ладно, не такой уж шикарный образ, учитывая, что она лежала, не шелохнувшись.

Отгораживаясь от неприятного воспоминания, Пэйтон сосредоточился на других, давая себе больший доступ — он расстегнул ширинку нетерпеливыми руками и спустил резинку до задницы. Со стоном он завалился на бок, тело изогнулось, когда он обхватил ствол и начал ласкать себя еще жестче, чувствуя холодную поверхность под щекой. Его свободная рука, перекинутая через край, с силой сжала стол так, что едва не разломила дерево пополам.

А он все кончал.

Когда удовольствие, наконец, утихло, Пэйтон закрыл глаза и просто лежал какое-то время, тяжело дыша... пока не осознал, какой беспорядок устроил, изгадив себя, перед штанов и долбаный стол.

Слава Богу, была середина дня. Если повезет, удастся прокрасться в раздевалку, взять пару полотенец и хирургическую форму и вернуться сюда незамеченным.

Так что... да, пора подниматься.

Ага.

Вот прямо сейчас.

Но вместо этого он остался на месте, гадая, каково это будет — взять ее вену, запечатлеть это в памяти... как ее кровь стекает по его горлу, ощущение тела под ним, когда он заберется на нее и устремится к ее горлу.

Ему нужно это. И не потому, что он словил пулю в голову, и на кону стояла его жизнь.

Но даже когда в голове вспыхнула убежденность, которая приступила к составлению конкретного плана по достижению «обнаженной» цели, он понимал, что ему ничего не светит. Ново ясно дала понять, что он — не ее типаж... черт, даже если она сказала, что снова хочет сражаться вместе с ним, он все равно ей даже не нравился. Более того, их пути разойдутся, когда он покинет учебную программу.

Их время подойдет к концу: она продолжит тренироваться и нести пользу расе, а он вернется к своей роли мудака-тусовщика.

Дела, дела. Они оба будут заняты по горло.

Когда его телефон зашелся трелью, Пэйтон проигнорировал звонок, пытаясь настроить себя на постыдную дорогу до раздевалки.

Прошло добрых полчаса, пока он мотался туда-обратно. И отчистив себя и парту, он снова устроился на столе и вырубился.

В беспокойном сне его посетила любовница с длинными темными волосами, горящим взглядом... и стальной волей.

Когда наступила ночь, Сэкстон, перевернувшись, посмотрел на другую половину кровати. На смятых простынях этим днем лежал мужчина. Тело, которое он использовал, и которое воспользовалось им в ответ.

Он услышал, как на другом конце пентхауса хлопнула дверь.

Сэкстон сел и зачесал волосы назад. От воспоминаний о том, как он провел день, он ощутил пустоту в груди — то самое ненужное ему «похмелье», к которому добавилась мерзкая головная боль от большого количества шампанского и недостатка сна.

Когда он, наконец, смог сосредоточиться должным образом, Сэкстон окинул взглядом глянцево-бюро с зеркалами на дверцах и боковые столики, черные кресла, мягкий серый ковер, узор расположенных на равном расстоянии светильников, которые напоминали звезды на потолке.

По неясной причине он вспомнил о том, как дезинформировал Блэя.

Он не продал свой викторианский дом на другом конце города.

Он планировал когда-нибудь туда вернуться? Нет, никогда. Но тот факт, что он был не в состоянии там жить, но и продать дом не мог, казался ему слабостью, о которой не стоило распространяться вслух: печальная реальность — он платил имущественные налоги за храм любви, которая ни к чему не привела.

Ну, не совсем так. Она привела к продолжительной боли, которую он сейчас чувствует, а это уже достижение.

Разумеется, не положительное.

Автоматические ставни с тихим шипением начали подниматься, дюйм за дюймом открывая взгляду мигающие огни города, словно невидимая рука раздвигала шторы. И это было странно... снова подумав о том, как прошел его день, Сэкстон осознал, что в кои-то веки не Блэй стал поводом для его интрижки. Обычно это был он. Но сегодня все горизонтальные подвиги были в честь...

Сэкстон нахмурился, потирая сухие глаза. Но нет. Он представил то мгновение в пикапе, когда Ран посмотрел на него. Его взгляд мог означать что угодно.

Он находил мужчину привлекательным, но это не означало, что влечение было взаимным.

Тем не менее, внутри поселился остаточный эффект, неутрачиваемая, неумная энергия, которая заставила его открыть список контактов и пролистать перечень людей и вампиров, с которыми он встречался время от времени. По большей части это были знакомые, те, с кем он познакомился в клубах или на вечеринках, и он никогда не интересовался их семейным статусом. Его — равно как и их — волновало одно: чтобы партнер знатно трахался.

Простите за скудность речи.

И тот факт, что он выбрал темноволосого с большим, сильным телом? Сэкстон видел в этом своего рода прогресс. По крайней мере, не рыжий. Но почему-то его не вдохновляла замена одного недоступного для него мужчины другим.

— Достаточно, — сказал он вслух.

Скинув ноги с шелковых простыней, Сэкстон направился к ванной, ломота в теле и боль в бедренном суставе являлись привычными последствиями подобного дня... и он пытался не вспоминать о Блэе и прошлом. После секса с ним он всегда ощущал тепло в груди, на лице расцветала легкая улыбка каждый раз, когда он думал о любимом.

Сейчас же он ощущал механические последствия от нерегулярных нагрузок.

Войдя в мраморное помещение, он по нескольким причинам не стал включать свет над

раковинами, но преимущественно потому, что сияние города предоставило ему достаточное освещение. И к тому же он не хотел видеть себя в зеркале.

Дождаясь горячую воду в душе, Сэкстон выпил четыре таблетки «Мотрина».

Зайдя под россыпь душевых насадок, Сэкстон основательно вымылся и побрился с помощью не запотевающего зеркала, висевшего в углу. Закончив, он не чувствовал обновленности, равно как не было и удовлетворения от проведенного дня... и впервые за все время при мысли, чтобы поехать на работу и потеряться в ночной рутине, он не почувствовал энтузиазма и радости.

А когда он вытирался, от шороха махровой ткани пустота в пентхаусе ощущалась как черная дыра в космосе.

В голове снова всплыла соблазнительная идея покинуть Колдвелл. Конечно, куда бы он ни направился, от себя он не убежит... но он должен верить, что со сменой места и стиля жизни перед ним откроются новые перспективы. Может, заняться преподаванием? Были люди, все еще желающие изучать Древнее Право, он настолько поднатерел в этом, что мог бы вести курсы...

Когда в спальне зазвонил телефон, Сэкстон предоставил дело голосовой почте. Но когда звонок повторился, он обернул полотенце вокруг бедер и направился за мобильным... потому что считал, что поднимать трубку, будучи при этом обнаженным — моветон, даже если это не видеозвонок.

К тому же, это, скорее всего, Роф или кто-то из Братьев...

Нет, не в этот раз. Взглянув на дисплей телефона, он увидел, что звонили с номера, отсутствовавшего в списке его контактов, хотя, судя по неопределившемуся номеру, звонили из особняка.

Вишес был помешан на антиопределителях.

— Алло? — ответил он.

— Сэкстон? — Голос Рана был едва узнаваем, и было странно слышать его. Он также спровоцировал эротическое влечение, но, опять же, одностороннее.

— Да? Алло? Ран? — Мешали помехи связи, ветер дул или что-то еще. — Прости, я тебя не слышу?

— Я у Минайны. — Шелест. Шорох. — Я только что прогнал двух людей с ее участка. — Ветер. — Где ты?

— Я дома. В центре города.

— Я могу прийти?

— Да, да, разумеется... давай расскажу, как до меня добраться. — Дав пояснения, Сэкстон добавил: — Подожди, не вешай трубку. Ты убил незваных гостей? Мне нужно договориться о сокрытии тел?

Рёв бури.

— Нет, пока рано. Но это ненадолго.

Как только разговор прекратился, Сэкстон бросился к гардеробу и вытащил слаксы с белой рубашкой... и старательно игнорировал тот факт, что сделал это буквально вприпрыжку.

Это просто работа, напомнил он себе. Ради всего святого, веди себя профессионально.

***

На другом конце города, в богатом районе, где особняки, как короны, восседали посреди ухоженных, укрытых снегом территорий, Пэйтон появился на величественном крыльце отцовского дома, сопровождаемый оркестром истощения, на басах была тупая мигрень, с цимбалами развлекались резкие боли в пояснице, урчанье в животе заменяло партию тубы, а

напарником ему служила пара очень неумелых, но крайне воодушевленных легких.

Он не знал, от тошноты это или от голода.

Первый намек на то, что ночь из просто плохой станет откровенно отвратной — в который раз — появился, когда он открыл дверь: в воздухе витал сладкий и абсолютно незнакомый запах. Парфюм? — подумал он. Да, так и было. Но кто мог носить...

Дворецкий отца выскочил из-под лестницы, словно на роликовых коньках.

— Вы опоздали. — Глаза цвета газетной бумаги прошлись по нему сверху вниз. — И вы не одеты.

В последний раз уж точно был одет, подумал Пэйтон. Хирургическая форма прикрывала весь срам.

Но он промолчал.

— О чем ты говоришь?

— Первая Трапеза начинается через пятнадцать минут. — Доджен задрал рукав и показал часы, словно это был пистолет, направленный на грабителя. — Вы пропустили подачу напитков.

Пэйтон потер лицо ладонью. Либо так, либо он возьмет часы и скормит дворецкому... через задний проход.

— Слушай, не знаю, о чем ты говоришь, но я вторые сутки без сна, а вчера на поле боя произошел ужасный случай...

— Где? Ты? Ходишь?

Закрыв глаза, он мгновенно узнал отца. И этот тон? На его фоне дворецкий говорил с ним как закадычный друг.

Развернувшись на сто восемьдесят, Пэйтон встретил отцовский взгляд, ударивший по нему словно горячей сковородкой. А это о многом говорит, учитывая, что отец был одет в сшитый на заказ смокинг и едва ли был способен ударить кого-то не только сковородкой, но и кулаком.

Но его взгляд жалил, это точно.

— Отец, здравствуй. — Пэйтон хлопнул в ладоши. — Что ж, хорошо поговорили, а сейчас я спать...

Когда он отвернулся, отец встал на его пути, блокируя проход к лестнице.

— Да. Сейчас ты идешь на второй этаж, только чтобы переодеться... потому что сегодня вечером ты согласился на встречу с Роминой. На этот час... точнее, час назад. И где ты был?!

— Впервые слышу об этом.

— Я звонил прошлой ночью. Дважды! Поэтому поднимайся, надевай свой фрак, чтобы не опозорить меня и бедную женщину еще больше. — Мужчина подался вперед. — Ради всего святого, здесь ее родители. Да что с тобой не так?! Хотя бы раз в жизни ты можешь быть сыном, который мне так нужен?

Ну блин, пап, раз ты ставишь вопрос таким образом, давай я решу проблему за двоих и повешусь в ванной?

#проблемарешена

Пэйтон посмотрел за плечо своего отца на лестницу, примеряя на себя план суицида. У него полно ремней... хорошая прочная люстра в спальне.

Но потом в голове всплыл образ Ново, кормившейся от его вены, резкий, как острие ножа.

Нет, он не сведет счеты с жизнью. Пока нет.

Переведя взгляд на гостиную, Пэйтон начал мысленно формировать комбинацию «отцепись», «пошел на хрен» и «идет все к черту», которая сможет выразить его крайне небольшой интерес в этом социальном дерьме, после того, как последние сутки он разбирался с реальностью, в которой из-за него едва не погиб человек.

Но все слова застряли в горле.

Через нарядный арочный проход он видел изысканную комнату, шелковые диваны и кресла, расставленные вокруг мраморного камина, который являлся центральным объектом всего интерьера. На подушках, спиной к нему, сидела брюнетка с волосами, собранными наверху, в официальном бледно-голубом платье, на котором был своего рода бант или лента, украшающая руку как крыло ангела. Ее голова была опущена, плечи напряжены, словно она старательно держала себя под контролем.

Но получалось плохо.

Она стремилась к этому не больше него, подумал Пэйтон. Либо так, либо она чувствовала себя отвергнутой из-за того, что он не пришел.

— Прощу, шевелись уже, — потребовал его отец.

Пэйтон посмотрел на бедную женщину, гадая, где бы она предпочла оказаться этой ночью.

— Дай мне десять минут, — сказал он хрипло. — Я спущусь.

Обойдя отца и взбежав по лестнице, перешагивая через ступеньку, Пэйтон презирал свою семью, традиции и тупые правила гребаной Глимеры. Но что он точно не сделает? Не подложит девушке свинью, заставив ее винить себя в том, к чему она не имеет никакого отношения.

Он не знал эту женщину, но считал, что они вместе застряли в этой социальной выгребной яме.

По крайней мере, на одну трапезу.

Материализовавшись на террасе небоскреба в разы больше поместья, в котором он когда-то жил, Ран мгновение пытался осознать, куда он пришел. Дом Сэкстона. Здесь жил этот мужчина. Следовало подождать час и встретиться с адвокатом в Доме для аудиенций.

О чем он только думал...

Ты хотел увидеть его, раздался тихий голос в голове.

Наедине.

— Нет, не хотел.

Слова, произнесенные вслух, потерялись в холодном ветре, что дул ему в спину, бурные ледяные порывы, казалось, подталкивали его к дверям. Пару мгновений Ран противился потоку, подаваясь навстречу толкавшим его невидимым рукам... но отступать уже поздно. Иначе он натворит дел.

К тому же, это не частный визит. Они работали вместе.

— И я не хочу оставаться с ним наедине.

Определившись с этим, Ран попытался выяснить, куда стучать или звонить. Казалось, весь пентхаус был сделан из стекла, огромные панели шли одна за другой. Внутри местами горел приглушенный свет, мебель отбрасывала тени, дожидаясь электрического рассвета.

Все настолько роскошное и необычное, подумал он. Все казалось очень утонченным, под стать проживающему здесь мужчине.

С другой стороны, личное пространство должно отражать твою личность. Взять, к примеру, его. Он был проходимцем без перспектив, бездомным, если бы не чужая милость. Логично не владеть собственной крышей и четырьмя стенами, не имея ничего ни в настоящем, ни в будущем.

Подойдя к одной, как он надеялся, из раздвижных дверей, Ран задумался, кто жил с адвокатом? Он никогда не видел шеллан рядом с этим мужчиной, не слышал упоминаний о ней. С другой стороны, Сэкстон всегда соблюдал профессиональные границы, даже если было очевидно, что все его уважают.

Наверняка, где-нибудь найдется женская фотография. И от этого он чувствовал себя еще более дискомфортно...

Он застыл, когда Сэкстон уверенной походкой вышел в просторную комнату, его светлые волосы блестели даже в приглушенном потолочном освещении, безупречные брюки и кипенно-белая рубашка дожидались смокинга. Или что он там носил сверху.

Адвокат направился в кухонную зону, по пути задев рукой выключатель и зажигая больше света над головой. Он начал делать что-то за столом возле раковины... готовил кофе и доставал чашки, и поднос. Но Ран практически не видел этого. На что он обратил внимание? Кожа Сэкстона имела золотистый оттенок. У него было красивое лицо. Гибкое тело.

Что это, поражался Ран... особенно когда ощутил возбуждение в бедрах, словно к нему прикоснулись руки...

Сэкстон без предупреждения поднял взгляд и застыл, обнаружив, что за ним наблюдают.

Мгновенья растянулись в минуту.

А потом они оба начали действовать. Ран попытался притвориться, что ищет ручку, а Сэкстон устремился к двери и решил эту проблему за него.

— Добрый вечер, — сказал мужчина, отодвигая панель в сторону.

— Ты приглашал меня. — Услышав свои слова, Ран закрыл глаза. — В смысле, я пришел. То есть...

— Да, я ждал тебя.

Когда Ран не ответил, Сэкстон отступил в сторону.

— Проходи.

Одно слово. Три слога. Простое приглашение. Его постоянно предлагают, принимают и отвергают по всему миру, и люди, и вампиры.

Проблема в том, что Ран не мог избавиться от ощущения, что оно значит для него намного больше... и он не мог справиться с осознанием. Не мог справиться... со всем этим.

— Мне лучше уйти, — пробормотал он. — На самом деле. Да, мне жаль...

— Почему? — Сэкстон нахмурился. — Что случилось?

Кажется, я хочу тебя. Вот что случилось.

О, Дражайшая Дева в Забвении, о чем он только что подумал?

— Ран, заходи. Здесь холодно.

Отвернись, — сказал он себе. — Просто отвернись и уходи, скажи ему, что вы встретитесь в Доме для аудиенций чуть позже.

— Не стоило беспокоить тебя дома. — Он покачал головой, молясь, чтобы Сэкстон не почувствовал гулкое биение сердца в его груди. — Прошу прощения.

***

В другой части города, Пэйтон спустился на первый этаж ровно через десять минут, его волосы, все еще влажные после самого быстрого на восточном побережье душа, были зачесаны назад, он также нацепил смокинг... который немного жал в плечах, руках и бедрах — благодаря регулярным тренировкам.

Зайдя в гостиную, он сразу же бросил взгляд на бар, удостоверившись, чтобы тот был забит до отказа и открыт для общего пользования. Ага, вон там, в углу на антикварной медной тележке выстроились высокие фужеры с «Мимозой»^[40] и низкие бокалы с «Маргаритами».

Друзья, не могу дождаться нашего воссоединения, подумал он.

Но сначала о главном.

— Ах, да, мой первенец, — сказал на Древнем Языке Пейтон, сидевший в кресле у камина... и, хэй, старина, держи очки за улыбку, она вышла практически искренней. — *Сэлон и Идина, могу я представить вам Пэйтона, сына Пейтона.*

Пара сидела на диване напротив их жертвенного ягненка... простите, дочери... и Пэйтон, подойдя к ним, низко поклонился, сначала мужчине, который был типичным, ничем не примечательным представителем Глимеры, а потом женщине, одетой в цвет платья ее дочери. Выглядело жутковато. Он также не узнал их, и это странно. Класс аристократии весьма узкий, все приходится друг другу родней в той или иной степени. Должно быть, они не местные. Может, с Юга?

— *Рад знакомству с вами, — сказал он. — Прошу простить меня за опоздание. Это непростительно грубо с моей стороны.*

Бла-бла-бла.

— *Ты намного красивее, чем мне о тебе рассказывали, — сказала мамэн, округлив глаза. — Такой красивый. Разве он не красавчик? Очень красивый мужчина и совсем недавно прошел превращение.*

Ты же не милфа^[41], так прекрати пожирать меня взглядом, подумал Пэйтон.

Боже, как его все бесило.

— *Идина, хватит, — проворчал Сэлон, а потом переключился на английский. — Пэйтон, твой отец упоминал, что ты участвуешь в учебной программе Братства Черного Кинжала... мы*

узнали об этом только сегодня. Полагаю, в этой связи мы можем забыть про твое опоздание.

Пейтон самодовольно улыбнулся.

— Воистину, Пэйтон вносит значительный вклад в дело защиты расы. Но он не любит хвастаться.

А, ну да. Тооооочно.

Устроив руки у декольте, Идина подалась вперед так, словно собиралась посплетничать о тайном... или, может, она хотела показать ему все свои прелести.

— Ты должен рассказать мне о Братстве, какие они? Они такие таинственные, впечатляющие, пугающие. Я видела их издали на встречах Совета. Расскажи мне, ты просто обязан.

Так, эта женщина не нравилась ему целиком и полностью. Все, начиная от ее алчных глаз, до огромных бриллиантов и акцента. Боже, что за фигня творилась с ее произношением? На девяносто процентов правильное, но что-то неясное с буквой «р». У нее не получалось выговорить ее правильно. А еще был этот отец. При близком рассмотрении его черты казались грубее, а его смокинг... ткань будто натирали до блеска.

Пэйтон не понимал, что задумал его отец. Из всех семей, с которыми они могли породниться, почему именно эти люди?

С другой стороны, Семьям Основателей, проживающим в Колдвелле, известна его репутация. Может, никого лучше отец не смог подыскать... лучшего его сын недостоин.

— Так что? — Идина-Либида не отставала. — Расскажи мне все о них.

Ну вас нахрен.

Пэйтон повернулся и посмотрел на молодую девушку.

Это заткнуло всех в комнате, молчаливое неодобрение перекрыло социальный словесный понос.

Дочка отшатнулась, но быстро взяла себя в руки и устремила взгляд вперед, как и было положено, учитывая его социальный прокол: они не были представлены должным образом.

Женщина отличалась неяркой красотой, которая не бросалась в глаза, скорее открывалась постепенно, чем дольше ею любуешься. Черты лица были ровными и аккуратными, длинные и изящные руки-ноги, тело, упакованное в бледно-голубое платье, со всеми нужными формами.

Какой-то шорох сбоку привлек его внимание. Это были ее руки... ее руки дрожали... и, словно она не хотела, чтобы он это заметил, женщина сжала их на коленях.

Бедняжка, и за что я тебе достался, подумал он.

— Меня зовут Пэйтон, — сказал он к ужасу своего отца.

В этот момент женщина подняла на него взгляд, и в ее глазах читалось изумление. Но она тут же перевела взгляд на родителей.

Ее отец неодобрительно прокашлялся... словно надеялся, что сейчас все пойдет как надо, но понимал, что ожидать этого бесполезно.

А потом он пробормотал:

— Это моя дочь, Ромина.

Английский, не Древний Язык. Кому предназначено оскорбление, ему или отцу? — подумал Пэйтон.

В любом случае, он низко поклонился.

— Приятно познакомиться с вами.

Выпрямившись, Пэйтон попытался передать ей послание телепатически: *Все будет нормально. Я вытащу нас из этого дерьма.*

Будто они были заключенными.

Уберите слово «будто».

И, очевидно, их ждал сметный приговор, по крайней мере, по мнению женщины. Девчонка была в откровенном ужасе.

Стоя возле открытой раздвижной двери в пентхаус, Сэкстон не чувствовал обжигающего холода, порывов ветра или голода в желудке. Мужчина перед ним все забрал, огромное тело Рана было напряжено, будто он в любой момент собирался сигануть с Коммодора, ветер сдувал волосы назад, а его глаза были слишком яркими и крайне настороженными. Но этот запах... этот аромат.

Темные специи. Возбуждение.

Сексуальная нужда.

Что это за грезы? — гадал Сэкстон. Ему это снится?

— Не уходи, — сказал он хрипло. Но потом взял себя в руки, пытаясь убрать умоляющие нотки из своего голоса — В смысле, заходи и расскажи, что произошло. У Минни. Прощу.

Ран переместил взгляд, казалось, он заглядывал внутрь.

— Там никого нет. — Сэкстон отступил еще назад. — Мы одни.

Милостивый Боже, почему это звучит как приглашение?

Потому что это и есть приглашение.

— Прекрати... — А потом он осознал, что говорит вслух, и, закрыв глаза, попытался взять себя в руки. — Прости. Прощу, на улице ведь холодно.

А, может, по знойному жарко. Невозможно сказать.

— Хорошо, — сказал Ран низким голосом.

Когда мужчина прошел боком мимо него, Сэкстон, не в силах сдержаться, закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Ни разу в жизни он не обонял ничего столь чувственного. Никогда.

Он закрыл их вдвоем, сдвинув дрожащими руками стеклянную панель.

— Я... я как раз собирался приготовить кофе... желаешь чашечку?

Ран оглянулся по сторонам и скрестил руки на груди.

— Нет, спасибо.

— Присядешь?

— Я ненадолго.

Но мужчина не начал свой рассказ. Он просто стоял рядом с выходом, упершись ногами в бледно-серый ковер, его черная кожаная куртка и джинсы словно насмехались над тщательно продуманным минимализмом интерьера, он казался гигантом в кукольном домике.

— Расскажи, что случилось? — Сэкстон подошел к дивану и сел. — Что-то плохое?

Ран сделал глубокий вдох, грудная клетка так расширилась, что куртка запротестовала.

— Я отправился туда, к тому фермерскому дому, чтобы убедиться, что Госпожа Минайна в порядке. На подъездной дорожке был припаркован грузовик, прямо перед тем кругом. Черный, с тонированными стеклами. Я выждал, и спустя минуту двое людей вышли из грузовика и посмотрели на деревья. У одного из них был какой-то датчик.

— Они в курсе, что мы сняли камеры.

— Да. — Ран спрятал руки в карманы кожаной куртки. — Да, в курсе.

— И?

— И я не мог их просто оставить там.

Приехали, подумал Сэкстон.

— Что ты сделал?

— Я материализовался с задней стороны дома и подошел к ним так, будто вышел из-за дома. Мужчины были удивлены. Я сказал, что живу со своей тетей, и что я колот дрова во дворе, когда услышал, что кто-то подъехал к дому. Я спросил, что они делают на участке. Один сказал, что

они с приятелем беспокоились о ней, учитывая, что она живет одна. Когда я отметил, что она не одна, я был с ней, они сказали, что знали, что она жила одна. Потом они заговорили о том, что район меняется, и что ей стоит подумать о продаже дома. Я сказал, что им больше незачем беспокоиться, ведь я займусь всеми делами по дому и разберусь со всеми злоумышленниками. Потом я поинтересовался, как их зовут и что они вообще делают на этом участке, и тогда дела приняли интересный поворот.

— Они и тебя запугивали?

— Они дали мне это. — Ран достал какие-то бумаги, свернутые в два раза. — И сказали, что это для Госпожи Минайны. Они сказали, что в течение дня стучались пару раз в главную дверь.

Подавшись вперед, Сэкстон протянул руку.

— Ты показывал ей бумаги?

— Я не умею читать. — Ран подошел к нему на расстояние, достаточное для того, чтобы передать ему бумаги, а потом сразу же вернулся назад. — Не зная, что там написано, я не хотел показывать ей это, чтобы не расстраивать понапрасну. Я не знал, как лучше поступить. Поэтому позвонил тебе.

Развернув бумаги, Сэкстон бегло изучил содержимое и тут же подскочил с дивана. Потом прошелся туда-сюда, перечитывая более внимательно.

— Что там? — спросил Ран.

Остановившись, Сэкстон посмотрел на мужчину.

— Они обвиняют ее в незаконном заселении в дом.

— В смысле? Это ее собственность.

— Да, но она со своим хеллреном совершила ошибку при оформлении документов. Вампирам, как правило, примерно каждые двадцать лет приходится притворяться, что они продают свой дом или землю будто бы ближайшему родственнику. Иначе возникает ситуация как у Минайны... по документам у дома с тысяча восемьсот двадцать первого года был всего один владелец. Нечего и говорить, что это невозможно для человека, и, по всей видимости, застройщик обнаружил эту ошибку, пусть он и не догадывался о существовании нашей расы. В любом случае, скажи... ты дождался, когда они уедут? Люди?

— Да. Передав бумаги, они сразу же уехали. — Ран нахмурился. — Ты сможешь помочь ей?

Сэкстон зашел в кухонную зону, направляясь прямым ходом к кофемашине. Наливая себе чашку «Старбакс Брекфаст Бленд», он судорожно соображал.

Документы задним числом. Да, ему нужно создать поддельную цепочку документов...

Обернувшись, он заметил, как Ран, морщась, ухватился за подмышку и, казалось, разминал торс.

— Ты в порядке? — спросил Сэкстон.

— В норме.

— Тогда почему у тебя на лице болезненное выражение?

— Это не важно.

— Это важно для меня.

Ран открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

Сэкстон печально покачал головой. Он бы измотан, сексуально возбужден, этот мужчина сбивал его с толку... о, а еще его до чертиков бесила человеческая раса и их постоянные вмешательства. Поэтому да, его достало соблюдать социальный этикет.

— Слушай, — пробормотал он, — в чем бы ни было дело, просто скажи. Мы же работаем вместе? И я не хочу, чтобы ты участвовал в этом, если ты страдаешь от определенных ранений.

Повисла долгая пауза. А потом Ран снова скрестил руки на груди, на этот раз почти не морщась.

— Я всегда знал, что не нравлюсь тебе.

Сэкстон отшатнулся.

— Прошу прощения?

***

— Я не вижу проблемы.

Говоря это, Ново старалась выглядеть максимально сильной и полной энергии. Ну, ладно, она все еще лежала на больничной койке с кучей проводов и трубок в тех местах, где она их видеть не желала, и действительно была одета в больничную сорочку с принтом в виде розовых цветочных букетиков, но, черт возьми, она чувствовала себя отлично.

И у нее были все права на...

— Ты не покинешь эту палату. — Доктор Манелло стоял над ней, улыбаясь так, словно держал на руках все козыри. — Мне жаль.

Чтобы сдержаться и не вклеить этому человеку по роже, Ново посмотрела на себя... и обругала гребанные розовые бутоны, покрывавшие всю сорочку. Ну почему на больничной одежде нельзя печатать маски «Дедпула»^[42]? Ножи? Бомбы с горящим фитилем? Слякоти с ядом?

— Нет, тебе не жаль, — проворчала она.

— Ты права, мне твоя злость до фени. Меня волнует одно — твое сердце. Я избавлю тебя от наставлений в стиле «будь хорошей девочкой», ведь мне ни к чему кастрация... но сделай одолжение, не испогань мою ювелирную работу и оставайся в койке, хорошо?

— Я прекрасно себя чувствую.

— Ты потеряла сознание по пути в ванную.

— Голова закружилась, не больше.

— Я обнаружил тебя на полу враскорячку.

— Я была с капельницей.

— Но ты вытащила катетер. — Он вскинул руку, обрывая все возражения. — Слушай, я выпишу тебе награду «Пациент Ночи» за твои жертвы. Мои поздравления, твой приз — пончик с джемом и запрет на выход из палаты.

Стиснув зубы, Ново попыталась скрестить руки на груди... что вызвало аритмию и спровоцировало сигнал тревоги, поэтому пришлось снова вытянуть конечности вдоль тела.

— Я в норме.

— Нет, ты *будешь* в норме. — Доктор Манелло сбросил данные на вопившем мониторе. — Через пару ночей. Если, конечно, будешь соблюдать режим.

— Я накатаю о тебе отвратный отзыв на YELP^[43].

— Приму за честь. — Положив руку на сердце, доктор поклонился. — Благодарю... кстати, звонила твоя мама.

Ново попыталась сесть и с шипением рухнула на спину.

— Моя мать?

— Да, она пыталась дозвониться до тебя. Боялась, что ты умерла. Разумеется, я сказал ей, что ты дышишь. Не стал упоминать, что знаю это, судя по данным кислородного датчика на твоём пальце, но, по крайней мере, я сообщил ей правдивую информацию.

Ново попыталась выглядеть так, будто ей плевать. Но гребаный датчик — тот, что считывал показатели сердца — снова взревел.

— Что она сказала? Точнее, что ты сказал ей? — Ново закрыла глаза. — Не сказал же, что я ранена?

— Я не уполномочен распространяться о состоянии моих пациентов. — Мужчина подался к плакующему оборудованию и снова утихомирил его. — Я сказал, что ты на занятиях до конца ночи. И что, возможно, ты перезвонишь ей, когда у тебя будет желание.

«Никогда» — как такой вариант?

— Можешь дать мне врачебное предписание, что я не обязана перезванивать?

— Обещаешь остаться в койке?

— Конечно, но вряд ли сдержу слово.

— Хотя бы честно. Быстрый вопрос: если ты не торопишься перезванивать персональной Кэрол Брэди^[44] из твоей семьи, то сомневаюсь, что записка от твоего лечащего хирурга положит конец тому, что там у вас происходит, ведь так?

— Слушай, Док, если ты продолжишь щеголять логикой и здравомыслием, я попрошу назначить на мое дело кого-нибудь психанутого.

— Конечно, ведь зачем идти трудной дорогой, когда можно забить на здравый смысл.

— Вот именно.

Доктор Манелло улыбнулся ей, а потом направился к двери, но помедлил, прежде чем открыть ее:

— У вас в семье все нормально? — Он снова вскинул ладонь. — Не обязательно вдаваться в подробности, если нет желания. Просто... она была на взводе, и очевидно, что ты избегаешь ее.

— Моя мать всегда на взводе по той или иной причине... как правило, из-за моей сестры. Которая выходит замуж. А будучи ее подружкой невесты... а, нет, похоже я все-таки свидетельница или как там их называют... я должна планировать мероприятие, а не заниматься своей работой, то есть защитой расы. Да, ведь ежу понятно, что подбор платьев и организация девичника намного важнее сражений с лессерами.

— Не думал, что вампиры занимаются подобной чушью. Девичники и все такое.

— А мы не занимаемся. Моя сестра хочет привлечь внимание всего мира, поэтому традиций одной расы для нее мало. Ей нужен микс.

— Какая прелесть. — Ее хирург расплылся в улыбке, красивое лицо пошло морщинами вокруг глаз и рта. — Позволь сказать и не пойми неправильно, но ты будешь плохо смотреться в кружеве с бантами. Особенно если речь о ядрено-розовом.

Застонав, Ново закрыла глаза.

— Можешь меня просто вырубить?

— Не, боюсь, если я ударю тебя по лицу, твои одноклассники надерут мне задницу.

— Я имела в виду лекарства.

— А, ну так неинтересно. — Но потом мужчина стал серьезным. — Отдыхай. Если к концу ночи будешь стабильна, я подумаю о том, чтобы отпустить тебя домой, ясно? — Когда Ново распахнула глаза, мужчина посмотрел на нее. — Но ты должна взять вену. Неважно, у кого, но это обязательное условие.

После ухода доктора Ново подумала о невестнике или как там называлась эта вакханалия, решив, что нужно сводить девчонок в «Ключи».

Да-да, сюрприз! Это секс-клуб! Юные леди, надевайте зажимы на соски и отправляйтесь на поиски «дыры славы»^[45].

Представляя, как ее сестра пытается выстоять очередь на входе, Ново рассмеялась... но резко вспыхнувшая боль навела на мысль, что у нее могла открыться рана.

Однако аппаратура не била тревогу. Звучало лишь размеренное пиканье, означавшее течение неких естественных процессов...

Внезапно Ново мысленно вернулась в тот пустой холодный дом, на пол ванной комнаты, когда между ее ног шла кровь. Глубоко в животе поселилась боль, отличная от той, что она

испытывала сейчас; ее скручивало, и в итоге она согнулась пополам.

Тогда она не получила медицинскую помощь. Не было хорошего доктора с острым умом и добрым взглядом, медоборудования, лекарств. Не было четкого понимания, что именно с ней происходит, пока что-то не вышло из нее.

Ее малыш. Не живой, но идеально сформировавшийся.

Было так много крови. Она верила, что умрет.

Однако у Судьбы на ее счет были иные планы. Она выжила. Как выяснилось, даже если ты хочешь открыть дверь в Забвение, еще не факт, что твои молитвы будут услышаны. Нет, она выжила, но полноценной так и не стала.

Минутку... это не так. Она не была полноценной и до выкидыша, ну а после? Разве она могла не винить себя в потере ребенка? Ее тело подвело малыша, позволило невинному умереть...

Нет, не тело. Это разум, ее характер. Она была убита горем, когда Оскар бросил ее ради Софи, и эмоциональная катастрофа стала причиной выкидыша: она не была достаточно сильной ради своего малыша, жесткой, твердой. *Она* потерпела крах.

— Перестань, — выдавила Ново. — Твою мать, просто... прекрати.

Чтобы отвлечь мысли от прошлого, она сосредоточилась на том, чтобы как можно скорее вырваться из клиники. Кормление, напомнила она себе. Ей нужно договориться о кормлении.

С хрипом — похоже, док был прав относительно своего «еще рано» — Ново потянулась к откатному столику возле себя. Отмахнувшись от банки имбирной газировки, пластиковой розовой утки, коробки «Клинекс» и пульта от ТВ, который она еще не включала, Ново наконец-то нашла телефон.

Мобильный был выключен, когда она выходила на дежурство, и как же чудесно, что кто-то решил не включать его. На экране появилась вереница сообщений. По большей части — от одноклассников... одно от Джона Мэтью... парочка от Братьев. Одно от Рейджа — парень хотел получить от нее официальный отчет о произошедшем, когда она оправится в достаточной степени для этого.

А потом... о, семь с половиной сотен от ее сестры.

Еще голосовые сообщения. И от их матери.

Ново закрыла глаза, испытывая желание закричать. Потом снова сосредоточилась. Кормление. Ей нужна вена.

И раз уж речь зашла об этом, сейчас самое время сделать правильный выбор, сказала Ново себе. Нужно позвонить Крэйгу, Аксу или Буну, и попросить одного из них о помощи.

Да. Она напишет кому-нибудь из этих парней, и они появятся, как только смогут организовать доставку к Братству. И она еще на один шаг приблизится к тому, чтобы оставить все позади... на шаг дальше от ненужных ей осложнений.

Под которыми имеются в виду Пэйтон и его голубая кровь.

Да, она свяжется с Крэйгом...

Аксом...

Или... Буном.

Они отлично подойдут ей, — сказала себе Ново, заходя в список контактов.

На все сто.

Ран замолчал, мгновенно пожалев о своих словах. На самом деле, если честно, он предпочел бы вообще здесь не появляться. Ведь при таком раскладе не возникло бы никаких проблем.

Я всегда знал, что не нравлюсь тебе.

Неужели он это сказал?

— Забыли, это вряд ли сейчас имеет какое-то значение...

— Почему ты думаешь, что не нравишься мне?

— Не стоило поднимать эту тему.

— Нет, я рад, что ты это сделал. — Сэкстон покачал головой. — Нам нужно поговорить об этом. Я пытаюсь понять, почему у тебя сложилось такое впечатление.

На мгновение Ран утонул в этом взгляде, в больших, красивых перламутрово-серых глазах. Ему нравился обращенный на него взгляд, эти густые ресницы, обрамляющие его глаза, безупречной формы брови, наклон головы в вежливом вопросе...

Рот слегка приоткрыт, словно мужчина все еще удивлен.

— Почему ты так подумал? — снова спросил Сэкстон.

— Я не умею читать.

— И какое это имеет значение? Чтение — это навык, который можно освоить, а не показатель интеллекта и, тем более, твоей ценности. Ран, ты отдал Битти родителям, которые любят ее. Ты отпустил свою кровную родственницу ради ее собственного блага и блага других. Как я могу не ценить мужчину, который смог совершить столь бескорыстный поступок, акт любви?

— Я даже не смог подписать документы.

— Ты оставил... прекрасную метку. — Голос Сэкстона стал громче и сильнее. — Ран, не беспокойся о моем мнении. Я бы не смог уважать тебя еще больше, чем уважаю сейчас. На самом деле, ты всегда... — Сэкс отвел взгляд, — меня поражал.

Незнакомое теплое чувство расцвело в груди Рана, облегчая боль, и казалось, что стены элегантного пентхауса начали сжиматься, сближая их, хотя никто не сдвинулся с места.

Сердце заколотилось, и он прокашлялся.

— Я заставил тебя чувствовать себя некомфортно? — Сэкстон сцепил руки в замок. — Прощу за это прощения. Уверяю тебя, я имел это в виду лишь в дружеском плане.

— Конечно.

— Независимо от моей ориентации.

— Ориентации?

— Я — гей. — Когда Ран отпрянул, лицо Сэкстона застыло, а голос стих. — Это проблема для тебя?

Скорее ее решение, подумал Ран... еще до того, как осознал саму мысль.

Снова откашлявшись, он сказал:

— Нет. Нет, конечно же.

— Ты уверен?

Когда Ран не ответил, Сэкстон отвернулся.

— Что ж, в любом случае, спасибо за то, что рассказал мне о Минайне, с этого момента я сам разберусь с этим делом. Твои услуги больше не требуются...

— Что, прости?

— Ты слышал.

— Подожди, ты увольняешь меня?

— Проясним все и сразу: я не раз получал в этой жизни за то, кем являюсь. — Сэкстон подошел и открыл раздвижную дверь. — После смерти мамэн, мой род отказался от меня, потому что отец считает меня позором. Поэтому уверяю тебя, я пережил гораздо более сильное отчуждение, чем твое неодобрение, и я не стану извиняться за что-то, касаемо меня лично, чего я сам не стыжусь... лишь потому, что моя ориентация не устраивает тебя или кого-то еще.

Ран глубоко вздохнул.

Казалось, прошел целый час, прежде чем он подошел к открытой двери и к мужчине, с достоинством застывшим рядом с ней. Через сдвинутую панель ворвался поток морозного воздуха, он взъерошил волосы Рана, наводя на мысли, каково это — почувствовать вместо ветра пальцы Сэкстона.

— Прости меня, — тихо произнес Ран. — Я не хотел тебя обидеть. Честно, не хотел. У меня... проблемы с выражением своих мыслей в присутствии таких как ты...

— Геев. Называй вещи своими именами. И гомосексуальность не передается воздушно-капельным путем.

— Я знаю.

— Правда? — Сэкстон затеребил манжеты рубашки, мелькнула яркая вспышка рубиновых запонок. — Я вот не уверен в этом. И правда в том, что сексуальная ориентация ни в коей мере не является угрозой. Я не собираюсь бросаться на тебя или что-то в этом духе. Принципы или есть, или их нет. Мои сексуальные предпочтения не влияют на мою способность распознавать границы, так же как, например, гетеросексуальный мужчина не будет приставать к каждой женщине, с которой он сталкивается в жизни.

— Дело не в этом.

— Ты считаешь, что я не прав с моральной точки зрения. Да, так и есть.

— Нет...

Сэкстон поднял руку.

— Вообще, я не склонен спорить с тобой. Чем ты руководишься — не мое дело. Холодно, и я хотел бы закрыть дверь. Благодарю.

Позже Ран задаст себе вопрос, откуда только взялась храбрость. И честность. Ответ на все это, как оказалось, был простым и сложным одновременно. У Любви были крылья, и они требовали полета.

— Меня тянет к тебе, и я не знаю, что с этим делать.

Глаза Сэкстона широко распахнулись, он был явно шокирован признанием.

— Я не хотел тебя обидеть, — Ран низко поклонился. — Я не ожидаю, что тебе приятен мой интерес, и не беспокойся, я не поставлю тебя в неловкое положение. Я просто не ожидал, что меня может привлекать мужчина и... — Он отвернулся. — Единственная причина, по которой я говорю это сейчас, — потому что не хочу, чтобы ты думал, что я осуждаю тебя или кого-то еще за подобное. Я прошу прощения.

Наступил момент напряженного молчания.

Затем Сэкстон протянул руку... и медленно закрыл дверь.

***

Мужская гостевая ванная комната, расположенная на нижнем этаже семейного особняка Пэйтона была маленькой, но эффектной, и пряталась под огромной парадной лестницей. Полы, стены и потолок асимметричной комнаты с наклонной крышей облицованы плитами из желтого агата, а светильники и раковина были выполнены из чистого золота. Латунные бра по обеим

сторонам золотистого зеркала бросали оранжевый отсвет, который всегда напоминал ему о кончике раскуренной сигары, а на кружевном коврике под его ногами был вышит семейный герб.

Большой необходимости приходить сюда не было. Ему просто нужен был перерыв в вежливой беседе в столовой, от которой хотелось застрелиться, и, коротая время, он достал свой телефон, чтобы проверить пропущенные звонки и новые сообщения.

Впервые в жизни он молил о спае. И пофиг, будь то реклама заграничной «Виагры», развод с веб-камерой, в котором нужно было просто прислать на определенный номер смс с фразой «отсосимне» или же президенту Нигерии нужна помощь в укрывательстве денег. Его интересовало все. Только бы не возвращаться к столу, за которым его отец и Сэлон пытались переплюнуть друг друга в части полезных и крутых знакомств, захмелевшая мамэн со зловещей ухмылкой поедала его взглядом через весь стол, а Эмили Дикинсон гоняла еду по тарелке, не проглотив ни кусочка.

— Я увольнялся с работы и получше^[46], — пробормотал он, разглядывая экран смартфона.

И с этой фразой Энни Потс^[47] он должен был включить онлайн игру «Охотники за привидениями» и рубиться в нее за столом, спрятав телефон под салфеткой...

Четыре сообщения. Три из них от собутыльников. И одно, заставившее сердце биться так, словно его подключили к автомобильному аккумулятору.

Пэйтон начал писать ответ, но остановился на середине... и позвонил.

Один гудок. Второй...

Третий.

Черт, сейчас он попадет на голосовую почту. Ему повесить трубку или..?

— Твой ответ «да»? — послышался хриплый голос Ново.

Мгновенная эрекция. Которая сразу испытала на прочность молнию брюк и дала гарантию, что он не покинет эту комнату, не подрочив.

— Да, — ответил он. — Так и есть.

— Когда ты придешь?

«Сейчас! Прямо сейчас, черт побери!» — вопил его член. «Ты сядешь в автобус и отправишься к ней прямо сейчас!».

Послушай, маленький Пэй-Пэй, остынь немного...

— Что, прости?

Пэйтон закрыл глаза и облокотился на агатовую столешницу.

— Оу, да ничего...

— Маленький Пэй-Пэй? Не знала, что у тебя есть младший брат.

О нет, скорее студент-полудурок, от которого пользы ноль, зато в любой момент в его голову может ударить идея поджечь дом.

— Это... ничего особенного.

Хотя почему это: почти восемь дюймов в длину. И твердый.

— И я... Я застрял на семейном мероприятии, но это просто ужин. Как только закончим, я сразу приеду.

— Как долго? Они говорят мне надо кормиться, прежде чем меня выпустят отсюда.

— Недолго. Час. Скоро подадут фрукты и сыр, и после этого сорбет на десерт. — Слава богу, это не Последняя Трапеза, а то пришлось бы ждать еще пару часов. — Я решу вопрос с транспортом и скажу отцу, что мне нужно уехать.

— На тебя можно положиться.

— Если правильно мотивировать.

— А еще ты альтруист, оказывается. Или до сих пор считаешь, что должен мне?

Пэйтон посмотрел на свое отражение в зеркале над золотой раковиной. Его голодный взгляд горел, щеки алели от возбуждения. В золотом сиянии он был похож на тигра в позолоченной клетке.

— Тебе не понравится мой ответ, — услышал он свой гортанный голос.

— Не делай мне одолжений.

— Хорошо. Я хочу, чтобы ты взяла мою вену. Я хочу, чтобы твой рот был везде, по всему моему телу, где я только захочу. И я знаю точно, ты позволишь мне трахнуть себя, и чтобы ты понимала, все это время я буду мысленно между твоих ног. Так достаточно честно для тебя? Все еще хочешь, чтобы я вошел в... твою комнату?

Он преднамеренно сохранил двойной смысл — потому что был полным придурком. И он так сильно хотел ее, что съехал с катушек.

Ново молчала, и он опустил голову, желая дать себе хорошего пинка. Тоже мне, поддержал, называется...

— Да, — сказала она хрипло. — Я все еще хочу, чтобы ты пришел.

Долбаное кровяное давление, Бэтмен.

— На этот раз... — Он обнажил свои клыки, верхняя губа дернулась вверх. — Я хочу, чтобы твои клыки были во мне, я хочу боль и экстаз. И я хочу, чтобы ты пила из моего горла.

— Что-нибудь еще?

О да, эти два слова, которые Ново произнесла, так эротично растягивая, были сексуальнее фактического секса за весь последний год.

— Позволь мне войти в тебя, Ново. Тебе не надо ничего объяснять или повторять, но мне просто нужно знать, каково это — кончить внутри твоего тела.

— Ты признаешь свою слабость.

— Я просто говорю правду.

— С чего вдруг начал именно сейчас?

Он покачал головой.

— Когда я лгал тебе?

Последовала пауза.

— Когда дело касается Пэрадайз, ты лжешь сам себе.

О, нет, подумал он. Этот разговор свернул не в то русло, в направлении, которое ему было совершенно не нужно.

— Я не влюблен в нее.

— Ты доказываешь мою теорию о твоей лжи. Помнишь прошлую ночь в том переулке? Не притворяйся, что ты не вел себя как связанный мужчина, забывая о своих и чужих интересах, защищая женщину, которую считаешь своей.

— Мы зачем сейчас об этом разговариваем?

— Я не знаю, на самом деле.

Наступила тишина, и, прежде чем она смогла передумать, Пэйтон сказал:

— Я приеду, как только смогу. Мне просто нужно закончить этот ужин с отцом. Если бы я мог, то ушел бы прямо сейчас, но мой отец и все, что его касается, — по жизни одна большая проблема.

В трубке раздался смех.

— Раздражение в твоем голосе, наверное, единственная общая черта у нас двоих.

— Тоже семейные проблемы?

— Не представляешь какие.

— Расскажи мне.

Последовала долгая пауза.

— Я думала, ты ужинаешь со своим отцом. Почему ты тогда сейчас говоришь со мной по телефону?

— Спрятался в ванной. И ты даешь мне повод задержаться здесь подольше.

На этот раз смех Ново прозвучал потрясающе естественно, и он осознал, что никогда раньше не слышал ее так.

Пэйтон поднял руку к груди и вдруг понял, что словно пытается унять внутреннюю боль.

— Да ладно, — сказал он. — Давай, поговори со мной. Это будет твой самый гуманный поступок за ночь. Удержи меня здесь еще немного.

Выдох был долгим и медленным.

— Приходи, когда сможешь. Не спеши. Пока.

Когда соединение прервалось, Пэйтон снова посмотрел на свое отражение в зеркале. Несмотря на то, что он точно знал адрес дома, в котором сейчас находился, почтовый индекс, улицу и номер... несмотря на то, что он побывал в большинстве комнат особняка, всю свою жизнь... он чувствовал себя совершенно потерянным.

И так было многие годы.

Закрыв глаза, он увидел Пэрадайз, ее светлые волосы, прекрасное лицо и лучезарную улыбку. Вспомнил ее смех в телефонной трубке, ее горести и печали. Услышал ее голос и акцент, согласные и гласные.

Все эти телефонные звонки, за все то время, изо дня в день, когда набеги заставили их прятаться в убежищах вдали от Колдвелла.

На самом деле он влюбился в ее постоянство. Ее надежность. Ее «всегда-рядом-когда-ему-нужно» и ее доброту... но еще больше в тот факт, что она никогда, ни при каких обстоятельствах не осуждала его. Он рассказывал ей о вещах, которые заставляли его чувствовать себя жалким, о том, что пугало его. Говорил о кошмарах и демонах в своей голове. О ненависти своего отца к нему и отстранённости матери, о своем пристрастии к наркотикам и алкоголю, к вампирам и человеческим женщинам.

И все же она была на его стороне. Она не думала о нем плохо, несмотря на всю его грязь.

К слову о семейных проблемах. Он никогда не чувствовал такую поддержку от родных или Глимеры. Всегда хранил свои секреты при себе, и не потому, что они были странными, шокирующими или извращенными, а потому, что некому было довериться. Всем плевать. Никто не принимал его таким, какой он есть, и не прощал ему его несовершенства.

Вот почему он любил ее.

По сути, дело не в самой Пэрадайз.

Скорее в том, в чем он нуждался.

Какое-то время Пэрадайз была яркой краской на полотнах его существования, компасом в кармане, выключателем, который он мог нажать, когда хотел света в кромешной тьме. Ее добрый характер спасал его, хотя, в действительности, он тут не при чем, она помогла бы любому, в этом ее суть.

Пэрадайз никогда не привлекала его в сексуальном плане.

Пэрадайз никогда не была для него такой, как Ново. Ново — это пылающий костер, в который ему хотелось прыгнуть. В костюме покорителя огня с переносным бензобаком на спине.

Нет, он пялился на Пэрадайз, потому что оплакивал потерю этой тесной связи, из-за чего он снова вернулся в мир позолоченных рамок, фальшивых улыбок и отсутствия привязанностей.

Порой благодарность легко принять за любовь. Эти чувства были очень теплыми и непреходящими. Но первое больше о дружбе, а второе же... совсем другое дело.

И по какой-то причине он почувствовал мощную нужду объяснить все это Ново.

Отвернувшись, Пэйтон потянулся к двери. Он уже собирался выйти, как в эту секунду...

Пэйтон отпрыгнул.

— Оу.

— Прости, — тихо сказала Ромина.

Молодая женщина была бледна, ее трясло, когда она стояла перед ним и словно в паранойе все время оборачивалась, как мышь, убегающая от кота.

— Мне нужно переговорить с тобой наедине. — Она вцепилась в него взглядом. — У нас мало времени.

Сэкстон закрыл дверь, чувствуя слабое сопротивление панели.

«О, как же ты красив», подумал он, заметив румянец Рана и его опущенный взгляд. Несмотря на огромную силу, заключенную в этом теле, в нем чувствовалась некая уязвимость, из-за которой хотелось предложить мужчине безопасную гавань. С другой стороны, такие люди всегда были слабым местом Сэкстона.

— Прости меня, — прошептал Ран.

— За что? — Сделав вдох, Сэкстон задержал в своих легких его восхитительный запах. — Почему ты извиняешься?

— Я не знаю.

— Нет ничего страшного в том, что я нравлюсь тебе. Абсолютно. Посмотри на меня. Давай... подними глаза.

Казалось, прошла вечность, прежде чем этот сияющий взгляд встретился с его.

— Я не знаю, что делать, — прошептал Ран. Вот только его взгляд не сходил с губ Сэкстона.

«О, нет», — подумал Сэкстон. «Все ты знаешь».

Но это было не в природе Рана — брать все в свои руки. К счастью, Сэкстон знал, как это исправить.

— Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловал, — тихо произнес он. — Просто чтобы узнать, каково это. Чтобы больше не задаваться этим вопросом.

Все это не вызывало сомнений. Ответом на эти вопросы послужило сексуальное напряжение, что мгновенно возникло между ними, словно стена огня, которая обещала растопить их тела... и, возможно, души.

Только вот Ран посмотрел в сторону двери.

Сэкстон вздохнул.

— Никто не узнает. Я обещаю.

Печально, что пришлось убеждать в этом мужчину, словно они собирались сделать что-то грязное, что заставит других изменить свое мнение о них или заставит их чувствовать себя хуже, чем они есть... но не было причин для наивности. Подавляющее большинство гражданских, вроде Рана, имели гораздо более консервативные взгляды на подобные вещи, нежели аристократы. Глимере была присуща толерантность другого типа, если, конечно, ты собирался связать себя узами брака с особой женского пола, зачать пару наследников и никогда не заявлять открыто о своих пристрастиях.

Ничего из этого Сэкстон делать не собирался в угоду своему отцу и кровной линии. Именно по этой причине они отказались от него.

Забываясь об уединении, он наклонился в сторону и задернул шторы, огромные полосы темной ткани скользнули на место, закрывая их от внешнего мира, создавая атмосферу интимности.

— Никто не узнает, — прошептал он, несмотря на растущее в груди разочарование.

В ответ Ран протянул дрожащую руку... только чтобы остановиться у рта Сэкстона.

— Ты этого хочешь? — выдохнул Сэкстон.

Ран опустил руку.

— Да.

Сэкстон подошел вплотную, но не слишком близко, выдерживая расстояние между их грудными клетками. Затем обхватил лицо Рана.

Тело мужчины дрожало, гора мускулов и тяжелых костей приготовилась рвануть с места, но

вот куда, он него или к нему... этого Сэкстон не знал.

— Я не причиню тебе вреда — поклялся Сэкстон. — Обещаю.

И медленно притянув к себе парня, Ран уступил легкому давлению.

Наклонив голову в сторону, Сэкстон прижался губами ко рту Рана, и тот изумленно охнул. Сэкстон почувствовал этот шок, и должен был что-то сказать.

Но не захотел прерываться на разговоры.

Нежно, мягко... он снова и снова прикасался к этому рту. Сначала ответа не последовало, губы напротив его собственных одеревенели. Но потом они раскрылись и коснулись в ответ в сладкой нерешительности.

Тело Сэкстона взревело, член напрягся, устремился вверх, желая, чтобы его приласкали рукой или ртом. И взамен он хотел узнать каждый квадратный сантиметр тела этого мужчины. Тем не менее, терпение — добродетель, заслуживающая поощрения больше, чем неуклюжая жадность.

Сэкстон отстранился и внимательно посмотрел на Рана.

— Как это было?

— Еще, — послышался умоляющий стон.

Сэкстон издал звук, напоминающий мурлыканье, и прижался к телу Рана. Обхватив рукой эти широкие плечи, он снова прижался к сладкому рту, а другую руку обернул вокруг талии, твердых, как камень, гладких, словно отполированных, мышц.

Рана колотило дрожью, и это возбуждало не по-детски. А что еще лучше? В районе бедер чувствовалась твердая эрекция, рвущаяся к освобождению. Сэкстон понимал, что не стоит торопиться, не хотел соблазнять парня, пока тот находится в замешательстве. Наоборот, он хотел, чтобы Ран сам, добровольно согласился на то, что, несомненно, будет невероятным сексуальным опытом...

Когда на кухне зазвонил телефон, они оба подпрыгнули.

— Разве ты не должен взять трубку? — спросил Ран хрипло.

«Наверное, должен», подумал Сэкстон. Но только для того, чтобы спустить гребаный телефон в унитаз или, может быть, разбить молотком. Только вот...

— Это может быть Король, — Сэкстон отодвинулся. — Подожди минуту.

Быстрым шагом он бросился к черной гранитной столешнице, где оставил свой телефон возле кофейника.

— Алло... о, да, конечно, мой Господин. Говорите. Ага. Да. Правильно...

Сэкстон закрыл глаза. Нельзя было проявить невежливость или уклониться от своих обязанностей, но ему нужно было разобраться с Рофом как можно быстрее, чтобы продолжить то, на чем они остановились... в надежде зайти дальше поцелуев.

— Да, мой Господин. Я подготовлю соответствующие документы и передам их второй стороне завтра вечером... когда? Сейчас? — Сэкстон нецензурно выругался про себя. — Да, я сейчас же прибуду в Дом для Аудиенций и принесу... что? Да, и это тоже. Благодарю вас, Милорд. С удовольствием.

Он повесил трубку с мыслью, что, на самом деле, его удовольствие стояло прямо здесь...

— Проклятье, — обернувшись, пробормотал он сквозь зубы.

Ран исчез через раздвижную стеклянную дверь, оставив после себя лишь легкое волнение штор, холодный вечерний воздух шевелил ткань, сдувая тягучий запах сексуального пробуждения.

Возник порыв последовать за ним, но Сэкстон его сдержал. Ран сделал свой выбор, по крайней мере, на сегодня.

Не сказав, вернется ли.

Сэкстон потрогал свои губы.

— Надеюсь, ты вернешься, — прошептал он в пустоту пентхауса.

***

Автобус катился по дороге в учебный центр со скоростью чуть медленнее, чем вода испаряется из стакана. В холодильнике. В течение ста пятидесяти гребанных лет.

Пэйтон сидел по левую сторону от прохода, прямо напротив окна, сосредоточенно вглядываясь в черное стекло и пытаясь игнорировать собственное отражение. Больше с ним никого не было, и он не мог понять, хорошо это или плохо. Хорошо бы отвлечься... но, с другой стороны, болтовня в ухо могла раздражать... и нет, спасибо, отвечать кому-то тоже ужас как не хотелось.

Облегчение наступило, когда автобус остановился. И снова поехал. И затем немного погодя... снова замедлился.

Наконец, они добрались до последовательности ворот. Как и другие новобранцы, Пэйтон их никогда не видел, не знал, как они выглядят и не смог бы описать путь до тренировочного центра даже самой Деве-Летописице. Но он был хорошо знаком с этим старт-стопным режимом перемещения по территории Братства и спуском под землю к самому центру.

Мне надо поговорить с тобой наедине. У нас мало времени.

Образ Ромины, стоящей у входа в ванную комнату, то, как она нервно теребила в руках ткань своего голубого платья, с широко раскрытыми глазами... ее бледное лицо, искаженное страхом, словно за ней гнались... он покачал головой и потер переносицу.

Ромина отчаянно нуждалась в друге. Также ей нужен был Пэйтон.

Боюсь, тебя хотят обмануть. Объяви сегодня вечером, что ты не одобряешь мою кандидатуру, и тебя освободят от этого бремени.

Когда он потребовал объяснить, о чем, черт возьми, она говорит, девушка рассказала ему ужасную историю, такую жуткую, что он не хотел даже думать об этом.

И, в конце концов, она не солгала. Она действительно считалась испорченной по меркам Глимеры, и речь не об избалованном или изнеженном характере. Согласно всем стандартам, Ромина не имела права на замужество, хотя и не по собственной вине, если, конечно, она говорила правду. И учитывая произошедшее с ней, зачем рассказывать об этом совершенно незнакомому человеку?

Он восхищался ее честностью. И чувствовал себя таким же сломленным, неспособным на брак по стольким причинам. В этом плане у них было много общего.

Знаю, что ты поступишь правильно. Я просто не хочу, чтобы еще кто-нибудь пострадал.

После этого она вернулась к столу. И он попытался последовать за ней... только в конечном итоге у него ничего не вышло. Вместо того чтобы вернуться в столовую, он направился к парадной двери. Отец что-то кричал ему вслед, но нет, Пэйтон ушел. Он дематериализовался туда, где их забирали автобус, отправил сообщение о своем прибытии и ждал двадцать пять минут на морозе без зимней куртки.

Когда он забрался в салон автобуса, пальцы в карманах свело от холода, а зубы выдавали дробь. От тепла озябшее тело прошила жгучая боль, но он едва ли это заметил.

Самое печальное: в среде, где росли и воспитывались он и Ромина, они считались не более чем пешками в социальных шахматных играх своих семей.

Господи, бедная девушка.

И он понятия не имел, что теперь будет делать.

Но что было ясно? Его отсутствие во время подачи сыра и фруктов отметили должным

образом. Телефон звонил трижды, и отец оставил ему голосовые сообщения. Пэйтон их не слушал. Зачем? Он знал, что там, мог сам продублировать и тон, и смысл сказанного.

— Мы приехали, господин.

Пэйтон подскочил. Фритц, преданный дворецкий, который служил водителем автобуса уже много ночей, был одновременно обеспокоен и улыбчив, его морщинистое лицо напоминало распахнутые шторы в дружелюбном доме.

— Господин, Вы в порядке? Я могу Вам чем-нибудь помочь?

— Простите, — Пэйтон встал. — Простите... я в порядке. Спасибо.

Да хрен там в порядке. Он был далеко не в порядке, с его ракурса прекрасный город Порядоквилль не маячил даже на горизонте.

Когда он вышел из автобуса, дворецкий проводил его к стальной входной двери, эхо их шагов отражалось от бетонных стен многоуровневой парковки. А потом они оказались внутри, шли по длинному широкому коридору. Когда Пэйтон остановился перед закрытой дверью в больничную палату Ново, Фритц низко поклонился и ушел выполнять свой следующий долг.

Прежде чем постучаться, Пэйтон провел пальцами по волосам. Убедился, что одежда в порядке. Проверил свой...

— Можешь заходить.

Услышав сухой голос Ново, Пэйтон выпрямил спину и толкнул дверь в больничную палату.

Окей... вау.

Она выглядела намного лучше. Ново уже сидела, пара-тройка мониторов исчезла, на ее коленях стоял столик с остатками трапезы: свежая датская булочка, наполовину пустая тарелка с фруктами, тосты и небольшой горшочек с клубничным джемом. Очевидно, она уже съела яичницу.

Больничная еда здесь была совершенно не «больничной».

— Как официально, — тихо произнесла она. — Совсем не обязательно было наряжаться по такому случаю.

Он окинул себя взглядом.

— На мне смокинг?

— Звучишь удивленно. А ты думал, в чем пришел?

Когда он снова посмотрел на нее, Ново приподнялась на подушках, которые помогали ей держаться вертикально... и гримаса боли, мгновенно отразившаяся на лице, и которую Ново сразу попыталась скрыть, сказала ему, что как бы ей не хотелось казаться сильнее, домой до конца ночи она точно не попадет.

С кормлением или без.

— Ты в порядке? — спросила Ново.

Пэйтон решил сначала отшутиться, но потом подумал о Ромине.

— Нет, на самом деле нет.

— Неразделенная любовь тебя снова подвела? Хочешь, отправлю тебе открытку? Плюшевого медвежонка, чтобы было что потискать. Нет, подожди... шоколад и бокал вина?

Пэйтон проигнорировал ее слова и направился к дальнему углу, ноги отказали ему ровно в тот момент, когда он добрался до стула. Обхватив голову руками, он просто уставился на пол. Он хотел Ново со страшной силой. Но не мог выбросить из головы то, что рассказала ему другая женщина. Его мысли были еще там, с его семьей. Насколько же дерьмово могут обстоять дела, когда кроме денег у тебя нет ничего, что могло бы поддержать тебя в этом мире.

— Господи, — пробормотала она, — Выглядишь так, будто у тебя намечается нервный срыв.

— Расскажи мне о своей семье, — услышал он свой голос. — Какие они? Чем они ранили тебя?

Ново отвернулась.

— Нам не стоит говорить об этом.

Разочарование нарастало, и Пэйтон сказал себе, что не должен пытаться воссоздать ту дружбу, что была у него с Пэрадайз, с кем-то еще. Это был короткий этап его жизни, который закончился, когда она наладила свою жизнь; он же по-прежнему топтался на месте.

Боже, так хотелось покурить.

Похлопав по внутреннему карману пиджака, он прощупал... о, крутяк, подумал он, обнаружив там пару старых косячков.

Пэйтон вытащил один из них и достал из кармана брюк золотую зажигалку.

— Здесь нельзя курить.

Пэйтон посмотрел в сторону больничной койки.

— Тебе запах не нравится?

— Мне все равно. Но здесь баллон с кислородом, и я уверена, что доктора не оценят этот жест, даже если нас не разнесет на молекулы.

Со стоном, Пэйтон поднялся и направился к металлическому цилиндру. Наверху был клапан, и значит, крутить надо вправо. Братья научили его этому. И, конечно же, теперь штука была плотно закрыта.

Пэйтон щелкнул зажигалкой на обратном пути к стулу и присев, сделал первую затяжку. Задержав глубоко шипящее дыхание, он с нетерпением ждал прихода, который отключил бы его мозг к чертям собачьим.

— Пожалуйста, — сказал он, выдыхая. — Просто... расскажи мне что-нибудь. Что хочешь. Мне нужно с кем-то поговорить.

«Наверное, дело в травке» — подумала Ново. Или в том, что прошлой ночью она убедилась в собственной смертности. Возможно, в смс и голосовых сообщениях матери, касающихся ее сестры, от самой сестры, друзей сестры. Может быть, от того, что Пэйтон сейчас не был похож на себя самого. Как Джеймс Спейдер^[48] в «Девушке в Розовом»^[49].

Но что-то заставило ее открыть рот.

— Моя сестра не похожа на меня, — выпалила она в тишине. — Совершенно.

— Значит, она непроходимо тупа? — Пэйтон выдохнул клубок густого дыма и ослабил свой черный галстук-бабочку. — Уродлива? Неуклюжа? Подождите, она бросает бейсбольный мяч как девчонка...

— Остановись, — Ново покачала головой. — Я не смогу быть по-настоящему честной с тобой, если ты продолжишь свою показуху.

Он зажал косяк между зубами и пожал плечами, обтянутыми смокингом. Затем расстегнул верхние пуговицы на своей рубашке. Сел поудобнее, снова выдохнул и заговорил, выпуская дым.

— Я сейчас совершенно серьезен. Я думаю, ты умная, красивая и отличный боец.

В глазах ни смешинки. Уголки губ не дрогнули. Ни намек на юмор в тоне. И затем он просто посмотрел на нее так, словно подбивал опровергнуть его мнение.

«Вот дерьмо», подумала Ново. Он был таким же опасным... невероятно сексуальный, сидел, развалившись на стуле, нога на ногу, его руки расслаблено свисали с подлокотников. В этой позе, с ослабленным галстуком-бабочкой и в расстегнутой сверху рубашке, сквозь вырез которой виднелась золотистая кожа его горла, выглядел он так, словно мог доставить женщине удовольствие как угодно, любым способом... и впечатление, вероятно, было правильным.

И анатомия для этого у него была совершенно подходящая. Она знала это не понаслышке.

А кроме физических данных? Пэйтон был сосредоточен на ней, словно единственное, что он хотел слышать, — то, что она могла сказать ему, о чем бы ни шла речь. Казалось, сейчас он действительно видел только ее, не отвлекаясь, не смотрел в другую сторону, постукивая ногами или выбивая дробь пальцами.

Для женщины, которая всегда играла роль второй скрипки в шумной какофонии розового, пахнущего цветами, кружевного кошмара? Он был также притягателен, как и вкус его крови.

Как далеко она пойдет?

Она никому не рассказала о том, что с ней случилось, даже Братству во время сеанса психоанализа. Во-первых, она ненавидела жалость. Во-вторых? Ну да, она не хотела, чтобы ее выгнали из программы за то, что она была психически нестабильна.

Это не про нее.

Но они могли подумать, что у нее были все предпосылки.

— Так... расскажи мне о своих семейных проблемах, — тихо произнес Пэйтон.

— Ничего особенного, на самом деле — пробормотала Ново. — Отношения между сестрами и все такое.

Когда ее рука начала опускаться на живот, она вовремя остановила себя, хотя Пэйтон вряд ли мог догадаться, чем спровоцирован этот защитный жест.

— Да ладно, — сказал он, выдыхая дым. — Ты так просто не отделаешься.

Как будто по сигналу, на столике, что стоял у нее на коленях, зазвонил телефон. Приподняв экран, она выругалась, когда увидела, кто это.

— А вот и она. — Ново закатила глаза. — Моя сестра, снова. Она собирается обручиться, и выбрала меня на роль чертовой подружки. Я таааак тронута, ты не представляешь.

— И когда церемония?

— Свадьба, — поправила она. — Очень скоро.

— А что по поводу того, что ты ранена?

Она покачала головой, когда телефон замолчал. Ненадолго. Затем пришло сообщение от Софи.

Ново зачитала его вслух, а почему бы и нет, черт возьми.

«Отлично. Так понимаю, мне придется самой позаботиться о девичнике. У мисс Эмили нет для нас брони в пятницу. Очевидно, ты им так и не позвонила. Большое спасибо за помощь».

Мобильный упал на столик, а Ново, сделав глубокий вдох, могла поклясться, что ее начало накрывать от травмы.

— Ты на больничной койке, — сказал Пэйтон

— Правда? — Она посмотрела на себя. — А я думала, в джакузи.

— Будь посерьезнее.

— Это ты сейчас мне говоришь?

Он провел рукой по воздуху.

— Ты в процессе выздоровления. Почему они пристают к тебе?

Ново показательно свернула верхнюю часть одеяла и разгладила ее на груди.

— Ну, честно говоря, они не в курсе, что я пострадала.

Повисло молчание, и Ново посмотрела на него. А Пэйтон, словно ожидая от нее зрительного контакта, покачал головой.

— Это как у нас с отцом. Я тоже ничего ему не рассказываю. — Он нахмурился. — Что бы они сделали, если бы ты...

— Умерла там? Или здесь, на столе? — Она пожала плечами. — Наверное, просто назначили главной подружкой невесты нашу старшую кузину и продолжили веселье.

— Подружка невесты? Что за хрень?

— О, да. Она решила перенять эту человеческую практику, и ожидается, что мои родители это оплатят, я соглашусь быть подружкой невесты, а все ее друзья выложат фоточки в Инстаграм. Кажется, она твердо верит в то, что введет новый модный тренд, и кто знает. Может, так и будет.

— За кого она выходит замуж?

Ново откашлялась.

— Проходняк. Какой-то гражданский... ну, чуть побогаче нас, поэтому для нее это джек-пот. И, слушай, если отбросить в сторону мои проблемы... Софи красива, так что это хорошая сделка на брачном рынке. Уверена, что они будут очень счастливы вместе, он будет тратить на нее, а она родит ему малыша...

Продолжить она не смогла.

Казалось, вот она двигалась по дороге на вменяемой скорости, не обращая особого внимания на ландшафт или погодные условия. А потом БАМ! Гололед, машину заносит, ты вгрызаешься в руль... и тачку швыряет кубарем прямо в отвесную скалу.

— Так что, да. — Она сделала пару глубоких вдохов. — Кстати, забористая у тебя трава.

— А то.

— Для себя только самое лучшее, ха.

— Что-то типа того. — Пэйтон посмотрел на тлеющий кончик косяка. — Она собирается затолкать тебя в ужасное платье?

— Что, прости? А, Софи... ты имеешь в виду для церемонии? Если только меня не выгонят взащей раньше.

— И когда у них церемония — или как они это называют — свадьба?

— Ну, если между нами, то это называется цирк. — И когда Пэйтон слегка улыбнулся, она

спросила: — Что смешного?

Он сверлил ее взглядом.

— Мне нравится мысль о том, что у нас есть общий секрет.

А затем, он стал совершенно серьезен. Внезапно.

Поднявшись на ноги, Пэйтон направился в ванную, чтобы выбросить косяк, и ничто не могло скрыть его мощнейшую эрекцию.

Член был большим, тяжелым, и она могла видеть контур головки под складками его брюк.

Ново накрыла волна такой похоти, что пришлось закрыть глаза. И облизать внезапно пересохшие губы... хорошо, что он в это время был в ванной комнате.

Из-за приоткрытой двери слышалось журчание воды, и Ново представила, как он склонился над раковиной и тушил косяк. Затем он просто застыл в двери, его красивое лицо было серьезным.

Не отводя глаз, он опустил руку вниз и совершенно открыто поправил возбужденный член, скрывая выпирающего дружка.

После этого просто продолжил на нее смотреть.

Ново точно знала, чего он ждет. И, что самое интересное... у нее было стойкое ощущение, что он может простоять так битый час. Или полдня.

Что совершенно не в его духе.

— Подойди, — сказала она тихо.

Пэйтон послушался, подошел к кровати и встал прямо перед ней. Он пах просто невероятно, и на этот раз запах травки, который обычно ей не нравился, совершенно ее не беспокоил.

Эlegantным жестом он подвернул рукав. А потом другой. Его руки украшали мощные мускулы, перевитые венами, выступившими от постоянных тренировок, его тело приспособлялось к строгим упражнениям, наращивая силу.

Ново перевела взгляд на его горло.

Будто зная, куда она смотрит, Пэйтон издал рычание.

— Позволь мне лечь рядом с тобой.

В таком случае, скорее всего они займутся сексом, подумала она.

«Скорее всего» можно вычеркнуть из предложения.

Дверь распахнулась, и показался, человек, доктор Манелло, пребывавший в совершенно невеселом расположении духа, лицо хирурга было мрачным.

Он ткнул пальцем в Пэйтона.

— Дерьмо в переулке, возможно, и не заставит тебя бросить программу, но я гарантирую, что причиной этому послужит тот факт, что ты куришь траву в одной из больничной палат. — Он огляделся, словно искал бонг, шарики гашиша или кальянную трубку. — И, очевидно, вы оба осознали и сразу же прекратили, я прав? Смыли косяк в раковину, потому что поняли, что курить в комнате с кислородным баллоном и в непосредственной близости к пациенту в ломке — чертовски глупая затея. Верно?

Они оба кивнули.

— И я также правильно понимаю, что это никогда не повторится, ведь вы, два балбеса, признаете, что у меня не будет иного выбора, кроме как пригласить сюда Братьев, чтобы выбить из вас дерьмо? — Они снова кивнули. — Хорошо. И тебе в наказание... — мужчина указал пальцем на Ново, — ты останешься здесь на весь завтрашний день.

Как только она открыла рот, он обратился именно к ней.

— И, слава Богу, ты достаточно умна, чтобы не спорить со мной сейчас, потому что меня просто бомбануло от вони, которую я почувствовал в коридоре.

Сказав это, хирург вышел и захлопнул за собой дверь.

Затем снова просунул в нее голову.

— У тебя есть еще?

Пэйтон удивленно вскинул брови.

— Простите, что?

— Трава, придурок.

— Оу... да. Но она старая. Я чаще четырех-пяти раз в год этот смокинг не ношу, а косяки нашел в кармане.

Хирург протянул руку.

— Дай мне. И вместо оплаты я повешу на дверь табличку «ПАЦИЕНТ СПИТ, НЕ БЕСПОКОИТЬ».

— Мы ничего такого делать не собираемся, — сказала Ново.

— О, да. Конечно. Просто поддержитесь за ручки, пока он будет тебя кормить. Вот почему я повешу табличку, а вы закроетесь изнутри. — Он протянул ладонь. — Почему травка до сих пор не у меня?

Пэйтон достал два оставшихся косяка и передал их человеку.

— Зажигалка нужна?

— Ясен пень. И я верну ее тебе. Потому что я не курю. Тем более травку.

— Океееей, судя по тому, что вижу, я рискну предположить, что в настоящий момент ты сам себе противоречишь, но да ладно, не мое дело. И не могу не спросить: что случилось? Мы может чем-то помочь?

— У вас не хватит времени все это слушать. Но на первом месте списка фармацевтическая компания, затем идет перевозчик UPS, ну и в-третьих: я съел бургер в «Тако Хренако»^[50] примерно в пять часов дня, когда пытался оформить доппартию гидрохлорида ципрофлоксацина^[51] на черном рынке... и до сих пор не могу отойти от горшка.

Золотая зажигалка Пэйтона перешла в другие руки.

— Ты заслужил это.

— Хрена с два, — Доктор Манелло закатил глаза. — И к твоему сведению: я сейчас ненавижу это выражение, вот реально.

На этом хирург их оставил, и Пэйтон снова посмотрел на нее.

Трудно было сказать, кто заржал первым. Возможно, это был он, Ново не знала. Но через секунду они оба вытирали глаза и пытались отдышаться, и снова смеялись до боли в животах.

И тут они услышали шорох за дверью.

Пэйтон выглянул.

— Отличная работа, Док, — пробормотал он, снова закрывая дверь.

И тогда его рука застыла прямо напротив замка.

Он бы мог мысленно его закрыть. Но он явно давал Ново выбор... и возможность контролировать ситуацию.

По какой-то причине она вспомнила мгновение, когда убийца воткнул кинжал в ее грудь, ощущение, когда понимаешь, что умираешь, даже близко нельзя назвать сюрреалистичным.

Забавно... она не думала об этом до этого момента.

Потом посмотрела на Пэйтона:

— Прости.

Он закрыл глаза, казалось, смиряясь с тем, что она передумала.

— Все нормально. Я просто открою дверь и...

— За мое поведение в кабинете физио. Я была... не в себе, и честно, я пыталась проникнуться сексом с тобой, но мозг словно закоротило, а потом я вывалила все на тебя. Это было несправедливо. Извини.

Он моргнул.

— Ты... вечно удивляешь.

— Правда?

— Да.

Она снова завоzilась с одеялом, расправляя его на груди.

— Ситуация лучше не стала. В моей голове. Я имею в виду, со всем, что... сам знаешь, привело меня сюда.

— Я не хочу навязываться.

— Я тебе и не позволю.

— Знаю. Просто хотел сказать об этом. — Последовала пауза. — Ново?

— Мм?

— Посмотри на меня. — Он подождал, пока она это сделает. — Я не буду торопиться, хорошо? Я буду... осторожным. И если что-то пойдет не так, я остановлюсь, и не важно, как далеко мы зайдем.

Она покачала головой.

— Да ладно, Пэйтон. Я далеко не девственница, так же как и ты. Не изнеженный цветок, не ломаюсь...

— Ново, ты можешь доверять мне. Я не причиню тебе боль. Обещаю.

И по какой-то чертовой причине ее глаза заслезились. Нет, неверно. Она знала, в чем дело. Она так долго была сильной... что забыла, каково это, когда кто-то другой берет на себя все бремя.

Она никогда бы не считала себя одинокой.

Но непредвиденная, неожиданная и совершенно необоснованная поддержка Пэйтона, особенно, что касалось секса, так остро заставила ее почувствовать пропасть между ней и всеми, кто ее окружал.

— У меня проблемы с доверием, Пэйтон, — хрипло сказала она. — Оно еще ни разу не принесло мне ничего хорошего.

— Это не меняет того, что я сказал. Ни единого слова.

— Почему? — прошептала она. — Почему ты так ведешь себя?

— Честно?

— Да уж лучше бы да.

— Я не знаю. Правда. Единственное, в чем я уверен... я в жизни больше не хочу видеть, как кто-то или что-то снова причиняет тебе боль.

Не верь ему, сказала она себе. Ни слову из всей этой ерунды. Он хочет трахнуть тебя, именно поэтому это говорит. Ты же проходила уже через все эти сладкие речи, и помнишь, что из этого вышло?

Беременная и одинокая.

Выкидыш — в одиночестве.

Одинокая с тех самых пор.

И все же, даже если она заставит себя вспомнить, что случилось в том холодном доме целую жизнь назад? Даже если скажет себе, что безопаснее думать, что с ней играют?

Ново посмотрела в спокойные, серьезные глаза Пэйтона и поняла, как трудно не верить ему.

— Я остановлюсь в любое время. Лишь одно твое слово, — повторил он мягко.

Ее накрыла нервная, паническая дрожь, все кости словно размякли. У нее было много секса с тех пор, как она рассталась с Оскаром, с тех пор как потеряла ребенка. Части ее тела встречались с частями тела других. Но она никогда никому не открывалась на самом деле.

Это так удобно — нет необходимости делиться с кем-то своей историей. Пока партнер ни о

чем не знает, она могла притворяться, что ничего не произошло.

Сегодня... наверное потому, что прошли всего сутки после того, как она пару раз чуть не умерла... но отрезок между трагедией прошлого и ее текущим положением, казалось, сократился с двух лет... до двух минут.

И все, что она держала в разных углах ринга, сейчас грозило слиться воедино.

И Пэйтон пребывал в не менее уязвимом положении. И хотя она не знала всех подробностей, это делало их равными, не так ли?

— Запри дверь, — сказала она.

Не сводя глаз с Ново, Пэйтон выполнил ее указания и повернул замок. Естественно, у медицинского персонала был ключ, но с табличкой на двери и с учетом того факта, что учебный центр был пуст, потому что Роф объявил всем выходной, конфиденциальность была им обеспечена.

Прежде чем подойти к Ново, он погасил свет, оставив лишь бледное свечение из тесной ванной комнаты. Вообще, ему не нравилась эта приглушенность, ведь чем хуже освещение, тем ярче казались показания на мониторах у изголовья больничной кровати.

И Ново до сих пор была под капельницами.

Но у нее вполне хватило сил принять душ, влажные волосы снова были заплетены в косу и завивались на кончиках. И она даже немного поела.

Когда Пэйтон приблизился, Ново опустила верхнюю половину кровати, полностью выравнивая матрас, и сердце забилось быстрее, когда он осознал, что на самом деле собирается лечь рядом с ней.

— Давай я просто подвину... — она попыталась поправить катетер, что шел от ее руки. — Боже, курам на смех. Давай я просто уберу эту штуку.

— Да, так ничего не выйдет. Я помогу.

Он завел прозрачные пластиковые трубочки за подушку, чтобы они не мешались. Затем опустил перекладину и сел на край матраса.

Когда он взял Ново за руку, ее кожа показалась ему еще мягче, чем он себе представлял. У воина, вроде нее, ладонь должна быть грубой. Тем не менее, он чувствовал силу в ней, мозоли от тренажеров и сражений.

Когда Ново потянула его к себе, он более чем охотно последовал, вытянувшись поверх одеял.

— Ты поцелуешь меня или как? — спросила она.

— Да, собираюсь.

Он накрыл ее рот своим, и, черт возьми, мозг мгновенно закоротило, да так, что логичные рассуждения вкупе с рациональным мышлением просто собрали чемоданы и ушли в чей-то чужой череп. Ее губы были восхитительны, язык агрессивно толкнулся в его рот, от запаха сносило крышу, покруче чем от травки. И, срань Господня, все происходило так быстро, особенно к югу от его пояса. Он так сильно хотел войти в нее, что задыхался и терял контроль.

Но в одном он был осторожен. Он постарался не наваливаться на ее раненую грудь. А в остальном просто сдался ощущениям, его бедра касались ее, ее тело выгибалось под ним, руки скользили по его спине...

— Рубашку сними, — простонала Ново.

— Есть, мэм.

Он медленно оторвался от нее и сел на пятки. Пуговицы упрямились, пальцы были неловкими, дыхание слишком тяжелым, но, похоже, Ново было плевать на все это. Она просто смотрела на него хищным взглядом, облизывая губы, между которых сверкали кончики белых клыков.

— Я голодна.

— Возьми все.

— Аккуратнее, я могу тебя убить.

— Тогда позволь мне умереть в твоих руках.

Пэйтон бросил белую рубашку на пол, вместе с галстуком-бабочкой, а потом снова опустился на Ново. Когда их тела воссоединились, хотя он и навалился на какие-то провода, и

они неуклюже завозились... он пытался не обращать на это внимание. Стоит ли вообще в таком положении заниматься сексом?

Да, черт возьми, объявил его член. Заткнись, мать твою.

Прекрати...

— Что? — спросила она.

— Ничего. Позволь мне поцеловать тебя, пока я не кончил в брюки.

— Не самая страшная угроза. — Она прищурила горящий взгляд. — Потому что именно этого я от тебя и хочу.

Пэйтон зашипел, а она погладила ладонями его грудь, спускаясь к твердому животу. Когда она остановилась у границы ремня, он стиснул зубы.

— Ох, на хрен...

— Это чуть позднее, помоги избавиться от брюк.

Сначала он не поверил, что правильно расслышал ее. Но затем она дернула его ремень свободной рукой... и он был более чем готов ей в этом помочь. Последовала серия грубых рывков, полоска гладкой черной кожи скользнула через пряжку из белого золота, а затем он завозился с пуговицей и молнией.

Ее рука скользнула за ткань, как только у нее появился доступ, и как только она дотронулась до него, Пэйтон толкнулся вперед с такой силой, что чуть не сломал позвоночник.

— Наблюдай за мной, — приказала Ново.

Он застонал и посмотрел вниз на то, как ее ладонь обернула его толстый ствол и затем погладила его вверх-вниз, от чего горячая волна прокатилась по всему телу. Затем она поцеловала его, ее рот перехватил инициативу, коса соскользнула с плеча и рухнула на его руку.

— Черт, помедленнее, я сейчас кончу...

— А я что говорила.

Удовольствие нарастало, она потянулась к его горлу, острые как лезвия клыки царапнули кожу и нашли подходящее место в яремной вене. Она укусила его в тот момент, когда он начал кончать, и Пэйтон хрипло выкрикнул ее имя, боль и удовольствие смешались, ощущения нарастали, пока ему не стало казаться, что его сейчас порвет на части.

Положив ладонь ей на затылок, Пэйтон прижал ее к себе, когда Ново начала пить из его вены, ее голова была так близко к его, что он чувствовал только ее запах, член снова встал и жаждал большего.

Она владела им.

Снова и снова.

Уязвимость, которую он чувствовал раньше... наверное, не совсем осознавая, но безоговорочно принимая... сейчас, когда она владела им, это чувство растворилось.

Он никогда прежде не нуждался в доминировании — подобные игры его не интересовали. Но после Ново? Он задавался вопросом, насколько далеко она могла бы зайти... и сколько он мог бы взять на себя.

И очень хотел это выяснить.

***

Ново пила из горла Пэйтона, рукой лаская его твердый член, который так хотела ощутить внутри себя. Но сначала кормление... и да, возможно, она немного трусила, временно уклоняясь от продолжения, пока не удостоверится, что сможет выдержать эмоциональную дистанцию.

Но было так хорошо. Его вкус в ее горле, ощущение его эрекции, одновременно бархатной и твердой, чувство контроля, господства — не только над ним, но и над ее собственными

эмоциями. И что насчет него самого? Пэйтону накрыла череда оргазмов, прекрасное мужское тело извивалось от силы ощущений, их бедра двигались синхронно, ритм становился все быстрее и отчаянней, с каждым разом, когда он кончал от ее руки. Он был прекрасен в ее объятиях, твердые мышцы напрягались и расслаблялись, а член оправдывал все фантазии, даже самые смелые.

А еще была мощь его крови. Жидкость была настолько чиста, что у нее закружилась голова, а сердце забилось, сила, которую он ей так охотно отдавал, заставила ее почувствовать себя словно на оздоровительных каникулах, одновременно с путешествием в Лас-Вегас и миллионным выигрышем в автоматы.

Она могла продолжать вечно.

Тем не менее, переломный момент наступил, раздался звонок. Сначала она перевела взгляд на мониторы. Нет, это не оборудование сообщало ей, что она слишком напрягла свою отремонтированную сердечную мышцу.

Нет... сработал инстинкт в ее голове, который сказал, что она переступает грань и берет слишком много.

Преодолевая внутреннее сопротивление, Ново заставила себя оторваться от его горла, а затем с трудом облизала языком и запечатала губами колотые ранки.

Отлично, вау. Она едва не съела Пэйтону заживо, на его плоти расцвели следы ее укусов, а влажные красные царапины от клыков напоминали следы от когтей Росомахи. Боже, она даже не осознавала, что укусила его так много раз.

Сколько прошло времени?

Без понятия.

И ей действительно нужно было остановиться. Высунув язык, она снова и снова облизывала его горло, запечатывая раны. Закончив, она откинулась на подушки и продолжила гладить его член... потом сознательно провела большим пальцем по гладкой головке. Его ответ был отчаянным, он задрожал, как марионетка на ниточках, тело выгнулось, бедра вскинулись вверх. Его стеклянный, расфокусированный, абсолютно сумасшедший взгляд встретился с ее, он прикусил нижнюю губу и шумно втянул воздух сквозь зубы.

Светлые волосы разметались по подушке, лицо покраснелось. Покрытая испариной кожа блестела.

Он был... ослепительно красив

Нечестно. Совершенно несправедливо.

А она все еще была голодна.

К счастью для них обоих, у него был и другой способ утолить ее голод.

Ново спустилась к его бедрам и глубоко взяла в рот его член. В ответ тело Пэйтону свело еще в одном долгом спазме, его затрясло, на лице отразился шок, словно он не ожидал подобного продолжения.

Удостоверившись, что он смотрит на нее, она скользнула ртом вдоль ствола вверх-вниз, обхват был настолько широким, что она почувствовала, как натянулись уголки ее рта. И затем она остановилась на головке, и снова закружила языком по стволу.

Естественно, он сразу кончил.

Она поймала все своими ртом и проглотила то, что он ей дал, до единой капли.

И она продолжила.

Для Сэкстона рабочая ночь закончилась не совсем так, как хотелось бы... серия беспроblemных благословений на брак и имущественных споров, с чем Король легко справился за восемь рабочих часов.

Он вошел в свой кабинет, сложил на стол папки и почти израсходованный клейкий блок для записей и уставился на свой ноутбук и аккуратно расставленную канцелярию.

Потирая глаза, он попытался мысленно составить список всего, что ему нужно было привести в порядок перед уходом домой.

И с треском провалил это задание.

Голова совсем не соображала, пока они вместе с королем занимались делами гражданских. Теперь, когда не было первостепенной задачи, требовавшей полного внимания, он терял контроль над когнитивными процессами в своей голове, мысли прыгали от одного предмета к другому.

Собственно, все обстояло несколько иначе.

В центре внимания стоял Ран. И в частности, Сэкстон или вспоминал их поцелуй... или шоколадные блики в его карих глазах... ощущения его сильных плеч. Или думал о том, что он просто хотел повторить.

К сожалению, что ему действительно нужно — так это внушить мозгу, что мужчина ушел, не обмолвившись и словом. Это вряд ли говорило о том, что он готов к повторению.

На этой ноте Сэкстон запустил руку во внутренний нагрудный карман пиджака и достал свой телефон. Не-а. Ни смс, ни пропущенных вызовов.

Ладно, Ран не умел писать, поэтому дело касалось только звонков.

И, честно говоря, тот факт, что Сэкстон был так обескуражен, сам по себе казался забавным. Он не так хорошо знал этого мужчину, простое знакомство, не больше... разумеется, он занимался полноценным сексом с теми, с кем в последствии он предпочитал больше не видеться и не иметь общих дел, и это вполне нормально. Он также был достаточно честен с собой, чтобы понять, что бегство Рана напомнило ему о другом уходе, еще более серьезном и имеющим определенные последствия.

Естественно, все дороги вели к Блэю.

— Господин, я вас потревожу?

Услышав тихую просьбу, он повернулся к открытому дверному проходу. Одна из додженов, что обслуживали дом, стояла, одетая в шерстяное пальто, с шляпой и шарфом в руках.

— О, не беспокойтесь, Мэлиз. — Он подчеркнуто улыбнулся ей, чтобы женщина не приняла его мрачный настрой за недовольство из-за ее появления. — Вы уходите, я так понимаю?

Она низко поклонилась.

— Да, Господин. Я пополню запасы в кладовой после того, как помогу остальным с Последней Трапезой в большом доме. Все ушли на дневной отдых, и я проверяю, выключен ли свет, закрыты ли дымоходы, и все ли двери заперты.

— Хорошо. Спасибо. Тогда увидимся завтра.

Доджен поклонилась еще ниже.

— Мне очень приятно служить Вам.

Она ушла, и через мгновение Сэкстон услышал, как пискнула сигнализация, а дверь открылась и закрылась.

Так. Теперь ему надо все привести в порядок. А потом...

Ну, наверное, домой, предположил он. Было около четырех утра, и хотя осталось еще пара

часов темноты, ему совершенно не хотелось окунаться в ночную жизнь города. И нет, отдых в виде секс-марафона его совершенно не интересовал.

Но вот от мысли о том, что он застрянет в своей стеклянной коробке в поднебесной высоте, с зашторенными окнами даже от бледного зимнего солнца, ему хотелось кричать...

Кто-то был снаружи.

Стоял на снегу. Смотрел на него.

Сэкстон повернулся к стеклянным панелям и мгновенно узнал огромное тело, напряженную позу, темные волосы, которые шевелил холодный ветер.

Не зная, что еще делать, он указал направо, в сторону кухни и черного входа.

В ответ Ран кивнул и направился по сугробам к задней части дома.

Ноги быстро несли Сэкстона вперед, а сердце билось еще быстрее. Он пересек служебный коридор и прошел мимо кладовых в огромную кухню. Незамедлительно открыл заднюю дверь, снова послышался этот электронный сигнал, и он слушал, как под тяжелыми шагами скрипит снежный покров.

И вот он сам, больше, чем когда-либо, сдержаннее, чем обычно.

О да. Разговор, дубль второй.

— Проходи, прошу, — произнес он отстраненно.

Когда мужчина вошел, Сэкстон закрыл дверь и пожалел, что Ран был безграмотен, ведь иначе он мог бы просто прислать сообщение: *«Это была ошибка. Ты не виноват, дело во мне. Не знаю, о чем я думал. Пожалуйста, никому не рассказывай»*.

— Не волнуйся, здесь никого нет, — тихо сказал Сэкстон, заметив, что сахарница стоит совсем не на неподобающем месте. — Никто не услышит то, что ты хочешь сказать.

Он подошел и поправил металлическую банку. Затем занялся контейнером для муки, который был побольше. Потом добрался до самого маленького из трех, с солью.

Он обернулся, когда устал ждать, пока мужчина заговорит.

Пытаясь удержать разочарование под контролем, не давая ему разрастись до размеров ядерного взрыва, он сложил ладони перед собой и продолжил выступление.

— Слушай, я просто повторяю уже сказанное, не против? У меня выдалась сложная ночь, я устал, и я ценю то, что ты потратил время на поездку сюда, твой интерес или что это вообще было... наверное, стоит сэкономить твое и мое время признанием, что ты попробовал, тебе не понравилось, и тебе понадобилось некое подтверждение моих слов о том, что я буду держать все в секрете.

— Я пришел сюда не поэтому.

Тогда по работе. Конечно.

— Что-то по поводу Минни?

Вместо ответа Ран шагнул вперед... и когда он преодолел половину расстояния, что разделяло их, Сэкстон осознал...

Что мужчина был возбужден.

Очень возбужден.

Ран пришел сюда не потому, что зарекся никогда больше *этого* не делать, он пришел, чтобы сделать *это* снова.

Тело Сэкстона мгновенно отреагировало, кровь еще быстрее побежала по венам, член затвердел, его раздражение, разочарование и усталость мгновенно испарились.

Когда мужчина сократил расстояние между ними до нескольких дюймов, Сэкстон не смог сдержать улыбку.

— Наверное, я что-то неправильно понял, да?

— Да, — послышалось рычание. — Так и есть.

Сюрприз, твою мать.

Ран обхватил Сэкстона за горло, дергая на себя, и его поцелуй не был ни пробным, ни застенчивым, ни экспериментальным. Он был настоящим, язык ворвался внутрь, огромное тело вжалось бедрами и эрекцией размером с бейсбольную биту в Сэкстона, заставляя того прислониться задом к столешнице.

Господь Всемогуций. Он изо всех сил вцепился в мужчину, захватившим его в плен, сила и голод Рана шокировали, неожиданная мощь не принимала отказа...

И затем Сэкстона развернули и нагнули, грубая рука легла между лопатками и вдавила его прямо в столешницу.

Ран уперся вставшим членом в задницу Сэкстона и выдохнул гортанным голосом:

— Скажи «нет» прямо сейчас. Если собираешься, то скажи это прямо сейчас.

Сэкстон повернул голову в сторону, скрипнув кожей щеки по гранитной поверхности. Открыв рот, он часто и тяжело задышал.

— Не останавливайся. О, Господи... сделай это.

Вдруг свет на кухне погас, пространство погрузилось во тьму, и это явно сделал Ран. Руки, что расстегнули молнию брюк Сэкстона, были грубыми от нетерпения, а затем его модные дорогие слаксы упали на пол. Он почувствовал касание твердой горячей головки, а затем Ран сплюнул в свою ладонь...

Проникновение вышло мощным и очень глубоким.

И Ран мгновенно взял жесточайший ритм.

Оргазм, что пролился в него, был душераздирающим для них обоих.

И Ран не остановился. Он просунул руку под грудь Сэкстона и обхватил ладонью его плечо. Встав в более устойчивую позицию, он заработал членом, как поршнем, их бедра ударялись друг о друга, голова Сэкстона билась о металлические банки, что-то разорвалось... а, его пиджак. Чтобы не разбить себе голову, он уперся ладонью в стенку между шкафчиками, а затем попытался найти поддержку второй рукой.

Ничего не вышло, та лишь беспомощно хватала воздух.

Слава Богу, у него была опора под бедрами, а то ноги, ослабевшие в коленях и напоминавшие атласные ленты, вряд ли бы его удержали.

Но наконец, он нашел куда деть вторую руку. Потянув ее вниз, между бедер, он обхватил свой каменный член и мгновенно кончил, уверенные движения вдоль ствола сразу же бросили его за грань оргазма. Ему было все равно, куда он кончает и как это все придется убирать.

Когда занимаешься сексом своей жизни, едва ли задумываешься о последствиях.

***

Ран, наконец, рухнул на Сэкстона... после Бог знает скольких оргазмов. Он хоть и успокоился, соблюдать тишину все равно не получалось. Он дышал так тяжело, что дыхание со свистом проходило сквозь зубы, а Сэкстон под ним хрипло глотал ртом воздух. Запах секса витал в комнате, а его член был все еще тверд, как камень, пульсировал внутри мужского тела, словно предполагая, что это была лишь пауза, а не конец.

Со стоном, он открыл глаза и с удивлением обнаружил перед собой дубовый стол с аккуратным рядом стульев по сторонам.

Где они... а, верно. На кухне. В Доме для Аудиенций.

Он зашел с заднего входа. И вошел... с заднего входа.

Ладно, это была худшая шутка из всех, когда-либо им придуманных. И, кстати... дражайшая Дева-Летописецца, что он наделал?

Положив ладони на гранитную столешницу по обе стороны от плеч Сэкстона, он намеревался отодвинуться подальше, но ничего не вышло. Он совсем обессилел, ему было слишком хорошо, чтобы заставить себя уйти.

С этим парнем было так хорошо, что уходить не хотелось совершенно.

Ран пытался найти в себе физическую силу... и силу воли... чтобы отпрянуть, и подумал о том, как раньше занимался сексом. Исключительно с женщинами и только в прошлой жизни. Физический контакт обычно получался, когда кто-то хотел переспать с животным, вроде него, и его предлагали для этой конкретной цели. Тело делало свое дело, если время было подходящим, женщина была голая и сверху, и член реагировал как надо.

Но он никогда их не выбирал.

А Сэкстона... выбрал.

— Прости, — хрипло произнес он, заставив свои руки двигаться — Мне очень жаль.

Сэкстон грациозно повернул голову и посмотрел на него:

— Как можно извиняться за что-то столь невероятное?

Ран почувствовал, что румянец опалил лицо, а затем опустил взгляд и отстранился. Воздух охлаждал все еще возбужденный член, и Ран с удивлением понял, что жаждет повторения. Между гладких ягодиц блестели оставленные им капли, но это было... самое эротическое зрелище в его жизни.

И что им теперь делать? — подумал он, натягивая джинсы. Изначальный драйв испарился, и теперь ему не верилось, что у него хватило смелости проявить подобную агрессивность и похоть, такую...

Выпрямившись, Сэкстон повернулся к нему.

Боже, это лицо, его глаза, волосы... возбужденный член, чужой, но с такой знакомой анатомией. Ран никогда раньше не видел возбужденного мужчину так близко, и его поразила ненасытность собственного желания исследовать его на ощупь, на вкус.

Действительно, этот мужчина сам был ответом на все «почему».

— Я порвал твой костюм, — сказал Ран, сосредоточившись на вырванном с корнем рукаве. — Мне так жаль. Я заплачу...

Сэкстон схватил нижнюю часть рукава и дернул. Когда ткань упала на пол, он улыбнулся.

— Хочешь поработать над другим?

Ран рассмеялся. Он ничего не мог с собой поделать... но потом, стесняясь, прикрыл рот ладонью. Когда Сэкстон улыбнулся ему в ответ, Ран отвел взгляд. Он был слишком красив, слишком волнителен... слишком во всех отношениях.

— Ты ел? — спросил юрист после того, как нагнулся и вернул свои модные брюки на место.

— Нет.

— Давай я приготовлю нам Последнюю трапезу. — Сэкстон обвел рукой кухню. — Мы здесь неплохо обеспечены. Но мне надо ненадолго отлучиться наверх.

Ран колебался, и Сэкстон взял его лицо в ладони и притянул к своему рту. Поцелуй был таким же сладким, насколько крышесносным был секс.

— Я должен пойти к госпоже Минайне, — услышал Ран свой голос. — Хочу проверить ее до рассвета.

— Хорошо, я понимаю. — Сэкстон сделал шаг назад, сдержанность ужесточила черты его лица. — Тогда я увижу тебя с наступлением темноты. Нам нужно посетить этих застройщиков.

— Хорошо.

Последовало неловкое молчание. И тут Ран выпалил:

— Когда?

Сэкстон выдохнул, будто с трудом собирался с мыслями.

— А, скажем, без пятнадцати шесть. Конец рабочего дня у них, а дня нас достаточно темно. Надо будет взять твою машину...

— Я имел в виду нас. Когда мы... сможем снова это сделать?

На лице Сэкстона мгновенно расцвела улыбка.

— В любое время, как ты пожелаешь.

Ран протянул руку и нежно провел костяшками пальцев по лицу мужчины... потом огладил указательным пальцем нижнюю губу. Воспоминания о том, что они только что сделали, вспыхивали в голове, сопровождаясь саундтреком их стонов и вздохов.

— Спасибо, — прошептал он.

Сэкстон покачал головой.

— Кажется, благодарить тебя должен я.

Нет, подумал Ран. Едва ли.

Он наклонился и поцеловал мужчину. Когда кровь начала снова закипать в венах, он понял, что пора уходить... иначе застрянет здесь навсегда.

— Это я в первую очередь тебе благодарен, — прошептал он в губы Сэкстона.

— Кто такой Оскар?

Ново окончательно проснулась, когда услышала шепот возле своего уха. Поначалу, она не могла понять, на чьей теплой груди растянулась... но быстрый вдох решил эту проблему. Пэйтон. Они с Пэйтоном были...

Да, в больничной палате. Она все еще в клинике, восстанавливается после операции.

Подняв голову, Ново посмотрела на мужчину, которого использовала в качестве подушки. Пэйтон, казалось, совсем не возражал против этого, его обнаженное тело было расслаблено, веки опущены, раны на горле уже начали исцеляться. На полу, словно павший солдат, валялся его смокинг, костюм был разбросан по элементам там, где их снимали.

Его член, тоже истощенный, покоился на бедре.

У нее возникло ощущение, что он придет в боевую готовность за секунду.

— Любовник? — спросил Пэйтон.

— Кто?

— Оскар. Ты только что произнесла его имя во сне.

— А. Да никто.

— Правда? Ты казалась расстроенной... ну или твой голос.

— Наверное, кошмар на ровном месте.

— Ну да. — Он смахнул прядь волос с ее щеки. — Могу я спросить кое-что?

— Конечно.

— Не хочешь как-нибудь сходить на свидание?

Ново выгнула бровь.

— Свидание?

— Ага. Ужин. Танцы. В таком духе.

— Как думаешь, секс есть в этом списке?

— Я на это надеюсь.

— Тогда может быть.

Его улыбка проникла в ее сердце, как тот кинжал — медленно, уверенно, возбуждающе.

— Люблю вызовы.

— Я — не вызов.

— Ты и простота — несовместимые вещи.

— Тебе никогда не победить меня. В этом причина.

— И это ли не вызов?

— Нет, это называется кирпичная стена. Но ты всегда можешь попытаться.

— В один прекрасный день, — он вскинул вверх большой палец. — ... я достучусь до тебя.

— Спроси у себя, почему тебя вообще это волнует? Добьешься большего успеха, гарантирую...

— Ведь она стоит куда выше меняяаяя, она недостижаемаааа [\[52\]](#)...

Ново отшатнулась и попыталась перебить его вопли:

— Зачем ты запел?

— А она так прелеееестнаааа....

Ново рассмеялась.

— Ты ненормальный, ты в курсе...

— Как Клеееопатраааааа, как Жаннааааааааа д'Арк...

— Боже, у тебя совсем нет слуха.

— ...или Афрооодииниитаааа...

— Почему ты такой шизанутый? — спросила она ему в губы.

— Почему для тебя это важно?

Ново заката глаза.

— Я уже. Я ведь перестал петь. Но если хочешь, чтобы я исполнил весь свой репертуар

— Я говорю о твоём очаровании. Ненавижу его. Просто будь собой.

— Несостоявшийся ресторанный певец?

Ново оттолкнулась от него и села... насколько это позволила капельница.

Черт возьми, взлохмаченные светлые волосы и сонные голубые глаза были чересчур ящими. Особенно с учетом того, что это — всего лишь вишенка на огромном куске жженного торта.

— Ты сто процентов можешь выключить это дерьмо.

— Не стоит недооценивать свой талант бесить окружающих. — Ново указала на дверь. — И жно, какое сейчас время суток, ты всегда можешь покинуть комнату.

Она моргнула.

— Ты слышала меня, крутышка. Отцепи от себя провода и вышвырни меня, как пакет с ормом. В ином случае мне слиииишком удобно здесь. В смысле, эта двухдюймовая подушка... Совоно лежу на пачке с хлопьями... просто божественна. И не заставляй меня упоминать стыни. Я ведь выброшу все свои от «Porthault»^[55], как только доберусь до дома, и заменю дачной бумагой. Просто лежа и дыша, я отполирую себе задницу до блеска.

— Прекрати. Это не смешно.

Ново скрестила руки на груди... а потом внезапно застыла. Посмотрев на себя, она судорожно глотнула воздуха.

Пэйтон внезапно стал серьезным и сел.

— Что случилось? Я позову доктора...

— Нет, я в порядке.

Дрожащими руками она потянула завязки на сорочке. Ослабля верхнюю, она развела полы... и, посмотрев на себя, едва слышно прошептала:

— Он исчез. Шрам... исчез. Исцелился. Мое сердце... исцелилось. Боли нет.

Пэйтон подался вперед. А потом протянул руку и провел пальцем по идеально регенерировавшей коже. Там не осталось даже отметины.

— Я не хотела умирать. — Она прокашлялась, но хриплость не исчезла. — Там. Когда это произошло... я не хотела умирать.

— Ты, кажется, удивлена.

Ново закрыла глаза.

— Это так.

— Мне жаль.

Пытаясь взять себя в руки, она отгородилась от сострадания.

— Ты уже извинился за свою ошибку.

— Нет. — Пэйтон покачал головой. — Мне жаль, что в твоей жизни был период, когда ты хотела умереть.

— Я никогда не говорила такого.

— Это не обязательно.

Прежде чем она попыталась закрыть эту тему, Пэйтон сделал нечто странное.

Пэйтон обхватил ее руки, отцепил пальцы от завязок, а потом перевернул их. Опустив голову, он одарил оба ее запястья легкими поцелуями. А потом взял завязки, которые она держала до этого... и, полностью сводя полы больничной сорочки, повязал идеальный, симметричный бант, две петли были одинакового размера, а концы одной длины.

Положив руку на ее сердце, Пэйтон прошептал:

— Я рад, что с тобой все хорошо.

Ново противилась ему. Недолго.

А потом сдалась.

***

Дневные часы все тянулись, а Пэйтон так и не заснул. Он неспешно гладил спину Ново, с каждой лаской все лучше изучая контуры выступающих позвонков и мускулов.

Он осознавал ее силу, разве могло быть иначе? Но под силой таилось много боли... и он испытывал острую необходимость узнать все ее тайны, забраться внутрь и помочь ей победить своих демонов. Но, да ладно, что он мог сделать для нее? В вопросах спасения утопающих он скорее напоминал дырявую лодку.

В какой-то момент он, должно быть, задремал, потому что его разбудили вопли того пациента с психическим расстройством. Прислушиваясь к подвываниям, он гадал, сколько можно протянуть в таком состоянии.

Посмотрев на часы, Пэйтон выругался. Пять вечера.

Черт, он не хотел оставлять Ново и уж точно не хотел идти на встречу, назначенную на полшестого. Но он давно привык делать то, что ему не нравилось.

Пэйтон медленно и аккуратно отодвинул Ново... моля о том, чтобы она не проснулась. Казалось, она действительно пошла на поправку, шрам на груди уже зажил, ее брови были расслаблены, а не нахмурены от боли. Когда он встал с койки, а Ново свернулась на боку, он накинул на нее покрывало, внезапно осознавая, что у них ни разу не было полноценного

контакта кожа к коже. Она не сняла больничную сорочку, а он не забрался полностью под покрывало.

Это казалось метафорой всем ее секретам.

Натягивая костюмные брюки, Пэйтон осознавал, что должен уйти. Отношения на сексуальном влечении не построишь, оно также не оправдывало нужду в эмоциональной связи. И, черт, он еще во время многочасовых телефонных разговоров с Пэрадайз понял, что люди говорят о себе, только когда готовы к этому и не раньше.

Просто оставь ее в покое, сказал он себе. Она возвела стены вокруг себя по веским причинам.

Рубашка представляла собой мятую тряпку, и Пэйтон с отвращением, но все же натянул ее на себя, ведь она вряд ли останется на нем надолго, максимум — до мужской раздевалки. Там он примет душ и накинёт медицинскую форму.

Уже возле двери он оглянулся на Ново, спящую на больничной койке. Она свернулась в позе эмбриона, подтянув колени к груди, ее руки — руки, которые превосходно обращались с любым видом оружия — сжались в кулачки, подпиравшие подбородок. Черные ресницы покоились на щеках, к которым возвращались краски, а тяжелая черная коса, как канат, лежала вдоль позвоночника.

В голове пронеслась мысль, что он никогда больше не увидит ее такой.

Это разовая акция, искусственно созданный момент, ограниченный финальной фазой ее выздоровления. В следующий раз, когда они встретятся, Ново будет на ногах перед ним и остальными, ее тело полностью исцелится, разум будет острым, а возможности — неограниченными.

Сейчас ему сделали подарок. Не она. Ново никогда бы не захотела, чтобы ее видели такой.

Выходя из комнаты, Пэйтон взял лист бумаги, приклеенный к двери и свернул его дважды, чтобы корявая писанина доктора Манелло не была видна. Потом затолкал лист в карман и двинулся по коридору.

Быстрый душ, бритье и смена одежды, и он был готов к тому, что ждало его впереди, очередное препятствие, которое надо перепрыгнуть, обруч, через который нужно проскочить; он расставит точки над «i»... а потом все будет кончено. Он бросил смокинг в одну из кабинок и остался в классических лакированных туфлях, небольшие банты и блестящие заостренные носы смехотворно выглядывали из-под широких медицинских штанов.

Выйдя в коридор, Пэйтон помедлил перед комнатой Ново. Но прошел мимо. Вокруг ни души. Доктор Манелло, наверное, отсыпался после бессонной ночи, Док Джейн и Елена, без сомнений, готовились к Первой Трапезе — как называли завтрак. По близости не было ни Братьев, ни солдат.

Но вскоре появятся.

У них запланирован сбор на восемь. Поэтому разговор лично с ним должен произойти намного раньше.

Пэйтон остановился перед стеклянной дверью в офис. Заглядывая внутрь, он почти надеялся на то, чтобы там никого не оказалось. Но, разумеется, этому не суждено случиться.

Шеллан Брата Рейджа, Мэри, сидела за компьютером с опущенной головой, она не сводила взгляда с экрана. Словно почувствовав его присутствие, женщина подняла голову и махнула ему, приглашая войти.

Беги, Форест... беги! — в голове билась лишь одна мысль, когда он толкнул дверь, заходя внутрь.

— Привет. — Она поднялась. — Как ты?

— Чудесно. Спасибо.

— Хорошо. Готов немного поболтать?

Насколько он знал, Мэри — человек... по крайней мере, была... пока Дева-Летописец не вмешалась и, по неясной причине, не вычеркнула женщину из временного континуума. Он не знал подробностей, но она без сомнений выглядела такой же чистой, как ангел, божество или кем она сейчас являлась. И она сильно отличалась от Рейджа. Женщина была маленькой, особенно по сравнению со своим хеллреном, и отличалась неяркой красотой: практичная прическа на каштановых волосах, лицо всегда без макияжа, одежда простая, функциональная. Единственное украшение, которое он когда-либо видел на ней — не то, чтобы он обращал внимание — это огромные золотые Ролексы, которые наверняка принадлежали ее супругу, и, может, еще гвоздики-жемчужины.

Сегодня ночью она надела и то, и другое.

Ключевая мысль: женщина выглядела так, как полагалось выглядеть мозгоправу, спокойная, сообразительная, и — бонус в его пользу — она, казалось, никого не осуждала.

— Давай покончим с этим, — пробормотал он, усаживаясь в кресло напротив.

— О. Не здесь.

Пэйтон окинул взглядом офис.

— Почему нет?

— Здесьлюдно.

— Мне нечего скрывать, — ответил он сухо. — Будь оно иначе, я бы много лет назад перестал оголяться на людях.

— Нет, пошли.

— Куда?

Мэри обошла стол.

— Вниз по коридору есть старая комната для допросов... Нет, разговор будет не под запись, и, прежде чем ты спросишь, я никому не скажу то, что ты мне скажешь. Просто там нам никто не мешает.

— Подожди, если ты никому не расскажешь, то зачем все это?

— Я проведу оценку. Но не стану делиться подробностями.

— Поехала у меня крыша или нет?

— Нам сюда.

Когда Мэри спокойно улыбнулась ему, у Пэйтона возникло ощущение, что больше она ничего не скажет.

Да пофиг, подумал он. Это всего лишь формальность перед тем, как ему дадут пинка из программы.

Проследовав за ней в коридор, Пэйтон пожал плечами.

— К твоему сведению, можешь рассказать всему миру, мне плевать. В том переулке я принял неверное решение, и я знаю, что покину программу. Так, может, сэкономим кучу времени и просто поставим «галочку» в нужном месте?

Остановившись, Мэри посмотрела на него.

— Решение еще не принято.

— Касательно моего ухода? Да ладно, всем известно, как обстоят дела. И я не возражаю.

— Тебе не нравится то, чем ты занимаешься здесь?

Вопрос был сформулирован в неоскорбительной форме, она не критиковала его за недостаточную преданность делу или что-то в этом духе. Скорее приглашала к разговору.

Ему стоит ожидать от нее подобного тона в дальнейшем, подумал Пэйтон.

— Нет, все нормально. Что будет, то будет.

Она издала некий «хмм-mmm»-звук, после чего они пошли бок о бок, и по пути только его

шаги отдавались эхом. Мэри посмотрела на его ноги.

— У тебя очень крутые туфли, — сказала она, улыбаясь.

— Я хотел впечатлить тебя.

— Это ни к чему, ни тебе, ни мне. — Опять улыбка. — Но эти туфли просто шикарно со смокингом. Я узнала много о мужской моде от Бутча.

— У нас общий портной.

— Это видно.

Когда они дошли до неприметной стальной двери без окна, она постучала, подождала мгновение и открыла дверь в безликую комнату с серыми стенами, столом по центру и всего двумя стульями.

— Прости, здесь спартанская обстановка, — пробормотала женщина, когда они вошли и закрылись изнутри.

Когда она села за стол, Пэйтон осознал, что Мэри захватила с собой желтый блокнот и ручку. М-да. Он даже не заметил, как она что-то взяла со стола.

— Присоединяйся ко мне, — она показала рукой на стул.

— Это не займет много времени, — пробормотал он, садясь. — Вовсе нет.

Припарковав грузовик перед внушительным парадным входом в Коммодор, Ран думал об одеколоне... такие мысли редко посещали его голову, и это говорило о многом.

Подавшись вперед, чтобы рассмотреть возвышающийся фасад небоскреба из стали и стекла, Ран наконец-то понял, почему люди используют эту жидкость. Раньше, когда ему некого было впечатлять, сама мысль о том, чтобы целенаправленно придать себе аромат, искусственно созданный и широко разрекламированный людьми, казалась ему нелепой тратой денег.

Сейчас же? Когда Сэкстон скоро сядет в его машину?

Он жалел, что ему не хватает опыта для выбора правильного парфюма и денег — для его покупки...

Одна из входных дверей открылась, и Сэкстон вышел на холод, дыхание вырывалось изо рта мужчины белыми клубами и уплывало за плечо. На нем было одно из его бледно-коричневых пальто, красный шарф, повязанный на шее и заправленный внутрь, а также темно-синие или даже черные брюки. Его густые волосы, зачесанные назад и открывающие красивое лицо, сияли. На руках у него были перчатки, а в руках — коричневый портфель.

Прежде, чем Ран успел сообразить, он вышел из грузовика, чтобы открыть пассажирскую дверь.

— Это так мило с твоей стороны, — подойдя, сказал Сэкстон с улыбкой.

Ран едва удержался, чтобы не наклониться за поцелуем. И, будто поняв его намерение, Сэкстон, сев в машину, погладил его руку.

Закрыв дверь, Ран вернулся за руль.

— Здесь достаточно тепло?

— Идеально. — Мужчина посмотрел на него. — Как дела?

Достаточно простой вопрос, но в его серых глазах не было призыва к ответу. Скорее к диалогу.

Ран прокашлялся, а потом сфокусировал взгляд на губах мужчины. И разом воздух вокруг них стал плотным и заряженным.

Низким, очень низким голосом Ран честно ответил на вопрос:

— Я голоден.

В дневные часы он мог думать только о времени, проведенном с Сэкстоном, снова и снова проигрывая в мыслях эротичную сцену в кухне... пока не пришлось облегчить напряжение.

Раз сто.

Так странно чувствовать влечение к кому-то своего пола.

Но их секс казался самой естественной вещью на свете.

— Что ж, — пробормотал Сэкстон. — Посмотрим, сможем ли позаботиться об этом, когда закончим с работой. Мужчина должен хорошо питаться, не так ли?

— Да.

Между ними витало обещание будущих оргазмов, удовольствия, тщательного исследования друг друга, и Ран завел двигатель... молясь, чтобы встреча с человеческими застройщиками не затянулась.

— Я знаю, чем мы займемся, — сказал он.

— Я тоже, — рассмеялся Сэкстон.

Ран, оглянувшись, покраснел.

— В смысле, в городе.

— Я тоже. — Сэкстон сжал его руку. — Не стоило дразнить тебя. Но твоё смущение... Ты

понял.

— Не мужественно.

Сэкстон нахмурился.

— Странный выбор слов.

— Что я несу... Я не умею красиво говорить.

— Ты отлично справляешься. — Сэкстон снова сжал его руку, а потом ослабил хватку. — Ты должен перестать постоянно извиняться. Ты не хуже других, все люди разные.

Учитывая, что Ран не знал, что ответить... как всегда... он надеялся, что издал одобрительный звук. Согласный. Что-то в этом духе.

Боги, он вляпался по уши.

— Так, — оживленно начал адвокат. — Я все устроил. Договоры, подписанные задним числом и уже в процессе регистрации в нужных человеческих ведомствах, письменное предупреждение, чтобы напугать застройщика и куропатка на грушевом дереве^[56].

— Мы принесем им птицу?

Сэкстон рассмеялся.

— Есть такое выражение.

— А-а.

Включив сигнал поворотника, Ран съехал в сторону реки. В самом конце съезда он кивнул на ответвление, которое выведет их на шоссе.

— Нам сюда?

— Вези нас куда пожелаешь. Я доверяю тебе.

Ран кивнул, испытывая гордость за проявленное доверие, и вырулил на оживленный участок Северного шоссе.

— Плотный трафик.

— М-м, — ответил Сэкстон. — Скажи, Минни была в порядке? Когда ты заходил к ней перед рассветом?

— О да, да, она в порядке. Ничего из ряда вон выходящего. Постучавшись к ней, я просто сказал, что заскочил проверить ее. Она ответила, что все нормально...о, а еще я починил туалет на первом этаже. Он протекал.

— Так мило с твоей стороны.

— Также протекает раковина в ванной. А печь странно шумит, когда ее зажигаешь. Я могу посмотреть все позже.

— Теперь я понимаю, почему она не хотела отпускать тебя.

— Ее дом требует много внимания. На самом деле.

— Согласен.

Почему-то согласие, установившееся между ними, казалось намного более основательным, нежели простое совпадение мнений касательно Госпожи Минайны.

Но, может, он просто романтизирует.

***

В комнате для допросов учебного центра, Пэйтон с ума сходил от списка вопросов Мэри.

В конце концов, он должен сказать «всё, баста».

— Прости, — сказал он, прерывая женщину. — Не хочу тебя перебивать, но я думал, что речь пойдет о моей работе? Не понимаю, почему ты расспрашиваешь о семье?

— Просто собираю дополнительную информацию.

— Брат Бутч уже проверял меня сразу после ориентирования. То есть мое досье.

— Я предпочитаю делать все сама. — Женщина улыбнулась. — Тебе по какой-то причине неприятно говорить о семье?

— Нет, вовсе нет. — Пожав плечами, он откинулся на спинку жесткого стула. — Мне все равно. Но это напрасная трата времени.

— Почему так?

— Слушай, я уже говорил. Мы же знаем, чем все это закончится.

— «Все» — это что?

Он рукой обозначил пространство между ними.

— Этот разговор. Отчет, предоставленный твоему хеллрену. Намного эффективней вышвырнуть меня из программы сейчас и не марать бумагу. Я же не стану подавать на вас в суд за якобы неправомерное увольнение или подобное дерьмо... извини, то есть фигню.

— Говоришь так, будто тебя легко заменить.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты спокойно принимаешь факт своего исключения.

— Так и есть. Почему должно быть иначе?

Переплетя пальцы, Мэри подалась вперед, устроив локоть на блокноте.

— Ты — часть команды.

— Это же из песни про «миньонов»?

— Не поняла?

Он покачал головой.

— Я просто умничаю.

— Я знаю. Это один из твоих защитных механизмов... но твое стремление избежать неудобных вещей с помощью юмора — тема для другого сеанса. — Опять эта улыбка. — Так, почему ты решил, что другие члены команды не считают тебя важным?

Пэйтон сфокусировал взгляд на жемчужной сережке в ее ухе.

— Вопрос не в том, важен я или нет.

— Значит, ты уверен, что за одну ошибку необходимо выгонять из программы?

— Прощу меня извинить, и да, сейчас я не пытаюсь острить... но проблем с логикой у меня тоже нет.

— Ты продолжаешь уклоняться. Если бы Пэрадайз поступила бы так же, как ты в том переулке, ты бы попросил ее уйти из программы?

— Нет. Но она — не я.

— И в чем же разница?

В голове внезапно застучало, и Пэйтон закрыл глаза.

— Не знаю. И я здесь не главный... по понятной причине. Можно уже закончить?

— Почему ты не можешь быть главным?

— Не сомневался, что ты это спросишь, — пробормотал Пэйтон, подавшись вперед и положив руки на металлическую поверхность стола. — Не знаю. Мне нечего ответить. Так, может, используем это в качестве повода для моего исключения?

— Хочешь знать, почему они попросили меня поговорить с тобой?

— Я отправил Ново на больничную койку.

Мэри покачала головой.

— Нет, ты этого не делал. Ты принял неудачное решение, которое, честно говоря, свидетельствует о недостатках учебной программы, а не твоих личных. Братья попросили меня поговорить с тобой, потому что они хотят знать мое мнение о том, насколько серьезно ты относишься к произошедшему. Вопрос в ответственности. Все, кто работал с тобой, признают твои навыки. Ты очень хороший боец, ты умный, быстро реагируешь. Но ты легко сдаешься.

Когда возникают трудности, ты разворачиваешься и уходишь. Они заметили это во время ориентирования, когда Пэрадайз буквально протащила тебя через спортзал в бассейн. Они заметили это во время тренировок. И, честно говоря, твои заявления в духе «просто выгоните меня» также характеризуют в тебе эту черту.

— Я не сдаюсь.

— Так докажи это.

— Что?

— Останься.

Пэйтон покачал головой.

— Не мне решать.

— Тут ты ошибаешься. — Голос Мэри стал серьезным. — Все зависит исключительно от тебя.

Пэйтон, притихнув, обратил внимание на то, что поверхность стола была отражательной... и если посмотреть на нее, то можно увидеть свое лицо.

Он никогда не думал об этом в таком ключе, но все женщины, которых он поимел и бросил? Школы, из которых его отчисляли? Все, что он бросил начатым, невыполненные обещания...?

Черт, самые близкие его отношения с кем-то и те были по телефону.

Мэри права. Все заморочки вокруг его исключения? Да он же буквально упрашивал выгнать его.

Именно это так бесило отца? Поверхностное отношение, без преданности делу? Его отец по-прежнему был первосортным дерьмом, на которое нельзя положиться, но Пэйтон задумался, а не сам ли он вложил оружие в его руки, образно выражаясь. А что насчет тех тусовщиков-мудаков, которых он называл своими близкими друзьями? Такие же, как и он, живут на деньги родителей, слоняются без дела, развивают пристрастие к наркотикам вместо характера.

Он жил в стране ярлыков. А бренд не всегда означает качество, не так ли?

Кем ты хочешь быть? — спросил он себя. Кто ты на самом деле?

Воспоминание о Ново, спящей на его груди, ее теплой тяжести, ровном дыхании, легких подрагиваниях тела во сне, вернулось к нему таким, словно она была рядом с ним.

Порой жизнь толкает тебя к поворотам, которые ты можешь предвидеть, крупной смене курса и фокуса благодаря некому событию, например, браку или рождению ребенка. Но порой сход ледника происходит на ровном месте, без предупреждения.

Он не ожидал, что этой ночью влетит в кирпичную стену самоанализа. Будучи одетым в больничную форму. И в туфлях под смокинг.

Обувь, по крайней мере, была предсказуема. Ну, может, еще форма. Остальное? Черт, обо всем этом дерьме он никогда не хотел думать.

— Пэйтон, что ты собираешься делать?

— Я хочу остаться, — сказал он хрипло. — Я хочу продолжить обучение. Если вы позволите.

— Хорошо. — Когда он посмотрел на нее, Мэри кивнула. — Это все, что я хотела услышать.

— Прошу простить за грубость речи, — сухо произнес Сэкстон. — Но это место — дыра.

Больше похоже на лабораторию по производству мета^[57], чем на жилое помещение, добавил он про себя.

Когда Ран подъехал капотом к низкому бетонному зданию, выкрашенному в цвет желчи, Сэкстон не знал, чего ожидать... но определенно не эту гробницу без окон, с единственной дверью, в той части города, в которую обычно стягивались теневые бизнесмены.

Эти люди — не простые застройщики.

И, разумеется, не было никаких вывесок с информацией о действующем предприятии, никаких табличек с названием или адресом... и они с трудом нашли это место. На письме, отправленном Минни, был указан только почтовый индекс, и Вишесу пришлось потрудиться, чтобы найти этот адрес.

Эти люди не хотят, чтобы их нашли.

— Этот грузовик ты видел перед домом Минни? — спросил Сэкстон, указывая на узкую парковку.

— Да. — Ран заглушил двигатель. — Этот.

— Ну что, сделаем это?

— Да.

Нельзя было не заметить перемены, произошедшие в мужчине. Ран сканировал окрестности, будто высматривал агрессоров, его руки сжались в кулаки... а они еще даже не вышли из «Форда».

Схватив портфель, Сэкстон открыл дверь, и, прежде чем он успел даже ступить на землю, открылась та единственная дверь, и в проеме появился крупный мужчина... пряча руку в полах куртки.

— Чем могу помочь? — требовательно спросил незнакомец.

Сэкстон улыбнулся и обошел грузовик со стороны багажника. Когда он поравнялся с Раном, позади первого мужчины появился второй. Оба темноволосые, коренастые, с немного искривленными носами... и глаза — теплые и приветливые, как два пистолета.

Они — пара сторожевых собак, тренированных нападать на непрошенных гостей.

Второй товарищ также запустил руку в куртку.

— Рад нашей встрече, — сказал Сэкстон, останавливаясь перед Большим и Еще Больше. — Насколько мне известно, вы пытались связаться с моей родственницей вчера вечером.

— Что вы здесь делаете?

— Что ж, это очень мило с вашей стороны — изучить состояние документации Минни касательно прав собственности, благодаря вам мы смогли привести все в порядок, — он поднял свой портфель. — Здесь у меня копии документов, готовых к оформлению во всех ведомствах, которые, по независящим от нее причинам, не были предоставлены на рассмотрение. С радостью передаю вам копии...

Он потянулся к замку на портфеле, когда оба мужчины достали пистолеты.

— Достаточно, — сказал один из них.

— Джентльмены, — Сэкстон изобразил шок на лице, — к чему подобные средства защиты? Мы с коллегой пришли к вам обсудить вопрос собственности, к которой не имеете отношения ни вы, ни люди, на которых вы работаете... ни вы, ни ваш начальник не находитесь в положении собственника...

— Заткнись. — Мужчина кивнул на грузовик. — Возвращайтесь в тачку и проваливайте

отсюда.

Сэкстон наклонил голову.

— Причина? Вам не нравится, когда посторонние проникают на вашу территорию после захода солнца?

Мужчина, стоявший впереди, достал пистолет и направил дуло в голову Сэкстона.

— Ты не представляешь, с кем имеешь дело.

Сэкстон рассмеялся, дыхание вырывалось изо рта белыми клубами пара.

— О, Боже. Чувствую себя Стивеном Сигалом из фильма времен восьмидесятых. Эти фразочки действительно работают? Невероятно.

— Ваших тел никто не найдет...

Тихое рычание, раздавшееся на холодном воздухе — уже плохие новости. Им с Раном шла на руку тактика угроз в отношении подобных людей, хотя, признаться, это наводило скуку... что им точно не нужно в сценарии — так это вампирские фишки.

Сэкстон оглянулся через плечо и выразительно посмотрел на Рана. Но мужчина, казалось, не заметил этого и не отступил ни на шаг... а его верхняя губа уже подрагивала.

Черт возьми.

Сосредотачиваясь на людях и вскинутых пистолетах, он толкнул Рана локтем, и испытал облегчение, когда рычание прекратилось.

— Оставьте Миссис Роуи в покое, — сказал Сэкстон. — Потому что вы тоже не представляете, с кем имеете дело.

— Это угроза?

Сэкстон закатил глаза.

— Вам, джентльмены, стоит сменить сценарий. Предлагаю «Заложницу» с Лиамом Нисоном. По крайней мере, фильм снят в нашем веке. Вы отстали от жизни. Древность.

— Пошел на хрен.

— Ты не в моем вкусе. Какая жалость.

Отворачиваясь, он схватил Рана за руку и потянул за собой.

Когда они вернулись в грузовик, Ран уставился на охранников, запоминая их лица. Он знал наверняка, что их с Сэкстоном сфотографировали, как на красной дорожке. Это место напичкано камерами.

— Нам нужно вывезти Минни из того дома, пока не разберемся со всем, — пробормотал он, пока Ран сдавал назад и выезжал на дорогу. — Страсти только накаляются.

— Если она съедет, я могу остаться в ее доме. Чтобы не бросать его пустым.

— Неплохая идея. — Сэкстон посмотрел на него. — Очень даже. Давай я сначала позвоню ее внучке, посмотрим, согласится ли она... а потом поговорим с Минни. Может, в виду временного характера переезда, она будет более сговорчива. А ты умен.

Скромную улыбку Рана он хотел запомнить навечно. А потом мужчина внес еще одно блестящее предложение:

— Не хочешь перекусить? — спросил он. — Раз мы в городе?

***

Ран тронулся, ожидая ответа Сэкстона. Казалось, он торопил события, спрашивая о свидании, но он действительно был голоден... а идея совместной трапезы и, как следствие, проведенного вместе времени?

— С удовольствием, — ответил адвокат. — Хочешь пойти куда-то конкретно?

— Не знаю.

— Какую кухню ты любишь?

— У меня нет предпочтений.

— Я обожаю один французский ресторанчик. Находится далековато, но с другой стороны, если ехать отсюда, то даже дорога до 7-Eleven^[58] покажется путешествием.

Ран мысленно прикинул, сколько у него денег с собой. Примерно шестьдесят семь долларов. Но у него есть дебетовая карта и банковский счет на тысячу долларов... все его состояние.

Отсутствие финансовой «подушки» заставляло его надеяться, что бывший работодатель выполнит свое обещание и поможет ему с работой в Колдвелле. Разговор по телефону, состоявшийся прошлым вечером, был обнадеживающим, хотя речи о конкретном месте не шло. Тем не менее, аристократы того же уровня, что и его бывший работодатель, как правило, тесно общались между собой.

Он верил, что-нибудь да выгорит... и он найдет цель в жизни и средства к существованию.

— Ты не возражаешь? — спросил Сэкстон.

— А, прости? Да, конечно. Куда едем?

— Здесь поверни направо, дальше я направлю тебя.

Примерно пятнадцать минут спустя, они оказались в более состоятельном районе, небольшие магазинчики и уютные рестораны выстроились по флангам, образуя картину идеальной улицы. Снег хорошо чистили, и Ран представил, как человеческие пешеходы ходят туда-сюда по дорожкам в дневное время, счастливые, несмотря на холод. А в теплое время года? Без сомнений, они забиты по выходным людьми вроде Сэкстона: городская интеллигенция с прекрасными манерами и развитым вкусом.

— Вот оно, — сказал Сэкстон, указывая вперед. — «Премьер». Позади есть парковка. Езжай по тому переулку.

Ран завез их на небольшой квадратный участок асфальта, который стал еще уже благодаря счищенному к краям снегу. К счастью, там стоял всего один автомобиль, так что он смог протиснуть свой грузовик в дальний угол, и вскоре они с Сэкстоном уже шагали по укатанному льду к заднему входу.

Он прошел вперед и приоткрыл дверь, а когда Сэкстон прошел мимо, Ран скользнул взглядом по волосам мужчины и плечам, узкой талии, добротным брюкам и туфлям с заостренным носком.

Запах еды внутри ресторана был изумительным. Ран не знал, что это за ароматы, но напряжение в спине исчезало с каждым новым вдохом. Лук... грибы... легкие специи.

— О! Вы вернулись!

Человеческий мужчина, одетый в черный костюм и синий галстук, шел по узкому коридору с протянутыми руками. Они с Сэкстоном расцеловали друг друга в щеки, а потом перешли на незнакомый Рану язык.

Внезапно человек переключился на английский:

— Ну, разумеется, у нас есть столик для вас и вашего гостя. Прошу вас, сюда. Проходите.

Они почти сразу вышли в главный зал. Как и с парковкой, здесь было достаточно свободных мест, и пара уже вставала, чтобы уйти. Наверное, владельцы того автомобиля на парковке.

— Прямо в главной зоне, — с гордостью сказал мужчина.

— Merci mille fois^[59].

Мужчина поклонился.

— Как обычно?

Сэкстон посмотрел на Рана.

— На выбор шеф-повара, если не возражаете?

Ран кивнул.

— Как вам удобней.

Мужчина отшатнулся.

— Речь не об удобстве, это честь для нас.

Сэкстон протянул руку.

— Мы с радостью отведаем все, что приготовит для нас Лизетт. Это будет шедевр.

— Можете не сомневаться.

Когда мужчина, сердясь, ушел, Ран втиснулся в кресло, которое по размерам бы подошло Мاستимону, игрушечному тигру Битти. На самом деле, он в принципе чувствовал себя в этом ресторане слонем с координацией падающего бульжника.

— Кажется, я оскорбил его. — Он откинулся на спинку кресла... а потом повторил за Сэкстоном, развернув салфетку на коленях и пробормотал: — Я не хотел.

— Тебе понравится, что готовит Лизетт. Именно это важно для них.

Принесли вино. Белое. Ран сделал глоток и был поражен.

— Что это?

— «Шато О-Брион Блан»^[60]. «Пессак-Леоньян»^[61].

— Мне нравится.

— Я рад.

Когда Сэкстон улыбнулся, Ран забыл про вино. И так и не смог сосредоточиться, когда мужчина начал рассказывать про то, что сделал днем по вопросу Минни, а также другим делам для Короля. Рану было интересно, но модуляции его голоса гипнотизировали.

Потом им подали еду, небольшие, яркие порции на крошечных белых квадратных тарелках. Еще вино. А Сэкстон продолжал свой рассказ.

Все было так... спокойно. Даже с сексуальным подтекстом и, несмотря на утрированный минимализм ресторана и кухни, Ран чувствовал непривычное спокойствие. Еда была изумительной на вкус, каждое блюдо казалось лучше предыдущего и полностью утоляло голод, уверенно и без лишней тяжести.

Когда они, наконец, спустя два часа закончили, было за полночь... а казалось, что прошло всего пять минут. Откидываясь на спинку, Ран положил руки поверх живота.

— Это была самая лучшая трапеза в моей жизни.

— Я очень рад. — Сэкстон рукой подозвал человека, который провожал их к столику. — Марк, можно тебя?

Мужчина подошел к ним:

— *Мсье?*

— Ран, скажи ему.

Набравшись смелости благодаря вину и сытому желудку, Ран уверенно посмотрел человеку в глаза:

— Это было изумительно. Невероятно. Лучшей трапезы у меня в жизни не было и уже не будет.

И, очевидно, он верно выбрал слова, потому что мужчина буквально засиял от счастья... и тотчас вознаградил их тарелкой с персиковой нарезкой и чем-то шоколадным.

— Сегодня я плачу, — сказал Сэкстон, доставая кошелек и извлекая из него черную карту. — Я приглашал, значит, счет за мной. В следующий раз ты выбираешь и платишь.

Ран покраснел. Да, мысленно он пытался прикинуть, во сколько может обойтись их ужин... но весьма примерно, потому что им не принесли меню, и доллары вслух не обсуждались... он мог лишь предполагать, что вышло безумно дорого. И он оценил внимание Сэкстона к тому, что он тоже хотел внести вклад.

Когда принесли чек, и Сэкстон передал карту и расплатился, не афишируя цифры, они поднялись из-за стола и снова похвалили человека... в этот раз к ним подошла женщина в униформе шеф-повара, и они высказали комплимент ей лично, ведь именно она приготовила их чудесную трапезу.

Когда они, наконец, вышли на улицу, Ран осознал, что почти не запомнил подробностей: если его спросят, что именно он ел и пил, о чем они говорили, где сидели, он вряд ли расскажет все в деталях.

И все же сама трапеза была незабываемой.

— Они удивительные, не правда ли? — спросил Сэкстон по пути к грузовику. — Потрясающая пара. Они живут над рестораном. Они буквально дышат этим делом.

И как по наводке в окне на втором загорелся свет, и мимо задернутых штор прошла фигура.

— Спасибо, — пробормотал Ран, посмотрев на Сэкстона. — Это было невероятно.

— Я рад. Я хотел показать тебе что-нибудь особенное.

Опустив взгляд, Ран вспомнил вкус и ощущение его поцелуя... и, как жаль, что они живут не по человеческому распорядку дня. Было бы чудесно, если бы сейчас только кончился день, а не началась ночь. Тогда бы они вернулись в небоскреб Сэкстона и сплелись телами, руками и ногами в кровати, и впереди бы их ждали долгие часы удовольствия.

Им предстояло сделать столько открытий.

Столько всего он хотел попробовать на вкус, ласкать.

— Продолжишь смотреть на меня таким образом, — простонал Сэкстон, — и я лишусь работы из-за прогула.

— Мне жаль.

Неправда.

— Я перестану.

Он не перестал.

На улице было холодно и дул ветер, но даже если бы стояла августовская ночь, он все равно бы торопился попасть под крышу грузовика. Он бы остался навсегда во временном промежутке между трапезой и прощанием, которое неизбежно последует из-за обязанностей Сэкстона.

— Я могу навестить тебя в конце ночи? — спросил Ран.

— Если проведешь со мной день, то да. — Ленивая улыбка Сэкстона была полна чувственных обещаний. — Мне понадобится больше, чем всего полчаса перед рассветом.

— Это...

Позже Ран попытается понять, что именно заставило его встряхнуться и повернуть голову, но он всегда будет признателен за этот инстинкт... ведь они уже были не одни.

В пятнадцати ярдах, в тених, позади заднего крыльца какого-то магазина скрывались две фигуры.

Даже не ощущая запахов, он понял, кто это был.

— Садись в грузовик, — приказал он Сэкстону.

— Что?

Ран жестко схватил его за руку и повел мужчину к грузовику.

— Грузовик. Садись внутрь и запри двери.

— Ран, почему ты...

Мужчины, стоявшие возле захудалой конторы, шагнули вперед, обрывая дальнейшие вопросы. И поспешный маневр к пассажирской двери грузовика заставил Рана понервничать. Все зависело от того, как быстро передвигались люди.

— Давай я позвоню Братьям, — предложил Сэкстон, запуская руку в пальто, очевидно собираясь достать телефон.

Не повышая голоса и не отрывая взгляд от людей, Ран покачал головой.

— Я разберусь.

— Они могут быть вооружены. Скорее всего. Позволь...

— Я здесь именно для этого. Садись в машину.

Он снял блокировку замков и, прыгнув вперед, открыл дверь и вложил ключи в ладонь Сэкстона.

— Закройся изнутри. Если дела будут плохи, уезжай.

— Я никогда тебя не брошу.

Резким движением Ран буквально занес Сэкстона в машину, закрыл дверь и выразительно посмотрел на юриста.

Замки закрылись со щелчком.

Ран обошел грузовик и встал у багажника. Люди приближались неторопливо, но это еще ничего не значило. Агрессия была как козырь: ее лучше всегда прятать в рукаве, и, может, они знали об этом...

Как по заказу, оба противника бросились в атаку. У одного был нож, второй — с пустыми руками... если у них и были пистолеты, то оружие осталось в кобуре, наверное, потому, что даже несмотря на позднее время, вокруг жилых домов, расположенных вплотную друг к другу, было полно людей... например, владельцы этого ресторана.

Принимая боевую стойку, Ран за мгновение вернулся в прошлую жизнь, его мозг переключился на другую передачу, которая заела всего лишь на секунду. А потом все вернулось к нему — на удачу или на беду.

И он вступил в бой.

— Инвалидное кресло. Вы хотите провезти меня по коридору... в инвалидном кресле.

Ново прожигала дыру в голове хирурга, а доктор Манелло, казалось, и не понимал, что его голова сейчас даст течь, и виной тому был ее злобный взгляд. На самом деле, мужчина казался абсолютно беззаботным и невозмутимым перед ее Глазами-Лазерными-Лучами-Тотального-Доминирования.

И это офигеть как бесило. Особенно с учетом того факта, что она все еще была прикована к больничной койке. Все еще в больничной сорочке в цветочек. Все еще подключенная к аппаратуре.

— Да брось. — Он похлопал по сиденью. — Ты же не хочешь опоздать на большое собрание.

— Я прекрасно передвигаюсь на своих двоих, спасибо великодушное. Черт возьми, я не калека.

— Так, это считается проявлением агрессии. Типа того. Или, хм, неуважения к людям с физическими недостатками.

— А ты у нас из полиции нравов?

— Это не обсуждается. — Его улыбка была обворожительной, как грибок стопы. — Так что сделаем это.

— Я не сяду в эту штуковину. — Она скрестила руки на груди... и передавила капельницу, поэтому пришлось вернуть их на место. — И когда с меня уже снимут этот мешок?

— Какое счастье!

— Прошу прощения?

— Чем сволочней ведут себя мои пациенты, тем лучше у них со здоровьем. — Мужчина сжал кулак как Рокки. — Ю-хуу!

— Получишь сумочкой по голове.

— Не думал, что женщины вроде тебя таскаются с сумочками. Я думал, что вы пакуете свои вещи на мужской манер, в поясные сумки.

Рассмеявшись, Ново ткнула в него пальцем.

— Это не смешно.

— Тогда почему ты...

— Ладно, кати его сюда... но я сама поеду.

— Ну конечно, Даника^[62], безусловно.

Она со стоном села и перекинула свои ноги, и это, возможно, доказало правоту доктора, но мужчине хватило ума промолчать.

Инвалидное кресло стояло всего в трех дюймах от матраса... и Ново с шоком для себя открыла, что даже с учетом небольшого расстояния, к тому времени, как она перенесла вес и устроила задницу на сиденье, ей был более чем необходим отдых.

Она подумала о Пэйтоне.

Только его кровь была ответственна за ее выздоровление. После двух кормлений от него она пошла на поправку семимильными скачками. Без него? Вряд ли она смогла бы даже сесть. Но она все равно злилась.

— Сейчас, устроим тебя в кресле. — Доктор Манелло перетащил штатив с капельницей к спинке кресла. — Все, готово.

Он устремился вперед и придержал для нее дверь.

Ей понадобилась минута на то, чтобы разобраться с управлением. Ладони дрожали, руки

были вялыми. Но потом она покати́лась.

— Только попробуй отдать честь, и я...

Доктор Манелло тут же ухватился за идею, вскинув руку в жесте Бенни Хилла^[63].

— Да ладно? — Она снова рассмеялась, и пришлось схватиться за бок. — Ауч.

— Давай, крутышка, — сказал он. — Позволь помочь.

Прежде чем Ново успела послать его, мужчина взял управление кресла на себя, и было сложно заявить, что ей не требуется помощь, когда она задышала сквозь резкую боль.

Которая, казалось, становилась сильнее. Настолько, что пришлось даже озвучить проблему.

— У меня сердечный приступ? — спросила она, массируя область под левой рукой. — Я...

От паники она начала задышаться, и добрый доктор сразу подскочил к ней, доставая стетоскоп из-под белого халата. Какое-то время он слушал ее. Попросил наклониться вперед. Послушал со спины.

Потом он вытащил оливы стетоскопа из ушей и просто стоял, изучая ее.

— Думаю, ты в порядке, — сказал он. — Сердечный ритм ровный, как у метронома. Цвет лица адекватный. Глаза в порядке.

— Кажется, я не могу...

Внезапный шум в виде приглушенных разговоров заставил ее нахмуриться.

— Они в спортзале? — спросила она.

— Ага.

— Почему не в классе? — Обычно если проводили собрания, то приглашали шесть учеников и одного-двух Братьев максимум. — В смысле, зачем столько места...

— У тебя когда-нибудь были панические атаки?

— Нет, никогда, — солгала Ново.

— Ладно. Какое-то время тебя могут мучить приступы тревоги. Такое бывает. Ты прошла через многое... ничего удивительного, если какое-то время ты будешь дерганной.

— Это точно из медицинской терминологии?

— Сегодня ночью — да. — Опустившись на корточки, он стал серьезным. — Подвох в том, чтобы осознать, что причина удушья в тревоге, а не в том, что сердце взрывается в твоей груди. Если сможешь убедить себя в этом, то станешь лучше справляться. С медицинской точки зрения, ты здорова. Клянусь, в ином случае мы бы здесь не стояли.

— Верно. Хорошо.

— Ты поняла, да.

— Я не... я в адеквате.

— Когда в последний раз тебе вонзали кинжал в сердце?

Она отмахнулась от него.

— Проехали. Брось. Прошла уже неделя. Может, две. Похоже, я теряю хватку.

— Моя школа. — Он положил руку на ее плечо и сжал. — Ну, сделаем это. Я буду рядом.

— Ты же сказал, что я здорова?

Доктор Манелло покаты́л ее по коридору.

— Подстраховка, мой друг. Лучше перестраховаться.

Они продвигались вперед медленно, но верно, и когда миновали качалку, Ново задумалась, вернется ли она вообще к тренировкам.

Чем ближе они подходили к спортзалу, тем громче становились голоса, и Ново устроила волосы, собранные в косу, на груди, словно та могла предложить некую защиту... хотя она не знала, от чего именно.

Одна из пар дверей открылась прежде, чем они успели подъехать к ним, и когда Вишес

вышел в коридор, она гадала, не почувствовал ли Брат их приближение.

Бриллиантовый взгляд, прищурившись, сомкнулся на ней, татуировки вокруг виска искривились.

— Как ты?

— Готова к бою.

— Это верно. — Он протянул ей кулак, чтобы стукнуться костяшками. — Давай сюда.

Что-то в этом приветствии придало ей сил, и, срань Господня, выяснилось, что не зря. Когда доктор Манелло толкнул кресло в спортзал, она была в шоке от количества людей, собравшихся у трибун. Здесь было все Братство Черного Кинжала, все солдаты и новобранцы.

И они замолчали.

А потом начали хлопать. Сидевшие встали, и народ свистел и радостно восклицал... ей даже захотелось обернуться и проверить, а не стоял ли за ней кто-то более важный, совершивший нечто значимое?

— О, прошу, прекратите, — пробормотала она посреди шума.

Что ей полагалось сделать? Помахать рукой в белой перчатке, как Королева Елизавета?

Один за другим, Братья и бойцы подошли к ней, все, начиная с Рейджа, Бутча и Тормента и заканчивая Джоном Мэтью, Блэем и Куином, все пожали ей руку или сжали плечо... или, в случае Зэйдиста, кивнули. Что спасло ее, так это отсутствие жалости или сопливого сострадания. Нет... они словно приветствовали ее в клубе, частью которого являлись уже долгое время.

Клубе выживших.

Ну конечно, подумала Ново, начиная расслабляться. Все Братья получали смертельные ранения на поле боя за свою долгую карьеру... и, вполне вероятно, не единожды.

Она делала первые шаги в этом направлении.

Фьюри подошел к ней последним из Братьев, его хромота была едва заметна благодаря ультрасовременному протезу нижней части ноги.

— Не позволяй произошедшему забраться в твою голову, — сказал он, наклонившись. — Твое тело исцелится быстрее разума. Твоя задача — таким образом законсервировать воспоминания, чтобы продолжать эффективно функционировать. Лишиться уверенности хуже, чем вступать в бой без оружия. Поговори с Мэри, если понадобится помощь, хорошо?

Его желтый взгляд излучал тепло и доброту, а разноцветная копна волос напоминала о львиной гриве.

И когда мужчина уже отступал назад, ей хотелось окликнуть его, чтобы он повторил свои слова.

Она их запомнит.

Просто обязана, подумала Ново, потирая рукой грудную клетку. Незачем лезть на рожон... просто потому, что однажды она умудрилась выжить.

Потом шли новобранцы, Акс хлопнул ей по ладони, причем не в полную силу. Бун обнял, а Крэйг и Пэрадаиз подбодрили словами.

Не подошел только Пэйтон. Он остался возле трибун, во втором ряду, одетый в хирургическую форму и туфли под смокинг. Светлые волосы были зачесаны назад, будто он неоднократно пропускал пальцы сквозь пряди.

Она была рада, что он остался в стороне. Последнее, что ей нужно — чтобы собравшиеся узнали, что они провели день вместе. Во-первых, это больше не повторится. А даже если и да... хотя, со стопроцентной вероятностью все-таки нет... это никого не касается.

Он даже не смотрел на нее, уткнулся взглядом в деревянную скамейку перед собой... словно читал вырезанные на дереве строчки из «Войны и мира».

Ново не знала, когда он ушел из палаты. Она проснулась, потянувшись к нему... и, не обнаружив его рядом, она убедила себя, что это к лучшему.

Расскажи о своей семье? Какие они? Что в их поступках причиняет тебе боль?

Сейчас кто-то обращался ко всем собравшимся, однако Ново не следила за голосом. Она злилась на себя, ведь присутствие хирурга успокаивало ее, служило эквивалентом одеяла, у которого по чистой случайности оказалась степень в медицинских науках и руки, творившие волшебство со скальпелем.

Ее взгляд задержался на Пэйтоне... по причинам, которые, как она знала, не стоило рассматривать под лупой. Ей нельзя искать в нем безопасность, комфорт и силу. Оскар показал ей, к чему это может привести.

По правде, самая большая проблема, которую нес с собой Пэйтон, касалась не секса, нет, она несла большую опасность для ее благополучия.

Если она пустит его в свое сердце? Он нанесет ущерб больший, чем сделал тот лессер с кинжалом.

***

Ново бы не хотела, чтобы он подошел к ней. Не-а. Ни за что.

Пэйтон сидел на трибуне и пытался примириться с тем, что какой-то другой мужик катит ее в кресле — даже если этот парень, ладно, пофиг, собственноручно залатал ее сердце — утешая себя тем, что ей нужно пространство.

Он не встречал никого с такой мощной потребностью в самостоятельности.

Где она жила? Там безопасно в дневные часы?

Эти вопросы интересовали его больше, чем разговоры Братьев, но вспомнив, что сказала ему Мэри, он заставил себя прислушаться.

— ... нужно больше тренировок, — говорил Брат Фьюри. — Чтобы вы отработали до автоматизма правильный порядок действий. Поэтому мы посоветовались — он указал на Братьев, — и решили увеличить аудиторные часы и выпускать вас на поле боя парами, а не всей толпой. Какое-то время работаем по новой системе. Вы так впечатлили нас своими навыками, что мы преждевременно допустили вас до сражений. Все мы учимся здесь, и мы собираемся постоянно оценивать и переоценивать эффективность происходящего... но мы хотим сказать, что по-прежнему будем отдавать все силы учебной программе... и каждому из новобранцев.

С этими словами Брат посмотрел прямо на Пэйтона.

— Есть вопросы?

Пэрадайз подняла руку.

— Что станет с расписанием? Я про боевые действия, как часто нас будут выпускать на поле?

Пока отвечали на ее вопрос, Пэйтон мысленно вернулся к разговору с Мэри... а потом посмотрел на Ново.

Учебная программа — не единственная вещь, которую он не хотел бросать. Велика вероятность, что Ново попытается отдалиться от него. Он видел ее в процессе исцеления, и она захочет закрыться от этого, воздвигая между ними стену. Но он хотел быть с ней... лежать рядом в одной кровати, где угодно, чтобы она устроила голову на его груди и спала на его руке.

— Ладно, на сегодня возьмем перерыв, — объявил Фьюри. — Мы плотно работали с самого начала, и сейчас возникла хорошая возможность разложить все по полочкам в своей голове и отдохнуть до субботы.

Только когда народ начал расходиться, Пэйтон осознал, что находился в одном помещении с

Пэрадайз и ни разу не вспомнил о ней. Сейчас все его мысли были о Ново.

И все же его чувства к ней были совсем другими.

Он широкими шагами двинулся вниз, с трибун, и не удивился, что голова раскалывалась на части. Он помедлил на периферии, пока Братья и новобранцы выходили из зала... Ново на кресле оказалась в самом эпицентре, словно использовала остальных в качестве щита.

— Автобус отъезжает через десять минут, — объявил Рейдж. — В субботу в полночь мы начнем выбивать из вас всю дурь, поэтому, детишки, хорошо отоспитесь!

Уже в коридоре Пэйтон посмотрел в сторону офиса, гадая, не сможет ли найти адрес Ново в ее досье... но эта идея была из разряда недопустимых. Во-первых, его сразу исключат за несанкционированный взлом личной информации. Во-вторых, он поведет себя как озабоченный поклонник.

Кем он точно не был.

Просто шел по ее пятам.

Гадая, как выловить ее наедине.

Дааа, ему далеко до защитного предписания. Как же.

К тому же, сегодня ее не выпишут. Ни за что на свете.

В итоге он просто отпустил Ново, позволяя хирургу увезти ее в палату. И, Боже, когда дверь закрылась за ней, показалось нереальным, что они провели столько часов вместе, он был голым, а она невероятно мягкой, какой он никогда ее не видел.

Пэйтон был уже в конце коридора, собираясь пройти через стальную дверь к автобусу, когда осознал, что забыл свой смокинг в раздевалке. Плевать. У него дома еще два таких же.

Толкая дверь и выходя на парковку, он решил...

Крэйг стоял у автобуса. Будто ждал.

По мере приближения, Пэйтон быстро оценил его стойку. Упор на ноги. Руки сжаты в кулаки и висели по бокам. Челюсти стиснуты.

Дерьмо. Да ладно? Без этого никак?

Возле мужчины порхала Пэрадайз:

— Крэйг. Пошли. Садись в автобус. — Потом она встала перед парнем: — Крэйг. Не тупи.

К ней обратился именно Пэйтон:

— Пэрадайз, оставь нас на минуту.

— Не указывай ей, что делать. — Грудная клетка Крэйга расширилась, когда он сделал глубокий вдох. — Она не касается тебя никаким боком.

Протянув руку, девушка прикоснулась к его плечу.

— Пошли. Садись в автобус.

— Нет, — ответил Крэйг, не глядя на нее. — Дай мне минуту.

Пэрадайз переводила между ними взгляд, словно надеялась, что хотя бы один из них одумается. Не судьба.

— Отлично, добьетесь, что вас исключат, — выдавила она. — Два вспыльчивых дикаря.

Когда она скрылась в автобусе, Пэйтон сократил дистанцию и сказал тихо:

— Сделай это.

— Сделай что? — прорычал Крэйг.

Пэйтон показал руки, а потом целенаправленно сомкнул ладони за спиной и заговорил на Древнем Языке:

— *Здесь и сейчас я предлагаю тебе рит^[64]. Я делаю это в связи с проявленным мной неуважением к твоему статусу мужчины, связанного с Пэрадайз. Я никоим образом не оправдываю свои действия, и хочу извиниться за свое ошибочное суждение согласно Древним Традициям.*

На лице Крэйга появилось отстраненное выражение, его гнев чуть утих.

Перейдя на английский, Пэйтон продолжил:

— Бей и оставим все в прошлом. Я не преследую твою женщину. Я осознаю, что ты с ней, а она с тобой. У меня сработал условный рефлекс на фоне дружеских отношений, а не романтической привязанности, я готов поклясться в этом. Но мы отошли от темы. Давай, чувак, сделай это.

Повисла пауза, и в тишине раздавалось лишь мерное гудение двигателя автобуса. Пэйтон осознавал, что Акс и Бун толпились возле открытой двери, уставившись на них.

Бун казался обеспокоенным. Акс улыбался так, будто записывал происходящее для канала Barstool Sports в Инстаграм.

— Да будет так, — сказал Крэйг.

Пэйтон не стал готовиться к удару. Просто стоял, позволяя огромному кулаку влететь в лицо.

Удар, подобно взрыву бомбы, отдался болью в щеке, и Пэйтон крутанулся вокруг своей оси волчком на одной ноге как в фильме «Три балбеса», а треск от удара эхом разлетелся по бетонной парковке.

Мешок. С. Песком.

Он рухнул... а, может, это пол поднялся к нему навстречу... как мешок с песком, кости напоминали жетоны в «блошке»^[65]. Дыхание вернулось к нему примерно через минуту, и даже после этого он остался лежать на полу, охлаждая место удара о бетон.

В поле зрения показались тяжелые ботинки, и в голове пронеслась случайная мысль о том, что они выглядели на удивление прочными, такие дают тебе железобетонную опору. И гарантируют знатный хук справа.

— Позвать доктора? — спросил Крэйг.

— Кхгбдшв.

— Что?

Пэйтон попытался сглотнуть слюну, и в итоге почувствовал медный привкус крови. Но зубы, казалось, все были на месте.

#бонус

— Явнормечестно.

— Повтори?

— Нормально. Я нормально. Помогите встать.

— Уже лучше. — Над ним нависла огромная рука, словно Сам Создатель воскрешал его из мертвых. — Давай сюда.

Пэйтон схватил предложенную ладонь и ощутил, как его вздергивают с асфальта, словно он затонувший корабль, который поднимали со дна океана. Хотите поговорить о волнах? Головокружение транслировалось по всему телу до самых пяток.

На ногах его удержала только уверенная хватка Крэйга на бицепсе.

— Ну как, в кайф? — пробормотал Пэйтон. Потом указал на свою грудь. — Без ненависти. Клянусь.

— На самом деле, да. — Крэйг обхватил плечи Пэйтона рукой. — Офигенные ощущения.

— И хорошо.

Они поднялись по низким ступеням в салон автобуса и, блин, Пэрадайз была адски зла... и, очевидно, не собиралась сдерживаться.

— Посмотрите на них, прямо закадычные друзья, — сказала девушка, скрестив руки на груди. — Можете сесть вместе. — Она вскинула ладонь навстречу Крэйгу. — И ни слова.

— Если будешь искать ночлег, то у меня полно места, — сказал Пэйтон своему новому

братану.

— Ловлю на слове, — пробормотал Крэйг, когда они рухнули на смежные сиденья, как два провинившихся школьника.

Когда Пэйтон резко повалился на бок в пролет, Крэйг придержал его.

— Знаешь, приятель, я чувствую себя твоей подушкой, — заметил парень.

— Если у тебя не выгорит в программе, из тебя выйдет превосходный боксер. Я серьезно.

— Спасибо, чувак. Это много значит. Ты все еще в деле касательно вечеринки в честь Пэрадайз? Сделаешь все, что надо, чтобы вышло все по высшему уровню?

— Черт, да.

— Заметано.

Блин, кто бы подумал, что *рит* все уладит. С одним смачным ударом все проблемы были решены и оставлены в прошлом.

Но не для Пэрадайз.

На следующие несколько дней Крэйга отправят спать на диван, в этом не было сомнений.

После небольшого толчка, автобус тронулся, увозя их во внешний мир. И Пэйтон не горел желанием вернуться к тому, что ждало его в отцовском доме. Учитывая, как он накосячил на Первой Трапезе с Роминой и ее родителями, отец устроит ему разнос по полной программе.

Как там говорят?

То же дерьмо. Новый день.

Пофиг.

Сэкстон извернулся, чтобы посмотреть, что происходит у багажника. Двое мужчин подходили к Рану неспешной походкой... но потом все внезапно переменялось, их тела устремились вперед в скоординированном нападении.

— Черта с два я никуда не звоню, — пробормотал Сэкстон, судорожно доставая телефон.

Отправив сообщение, он сразу же вернул взгляд, желая убедиться, что Ран еще жив... и в этот момент перед ним предстала крайне тревожная картина летящего вверх тормашками человека. Парень приземлился на голову бесформенной грудой, напоминая мешок с картошкой.

Ран схватил второго и вжал его лицом в боковину грузовика, за чем последовали удары: в живот, в пах, апперкот в подбородок. Кулаки Рана представляли собой четко контролируемые, смертоносные орудия, и они двигались так быстро, словно у него был целый репертуар оборонительных и наступающих техник. Это — не детская игра.

Мешок с картошкой ожил и, покачиваясь, встал на ноги, пьяная походка в сторону напарника кричала о том, что ему следовало идти в противоположном направлении. На чем заканчивался смех? На ноже в его руке.

Сэкстон застучал по заднему стеклу, а потом бросился к водительской двери, открывая ее и выскакивая наружу.

Но Ран уже переключился. Оглянувшись на человека позади себя, он снова сосредоточился на том, что был в его руках: он согнул руку парня под неправильным углом... и вписал в жесткий край открытого кузова пикапа. Кость треснула за секунду, и Рану хватило ума тут же накрыть ладонью распахнувшийся рот и заглушить крик.

Откинув мужчину в сторону, словно мусор, Ран развернулся.

У него даже не сбилось дыхание.

И не с этим мужчиной Сэкстон только что ужинал. У него были холодные, бездушные глаза, словно тепло и застенчивая доброта вручили рулевое управление серийному убийце. На самом деле, его лицо не выражало ни эмоции. Превратилось в застывшую маску из тех черт, на которые Сэкстону так нравилось смотреть за французской кухней в свете свечей.

Человек с ножом, пошатываясь, наступал, оставляя на снегу позади себя след из капель крови. Им двигали скорее агрессия и злость, чем осознанность, и было очевидно, что для него все плохо кончится.

Так и вышло.

Ран за мгновение скрутил его, схватив за запястье, которое контролировало нож, и развернул человека вокруг оси так, что он тоже влетел головой в бок грузовика... нож тут же упал на снег.

Человек оказался там же. Ран завалил его наземь, уселся на спину и обхватил его голову руками.

Он будет поворачивать ее, пока не свернет шею. Сэкстон предвидел это.

— Нет! — Он рванул вперед. — Ран, остановись!

Услышав голос Сэкстона, Ран застыл словно статуя, он совсем не двигался, хотя его руки приготовились сломать человеку шею.

— Отпусти его. Нам нельзя привлекать полицию... и за нами могут наблюдать. — Сэкстон окинул взглядом квартиры над рестораном. — Пошли, нам надо уходить.

Шторы были задернуты на втором этаже, а на верхних этажах «Премьера» на другой стороне улицы не горел свет. Однако достаточно одной пары любопытных глаз, выглянувших на подозрительный шум, и проблемы им обеспечены.

Протянув руку, Сэкстон положил ее на плечо Рана.

— Пойдем со мной.

Боже, мужчина даже не запыхался. Люди дышали отчаянно, от боли и напряжения, воздух большими клубами вылетал из их ртов, как пар — из древнего паровоза, а Ран напоминал робота, механическую машину, которой не требовался кислород.

— Ран, посмотри на меня.

Мужчина под ним взбрыкивал, хрипел, умолял, грубое лицо покраснело, словно дорожный знак.

— Ран.

Ран повернул голову, и его мутные глаза на мгновение сфокусировались... от чего Сэкстона словно окатило ледяной водой. Кто бы догадался, что под кроткой, застенчивой внешностью скрывается демон? Перед ним стоял абсолютно чужой человек.

Из ниоткуда появились Рейдж и Ви, одетые для боя Братья были в черных кожаных штанах и куртках, в которых скрывалась тонна оружия. Он полностью понимал шок на их лицах.

Шагнув вперед, Рейдж обратился к Рану:

— Эй, сынок, что здесь происходит?

Человек, зажатый хваткой, пытался сделать вдох, слюна и кровь текли между его кривых зубов, но Ран, казалось, ничего не замечал.

Опустившись на корточки, Рейдж тихо заговорил с женщиной. Ви, тем временем, подступал со спины.

— Голливуд, тебе нужно отойти, — сказал Брат. — Достаточно болтовни.

Спустя мгновение Рейдж кивнул, и Ви перешел к активным действиям: он зашел за Рана, запустил руки подмышки и резко дернул на себя, разрывая хватку. Когда лицо мужчины рухнуло в снег с треском, напомнившим Сэкстону о разбитых тарелках, Ран приземлился на задницу.

Сейчас, наконец, открылось дыхание.

Словно вырвавшись из-под чар, Ран шумно задышал, мужчина накрыл голову руками, издавая странные, похожие на стоны звуки.

Сэкстон отступил назад, когда Братья дали пинка людям, которые ломанулись к своему грузовику, припаркованному за углом. Велика вероятность, что краткосрочные воспоминания уже стерли, и Сэкстон был против этого. Он хотел, чтобы перепуганные люди оставили Минни в покое.

Но у него хватало поводов для беспокойств.

Ран обратил на него потрясенный взгляд.

— Я не хотел, чтобы ты увидел эту часть меня, — прошептал он.

И смотря на мужчину... Сэкстон не знал, что сказать.

***

Сэкстон покинул место происшествия двадцать минут спустя, дематериализуясь... стоп, где это он?

Принимая форму в окружении сосновых деревьев, он оглянулся по сторонам, удивляясь тому, что ему вообще удалось переместиться. Ах, да. Фермерский дом Минни. Все верно.

Пройдя по сугробам к парадному входу, Сэкстон понимал, что убивает свои лоферы, но это его не волновало. И он испытал облегчение, когда ему открыли дверь прежде, чем он поднялся по ступенькам.

В дверном проеме стояла женщина с портрета в гостиной, молодая версия Минни, только выше и без морщин. С темными волосами, длинными и прямыми, стройным телом в джинсах и

толстовке с эмблемой «Сиракуз», она выглядела повседневно... пока не помотришь в ее бледные глаза.

Это была осторожная женщина. И он сразу проникся к ней симпатией.

— Привет, — сказала она. — Добро пожаловать. Я внучка Минайны, меня тоже зовут Минайна... сокращенно Ана.

Подойдя к ней, Сэкстон попытался сосредоточиться на цели, на своей работе и реальности. Было сложно. Перед глазами стояла застывшая маска на лице Рана, и с этим образом было сложно сосредоточиться на чем-то другом... невозможно отбросить одержимые попытки связать насилие, свидетелем которого он стал, с другими чертами, которые он знал и любил в этом мужчине.

— Меня зовут Сэкстон, — сказал он, вставая на крыльцо и низко кланяясь. — Мое удовольствие служить вам и вашей *гранмэн*.

— Спасибо большое за помощь. — Женщина понизила голос. — Вы не представляете, какой это был кошмар.

— Мы позаботимся обо всем, — заверил он ее тихим голосом. — О, Минни, а вот и вы.

Он улыбнулся пожилой женщине, заходя в гостиную.

— Как вы поживаете?

— Все хорошо, спасибо. — Минни посмотрела на Ану. — Но я не понимаю, зачем мне уезжать. Что случилось? Что изменилось?

Сэкстон подошел к ней и сел рядом с женщиной на диван.

— Как мы и обсуждали, я отправился поговорить к тем людям. Я не хочу тревожить вас, но у нас возникли некоторые разногласия.

Понимай как: Ран едва не обезглавил одного из них. Голыми руками.

— И в свете этого нам кажется, что вам следует пожить пару дней у вашей внучки.

— Я не могу оставить дом без присмотра. — Женщина покачала головой, ее глаза были печальными и обеспокоенными. — Это все, что у меня есть. Что, если они...

— Я могу остаться здесь, — предложил он. — Если вы беспокоитесь, то я с удовольствием переночую в гостевой комнате, могу даже поспать на этом диване, чтобы вы были спокойны о доме в ваше отсутствие.

Минни посмотрела на Ану, и внучка сразу же подключилась к разговору:

— *Гранмэн*, будь разумна. Поехали в город. Предложение Сэкстона очень щедрое. Невероятно щедрое.

Минайна сосредоточилась на Сэкстоне.

— Я не могу просить вас об этом.

— Мадам, вам не придется. И ваше спокойствие станет лучшей наградой для меня.

К тому же, он же не собирается бросать свой собственный дом. Больше похоже на временную ночевку в гостинице.

Ана подошла к ним и села на колени перед своей *гранмэн*.

— Прошу. Это продолжается уже давно. Я истощена из-за недосыпа, и учитывая, что нас ждет в следующие несколько недель... прошу. Умоляю тебя.

Опавшие плечи Минни послужили ответом.

— Ладно. Если нужно.

— Хорошо. — Сэкстон поднялся. — Наверное, вы хотите собрать какие-нибудь вещи? Если понадобится транспорт для перевозки, я вызову машину.

Фритц был по уши занят в особняке Братства, но больше всего доджен любил решать чужие проблемы.

— *Гранмэн*, пойдем, соберем твои вещи.

— Но я могу вернуться. Каждую ночь я могу принимать душ и переодеваться...

— Гранмэн.

Поднявшись с дивана, Минни оглянулась по сторонам. С седыми волосами и свободным платьем, похожим на то, что она носила пару ночей назад, она выглядела на свой возраст — не просто пожилая женщина, но измученная и лишенная сил.

— Я боюсь, что если я уеду... то уже не вернусь.

— Это неправда, — сказала Ана. — Этот дом всегда будет твоим.

— Ты хочешь, чтобы я переехала к тебе.

— Ну конечно хочу. Но я не заставляю тебя переезжать навсегда. Это касается твоей безопасности, причина не в твоей слабости или не состоянии жить независимо. Без сомнений, ты вернешься назад, если захочешь.

Потребовалось еще несколько убеждающих фраз, а потом женщины направились на второй этаж. В их отсутствие Сэкстон достал телефон, чтобы позвонить дворецкому и вызвать машину. Но потом он выругался. Впереди у него была целая ночь работы, а он напросился в охранники этого дома.

Как по команде, зазвонил его мобильный, и Сэкстон ответил на звонок, не посмотрев, кто это:

— Алло?

Повисла пауза. А потом Ран сказал:

— Мне так жаль.

Сэкстон закрыл глаза.

— Ты в порядке?

— Да. Я не ранен.

Ты тот, кем я тебя считал? — мысленно спросил Сэкстон.

— Где ты?

— Я в грузовике, еду в особняк Братства.

— Прости, что исчез, не сказав ни слова, но я испугался, что Минни будут мстить... я сейчас у нее. Она уедет со своей внучкой, как только они соберут вещи.

— Хорошо. Это хорошо.

Повисла пауза. И пока Сэкстон просто пытался сформулировать «ты в порядке» другими словами, Ран заговорил:

— Слушай... я хочу объясниться. Я знаю, что ты шокирован, и я просто... я не такой. В смысле, да, это часть меня. Но... — Мужчина сделал глубокий вдох. — Я очень хорош в деле, которое я ненавижу, и мне приходилось использовать этот навык на протяжении нескольких лет ради своей семьи. Но я больше не такой... не хочу таким быть. Это в моем прошлом. Это остается... в прошлом.

Сэкстон вспомнил мужчину, который сидел напротив него за столиком в ресторане. Который с такой аккуратностью ел блюда, названия которых не мог выговорить, но которые ему так понравились. Мужчину, который застенчиво пытался совладать с эскарго^[66], в результате чего одна из улиток улетела на пол. Мужчину, который пил белое вино небольшими глотками и держал хрупкий бокал так, будто боялся отломить ножку.

Потом подумал о любовнике, который нагнул его над кухонным столом.

Страсть. Не ярость.

Но грань между ними тонкая.

В конечном итоге, он должен будет довериться интуиции.

— Можешь оказать мне услугу?

— Что угодно.

— Ты можешь приехать к Минни? Нам нужно отвезти ее вещи в центр города. Они с внучкой дематериализуются, но будет замечательно, если у тебя получится отвезти вещи по нужному адресу.

— Я уже еду.

— До скорой встречи.

— Спасибо.

Когда связь оборвалась, Сэкстон убрал телефон от уха и долго смотрел на устройство.

— Все в порядке? — спросила Ана, спустившаяся со второго этажа.

— Да, воистину. В этом чемодане все вещи?

— У нее только сумка, несессер и несколько фотографий бабушки, которые она хочет взять с собой.

— Отлично.

Поднявшись, Сэкстон пересек небольшую гостиную, становясь перед камином, украшенным бело-голубой плиткой. Думая, насколько сильная любовь побудила мужчину переправить эту красоту через бескрайний, опасный океан, он хотел видеть в своей жизни подобную радость, тепло и стабильность.

Но бывает очень сложно найти в себе храбрость и открыться другому. Велик риск, и, несмотря на существенную награду, шансы на удачу оставались крошечными.

Забавно... что мысль посетила его, когда он думал о Ране.

Прокашлявшись, Сэкстон сказал:

— Вы расскажете мне, как работает сигнализация? Ночью я занят, но если она сработает, то я смогу появиться здесь через мгновение и с подкреплением.

— Разумеется. Панель управления на кухне.

Они вошли в кухню, и пока Ана писала ему разные коды, номера телефонов и ее адрес в городе, Сэкстон оглянулся по сторонам, отмечая перегоревшие лампы во встроенных в потолок светильниках. Капанье воды в кране. Свист у черного входа, указывающий на то, что на крыльце необходимо уплотнить швы.

Если он правильно запомнил, то прошло два года со смерти ее хеллрена.

Он бы помог ей, если бы умел вести хозяйство.

— Я проверю, все ли нормально в гостевой комнате внизу. — Ана направилась к двери в подвал. — Она захочет убедиться, что все в порядке, ведь она хочет, чтобы вы чувствовали себя почетным гостем здесь. А я не хочу тратить время или возвращаться.

— Со мной все будет хорошо.

— Я вернусь через минуту.

Спустя мгновение Минни вышла из-за угла, женщина надевала пальто винного цвета. Увидев открытую дверь в подвал, она засуетилась.

— Ой, я должна спуститься и...

Ана появилась на вершине лестницы.

— Гранмэн, все в порядке. Пойдем, нам пора.

Мини огляделась по сторонам, словно с тяжестью на сердце прощалась с домом.

— Я, эм... — Она посмотрела на Сэкстона. — Твой друг тоже может пожить здесь.

Сэкстон скрыл неловкость за поклоном.

— Вы так добры.

Потребовалось целых десять минут на то, чтобы вывести женщину из дома, но в итоге они с внучкой оставили свои вещи у парадного входа и дематериализовались из закрытого гаража. Оставленный в одиночестве, Сэкстон вернулся на кухню, снял пальто и запустил кофемашину. Когда аппарат забурлил и зашипел, он достал кружку. Потом еще одну. И сел за круглый стол в

алькове.

Забавно, что у каждого дома был свой особенный запах, собственный акцент из скрипов и стонов, каждый производил уникальное впечатление. И оглядываясь по сторонам, Сэкстон отмечал черты Древних Традиций... и видел нежно оберегаемую любовь. Печально было созерцать свидетельства неумолимого течения жизни, которые выражались в видимом упадке и старении; оставшаяся в одиночестве супруга тщетно пыталась уследить за тем, за чем раньше ухаживали двое.

Сэкстон подумал о Блэе и времени, что они провели вместе.

И все еще был погружен в воспоминания, когда к дому подъехал грузовик.

Ран, подумал он, поднимаясь и направляясь к парадному входу.

Или, может, застройщик с преступными умыслами отправил сюда бандитов.

Сердце грохотало в груди одинаково от любого из вариантов.

Ран поднялся к парадному входу и неосознанно расправил шерстяную куртку. На нем была кровь. Костяшки разбиты. Его также пару раз ударили по лицу, хотя холод заглушал боль.

Выглядел он отвратно.

После того, как Сэкстон дематериализовался с парковки французского ресторана, Ран недолго поговорил с Братьями. Казалось, их совсем не заботил акт насилия, в результате которого он едва не убил человека. Но его волновало не их мнение.

Он постучался и, отступив на шаг, сбил снег с ботинок, готовясь войти. А потом ему открыли дверь. По другую сторону стоял Сэкстон, без пальто, его светлые волосы образовали вихор, словно он неоднократно запускаял в них пальцы.

Его взгляд задержался на левом глазе Рана, который опух и пульсировал.

Подняв руку, Ран накрыл синяк. Как это было глупо.

— Я могу войти?

Сэкстон встряхнулся.

— Да, прошу. На улице холодно. Я готовлю кофе.

Мужчина жестом пригласил его, и Ран вошел и просто застыл на входе перед подножием лестницы. Сэкстон скользнул по его телу глазами, но потом задержал взгляд на лице.

Может, его раны выглядят хуже, чем он думал? Они почти не болели. С другой стороны, у него высокий болевой порог, он никогда их не чувствовал.

— Я в порядке, — сказал он, касаясь лица. — Что бы там ни было.

Сэкстон прокашлялся.

— Да. Конечно. Кофе?

Ран покачал головой и прошел за адвокатом в заднюю половину дома. Да, на столешнице стояли две кружки, а в воздухе витал кофейный аромат.

— Что добавить в твою чашку? — Сэкстон подошел к кофемашине и взял кофейник. — Я предпочитаю немного сахара...

— Я был связан долговым контрактом и сражался на ринге. В течение десяти лет.

Сэкстон медленно повернулся с кофейником в руке.

— Прости, что?

Ран прошелся по кухне, стараясь не утонуть в ненависти к своему прошлому.

— Это был долговой ринг в Южной Каролине. Люди организуют собачьи и птичьи бои. Вампиры — среди своей расы. Я провел десять лет на том ринге с другими мужчинами, и на нас делали ставки. Я был очень хорош в этом и ненавидел происходящее. Каждую секунду.

Сэкстон ничего не ответил, и Ран остановился, посмотрев через кухню на мужчину. Столько шока на его лице.

Боги, как тошно.

— Прости, — выпалил Ран. Хотя он не знал, за что извиняется.

Нет, нет, знал. Он извинялся за то, что приходилось признаваться в чем-то подобном доброму, уважаемому мужчине... и, заговорив о прошлом, его снова начало засасывать в эту дыру.

Он помнил закутки, в которых держали бойцов. Испорченную еду. Императив «убей-или-умри», когда он выходил на ринг, даже с теми, кто едва пережил превращение. Ему приходилось бить тех, кто был слабее его, и получать побои от более сильных соперников. А организаторы боев в это время получали прибыли с тел — травмированных, покалеченных, мертвых.

Чаще всего его преследовали воспоминания о молодняке: просящие налитые кровью глаза,

умоляющие рты, грудные клетки, тяжело вздымающиеся от боли и напряжения. В конце боя он всегда плакал. Когда приходил неизбежный момент, слезы катились по его грязному, потному, окровавленному лицу.

Но если бы он не выполнил работу, то семье пришлось бы платить.

Поэтому он на своей шкуре узнал, что фактически можно умереть, продолжая при этом дышать.

— Прости, — выдавил Ран хрипло.

Сэкстон моргнул. А потом поставил кофейник в кофемашину, так ничего и не налив.

— Я не... не могу поверить, что в Новом Свете существовало нечто подобное. Но я слышал о ставках, которые делали на мужчин в договорных боях в Старом Свете. Как ты... если не возражаешь, я задам вопрос: как случилось, что ты стал частью этого предприятия? Долговое обязательство подразумевает рабство. Ты... как это произошло?

Ран скрестил руки на груди и опустил голову.

— Я любил своего отца. Он всегда обеспечивал мою мамэн и всю семью. Мы никогда не купались в роскоши, но и не бедствовали. — Образ мужчины, занимавшегося рубкой дерева, стройкой, ремонтом автомобилей заменил ужасный бойцовский ринг. — Но у него была слабость. У всех есть, а те, кто отрицают это, просто лгут. У него были проблемы с азартными играми. Какое-то время он делал ставки на бои, и в конечном итоге накопил столько долгов, что мог не просто потерять дом... но и мою сестру с мамэн... то есть, они были в опасности. Их хотели заставить заниматься... определенными вещами. Ты понимаешь, о чем я говорю? — Когда Сэкстон, побледнев, кивнул, Ран продолжил: — Я должен был сделать что-то, чтобы покрыть его долги. Не мог стоять в стороне и наблюдать, как две невинные женщины расплачиваются... Боги, я до сих пор слышу голос отца, умоляющего того босса, с рыданиями выпрашивая отсрочку.

Когда голос сорвался, Ран прокашлялся.

— Если не возражаешь, я все-таки выпью кофе.

— Давай я налью...

Ран вскинул руку.

— Нет. Я сам.

Ему нужно занять себя чем-то, иначе он сломается. Воспоминания были слишком четкими, прожигали подобно лазерным лучам. Он все еще помнил, как к ним пришел босс, с грохотом долбясь в их дверь, угрожая забрать его сестру и заставить уже ее отрабатывать долги.

Мужчина сказал, что если их мамэн также пойдет, то они справятся быстрее. Пять лет вместо десяти. Они должны были закрыть долг до рассвета.

Вместо этого Ран ушел еще до восхода солнца, ушел дальше на юг, в глухие леса, в которых скрывался подпольный комплекс, где занимались нелегальными боями, игорным бизнесом и проституцией. Они испытали его, натравив на него мужчину в два раза ниже и два раза меньше него; Рана жестоко избивали, но он каждый раз поднимался, снова и снова, пока в конечном итоге не покрылся кровью, вытекающей изо рта и из порезов по всему телу.

После того, как они приняли его, он подписал какой-то документ, который не мог прочитать, и дело было сделано.

Возвращаясь к настоящему, Ран опустил взгляд и обнаружил полную кружку в своей руке. Похоже, он налил себе кофе.

Сделав пробный глоток, он отметил, что кофе получился идеальным... но пощипывание подсказало, что у него была разбита губа.

— Как я сказал, я должен был все исправить. Мой отец был слишком стар для боев, а я прошел превращение за двадцать лет до этого. Я всегда был большим и очень сильным. Порой

то, что мы делаем ради выживания... сложнее чем то, что мы делаем при нашей смерти. — Он пожал плечами. — Но мои родители смогли изменить свою жизнь. А моя сестра... ее жизнь сложилась иначе. — Он посмотрел на адвоката. — Я хочу, чтобы ты знал, что я не выбрал такой путь добровольно. Мне не свойственна жестокость, но я понял, что готов на все ради своих любимых. Я также выяснил, что когда кто-то пытается причинить мне вред... я буду защищать себя до самой смерти.

Он покачал головой.

— Мой отец... он так и не пережил это. После моего ухода он не поставил ни одного пенни, а к моменту моего освобождения они оба работали и были в добром здравии. Когда я сражался, мне запрещали видеться с ними. Нас не выпускали из клеток.

— Клеток? — в ужасе переспросил Сэкстон.

— Они держали нас в подвалах в стойлах, как лошадей. В клетках шесть на шесть футов. Нас выпускали только для сражений, и к нам никого не пускали, не считая кормивших нас женщин. Для этих целей они хотели использовать мою сестру и мамэн. — Горло сжалось, но он добавил: — Иногда нам также приходилось... неважно.

Сэкстон потерял глаза.

— Я не могу представить, каково это.

— Это было... — Ран дотронулся до виска. — Это делало что-то с головой. Это изменило меня, я не знал, навсегда или... пока однажды ночью мне снова не пришлось сражаться. И тогда все вернулось ко мне. Всё.

Ран сделал еще один глоток из кружки, не потому, что хотел пить, а чтобы закончить разговор. Он поделился фактами и попытался быть достаточно честным, не вдаваясь при этом в отвратительные подробности.

В то, каким отвратительным он был там.

Молчание затягивалось, и он рискнул посмотреть на Сэкстона...

Дыхание замерло в груди. Глаза мужчины были полны сочувствия, а не отвращения или страха.

— Присядь, — тихо сказал Сэкстон. — У тебя идет кровь, я хочу умыть тебя. Садись.

***

Когда Ран продолжил стоять на месте, Сэкстон подошел к нему, взял мужчину за руку и потянул его к столу. Он сел за стол, и кофе в его кружке заплескалось от дрожи в его руках.

Значит, их обоих трясло, подумал Сэкстон, подходя к раковине и открывая кран, чтобы вода прогрелась. Оторвав пару бумажных полотенец с держателя, он попытался уложить в голове все, что пережил Ран.

Не удивительно, что мужчина так кардинально изменился во время схватки за рестораном... и его больше расстраивал пустой взгляд, чем само проявление жестокости. Воистину, прожив столько лет рядом с Братством и постоянно слушая истории о сражениях с лессерами? Сэкстон давно привык к насилию. Нет. Его тревожил тот факт, что Ран уступил место другой стороне своей личности и набросился на свою жертву.

Дикое животное, сорвавшееся с цепи.

Сэкстон проверил температуру воды указательным пальцем. Достаточно теплая. Выдавлив немного мыла, он намочил полотенце и повернулся к Рану. Мужчина сидел, упершись взглядом в чашку, брови были низко опущены, а плечи окаменели.

Понятно, о чем он думал.

Спасти сестру и мамэн, которых могли отдать бойцам для секса и крови? Оказаться в

клетке? Из-за ошибок его отца?

В течение десяти лет запертый, словно тигр, живя со знанием, что в любую минуту его могут отправить на ринг, где его избьют или убьют. И все это время он жил наедине с постоянными ранами, одиночеством и болью.

Об этом было жутко просто думать.

Сэкстон подошел к нему, ожидая, что Ран поднимет взгляд. Он этого не сделал, и Сэкстон аккуратно положил руку на его плечо.

Ран подскочил, опрокинув кружку.

— О! Прости, я...

— Я уберу. — Сэкстон подошел к раковине и снял рулон бумажных полотенец. — Вот. Я уберу.

Оторвав несколько штук, он кинул их на стол, позволяя жидкости впитаться.

— Посмотри на меня. — Он подцепил указательным пальцем подбородок Рана и повернул его голову к себе. — Вот так.

Ран поморщился, когда их взгляды встретились, но Сэкстон был уверен, что виновата свернутая реальность.

— Здесь большой порез, — пробормотал Сэкстон, промывая рану над его бровью. — Он распухнет еще сильнее. Наверное, стоит показаться Доку Джейн или доктору Манелло.

— Бывало и похуже.

Сэкстон помедлил.

— Да. Уверен, что да.

Продолжив стирать кровь, он хотел бы сказать что-нибудь правильное, подходящее ситуации... что-нибудь, что смогло бы облегчить боль от того десятилетия. Но слов не было.

Но было некое лекарство.

— Этот бойцовский тотализатор до сих пор существует? — спросил он напряженно.

Ран покачал головой.

— Спустя год после моего ухода бойцы подняли бунт. Они освободились, убили стражников и головорезов, прикончили босса. То место сейчас поросло травой. — Он прокашлялся. — Я возвращался туда. Пару раз. Я пытался... осмыслить произошедшее. Ничего не вышло, как видишь.

— Не знаю, возможно ли это.

— Я говорил, что сделал это ради своей семьи. Только это и спасает меня. — Ран медленно выдохнул. — Знаешь, еще я жалею, что подвел свою сестру. Может, если бы я был дома, она бы не влюбилась в того жестокого мужчину. Возможно, я бы смог сделать что-нибудь, прежде чем он успел увезти ее так далеко от дома, в Колдвелл. Вырвавшись на свободу, я пытался найти ее, но она пропала бесследно. Мои родители знали, что он опасен... наверное, он увез ее, чтобы полностью контролировать. Ненавижу себя за то, что она умерла, а меня не было рядом.

— Ты сделал все, что было в твоих силах, — печально сказал Сэкстон. — В конечном итоге, другого утешения нам не остается.

Он вернулся к раковине с остатками полотенец и намочил их, на этот раз простой водой. Опять подошел к Рану и смыл остатки мыла. На его лице остались лишь синяки, которые ничем не уберешь.

— Ты сказал, что я поступил бескорыстно по отношению к Битти, — сказал Ран хрипло. — Это не так. Я спасал ее от себя. То, что я сделал с теми людьми на парковке? У меня есть плохая сторона, и я знал, что с Рейджем и Мэри ей будет безопасней. К тому же... что, если она когда-нибудь узнает? Ей нельзя иметь такого отца, как я.

— Чем, по-твоему, Рейдж занимается для расы?

— Это другое. Я никого не спасал.

— Ты спасал свою сестру и мамэн.

— Не знаю.

Сэкстон высушил рану.

— Выглядит плохо.

— Я буду в порядке. — Ран посмотрел на него. — Ты очень добр ко мне.

Сэкстон провел пальцем по его подбородку. А потом, смахнув густые волосы назад, прикоснулся к его нижней губе.

— Здесь тоже порез, — прошептал он.

Наклонившись, Сэкстон нежно поцеловал губу, рассеченную человеческим кулаком. Он выпрямился, чувствуя, как волосы на затылке встали дыбом.

Как бы его не тянуло к Рану, как бы он ни хотел быть с ним, причиняя другому боль... ты делаешь ему больно.

Да-да, подобную фразу можно встретить на слезливых мемах^[67] в «Фейсбуке», шаблонные слова, подходящие под депрессивно-уязвимую чувствительность «поколения снежинок»^[68]. И, учитывая его тягу к спасению, это вполне в его духе — подобрать беспризорника, битого жизнью. Но где взять уверенность, что прошлое Рана действительно осталось в прошлом?

Он подумал о том его взгляде... точнее об отсутствующем выражении... во время боя, особенно когда Ран едва не свернул человеку шею.

— Все нормально, — сказал Ран хрипло, отодвигая стул и поднимаясь.

— О чем ты?

Мужчина отступил назад.

— Я все понимаю.

— Понимаешь что? — переспросил Сэкстон.

— Я себе тоже не доверяю.

— О чем ты говоришь?

— Я вижу все по твоим глазам. — Ран кивнул. — И я все понимаю. Ты пытаешься сопоставить то, что увидел, с тем образом, который хочешь во мне видеть. Я все время живу с этим. Каждый день, когда закрываю глаза, то вспоминаю все, что сделал. Достаточно просто взглянуть в зеркало.

— Ран, не принимай решения за меня.

Мужчина дрожащими руками снял куртку. Потом развернулся и задернул футболку до самых плеч.

Сэкстон пораженно охнул. Широкая спина была усеяна рубцами... но нет. Эти отметины оставлены не плетью. Четырехдюймовые надрезы были слишком хирургическими, располагались на одинаковом расстоянии... не меньше тридцати порезов расходилось по коже от позвоночника. Раны засыпали солью, чтобы убедиться, что они не затянутся и не исчезнут в процессе исцеления.

— Тридцать семь, — сказал Ран безжизненным голосом. — Я убил тридцать семь мужчин голыми руками. И с каждой новой смертью они брали нож и добавляли к счету. Это делалось для толпы, чтобы клиенты ставили больше денег. Все делалось ради шоу.

Сэкстон накрыл рот ладонью, и к глазам подступили слезы.

Когда Ран повернулся к нему лицом, Сэкстон хотел одного — обхватить его руками и прижимать к себе, обнимая, пока воспоминания не перестанут причинять ему такую боль.

Но, очевидно, он этого не сделает.

Ран натянул футболку и накинул куртку на плечи.

— Я поеду. Но сначала объясни, куда отвезти вещи Госпожи Минайны. И не беспокойся, я

не подойду к ним. Оставлю вещи в безопасном месте и буду держаться подальше от женщин.

— Ран, прошу, не...

— Куда ехать?

— Ран, не считай себя недостойным.

— О, но я недостойный. Я прирожденный убийца. Те мужчины стремились к этому не больше, чем я. Они все были в рабстве, отрабатывали долги. Они не были убийцами, не больше, чем я... по крайней мере, когда я впервые попал туда. Я — ходячее напоминание своих деяний. Сэкстон, на моих руках много крови. Я — убийца.

Мужчина подошел к арочному проему.

— Так ты расскажешь, куда я должен отвезти...

— Ты — не убийца.

Ран пораженно опустил голову.

— В тебе говорят эмоции, а не логика, и ты это знаешь.

— Ран, ты...

— Слушай, я не люблю говорить об этом. — Ран окинул кухню взглядом. — В ночные часы я прячу воспоминания в дальнем чулане, а днем надеюсь, что не запомню свои сны. Единственный раз, когда я обсуждал эту тему до сегодняшнего дня — когда Братья изучали мое прошлое из-за Битти... и даже тогда, я не... это неважно. Я рассказал тебе все, потому что считаю, что ты заслуживаешь честного отношения. Между нами что-то происходит, и это взаимно. Проблема в том, что я знаю, кто ты, но ты не знаешь меня... точнее, не узнав этой правды, ты не будешь знать меня настоящего. А выражение в твоих глазах? Настороженность, подозрительность. Оно подсказывает мне, что я поступил правильно.

— Я могу доверять тебе.

— Это необязательно. — Ран положил руку на сердце. — После многих лет работы на Глимеру, одно я узнал точно: бедные могут предложить этому миру только свою честь и гордость. Отец научил меня этому. И я замараю свою честь, если буду лгать тому, в кого начинаю влюбляться.

Дыхание замерло в груди Сэкстона.

Но прежде, чем он успел ответить, Ран покачал головой и отвернулся.

— Знаешь, я думаю, что лучше кому-то другому отвезти вещи в город. Мне нужно ехать.

— Ран...

Мужчина замер, но не обернулся.

— Прощу, просто отпусти меня. Просто... позволь уйти.

Каждый инстинкт Сэкстона кричал, чтобы он остановил Рана.

Но это не зависело от него.

Спустя мгновение хлопнула центральная дверь, и Сэкстон рухнул на стул, на котором ранее сидел Ран. Кофе в его кружке оставался теплым.

Но не долго.

— Я знаю, ты хочешь трахнуть меня.

Пэйтон поднял взгляд на человеческую женщину, которая обращалась к нему, и не сразу смог сфокусировать взгляд на ней... с другой стороны, тусовка в клубе «Голубой лед», в котором он часто тусил, была в разгаре, музыка гроыхала, а он раскурил полдюжины косяков прежде чем взяться за выпивку.

А, и еще голубые лазерные лучи вспарывали задымленный воздух, плюс он уже пару дней толком не спал.

— Ты слышал меня? — промурлыкала она.

Женщина была одета в облегающее белое платье из латекса с глубоким декольте, выставляющим напоказ изумительные груди, и высоким разрезом, открывающим ноги. Туфли с ремешками были с таким подъёмом, что казалось, будто она стояла на пуантах, а ее темные волосы были завиты и рассыпаны копной по плечам и спине до поясицы.

В ВИП-секции она была богиней, главным призом этой ночи, самой горячей и красивой телочкой, и она хотела его. Почему? Едва ли он поразил ее разговорами... они обменялись стандартным «привет-как-дела». Черт, он даже не знал своего имени...

Ее имени. Он не знал ее имени.

Нет, дело в его шикарном костюме. Туфлях из страусовой кожи. Том факте, что они со своей компанией зашли с черного входа — где не приходилось волноваться за обувь, испорченную снегом, или утомительную очередь. Также свою роль сыграла элитная выпивка за VIP-столом; то, с каким почтением к нему обращалась охрана; столы, которыми он разбрасывался при подаче напитков. Он не жалел денег, и она намеревалась использовать свои физические достоинства, чтобы запрыгнуть на денежный поезд.

И, хэй, он тоже весь в белом, поэтому да, их свела сама судьба.

— Давай замутим селфи, — сказала она, оседлав его ноги и достав телефон из сумочки, в которую мог втиснуться разве что айфон. Маленький, а не размером с лопату.

— Нет. — Он вскинул руку. — Никаких фото.

Захихикав, она убрала телефон.

— Хочешь сказать, ты — селебрити? Я тебя не узнала.

Она поймала его руку и отточенным движением уложила на свое бедро.

— Я с Манхэттена. Завтра у меня съемка у реки. Ненавижу холод. Жаль, что я не в Майами.

С этими словами женщина откинула волосы назад с отрепетированным выражением «О, как я недовольна своей гламурной жизнью... и как же мне мешают волосы».

Призыв к спариванию от клубной потаскушки.

И, как правило, в это время он начинал строить планы о минете в темном закоулке. Но сейчас, по неясной причине, он мог думать лишь о... *Если ты действительно хочешь быть сейчас в Майами, так прыгай в самолет. И, ради Бога, ты деньги отдала за накладные пряди. Если не хочешь, чтобы они закрывали твои сиськи, собери их в хвост.*

Когда она снова заговорила с ним, он четко осознавал, что это ощущение «не-на-своем-месте» было непривычным для него. Оглянувшись на свою компанию, он увидел троих вампиров в стандартных шмотках из мужской секции «Нейман Маркус», троица бездельников, мало чем отличающихся друг от друга: костюмы могли варьироваться в разных оттенках синего или серого, но фасон был один, зауженные брючины и узкие лацканы, а под пиджаками виднелись рубашки с ненавязчивым узором. Часы — не «Ролексы», нет, слишком дешево. Они от «Адемар Пиге» и «Юбло»^[69]. Грудные карманы набиты коксом или экстази. О, и в переулке их ждет

водитель — на время, когда их совсем развезет от всякой гадости. Никакого «Убер», что вы.

И эта цыпочка в белом латексе прекрасно все понимала.

Она также пришла с группой поддержки, подруги из ее курятника уже оккупировали его приятелей.

Так что да, не обижают никого.

Он без особого интереса сжал ее талию, чтобы узнать, что стало причиной резкого изгиба — «спанкс» или же диеты... и то, и другое, судя по очертаниям корсета. Она была слишком тощей на его вкус.

Ему больше нравилась фигура Ново. Сила. Мощь. Твердость.

Блин, это не может происходить с ним. Он напоминал шнур, выдернутый из сети, его выход в свет впервые в жизни был спровоцирован скукой, а не апатией.

Девочка встала с него одним плавным движением, вытягивая руки над головой, и повернулась к нему задом. Она оглянулась через плечо, и ее пухлые губы шевелились, словно она говорила что-то, может даже начитывала лекцию по астрофизике.

Один из его приятелей наклонился к нему.

— Ты всегда получаешь самое лучшее. Но я дышу тебе в затылок.

И, как доказательство, мужчина развернул девчонку, которую подцепил, будто припарковал R8 рядом с 911^[70] и сравнивал спойлеры двух тачек.

Пэйтон отвел взгляд... и голубой луч зарядил ему прямо в глаз.

По неясной причине, может, потому что от вспышки света вспыхнула мигрень, он подумал о своем отце. Когда Пэйтон пересек порог особняка, отец сразу же закатил невиданную истерику, подкрепленную фейерверком из серии «ты позоришь свой род». И, как и с этим представлением в клубе, он просто откинулся на спинку кресла и мысленно абстрагировался.

Он бросил отцу пару костей на заправку, а потом поднялся на верх — принять душ и переодеться. Три телефонных звонка — и вот он в клубе.

Сколько раз он поступал так?

Слишком много, не сосчитать...

Его подруга приземлила попку прямо на его ремень от «Гуччи» — кто-то из реперов пел об этом? — и начала ерзать.

Она была очень возбуждена. Он чувствовал по ее запаху.

Положив руки на ее бедра, он закрыл глаза и попытался проникнуться моментом.

***

Сэкстон какое-то время еще посидел в кухне Минни с кофейной чашкой, прислушиваясь к свисту ветра, просачивающемуся между щелей. Что он хотел на самом деле — это поговорить с кем-то, и в мыслях возникал лишь Блэй, но парень воспринял бы эти откровения как желание Сэкстона доказать, что он пережил трагедию и двигается вперед.

Есть в сексуальном влечении такая черта: его сила и мощь может создать иллюзию близости между двумя людьми. Когда тела тянутся друг другу, отчаяние и жажда требуют физического выражения, у мозга возникает желание подстроиться под тело путем создания мысленной и эмоциональной связи.

Таким образом, мнимой совместимости придается флёр глубокой внутренней связи.

На самом деле, не узнав человека, ты не знаешь его на самом деле. Как там говорят? Ты не знаешь партнера, не побывав в совместном отпуске...

Проверенный вариант — знать кого-то на протяжении лет десяти.

Но правда в том, что Ран тоже не знал его. Мужчина не был в курсе его отношений с Блэем,

проблем с отцом, его прошлым и его борьбе. А произошедшее в прошлом Рана? Это поистине ужасно, и Сэкстону было ненавистно, что мужчине пришлось пройти через это. Но он осознавал, что ему больше нравилась идея, что он оберегает скромного, застенчивого и чувствительного мужчину, что служит опорой и открывает ему новое в этой жизни.

Например, во время ужина он распланировал, куда еще хочет сводить Рана на ужин, попробовать вьетнамскую, тайскую, итальянскую кухни. И, несмотря на его обещание, все рестораны превышали возможности Рана в финансовом плане.

В своих мыслях он хотел предоставить ему возможность попробовать новые блюда и вкусовые сочетания.

Когда вытаскиваешь человека из скорлупы, очень важен контроль. Безопасность, потому, испытывая неизвестный и непривычный дискомфорт, он ищет в тебе опору.

А сейчас, когда Сэкстон стал свидетелем той драки, ему предстоит пересмотреть свои фантастические noblesse oblige^[71]. Нежный гигант пережил пытки и не нуждается в чьей-либо защите.

Уронив голову на руки, Сэкстон подумал... вау, хорошо, что люди не делятся тайными мыслями с другими.

Потому что подобную правду лучше держать под замком. Каким же придурком он был, тревожась о своих мелких психологических драмах, учитывая, что пережил этот мужчина. Десять лет в клетке? Убей или убьют тебя? Метки за убийство?

С Сэкстоном никогда не случалось ничего и отдаленно похожего, и было сложно осознавать, что прошлое Рана сделало их роман чересчур реальным.

«Я замараю свою честь, если буду лгать тому, в кого начинаю влюбляться».

К слову о храбрости. Сказать такое и на самом деле иметь это в виду?

Выругавшись, Сэкстон поднялся на ноги. Он не помнил, когда успел снять пальто, но обнаружил его на стуле рядом с тем, на котором сидел только что и смотрел в пространство.

Натянув его, он вышел в гостиную и посмотрел на камин, на плитки вокруг очага. Он попытался представить Минни и ее хеллрена, которые пересекли океан, отправившись в неизвестные земли, под открытым солнцем, без сбережений, и защищала их только любовь.

Это — храбрость.

Покачав головой, он вернулся на кухню и, включив сигнализацию на панели возле двери в гараж, закрыл глаза и попытался сконцентрироваться. В конечном итоге он смог дематериализоваться, потоком молекул проскочив через щель у двери.

Сэкстон принял форму за многие мили оттуда, в другом конце города, на заднем крыльце Дома для аудиенций. Он зашел через кухонную дверь, а его мозг, казалось, отключился. Вокруг сновали доджены, делая... одному Богу известно, чем они занимались... и он даже обменялся парой слов с кем-то из них. В духе вопрос-ответ.

А потом он прошел в свой кабинет. Король сегодня отдыхал, но у него все равно было много бумажной работы... также надо было разобраться с тем, что сообщил ему Роф по телефону...

Или это было в другую ночь? В прошлый раз?

Другой...

Садясь за стол, он уронил голову на руки и попытался вспомнить, когда и о чем именно шла речь. Но мысли путались, не было когнитивной карты, которая бы волшебным образом закрыла собой творящуюся в голове кашу и помогла вернуться к номинально нормальному функционированию.

Стук в дверь заставил его вскинуть голову.

— А. Привет.

В кабинет вошел Брат Рейдж, заполняя все пространство своей ослепительной красотой,

невероятными габаритами и мощной харизмой. Словно к нему для «поболтать» зашел Райан Рейнольдс^[72], Веселый Зеленый Гигант^[73] из рекламы замороженных овощей и дюжина мировых лидеров — все в одном флаконе.

— Хреново выглядишь, — сказал Брат, садясь напротив него. — Что происходит?

— О, да ничего. Тебе что-нибудь нужно?

— Да нет, на самом деле. Я принес Джорджу всякие жевательные вкусняшки. Только не рассказывай Фритцу, он взбесится. Так вот. Я проезжал мимо Petco^[74]... черт, да что с тобой творится? Я серьезно. На тебе лица нет.

Сэкстон подумал, с чего начать, и в голове начал раскручиваться клубок мыслей. Рейдж тем временем достал вишневый леденец из кожаной куртки и сорвал обертку.

— Приём? У тебя припадок или что? — Рейдж блеснул идеальной белой улыбкой, когда пропихнул леденец мимо клыков. — Позвать врача?

— На самом деле, что мне нужно... — Сэкстон прокашлялся. — Не знаю, могу ли обсуждать с тобой этот вопрос.

Он не хотел ставить под удар отношения Битти с ее приемными родителями и Раном. Но к кому еще он мог обратиться?

— И я не хочу, чтобы этот разговор повлиял на что-то, — добавил он.

Рейдж пожал плечами.

— Ну, учитывая, что я не знаю, о чем ты хочешь поговорить, то не могу ничего обещать. Но я ровно отношусь к любым провокационным темам. Черт, я лучше всех выношу Лэсситера. Ну, ладно, лучше Вишеса — это факт. Хм, так себе показатель. Так в чем дело?

— Речь пойдет о Ране.

Рейдж отбросил показное легкомыслие.

— Что с ним?

— В частности, о его прошлом.

Брат мигом переменялся, подался всем телом вперед, прищунив глаза и раздавив леденец коренными зубами.

— Что именно?

Взяв ручку из держателя, Сэкстон затеребил ее в руках, проворачивая колпачок. Снял его. Надел обратно.

— Я знаю, что Фьюри и Вишес отправлялись туда. — Сэкстон поднял взгляд. — В дом его бывшего работодателя. Узнали о его прошлом.

— Да.

— Ты тоже в курсе, что с ним случилось.

Повисла пауза.

— Да. Бойцовский ринг. Но откуда ты узнал об этом? Мы не распространяемся об этом из уважения к нему.

— Он рассказал мне. — Сэкстон покачал головой. — Не представляю, как можно пережить нечто подобное.

Рейдж откинулся на спинку и бросил взгляд поверх стола, его небесно-голубые глаза были такими яркими, что их свет мог отбрасывать тени.

— Могу я задать личный вопрос?

— Конечно.

— Ты думаешь о том, чтобы встречаться с ним? — Когда Сэкстон напрягся, Брат пожал плечами. — Хорошо, если так. В смысле, я же знаю, что у него нет женщины, и он никогда не состоял в браке.

— Я не знаю, что ответить на это.

— Но ты хочешь знать, не убьет ли он тебя во сне, верно? — Когда Сэкстон охнул, Рейдж вскинул руку. — Мэри оценивала его психический профиль. Ну, когда Битти пригласила его жить с нами, мы более чем хотели этого... алло, он же ближайший родственник нашей дочки. Но учитывая, что в доме живут Роф, Бэт и Роф-младший, мы не могли рисковать. Мэри провела с ним устные тесты, ведь он не умеет читать. Он прошел все обследования. Среднестатистический типаж, без психозов. Она сказала, что у него, естественно, полно проблем с ПТСР^[75]. В смысле, после всего, через что он прошел, разве может быть иначе? И, не знаю... после сегодняшней ночи? Когда он напал на тех людей? Наверное, ему не стоит заниматься твоей охраной.

— Действительно.

— Он — хороший мужчина. Я доверяю ему. Тебя, как правило, нет рядом, когда он общается с Битти, но тебе стоит понаблюдать за ними. Каждый день перед тем, как она отправляется спать, они поднимаются вместе наверх. В ее комнате стоит стол для сбора мозаик. Они сидят там и собирают пазлы... честно говоря, эта хрень сводит меня с ума. К слову о психозах. Алло, сидеть с восьмью миллионами кусочков, которые невозможно взять пальцами, пытаясь подобрать их по цвету... что-то я отошел от темы. — Он раздавил леденец и начал жевать. — Они обожают пазлы. И в процессе Ран всегда тихим голосом рассказывает ей истории из жизни ее мамэн и бабушки с бабушкой. Каково это — взрослеть... он выстраивает картинку потрясающей жизни. В деревне, игры на улице, кони и овцы, мамэн и отец, которые так сильно любили Рана и его сестру. Это бесценно. На самом деле. — Рейдж рассмеялся. — И, только подумать, больше я не слышал, чтобы он где-то разговаривал.

Сэкстон кивнул.

— Я рад, что между ними установилась связь. И да, исходя из того, что я видел, они очень близки.

— Ран мне как сын. Без преувеличения.

— Я просто не ожидал... ну, не ожидал, что он мог пережить такое.

— Никто бы не подумал. — Рейдж забросил белую палочку с розовым кончиком в мусорку. — И, слушай, я уже поговорил с Мэри о том, что произошло сегодня. Она зайдет к Рану. Посмотрит, нужна ли ему регулировка, образно выражаясь. Она сильно помогла Зи с его проблемами, поэтому, трагично, но у нее достаточно опыта в работе с травмами.

— Я не осуждаю его. — Сказав это, Сэкстон поймал себя на том, что оценивает правдивость своих слов... и от этого почувствовал себя скверно.

— Хорошо. Потому что ты не должен. И ты не должен бояться его. Все заслуживают второго шанса. Я — тому доказательство.

— Ты прав. И он не напрашивался на это.

— Справедливо.

— Мне горестно при мысли об этом.

— Так почувствует себя каждый, кому доведется услышать его историю.

Будет ли мое сердце в безопасности с ним? — спросил себя Сэкстон.

И, если быть честным с собой, он бы задал этот вопрос вне зависимости от личности партнера.

— Хотел бы я видеть будущее, — пробормотал он.

— Иногда такое умение бы пригодились в жизни. Жаль, что не могу помочь тебе чем-то большим.

— Спасибо. — Сэкстон улыбнулся. — Ты джентльмен, несмотря на внешнюю несерьезность.

— Не, с этим ты поторопился.

Спустя мгновение Брат поднялся и вышел, оставляя Сэкстона наедине со своими мыслями.

Сэкстон подошел к архиву и, опустившись на корточки, прижал большой палец к сенсорной панели, открывая замок. Там хранились материалы, касающиеся Братства Черного Кинжала и их семей, и он быстро нашел документы по удочерению Битти.

Достав файл, он перевернул обложку и быстро пролистал до последней страницы, где Ран «написал» свое имя.

Мужчина нарисовал автопортрет на строчке, где должна стоять подпись.

Сходство было поразительным, таким реалистичным, что Сэкстон скользнул пальцем по контурам его щек, и мог поклясться, что почувствовал тепло его кожи.

По неясной причине, он подумал о Блэе и Куине. Насколько он понял, Блэй всегда заботился о своем партнере, присматривал за ним, убеждаясь, что он максимально стабилен. Таким образом он выражал свою любовь еще до того, как были сделаны вербальные признания.

Чем дольше Сэкстон смотрел на рисунок, тем больше осознавал, почему Ран оказывает на него такое влияние.

У него были все шансы влюбиться в этого мужчину.

И значит, ставки очень высоки. Он знал слишком хорошо, какова на вкус безответная любовь. Их отношения? Имели еще больший разрушительный потенциал.

Ново сочла трость за громадное улучшение. Да ладно, по сравнению с инвалидным креслом?

И это также значило, что она пропустила стадию с ходунками.

Вышагивая по коридору учебного центра, она придерживалась черепашьей скорости, ноги в больничных тапочках для душа шаркали, почти не отрываясь от бетонного пола. В помещениях царил тишина, Братя были где-то в другом месте, ученики разошлись по домам, в клинике не было пациентов, не считая...

Из палаты, где держали того сумасшедшего, вырвался обезличенный вопль, похожий на сквозняк в воздухе — невидимый и вызывающий мурашки.

Ново прошла дальше. Она проходила этот путь каждые десять минут, хотя доктор Манелло говорил про раз в час. Но, серьезно, повторяя снова и снова, она добьется улучшения средней скорости... если, конечно, забудет на двухнедельное расписание.

Ему нужно было уточнять.

Подойдя к двойным дверям в спортзал, Ново заглянула в окно, перетянутое металлической сеткой. Она не могла дождаться, когда сможет вернуться к спаррингам.

Она двинулась дальше, опираясь на трость для равновесия, шаткость скорее указывала на проблемы с вестибулярным аппаратом, чем с сердцем. Они даже сняли с нее капельницу, хотя заставили надеть холтеровский монитор^[76], чтобы убедиться, что сердце работает как часы.

Ново оглянулась назад, и ее комната, казалось, располагалась в нескольких милях. Но, черт с ним. Она пошла дальше. В итоге, спустя сто пятьдесят лет, она добралась до дверей в бассейн.

Там кто-то был.

Жажда чужого общества была также незнакома ей, как и физическая слабость, и последнее наверняка только усиливало первое; прежде чем Ново поняла, она уже заходила в небольшой предбанник и топала по плитке, как старушка.

В носу защипало от запаха хлора, а тепло и влажность воздуха напомнили о летней ночи...

Плеск воды. И голоса.

Осознав, что в бассейне был не один человек, она едва не повернула обратно. Но потом она увидела Элену у края бассейна, медсестра сидела на корточках и побуждала кого-то к плаванию.

— О, Ново, привет! — Женщина помахала ей. — Иди к нам!

Ново проверила, чтобы две больничные сорочки, повязанные на скорую руку, прикрывали весь ее срам, а потом, стуча тростью, подошла ближе. Покрытая плиткой область, опоясывающая бассейн олимпийских размеров, была сухой, можно было не бояться падения, а жар и влажность помогли ослабить боли, оставшиеся в ребрах.

— Лукас, привет, — сказала она мужчине, повисшем на бортике.

— Добрый день, — раздался хрип в ответ.

Его худые, деформированные руки с отсутствующими пальцами цеплялись за край словно когти, хрупкое тело зависло в воде, оставшаяся нога медленно бултыхалась.

Он был таким бледным, и Ново отвела взгляд при виде резких линий его ключиц, выступающих под тонкой кожей.

— Жаль я не могу присоединиться к тебе, — сказала она и села, опершись на трость.

— Да, с этим монитором, боюсь, тебе нельзя. — Елена улыбнулась. — Но тебя почти выписали. Завтра уже отпустят домой.

— Жду с нетерпением. — Ново скинула тапочки и спустила в воду сначала одну ногу, потому вторую. — Какое блаженство.

Движения Лукаса создавали волны, и Ново закрыла глаза, чтобы сконцентрироваться на воде, омывающей ее икры и ступни.

Она также не хотела, чтобы мужчина чувствовал на себе ее взгляд.

Исходя из того, что ей было известно, брат Куина был похищен во время набегов, и долгое время считался погибшим, как и вся его семья. Но правда оказалась намного ужасней. Мужчину нашли в цистерне в крови Омеги. Едва живого, и у него было столько сломанных костей и даже отсутствовали некоторые части тела, что его не положили на медицинскую тележку — буквально вытряхнули на нее.

Хотя его спасли уже давно, он все еще жил в клинике, не мертвый, но и не живой. Куин часто навещал его, но в их встречах не было радости, смеха и радужных перспектив. И молодого человека, который когда-то вел роскошную жизнь, такая реальность угнетала.

— Хорошая работа, — сказала ему Елена. — Ты разогрелся, поэтому перейдем к рукам.

— Ладно.

Раздался плеск, а потом медсестра направляла мужчину, когда он тянул мышцы и пересекал брасом неглубокий участок бассейна.

Лукас был полностью сконцентрирован, словно его жизнь зависела от способности выполнить указания... и да, если он перестанет плыть, то непременно утонет, ведь на его теле не было ни грамма жира.

Она встречала его раньше в учебном центре, но никогда не думала, что у них будет что-то общее. Но вот они оба... разница лишь в том, что она поправится, а для него была велика вероятность, что он навсегда останется в пограничном состоянии — не здоровый, но и не мертвый: к завтрашней ночи она уже будет нормально ходить, а еще через сутки вернется в качалку, черт возьми. Лукас же, с другой стороны? Сложно представить его в другой форме.

— Я пойду, наверное, — сказала Ново, берясь за трость и поднимаясь на ноги.

— Я рада, что ты зашла к нам, — Елена махнула рукой. — Дай знать, если что-то понадобится.

— Спасибо... Лукас, поговорим еще при случае. — Ново помахала ему. — Береги себя.

— Ты тоже, — донесся хриплый ответ.

Мужчина не взглянул на нее, и она с радостью ушла. Было сложно находиться в компании кого-то в столь уязвимом состоянии, когда сам чувствуешь себя прекрасно. Начинаешь задумываться, почему именно тебе повезло в Лотерее Жизни.

Учитывая важность всего, что стояло на кону, ты частенько задумываешься об избирательном характере удачи.

Вернувшись в коридор, она задрожала при относительном холоде, и в палату вернулась без задних ног. Словно марафон пробежала.

У койки она повесила трость в изножье и затащила себя на матрас. Чувство одиночества накрыло ее словно ядовитое облако, и она была слишком уставшей, чтобы бороться с этим...

На столике, на котором она обедала, зазвонил ее мобильный, и Ново повернула голову на звук. Телефон лежал экраном вниз, и ей совсем не хотелось смотреть, кто это. Она и так знала. Ее мамэн и сестра ясно дали понять, что девичник или как там называется эта бесовщина, намечен на завтрашний вечер, а Ново ни черта не приготовила.

Но, да ладно. Благодаря Софи они уже зарезервировали место. Что там еще нужно... ааа, точно, орденская лента, корона, скипетр и перьевые боа, чтоб им провалиться.

Стандартное инстаграмное дерьмо.

Да, ведь если не создаешь «моменты», подтверждающие фееричность твоего существования, то и не живешь вовсе.

Вскинув руку, она взяла телефон и перевернула...

Ново резко села, отвечая на звонок.

— Опять ты.

Да, ее тон был далек от дружелюбного. На самом деле, в нем звучала нотка нытья, поэтому она буквально напрашивалась на затрепину.

Голос Пэйтона звучал приглушенно.

— Привет.

На заднем фоне было полно шума. Он в клубе. Ну конечно.

Но звонил ей.

— Чем ты занимаешься, транжира? — протянула она.

Уже лучше, подумала она. Да, именно так она хотела звучать. Больше похоже на нее прежнюю... ее привычную, исправила она себя.

— Все тоже дерьмо, изо дня в день.

— Тогда почему не трахаешь случайную цыпу в подсобке?

— Был такой вариант.

— И ты отказался? Чувствуешь себя неважно, да?

— А ты чем занимаешься?

— Нарезаю круги по коридору. Потом займусь физикой элементарных частиц, отожду пару «Приусов»^[77] от груди, и почитаю томик Шекспира. Дел невпроворот.

Его смех был приятен слуху.

— Не против компании?

— В зависимости.

— От чего?

Она окинула взглядом полупустую комнату.

— Не знаю, — тихо ответила она.

— Мне одиноко.

— Ты тусуешься с теми парнями? Мудозвонами, одинаковыми на лицо?

Он засмеялся.

— Да.

Она приставила телефон к другому уху.

— И окружен человеческими женщинами, верно? Горячими телочками, с навыками глубокого минета и с достаточным количеством силикона, чтобы считаться инертной молекулой?

— Так точно.

— Тогда почему ты звонишь мне?

— Потому что я бы предпочел быть с тобой.

Ново закрыла глаза.

— Похоже, ссора с отцом нехило тебя задела.

— Дело не в нем.

— Уверен в этом? Лично я сомневаюсь.

— Так, что скажешь? И я не намекаю на секс.

— Хорошо. Потому что я передвигаюсь с тростью и чувствую себя сексуальной, как микроволновка.

— Ладно, краткий экскурс по теме: микроволновки очень даже горячие. Ну, это же их предназначение. Ведь иначе не разогреешь пиццу, плюс, откуда, по-твоему, взялось название «горячие конвертики»^[78]? Без микроволновки они бы назывались «Конвертики Комнатной Температуры», какая ересь.

Ново рассмеялась.

— Ты — псих.

— Смысл в чем: если хочешь сказать, что не чувствуешь себя сексуальной, то используй другую метафору. Например... я чувствую себя сексуальной, как флакон «Тамс»^[79]. Ведь они избавляют от изжоги и...

— Заткнись уже и вызови автобус.

Она улыбалась, вешая трубку. А потом без всякой на то причины... направилась в ванную — почистить зубы, умыться и переплести косу.

***

Пэйтону потребовался час, чтобы добраться до учебного центра, и когда он, наконец, вышел из автобуса, то понял, что едва ли не бегом несется в комнату Ново. А подойдя к ее двери, он пригладил волосы и убедился, чтобы костюм был застегнут должным образом.

Открыв дверь, он застыл на пороге.

Ново спала как убитая, голова наклонена в сторону, словно она пыталась дожидаться его и вырубилась. У нее убрали катетер, не считая нескольких проводов на груди, подцепленных к крошечному монитору, все остальное оборудование исчезло.

Он бесшумно закрыл дверь и сбросил лоферы, чтобы не топать. На полпути к кровати он снял пиджак. Уже возле Ново выдернул ремень, вытащил заправленную рубашку и снял запонки.

— Это я, — сказал он, аккуратно устраиваясь возле нее.

Ново что-то пробормотала во сне. Потом повернулась к нему и прижалась всем телом, подхихкивая к нему как пазл, ее аромат наполнил его нос, и Пэйтон ощутил, как его накрывает умиротворение.

Мысленно выключив свет, он закрыл глаза.

Тихое гудение вентиляционной системы над головой казалось самым приятным звуковым фоном на планете. А глубокий расслабленный вздох Ново заставил его почувствовать себя Суперменом.

— Ты пришел, — прошептала она ему в грудь.

— А ты проснулась.

Ново подняла голову. Ее взгляд был слабым и заспанным, густые ресницы почти лежали на щеках. А румянец подсказал ему, что она далека от сна.

— Да, я пришел. — Он смахнул прядь волос с ее лица. — Выглядишь восхитительно.

— Издеваешься?

— Нет. Никогда.

Позднее он попытается вспомнить, кто первым инициировал поцелуй. Это он прижался к ее губам? Или она к его? Может, они встретились на полпути?

Наверное, так и было.

Медленно, так медленно. Неспешно. Нежно.

— Забирайся под покрывала, — прошептала она.

— В одежде или без? — спросил он.

Пауза.

— Без.

Сердце гулко стучало в груди, когда он сел, и прежде чем продолжить, Пэйтон мысленно запер дверь на замок. Потом стянул рубашку через голову и бросил на пол. Стащил носки. Спрыгнул с кровати, вытащил ремень и расстегнул ширинку. Он прижал полностью возбужденный член к животу и повернулся.

Ново скинула больничную сорочку на пол.

Какое-то мгновение он мог лишь пялиться на нее. Она была изумительна: золотистая кожа сияла на фоне белых простыней и покрывал, упругие груди с сосками-бусинками, изгиб талии и плоский живот.

— Поможешь избавиться от этого?

Избавиться от чего? — задумался он.

— А, провода. Да, конечно.

— Просто отсоедини их от панелей.

Он окинул взглядом сенсоры, которые передавали данные на сердечный монитор.

— Уверена, что стоит?

— Мне разрешают снимать их во время душа. Все нормально. И доктор Манелло сказал, что это в любом случае ради перестраховки. Но сперва — забирайся на кровать.

С дрожью в руках, которую он не мог скрыть, Пэйтон скользнул на нагретое место рядом с ней. И он старательно держал дистанцию в районе бедер, хотя места катастрофически не хватало... но ему показалось грубым тереться о Ново, пока она снимает провода...

Ее соски были маленькие, розовые и такие идеальные.

И он хотел помочь ей снять провода, но вместо этого его пальцы накрыли грудь. Скользнули по гладкой коже. Она охнула, когда он дотронулся до соска.

— Я должен попробовать тебя, — хрипло сказал он.

Ново в ответ выгнулась, предлагая ему желанное, и, о, Боже... он накрыл горошину ртом, посасывая, облизывая. Ново запустила пальцы в его волосы, поощряя его... о, а этот запах. У него закоротило мозги от ее запаха.

Но он сдерживался.

Нетерпеливый, оголодавший, он все равно был на чеку.

И когда его рука запуталась в проводах, Ново оттолкнула его.

— Дай мне... подожди, остались слева.

Ново сняла последний, а потом улыбнулась ему, приподнимая уголок рта. — Постарайся игнорировать датчики.

Пэйтон посмотрел ей в глаза.

— Я вижу только тебя. Уж поверь.

Снова опустив голову, он потерялся о ее живот и поцеловал кожу в районе сердца. Послав мысленную молитву, он принялся за другой сосок, скользнув по нему языком, а потом вобрав в рот.

Его рука под покрывалом ласкала ее ноги и бедра. Ново была мускулистой и жилистой, такой сильной и мощной, и — срань Господня, невероятно сексуальной. И хотя он отчаянно хотел войти в нее, он не торопился, лаская ее, все больше возбуждая, пока она не заерзала ногами по покрывалам. Ее дыхание отчаянно вырывалось изо рта, а спина выгибалась волной вслед за движениями бедер.

Уже после он поцелуями поднялся к ее ключице, горлу... губам. Скользнув в ее рот языком, Пэйтон прошелся ладонью по внутренней стороне бедер, приближаясь к жару.

— Да, — простонала она в его губы. — О, Боже... да.

Он чуть не кончил от ощущения ее влажного лона, такого открытого и готового для него. Но ее удовольствие было важнее. Сдерживаясь, он вошел в нее и подобрал ритм, лаская при этом большим пальцем. Когда она кончила, он проглотил ее стоны поцелуями.

— Хочу тебя в себе, — потребовала она.

Ново обхватила его член рукой, и ей не нужно было просить дважды. Пэйтон перекатился на нее, когда она широко раздвинула ноги, освобождая для него пространство. А потом он отодвинулся, направил член под нужным углом и...

— О, черт, — простонал Пэйтон, проникая в нее головкой.

Он вошел глубоко, охрененно глубоко. И Ново была такой тесной, сжимала его как кулак. И она была горячей огня. Из прошлого опыта он уже знал, что так будет, но чтобы настолько хорошо... Потому что сейчас она тоже участвовала, жаждала этого не меньше.

Он отстранился, полностью выходя, и вошел снова. И еще.

Бедра хотели неистово вбиваться в нее, но он поддерживал медленный и уверенный ритм. Ново под ним же изнывала от нетерпения и даже вонзила ногти в его задницу, подгоняя.

Он не сменил ритм.

И был рад этому.

Потому что когда она снова кончила, он смог ощутить каждый спазм вокруг своего члена...

Оргазм подступил к нему со спины, обрушив на голову тонну кирпичей, отбрасывая его в океан удовольствия, из которого не было спасения.

Он хотел продержаться дольше. Но выплеснувшись в нее и уткнувшись головой в благоухающую кожу ее шеи, он не мог сказать, что жалел об этом.

Разве он мог?

Ему никогда и ни с кем не было так хорошо.

Когда Ран вернулся в гостевую комнату особняка Братства, то закрылся внутри и окинул взглядом изящный декор. Все было таким красивым, начиная от обоев, которые точно были шелковыми, до антикварных шкафов и стола, кровати с балдахином, казалось, из той же плотной ткани, что покрывала стены.

Он всегда думал, что эта комната подошла бы Королю.

Он никогда не чувствовал себя комфортно под балдахином, среди мягких подушек и покрывала с узором... его даже посетила грешная мысль спать на прикроватном коврике, накрываясь одеялом. Но он боялся, что прислуга, убиравшаяся в его комнате ежедневно, расскажет об этом остальным, и хозяева будут гневаться.

Подойдя к гардеробу, он распахнул двери, и при виде бесконечных рядов с пустыми вешалками и обувных полок, его охватил очередной приступ под названием «Мне здесь не место». Его две-три футболки, пара джинсов и рабочие ботинки лежали справа. Свитера и брюки, которые подарили ему Битти, Рейдж и Мэри во время празднования человеческого праздника, Рождества, казались ему... слишком чересчур, когда он распаковывал подарки. И в этом большом гардеробе они так же терялись.

Он разделся и сложил свои вещи в корзину с крышкой.

Ему нужно привыкнуть, что стиркой занимаются другие. Вначале он всеми руками и ногами бился за то, чтобы Фритц и персонал оставили его вещи в покое, чтобы он сам заботился о стирке, но в итоге пришлось уступить.

Ран не смог вынести слезливое выражение лица дворецкого, которому отказали в работе.

Зайдя в ванную голышом, Ран подумал о том, чтобы оставить свет выключенным, но он должен был увидеть лично, насколько сильно он ранен...

— Ого.

Подойдя к огромному зеркалу над двумя мраморными раковинами, он покачал головой.

— О... Боже.

Лицо выглядело плохо. Очень плохо. Одна половина затекла и казалась искривленной, и, подавшись к зеркалу, он аккуратно прощупал синяки. Ответная боль сообщила, что, скорее всего, Сэкстон был прав: скула могла быть сломана, и возможно ему стоит показаться целителю.

А еще разбитая губа.

— Может, душ все исправит.

Он не знал, к кому обращается.

Направившись к стеклянной кабинке, он открыл прозрачную дверцу и включил воду. Наличие шести душевых насадок всегда казалось ему смехотворной роскошью... но впервые оказавшись под струями воды, он перестал жаловаться.

И тем более он не станет сетовать на них этой ночью.

Тело болело в разных местах, и он зашипел, когда вода попала на сбитые костяшки. Левая рука ныла, но он не пытался выяснить причину боли. Для этого придется проиграть в голове весь бой, а он хотел притвориться, что ничего страшного не произошло.

Ран воспользовался мылом и шампунем, игнорируя кондиционер; он не понимал, зачем люди моют голову, чтобы сразу же намазать волосы чем-то еще. Потом он вышел из душа, вытерся и попытался уговорить самого себя не ходить в клинику.

Но аргумент в виде Битти решил все за него.

Если она встретит его в таком виде, побитого? Или что-то срастется неправильно, и его лицо останется деформированным? Она может подумать, что он остался тем монстром, каким

был когда-то.

Он этого не переживет.

Вернувшись в шкаф, Ран взял свежую пару джинсов, чистую майку «Хайнс» и синий свитер, который подарила ему Битти.

Он носил этот свитер, когда требовалась удача. Прилив сил...

Раздался тихий стук в дверь его спальни, который не нес в себе ничего хорошего. Может, его племянница увидела пикап, припаркованный во дворе среди других автомобилей?

— Кто там? — спросил он.

И после паузы короткое:

— Я.

Услышав голос Сэкстона, Ран застыл от шока. Но потом мгновенно перешел к действиям и рванул к двери.

Открывая панель, он обхватил ручку с такой силой, что заныло предплечье.

— Привет.

— Уделишь мне минуту? Наедине?

***

Почувствовав, как Пэйтон замер на ней, Ново сама застыла. Этого не должно было произойти... речь не столько о сексе, хотя она удивила саму себя тем, что хотела его, несмотря на адское утомление. Нет, она не хотела именно такого секса.

Траха. Она всегда хотела яростного траха, от которого стучат зубы, а кровати ломаются в щепки, после которого болит все тело, словно ты побывал в автокатастрофе.

Но не такого, не нежного.

Первый вариант включал физическую нагрузку и агрессию, и потому было проще держать оборону. Но то, что они с Пэйтоном только что делали? Слишком близко. Слишком... интимно.

— Что случилось? — спросил он.

Когда Пэйтон отстранился, она избегала смотреть ему в глаза.

— Ничего. Все в порядке.

Спустя мгновение он вышел... и телу сразу же стало не хватать его, и Ново возненавидела себя за это. Это чувство пустоты ей также ни к чему.

— Знаешь, — сказал он через пару секунд ровным голосом. — ...рано или поздно тебе придется определиться в своем отношении ко мне.

Укол совести заставил ее быть более откровенной, чем она могла себе позволить в обычное время.

— Дело не в тебе. Честно.

— О, Боже, эта фраза. — Бросив ей сухую улыбку, Пэйтон скинул ноги с кровати. — И знаешь, я тоже говорил их. Эти слова.

— Не всегда.

— Ну, как правило — да.

Повисло долгое молчание, и Ново пытался удержать свой взгляд и не смотреть на его плечи и торс. Он прибавил в мускулатуре, и ему это шло. И торс — не единственная часть тела, отличавшаяся размерами.

Она закрыла глаза, когда по телу пронесся огонь, напоминая вспышку на солнце.

— Ты нравишься мне, — услышала она себя. — Я просто... не так хороша в отношениях.

Он оглянулся через плечо.

— Иииии эту фразу я также использовал! Слушай, верни мне мой сценарий.

— Это правда.

Покачав головой, Пэйтон сосредоточился на полу.

— Нет, на самом деле, это чушь. Про кого можно сказать, что он хорош в отношениях? И, по-твоему, именно туда мы и катимся? Подожди, не отвечай... ведь сейчас все в прошедшем времени, да?

Ново села.

— Пэйтон, я серьезно.

— Да, меня так зовут. И да, не сомневаюсь в этом. — Встав с кровати, он начал натягивать брюки. — Ничего страшного. Пофиг, ты же знаешь. Я не стану давить на тебя.

— Я просто ничего не хочу.

— Это очевидно. Хотя, наверное, я должен чувствовать себя польщенным, раз ты так боишься меня. Это льстит мне. Но, скорее всего, ты выдаешь эту речь только тем, у кого есть хоть маленькая, но возможность забраться под твою непробиваемую скорлупу. Внеси меня в очередь на клубный значок, хорошо? Наверняка это будет средний палец на фоне символа феминизма, но уверен, я подберу для него пиджак.

Ново смотрела на Пэйтона, перебирая нужные слова, но только в своих мыслях: «Я потеряла ребенка. После того, как мой мужчина ушел от меня к моей сестре... и Софи взяла его только чтобы доказать, что она победила. Я в одиночестве пережила выкидыш в пустом холодном доме, и поклялась себе, что никогда больше не свяжусь ни с кем в эмоциональном плане».

«А потом появился ты, и на какое-то время я повесила на тебя ярлык богатенького мудака... пока ты не пообещал мне, что никогда не причинишь мне боли, а потом ты занялся со мной любовью вместо того, чтобы просто трахнуть».

«А сейчас я бегу от тебя, потому что не хочу повторения истории».

Так, ладно, лучше ей сказать это вслух, а не проговаривать про себя. Но она не могла перешагнуть эту пропасть. Не могла открыть рот и назвать ему все причины, почему она не пустит в сердце не только его, а в принципе никого другого.

— Я пойду, — сказал Пэйтон. — Прежде чем ты бросишь мне еще одну фразу из моего арсенала. Скорее всего, это будет «мне очень жаль, но сейчас мне нужно выспаться, ведь завтра рано на «работу»... хотя, в моем случае это было откровенной ложью, по крайней мере, до вступления в программу Братства. Но, что есть, то есть.

Наклонившись, он подобрал носки и затолкал их в карманы брюк. Надел рубашку. Пиджак. Лоферы, сначала левый, потом правый... они сделаны из страусовой кожи? Руками расчесал волосы. Подобрал запонки.

Он добавлял все больше и больше одежды на свое ранее обнаженное тело, ускоряясь в процессе, его уход напоминал поезд, набирающий скорость.

— Ну, еще увидимся. — Пэйтон помедлил у двери. — И я прекрасно тебя понял, окей? Я оставлю тебя в покое, особенно сейчас, когда ты вернулась в норму.

Он бросил ей эталонную улыбку с обложки журнала, нахальную, открывающую белые, идеально ровные зубы.

— Береги себя.

Он стукнул по дверному косяку как судья, выносящий приговор, а потом исчез так, будто его вообще здесь не было.

В тишине комнаты Ново убеждала себя, что это к лучшему. С ним было слишком хорошо. Слишком часто он забирался за ее щиты. Он был тем самым элементом неожиданности, который она не хотела видеть в своей жизни.

И лучшего ухода нельзя было представить. К следующей их встрече — а это будет ночь субботы — она навесит на него нужные ярлыки, и все будет в порядке.

Иного не дано.

Стоя в дверном проеме в спальню Рана и дожидаясь ответа, Сэкстон сделал глубокий вдох, чувствуя в воздухе комбинацию мыла и шампуня, которым пользовался мужчина.

— Прошу, — сказал Сэкстон.

— Заходи.

Первая мысль после того, как он вошел внутрь, была о том, что интерьер совсем не подходил Рану. Не то, чтобы комната была уродливой или с плохим декором. На самом деле, она изящным образом воплощала его представления о нео-монархизме, повсюду дамаст, шелк и позолота к месту. Темно-синий цвет был прекрасен и отлично гармонировал с картинами Старых Мастеров и сусальным золотом, но чувствовал ли Ран себя комфортно в этой комнате? Она была слишком вычурной и претенциозной.

Фермерский дом Минни был не в пример лучше, все выполнено своими руками, практичное, с четкими линиями и деревом, которое долгие годы собственноручно полировали воском, а не покрывали слоями лака.

— Мне оставить дверь открытой? — спросил Ран.

Сэкстон оглянулся через плечо.

— Нет. Прошу, закрой ее. Спасибо.

Послышался тихий щелчок, а потом Ран встал сбоку от панели, сложив руки в замок перед собой, опустив плечи.

Чем напомнил Сэкстону первое посещение дома Минни, когда они сидели на ее диване, и мужчина пытался казаться меньше, чем он был на самом деле.

— Я просто хотел сказать тебе, что... — Сэкстон хрипло рассмеялся. — Знаешь, будучи адвокатом, слова для меня — это хлеб насущный, но я с удивлением понимаю, что лишился дара речи.

— Я подожду, — сказал Ран. — Сколько нужно.

Оказавшись у кровати, Сэкстон остановился и с удивлением осознал, что все это время выписывал круги по комнате. Повернувшись, он начал:

— Прости за мою реакцию — я казался невероятно шокированным произошедшим. И я прошу извинить меня, если заставил тебя думать, что мое мнение о тебе изменилось каким-то образом. Я также хочу сказать, что считаю себя трусом.

Брови мужчины взметнулись вверх.

— Я... не понимаю.

Сэкстон подошел к изножью кровати.

— Я могу присесть?

— Да. Конечно. Этот дом в большей степени твой, чем мой.

— Это неправда, но сейчас не стоит спорить об этом.

Сэкстон посмотрел наверх, на балдахин, очертил взглядом ткань, спускавшуюся по четырем столбикам. Господи, словно Таллула Бэнкхэд^[80] оставила им свои платья из сороковых.

Он перевел взгляд на мужчину.

— По сравнению с тобой я — трус.

— Потому что остался в грузовике, когда на нас напали те люди?

— Нет, потому что... — Он сделал глубокий вдох. — Я любил другого. Я сказал «любил», потому что глубина моих чувств не нашла ответного отклика и какое-то время мне пришлось мириться с этой реальностью. Это было так сложно.

Ран моргнул.

— Мне... мне жаль. Наверное, это тяжело.

— Да, — тихо ответил Сэкстон. — Тяжело, когда постоянно напоминают о том, что я хотел иметь, и сложно не чувствовать себя ущербным, даже если осознаешь, что твоей вины в этом нет... сердцу не прикажешь. — Он пожал плечами. — И, знаешь, не я первый, не я последний, кто страдает от этого.

Ран скрестил руки на груди и уткнулся взглядом в пол.

— Это кто-то из домочадцев?

— Да.

— Кто?

Сэкстон помедлил.

— Блэйлок, сын Рока. — Не получив реакции, он вздохнул. — Это Блэй. Это был Блэй.

Ран молчал какое-то время.

— В настоящий момент я испытываю ревность к этому мужчине.

— Ты такой честный. — Сэкстон покачал головой в восхищении. — Я изумлен тем, насколько открытым ты можешь быть.

— Это хорошо или плохо?

— Я обожаю это качество в тебе. Эта черта почти также привлекательна, как и твоя улыбка.

Мужчина поднял глаза. Покраснел. Отвел взгляд.

— Блэйлок — очень красивый мужчина. И очень добрый.

— Он также воин. Такой же, каким был ты сегодня ночью.

Ран нахмурился.

— Ты пытаешься убедить меня не чувствовать себя виноватым за свое прошлое?

— Да, не могу ничего поделать. После нашего прощания я не мог думать ни о чем другом. Мне ненавистно, что ты чувствуешь свою вину в пытках, которым тебя подвергли. Ты был жертвой.

Мужчина скрестил руки на груди, словно собираясь с силами.

— Я не хочу больше говорить об этом.

— Никто не заставляет. Но я думаю... ты был честен со мной, и я хочу быть честным с тобой. Мое сердце было разбито, и я никогда не думал, что оно снова начнет биться для кого-то другого. Кажется, я верил, что Блэй сломал во мне что-то жизненно важное. Что я навсегда изменился. А потом я встретил тебя.

Ран вскинул голову, его глаза округлились.

— Я помню, как впервые увидел тебя. — Сэкстон улыбнулся. — Это произошло на твоей встрече с Рейджем и Мэри по поводу удочерения Битти. Я не мог оторвать от тебя глаз.

— Я думал, дело в том, что ты не доверяешь мне или презираешь. Я всегда... когда ты смотрел на меня, я считал...

— Ты очень привлекательный мужчина. Но я решил, что ты традиционной ориентации.

— Ну, раньше я никогда не думал об ориентации. Я всегда считал, что женщины — это единственный... вариант. До нашей встречи.

Сэкстон снова улыбнулся.

— Предупреждаю заранее... думаю, что могу влюбиться в тебя. Я и представить не мог, что когда-нибудь кому-нибудь скажу это снова. Но, правда такова, что я хочу узнать, к чему приведут наши отношения. Если тебе это вообще интересно. Ты проявил храбрость, рассказав о своем прошлом... я тоже хочу быть храбрым.

На щеках Рана выступил изумительный румянец... и его застенчивая радость показала Сэкстону, что он поступил правильно.

Невозможно взлететь, не совершив прыжка.

Никому не дано знать, каким будет результат. Но он хотел начать путешествие. Он хотел покинуть Колдвелл и вырваться из порочного круга, в который загнал себя.

С Раном его тоже ждало путешествие.

— Да, — сказал мужчина. — Я бы тоже хотел это узнать.

— А сейчас я могу поцеловать тебя? — спросил Сэкстон.

***

Ран пересек комнату, чувствуя внутреннее преобразование. Казалось невозможным пересечь столь огромную эмоциональную дистанцию за пару шагов, но когда он подошел к Сэкстону, то чувствовал себя обновленным.

Немыслимо. Раньше мир казался ему серым и огороженным, но сейчас он видел линию горизонта под изумительным ночным небом, усыпанным звездами. И вся эта вселенная была заключена в мужчине с красивым лицом, который смотрел на него, сидя в изножье его кровати.

— Да, — ответил Ран, прикоснувшись к светлым волосам Сэкстона. — Ты можешь целовать меня, когда пожелаешь.

Но именно он наклонился и скрепил их губы в поцелуе. Такие мягкие, такие сладкие.... И он мгновенно затвердел в принципиально важном месте.

— Закрывать дверь? — спросил Сэкстон ему в губы.

— Да.

Один из них позаботился об этом, но Ран не понял, кто именно. А потом он опустился на колени, становясь между бедер Сэкстона. Он отличался высоким ростом, поэтому получилось удержать поцелуй, когда руки потянулись к одежде, которую было необходимо снять: пиджак, рубашку...

Он помедлил, добравшись до ширинки брюк.

Сэкстон тоже был возбужден, плотный ствол его эрекции выделялся на фоне добротной ткани.

Поднимая взгляд, Ран наслаждался видом голой груди, плеч и ключиц.

— Я не знаю, как сделать это?

— О, Боже... знаешь, все ты знаешь.

— Ты хочешь, чтобы я..?

— Я кончу прямо в штаны просто при виде тебя между моих ног. Делай со мной все, что пожелаешь.

Ран улыбнулся и затеребил ширинку. Он не хотел повредить ткань... ну, на самом деле, он хотел сдернуть с него брюки, но не хотел уничтожать предмет одежды. Но брюки посодействовали ему. Они буквально растворились, являя взгляду черные боксеры... и эрекцию.

Сэкстон поднялся.

— Давай я.

А потом мужчина полностью обнажился.

Сногсшибательный — в голове крутилось одно слово, когда Ран прошелся руками по гладким бедрам к плоскому животу и бедренным косточкам.

А член был еще лучше. Напряженный, гордый, молящий о внимании.

Ран обхватил ствол. Теплый и твердый. И Сэкстон застонал, запрокинув голову так, что едва был виден подбородок.

Подавшись вперед, Ран открыл рот. Он думал, что будет немного неловко. На самом деле все вышло так, как и с сексом на кухне... вобрать его член в себя, посасывать, дразнить головку языком — это казалось самой естественной вещью на свете.

Когда Сэкстон рухнул на кровать, Ран последовал за ним. И наблюдал за тем, как почтенный, благопристойный адвокат Короля развязно выгибается... в преддверии близкой разрядки.

В которой Ран с радостью принял участие.

И не один раз.

А потом Сэкстон умолял о том, чтобы отплатить ему: Ран перекатился на спину, благоговейно наблюдая, как его самого раздевают. Светлая макушка опустилась вниз, и ощутив движение на своем члене, Ран выругался, сжимая покрывала. Сосредоточившись на балдахине над головой, он напрягся от удовольствия, так, что выступил пот...

Он не мог опустить взгляд. Не потому что стыдился или считал отвратительным.

Это было слишком сексуальным, слишком эротичным, красивое лицо Сэкстона и его широко распахнутые губы.

Он кончил Сэкстону в рот.

И до хрипоты кричал его имя.

В пятницу ночью Ново натянула свои кожаные штаны, застегнула ширинку и повернулась к зеркалу над раковиной. Черная майка напрашивалась на то, чтобы ее заправили. Волосы были собраны в косу. И через какую-то минуту она наденет военные ботинки.

Офигенное ощущение — снова почувствовать себя в своей тарелке. Восстановить силы. Перестать каждую секунду гадать, а не охватит ли ее сердце смертельная аритмия?

Очень жаль, что она готовится не к возвращению на поле боя.

Нет, нет. Речь о девичнике. Ю-ху.

Точнее: Ю-хууууу!

Но, алло, по крайней мере, она давно оправилась от операции и уже не ходит под себя. Сравнивая эти два события, прогресс, пусть и умеренный, на лицо.

Ну ладно, они шли ноздря в ноздю.

Но в этом сценарии ей нужно продержаться пару часов перед возвращением к реальной жизни. С ранением и последующей операцией она чуть дважды не склеила ласты, и пришлось несколько дней и ночей вытаскивать себя из царства ран и царапин.

Выходя в основную комнату, Ново подошла к месту хранения оружия — закрытому огнестойкому сейфу размером с маленький холодильник. Сейф — самое дорогое, что было в этой крысиной дыре: как только она вступила в учебную программу и получила первую стипендию, то сразу же вложилась в эту зверюгу. Меньше всего ей нужно, чтобы какой-нибудь залетный грабитель наткнулся на кучу стволов без серийных номеров, кинжалы, выкованные кузнецом-вампиром, и взрывчатку.

И, будем честны. Этот район — не из лучших в городе.

Ее жилье — обувная коробка сто на сто футов, которую она снимала в подвале дома без лифта, окон здесь не было, что гарантировало безопасность и запах плесени даже в зимнее время года. Но это здание было в собственности у вампира, что многое облегчало, а вишенка на торте? Это ее место.

У ее семьи даже не было адреса.

Скинув покрывало с сейфа — шикарный камуфляж ведь — она ввела код, открыла дверь и взяла девятимиллиметровые и короткий кинжал. Немного подумала... нет, один девятимиллиметровый. Чуть больше амуниции, и ее сестра рискует превратиться в швейцарский сыр.

О, стоп. Так это произойдет при любом раскладе.

Ново закрепила кинжал и пистолет на бедре таким образом, чтобы под одеждой они выглядели как мобильный телефон с одной стороны, и рация — с другой. Взяв кошелек и телефон, она накинула куртку и вышла в тесный холодный коридор. В самом конце располагалась дверь и короткая лестница, ведущая на первый этаж.

Ветер на улице вторил ее настроению — был таким же агрессивным и мерзким, и врзался в ее тело так, словно она ехала в метро, держась за верхний поручень, а вокруг толкались люди.

Перед дематериализацией она подумала о том, что Пэйтон не вышел на связь.

Именно этого она и добивалась. И все же он удивил ее. Ей было стыдно за то, сколько раз она осматривала свой телефон на предмет пропущенных и смс. Слава Богу, что она жила одна.

Что реально бесило? Ее раздражение на каждый звонок или сообщение не от него... что происходило каждый раз, как телефон попадал в ее руки. Она получила много сообщений: приглашение на день рождения от Пэрадайз; Бун спрашивал, не хочет ли она взять у него что-нибудь почитать?; Акс интересовался, не хочет ли она потренироваться?; Пэйтон молчал.

А, ну еще сестра, мать и их Предсвадебный Армагеддец.

О-М-Б, народ, я чувствую себя в разы лучше. Да, я едва не померла, но сейчас уже в норме, а вы оказали невообразимую помощь в моем выздоровлении. Спасибо! *напротив груди жест — сердце из двух пальцев* Люблю вас!

Господи, на фоне предстоящей ночи колотая рана кажется таким пустяком.

Завернув за угол здания, она нашла густую тень и дематериализовалась через весь город...

Святая. Мария. Проматерь эстрогена.

Как пловчиха в океане, окруженная косяком мелких рыб, она оглянулась по сторонам, но не потому, что не видела, как на нее надвигается большая белая акула с гнилой пастью; скорее в поисках спасательной шлюпки на горизонте.

Не-а. Никто не поможет, и еще больше акул — на подходе.

Место тусовки снаружи было розового цвета и подсвечивалось фиолетовыми лампами. Внутри, сквозь окна эркеров она видела кружевные занавески и плакаты в рамках с изображением Парижа. Куча круглых столиков и ярких, несочетающихся между собой стульев. Цветы. Чайные чашечки. Башни из закусок к чаю, хотя на часах уже восемь вечера.

Представьте смесь «Радужных коней»^[81] и «Семейства Кардашьян»^[82], и безглютеновая еда на закуску.

Удивляло одно — масштабы бедствия. Воздух внутри распирало от запаха сахарной пудры и топленого масла, но, как выяснилось, чайная комната — это только начало. За ней шел французский ресторан с ни капли не мужским баром, где подавали только «Космо»^[83], и танцевальной зоной, которая в жизни не видела такого явления как слэм^[84].

Ничего лучше этой ночью с ней произойти не могло: если исходить из модели инфекционных болезней, то никакая прививка не спасет от возбудителя Полианны^[85], поэтому спасет только изоляция.

Чем дальше в лес, тем страшнее, но декор оставался в детсадовских, розово-фиолетовых девчачьих тонах. Персонал также менялся в каждой зоне, по нарастающей: в передней зоне женщины были одеты в розовые платья в духе сороковых, с фартуками; в ресторане — мужчины и женщины вырядились в пин-ап стиле; и, наконец, охрана возле танцпола — эти шестидесятикилограммовые тросточки в футболках с экологическими лозунгами и бородами прямо как у Пола Баньяна^[86].

С другой стороны, эти парни вряд ли попросят кого-нибудь выйти, и уж тем более не выведут под руки. Приглашенные были в формате Софи, на восемьдесят процентов женщины-болтушки с такой активной жестикуляцией, что за их руками уследит не всякий профессиональный боксер.

Ново чувствовала себя мухой в чашке с вишисуазом^[87]... и когда она шла по ресторанной зоне, то привлекала столько же внимания. На нее смотрели все милашки в красивых платьицах, их взгляды варьировались от «кто пустил Вот Это сюда?» до «Господи помилуй!», в зависимости от уровня стервозности по шкале «Дрянных Девчонок»^[88].

Она нашла сестру среди своих единомышленников-интеллектуалов за рядом столов, выставленных у танцпола.

Их было достаточно, за дюжину — ничего удивительного. Королеве нужна свита.

Когда Софи увидела ее, то сразу окинула взглядом расположение мест за столом. Потом посмотрела на девушку, сидевшую у правой руки, словно набираясь сил. Когда женщина, очень похожая на старую-добрую Линду Картер^[89], кивнула и сжала ее плечо, Софи отложила салфетку на стол и поднялась.

Ее улыбка была яркой и фальшивой как вставная челюсть.

Она словно обняла пуховку для пудры, и когда отступила назад, цветочный аромат парфюма ры задержался на коже ее куртки, словно ее макнули головой в клумбу с лилиями.

Ново посмотрела в конец стола. Там осталась пара свободных мест, и Ново могла порить, что это сделано специально.

Позоришь себя, Софи, — подумала Ново, направляясь к дурацкому стулу.

— Ну, что скажешь?

Озвучив вопрос, Сэкстон посмотрел поверх ресторанного столика на Рана: мужчина ленно жевал и выглядел так, будто пытался понять диалект языка, с которым он был знаком гольку-поскольку.

— Изумительно, — заявил он, проглотив. — Скажи еще раз, как это называется?

— Курица тикка масала.

— А это?

— Чесночная лепешка наан.

— Все ли вам нравится? — подошедший официант обратился к ним голосом с прекрасным, восточным акцентом.

— О, да, — ответил Ран. — Можно мне еще одну порцию этого? И риса?

Мужчина поклонился.

— Сию секунду, господин.

Сэкстон улыбнулся про себя. И все еще улыбался двадцать пять минут спустя. А Ран заказал третью порцию.

Он был аккуратным едоком, неряшливость и небрежность в обращении со столовыми приборами и руками — это было не про него, и он постоянно вытирал губы салфеткой. Он еще задавал правильные вопросы.

— И как поступил отец? — спросил мужчина.

И в свете свечи, стоявшей между ними, он был невероятно красивым, его глаза блестели, на щеках играли тени от пламени на фитиле. Уставившись на его губы, Сэкстон вспоминал, как они провели день в обнимку в подвале Минайны на старенькой, расшатанной кровати, жара от их тел была достаточно, чтобы не замерзнуть, их страсть поутихла, но не исчезла вовсе.

Ран оказался щедрым любовником, которого Сэкстон искал всю свою жизнь. В нем бушевал янный голод и жажда доминирования, которые дополнялись вниманием и заботой. В этом ютились инь и ян секса, грубость в прикосновениях и ласка, укусы и поцелуи, жесткие шлепки и объятия.

— Сэкстон?

— Прости, я наслаждался видом... и воспоминаниями о прошедшем дне. — На щеках Рана оживленно вспыхнул румянец... и Сэкстона подмывало продолжить около-постельную тему. Но решил отложить ее до поры до времени. — В общем, отец смягчился. Ей позволили вступить в брак с любимым мужчиной. В итоге, любовь победила.

— Мне нравится такой исход.

— Мне тоже. — Сэкстон подался вперед, когда мужчина, казалось, погрузился в ответственные мысли. — О чем задумался?

— Мне хотелось бы верить, что я позволил бы Битти выбирать самостоятельно. Ну, я,

конечно, ей не отец. Но мне хочется думать, что я бы смог поступить так, если, конечно, мужчина не плохой и не опасный.

— Так и будет. Ты — хороший отец.

— Ее отец — Рейдж. — Ран покачал головой. — И я не возражаю. Отцом быть сложно... Меня пугает такая роль. Мой отец... он был для меня всем, моим героем. Он был сильным, его уважала мамэн. Он много работал и обеспечивал семью. Я всегда хотел быть похожим на него и жить по его стандартам. И мне всегда казалось, что у меня не все получается.

— Отношения внутри семьи всегда запутаны.

И, должно быть, было ужасно узнать, что мужчина далеко не идеален. Что своим пристрастием к азартным играм он поставил под удар всю семью. Что Рану пришлось возвращать долги за своего героя.

Но Сэкстон не озвучил свои мысли. Казалось жестоким напоминать ему о том, что он пережил. Ран слишком хорошо знал цену, которую пришлось заплатить.

— Мой отец был прямой противоположностью. — Сэкстон откинулся на спинку стула, когда унесли тарелки. — Я никогда не стремился быть похожим на него. До сих пор не хочу.

— Он не смог... принять тебя?

— Простое неприятие было бы благословением. Он ненавидит меня за то, кем я являюсь. Для него было бы лучше, если бы я умер. Так было не всегда. Но после смерти моей мамэн все изменилось. Он словно прогнил.

— Мне очень жаль. Но... прости меня, я думал, что аристократия более... не знаю, какое слово подобрать...

Когда Ран замолчал, Сэкстон кивнул.

— О, это допустимо, при условии, что все держится в тайне. Когда я отказался жениться на женщине из достойного рода, отец отлучил меня от семьи, выставил на улицу и вычеркнул из завещания. В конце концов, я должен был пойти по его стопам. Стать адвокатом, взять на себя управление имуществом и финансами. Размножаться, порождая следующее поколение аристократов, которые будут отрицать самих себя... понимаешь, мой отец — тоже гей. Но, по его мнению — единственно значимому в этом мире — он выбрал подходящий способ сгладить свои наклонности, то есть изменял моей мамэн на протяжении всего брака. Конечно, она была весьма терпимой. Не замечала беспорядочных связей. В этом отношении они были идеальной парой.

— Я рад, что ты не сочетался браком с нелюбимой женщиной.

— Я тоже. Я хотел быть собой, ни перед кем не извиняясь за это, и заплатил более чем высокую цену, если говорить о моей семье.

— Как думаешь, ты когда-нибудь захочешь ребенка?

Сэкстон сделал глоток воды, чтобы скрыть внезапный прилив эмоций.

— Наверное. Знаешь... все может быть.

— Я никогда не думал об этом, пока не начал проводить время с Битти. Мне нравится рассказывать ей истории из прошлого обо мне и ее мамэн, наших семейных традициях, что любила готовить ее грандмэн. Какие игрушки делал ее дедушка. Больше мне нечего предложить ей, но Битти, кажется, очень любит слушать об этом. У меня возникает ощущение, что таким образом я оживляю своих родителей и ее мамэн. Я очень любил свою семью. А сейчас еще сильнее, когда Битти появилась в моей жизни.

— Ран, ты — очень хороший человек. Жаль, что мое детство было другим. У нас было все в материальном плане, но не было эмоциональной связи между людьми, жившими под огромной крышей.

— Когда ты беден, то близкие — все, что у тебя есть. Кто они и каково их отношение к

тебе? Вот твоё богатство. Это богатство ты передашь следующему поколению. Это я передаю Битти, и я очень признателен, что её новая семья понимает это и впускает меня в её жизнь.

Когда принесли чек, Ран потянулся к нему.

— У меня есть деньги. Три ночи назад Роф перечислил мне зарплату и, кажется, я её заслужил.

— Чуть позже вечером я отблагодарю тебя за эту трапезу.

Опять румянец. О да... изумительно прекрасный румянец.

Когда Ран достал несколько банкнот и положил на небольшой пластиковый поднос вместе с чеком, они оба встали и прошли через лабиринт столов.

Было приятно чувствовать себя частью этого мира, выйти в свет с любовником, к которому он питал сильный интерес, ужинать и выпивать, разговаривать и гулять, уходить на работу и с нетерпением ждать возможности вернуться домой. Все казалось ярче, запахи еды, шум человеческих разговоров... ощущение, когда Ран протянул руку назад, и Сэкстон взял предложенную ладонь, кожа к коже, и становилось теплее.

Холод снаружи напоминал легкий приветственный поцелуй в щеку, нежели что-то, с чем приходится справляться, и скользкая, лишь отчасти посыпанная солью пешеходная дорожка послужила забавным поводом вцепиться в руку Рана, когда они вместе завернули за угол в переулок, ведущий к черному входу в ресторан.

Там, в тених, они очень долго целовались, их тела под слоями зимней одежды, шарфов и перчаток отчаянно желали прямого контакта, а часы, которые им предстояло провести порознь, казались полосой препятствий.

— Я отправлюсь к Госпоже Минайне, проверю дом, — сказал Ран, когда они, наконец, разорвали объятия.

— Я буду там сразу, как мы закончим с Рофом.

— Хорошо. До скорой встречи.

— Жду с нетерпением.

Когда Сэкстон закрыл глаза, чтобы дематериализоваться, порыв ветра ворвался в переулок между рестораном и магазином открыток. Но с тем же успехом это мог быть легкий тропический бриз.

Воистину, омолаживающее тепло новой любви накрывало весной весь мир, и неважно, какое время года показывал календарь.

Спустя два часа еды и выпивки, Ново была готова отгрызть собственную ногу, только бы выбраться из Кафе «Эстроген». Впрочем, она ничего не пила. И не ела.

Нет, она словно пришла в зоопарк имени «Виктория Сикрет»: оставаясь на месте для лузеров на краю стола, она наблюдала, как женщины поправляли свои прически или спорили о том, есть ли севиче^[90] или же выбрать какую-нибудь органическую хрень, завернутую в кале.

Но нужно отдать сестре должное. Софи была как рыба в воде, такая внимательная к окружающим, периодически наклонялась и, положив наманикюренную ручку на чье-нибудь предплечье, спрашивала: «Как курица на твой вкус? Стоит приготовить ее иначе?».

Что-нибудь в этом духе. И женщины так же слащаво вторили в ответ: «О нет, что ты, она чудесна. Правда... даже если ее передержали».

На что Софи отвечала: «Я позову официанта. Хочу, чтобы эта ночь была идеальной для вас».

«Но ты же невеста!».

«А ты моя лучшая подруга! Я таааак рада, что ты пришла...».

Бла-бла-бла.

Театральное выступление, не иначе, и Ново знала обратную сторону: дома Софи критично пройдет по всем нарядам других женщин, что они ели, сколько они весят, была ли зачетной прическа.

Прическа? Зачетной? Что за хрень?

А вся соль в накладных прядях, четырех оттенках «натурального» блонда и достаточном количестве лака, чтобы превратить копну волос в римскую свечу. В ином случае все совсем печально.

По крайней мере, вечер шел к своему завершению...

В зале появились четыре мужчины-вампира, они подошли к столу с ее спины, и Ново бы не придала этому значение. Однако у одного из них был слишком знакомый запах.

Первым инстинктом стало желание обернуться и убедиться в своей правоте, но потом взгляд Софи зажегся, она вскочила на ноги и хлопнула в ладоши так, будто выиграла «Пауэрбол»^[91], только в косметической индустрии.

Разумеется, Оскар не мог не прийти.

Ново стоило подготовиться к этому.

Не сводя глаз с пустой тарелки, она доверилась периферийному зрению. Оскар был того же роста, носил тот же одеколон... но стиль изменился, сейчас на нем были джинсы в обтяжку и хипстерское пальто три-четверти, вместо брюк цвета хаки и куртки «North Face», которые он носил в ее времена. Волосы были длиннее и собраны в мужской пучок.

И он отрастил бороду.

И начал носить очки в толстой оправе.

Спорим на сотку, Ново знала наверняка, кто приложил руку к его преобразению.

Вся троица представляла собой венец эволюции, а тот, что шел слева, даже нацепил футболку «МЫ ВСЕ ДОЛЖНЫ ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ ФЕМИНИЗМА» поверх водолазки.

Феминизм — не такая плохая идея, отнюдь. Просто Ново считала, что для подобной игры полагалось иметь яичники. Но да ладно.

Как по сигналу весь стол зашелся в бабских охах-вздохах при виде новоприбывших, на лицах светились, как вывески, улыбки, смех источал радость и веселье, когда мужчины подошли и поприветствовали своих девушек или супруг.

С расстояния галерки Ново решила забить на все и сосредоточиться на своей прошлой

любви. Его лицо напряжено, подумала она... но, может, она преувеличивает. И, казалось, ему было скучно, но опять же, она могла домысливать, исходя из собственных предубеждений...

Оскар сделал шаг назад и окинул всех взглядом... два раза.

Софи мгновенно заметила это и быстро скрыла расчетливый огонек во взгляде. С самой широкой улыбкой она махнула рукой вдоль стола, очевидно побуждая его поприветствовать ее любимую сестру.

Оскар спрятал руки в карманах пальто и направился вперед, опустив голову, как пес, которому надавали газетой по заднице за то, что он порвал что-то. Он подошел к Ново и прокашлялся.

— Привет. — Его голос не изменился. Тихий, с хрипотцой. — Рад видеть тебя, Ново.

Она давно гадала, на что это будет похоже. Каково будет увидеть его, почувствовать его запах, услышать его голос. Она всегда считала, что ее охватит боль, и что слезы, проклятые осязаемые доказательства слабости, затуманят взгляд и потекут по щекам. Сердце будет бешено биться в груди, ладони вспотеют, ее...

Я смотрю на мальчика, подумала она.

Перед ней стоял не взрослый мужчина, и велика вероятность, что вне зависимости от возраста он всегда останется ребенком. Этому мужчине нужна Софи, кто-то, кто будет указывать ему дорогу в жизни, говорить, как одеваться, толкать его на одни действия и запрещать — другие.

Ново, будучи наивной, приписывала ему много несуществующих качеств.

Взросление благодаря ужасному опыту стерло наивность подчистую.

— Я тоже рада видеть тебя, — пробормотала она.

Его взгляд скользил по человеческой толпе.

— Слышал, ты поступила в учебную программу Братства.

— Да.

— Впечатляет. Я удивился, когда Софи рассказала. И как она?

— Много работы. Но это клево. Я счастлива.

Она остановилась по двум причинам: во-первых, она не думала, что это ее касается, и, во-вторых, она не хотела выглядеть так, будто защищается.

— Я всегда знал, что ты добьешься успеха. — Он посмотрел ей в глаза. — То есть, с самой первой встречи, ты... ты отличалась.

— У Софи тоже есть свои уникальные черты. — Ново пожала плечами. — Каждому свое.

— Да. Каждому...

Он не договорил, и Ново ожидала от него быстрого и неловкого «ну пока», что он вернется к своей мамочке, образно выражаясь. Но нет, он просто смотрел на нее.

Именно Ново разорвала зрительный контакт. И догадайтесь, у кого это воссоединение уже в печенках сидит?

Софи подошла к своему мужчине и схватила за руку.

— Оскар, потанцуй со мной. Пошли.

Ново поднялась.

— Соф, мне пора.

— О, ты не можешь! Самое время для танцев... оставайся ненадолго! — Она прищурилась. — Это меньшее, что ты можешь сделать, учитывая, что Шери пришлось взять на себя организацию вечера и свадебную церемонию.

На этой ноте она, пританцовывая, утащила свой балласт... заставив его снять пальто и оставить его за столом.

Ново рухнула обратно на свой стул. У нее было два равнозначных варианта: вытерпеть еще

полчаса или те же полчаса выслушивать ее нытье по телефону — этой ночью или уже завтра. По крайней мере, сидя за столом ей ни с кем не нужно разговаривать.

Светлые волосы Софи сияли в свете ламп над танцполом, а благодаря ее летящему платью Оскар казался еще больше и сильнее. Они были идеальной картинкой, молодая пара в одном шаге от того, чтобы связать свои жизни навеки вечные.

Если, конечно, сильно не приглядываться.

Держа женщину в своих объятиях, Оскар смотрел поверх ее головы, его взгляд был пустым. Софи рассказывала ему что-то с напряженностью, которую прикрывала своей голливудской улыбкой, показывающей, что она безумно счастлива и невозмутима. Очевидно, в их раю штормило. С другой стороны, это привычное дело для каждой пары — спорить относительно брачной церемонии. Куча стресса, особенно когда настаиваешь на том, чтобы совместить все традиции и быть Королевой ночи...

— Милая тусовка.

Подскочив на месте, Ново резко обернулась.

— Пэйтон?!

Это был он. Боец стоял позади нее, и одет был так, словно собирался в клуб, в таком шикарном костюме с рубашкой с расстёгнутым воротником в Колдвелле можно ходить в это время года только при наличии шофёра.

— Что ты делаешь здесь? — спросила она.

Парень оглянулся по сторонам.

— Просто решил заскочить и перекусить псевдо-французской паршивой едой по завышенной цене в компании человеческих позёров и вампиров-неудачников... и, вот неожиданность, встретил тебя. Эта тусовка не в твоём стиле.

— Даже близко не стояла. Ты серьезно проходил мимо?

— Ага. Вот тебе крест. Невиданная удача.

— И тут не при чем тот факт, что я упоминала где и во сколько произойдет это безобразие?

Пэйтон изобразил гримасу и идеальным образом воспроизвел фразу той женщины с тортом из фильма «Стальные магнолии»^[92]:

— Грееееешен.

Ново попыталась проглотить смех, правда, пыталась. Но, черт возьми, она была так рада видеть его, хотя и не стоило.

Но потом Пэйтон стал серьезным.

— На самом деле, я хотел спросить тебя кое о чем. Это... ну, я не хотел обсуждать по телефону, к тому же я не знал, ответишь ли ты, если я позвоню.

Она проигнорировала вторую половину фразы... потому что даже не хотела вспоминать о том, как часто проверяла телефон на предмет пропущенных. Этого никому не следует знать.

— О чем ты хотел спросить меня?

Его изумительные глаза уперлись в пол, и он прокашлялся. Спустя мгновение Пэйтон, казалось, взял себя в руки, и снова посмотрел на нее.

— Что такое, черт возьми, «мудозвон»?

Ново заржала так громко, что люди, сидевшие в другом конце комнаты, обернулись в их сторону, несмотря на громкую музыку. Но не женщины за ее столом. Они давно пилились.

И, блин, она не знала, был ли это шок от того, что мужчина разговаривал с ней. Или потому что Пэйтон выглядел именно так, как должен выглядеть богатый парень из Глимеры.

— Так что? — повторил он. — Я надеялся, что ты разъяснишь.

— Это не комплимент, — сказала она. — Намного хуже, чем «пафосный мудака».

— Полезная информация, — ответил он с ленивой улыбкой.

— Ага. Весьма. Мудак — это просто мудак, а мудозвон еще и треплется без умолку.

— Хэй, место рядом с тобой занято? Я топал сюда пешком и стер ноги до мозолей.

— Да ладно? — протянула она. — Вот как ты решил подкатить?

Пэйтон наклонился.

— И как, работает?

Ново отвела взгляд. Снова посмотрела на него. Боже, ну почему она не может перестать улыбаться.

— Не знаю.

— Приму за «да», — сказал он, усаживаясь на соседний стул. — И скажу одно... аллилуйя.

***

Пэйтон понимал, что сильно рискует, заявившись на предсвадебный девичник или как там люди называют это безобразие? Он честно обещал не беспокоить Ново... и собирался сдержать слово... так было первые двадцать четыре часа. К несчастью, не видеть ее и не разговаривать с ней оказалось сложнее, чем он предполагал... и в итоге он послал все к дьяволу. У него была веская отмазка: он — сам себе хозяин, был в центре города и если он по чистой случайности забрел в тоже место, в котором, как упоминала Ново, она должна быть в пятницу вечером?

Невезуха.

Мне жаль.

Хотя, на самом деле, ни хрена мне не жаль.

И, вот она, выглядит лучше любой человеческой женщины или вампирши в этом заведении, в кожаных брюках в облипку и футболке, ее крепкие плечи расправлены, тело обрело прежнюю силу.

Мощная. Сексуальная.

И, Боже, он снова хотел ее. Ему было плевать на условия, причины и место. Хотя бы раз.

— Хочешь есть? — спросила Ново. — И парни ждут тебя в машине?

— Придуркомобиль пуст. — Он улыбнулся. — И я...

— Ты не представишь нас?

Услышав звонкий голос, он оглянулся на источник звука: к ним подошла блондинистая Барби с белыми зубами, в сногшибательном кружевном платье под «Валентино» и с близко посаженными глазами. О, и только гляньте на ее аксессуар. На мужчине позади нее с тем же успехом мог сверкать ошейник, на лице повисло выражение ручной собачонки, и, глядя на этого хипстера, невольно задаешься вопросом, а есть ли у него яйца в принципе.

Наверное, есть. Но лежат в ее сумочке.

— Ново? — позвала ее женщина. — Не будь грубой к нашему гостю.

Так, ее улыбка была такой же фарфоровой, как тарелки от «Дикси».

— Это Пэйтон, сын Пейтона, — пробормотала Ново. — Мы вместе в учебной программе.

Повисла пауза. А потом Мисс Померанский Шпиц бросила взгляд на Ново и вытянула ручку.

— Что ж. Очень приятно. Позволь я представлюсь, раз моя сестра, Новалина, не горит желанием. Меня зовут София.

Она прошлась по нему взглядом с головы до пят, по его костюму и запонкам, и Пэйтон мог поклясться, что слышит шелест купюр, пока она оценивала его платежеспособность.

К слову о мгновенной неприязни. Он ни капли не впечатлился.

Так что да, Пэйтон целенаправленно остался сидеть на своем месте и скрестил руки на груди.

— Привет.

— Ты, м-м, не присоединишься к нам на танцполе? — она напряженно улыbnулась, опуская руку. — Ты же в курсе, что все должны потанцевать с будущей невестой.

Проигнорировав ее слова, он сфокусировал взгляд на мужчине позади нее. Забавно, для чувака, который в скором времени женится, он не казался невероятно заинтересованным в своей невесте.

Нет. Он пялился на Ново.

С одной стороны, Пэйтон понимал его. Ново была невероятно сексуальна, как Бугатти на парковке с минивэнами. С другой же... ему хотелось кастрировать ублюдка и скормить ему его же яйца.

А затем порвать на мелкие кусочки прямо посреди танцпола.

Разрезать на четыре части бензопилой, пока людишки с криками ломанутся к выходу.

А потом сжечь труп.

Ведь нужно убирать бардак после себя.

— ... конечно, у меня врожденный вкус. — Сестра Ново замолчала, переводя дух. — Ведь нужно все сделать правильно, чтобы свадьба...

— Это твой жених, — сказал он, обрывая ее.

— Ох, да! Да, прости. — Она отошла в сторону, и представила его как Ванна Уайт^[93]: — Пэйтон, это Оскар.

Оскар.

Это имя Ново произнесла во сне.

Когда ему на голову опрокинули ушат холодной воды, Пэйтон поднялся на ноги.

— Назвали в честь хот-дога. — Он протянул руку. — Очуметь, как почетно. Или ты предпочитаешь сосиски?

Все застыли.

А потом Ново засмеялась так сильно, что едва не грохнулась со стула.

Ржать в этой ситуации — совсем неприлично. Ново знала это. Ну, правда. Но вечер, который начался с уровня плинтуса и затем достиг дна, внезапно совершил поворот на сто восемьдесят... и скорее напоминал увлекательное приключение, чем тест на выносливость.

— Прости, дружище — Пэйтон хлопнул Оскара по плечу. — Я шучу.

Софи быстро оправились и встала между мужчинами.

— Да. И то верно. Эм, Пэйтон... ты должен рассказать что-нибудь о себе. Давай присядем. Официант! — крикнула Софи. — Официант, меню для моего гостя! — Только подумать, она действительно щелкнула пальцами. А потом подтащила два стула — для себя и для Пэйтона. — Расскажи мне о Братстве, какие они. Тебе наверняка есть что рассказать.

И вот оно. Обаяние. Хлопанье ресницами. Прикосновение к его руке.

Пэйтон в ответ перевел взгляд с Софи на Оскара... и Ново не могла определить, поймала ли сестра его на свой крючок. И, Боже... будет совсем паршиво, если так. Даже если у нее самой не было никаких прав на Пэйтона.

В животе образовалась дыра... впрочем, нет. Если сестра захочет воспроизвести ситуацию с Оскаром, то ей же хуже. Пэйтон ни за что на свете не женится на гражданской: несмотря на красоту Софи и тот факт, что ей наверняка хватит смелости попытаться подняться по социальной лестнице, в этом плане ей ничего не светит.

Пэрадайз, будучи дочерью Первого Советника Короля, — вот, кто подходил ему.

— Пэйтон? — позвала его Софи. — Так что? Присядешь на минутку?

Таааак, к черту все ассоциации с сосисками, ночь снова покатилась в задницу, и Ново оглянулась назад в поисках выхода. Самое время уходить. Ну, если Пэйтон захочет поближе познакомиться с её сестрой... черт, даже если захочет трахнуть ее просто потому, что может? Плюс к его карме...

— Нет, мы уходим.

Вскинув брови, она повернула голову... чтобы увидеть, как Пэйтон берет кожаную куртку, висевшую на спинке ее стула.

— Ново, пошли, — сказал он. — Приглашаю прокатиться в центр.

— Ты не можешь уехать, — возразила Софи. — Подожди, ты не можешь.

Пэйтон подался вперед, смотря женщине прямо в глаза.

— Я могу делать все, что мне заблагорассудится, милочка. И чего я точно не стану делать — так это играть роль заводной игрушки в твоих руках, пока ты игнорируешь бедного ублюдка, за которого собралась замуж, и унижаешь свою сестру. Сказал бы, что был рад знакомству, но пару ночей назад я завязал с ложью, поэтому нет, извини. И я бы пожелал счастливой жизни, но она тебе не светит. — Он пригвоздил Оскара тяжелым взглядом: — Как и тебе, приятель. Если у тебя осталась хоть капля мозгов, ты либо бросишь ее, либо пустишь себе пулю в лоб. Удачи.

Ново была настолько ошарашена, что позволила вывести себя на улицу. Но... ладно вам.

Да ну нафиг.

Они прошли мимо остальных гостей, уплетающих за обе щеки, и вышли в чайную зону. А потом они оказались на холоде.

Как только они вышли на ночной воздух, Ново захихикала.

Накрыв рот рукой, она выпалила:

— Это было шикарно. Охренительно просто!

Пэйтон указал рукой.

— Моя машина вон там.

Взяв ее под локоть, он подвел Ново к — ух ты, неплохо — черному, наглухо тонированному «Рендж Роверу» и открыл для нее дверь.

— О, Боже, ты это сделал. — Ново все еще смеялась и обратилась к нему, даже когда парень захлопнул дверь и обходил внедорожник, чтобы сесть с другой стороны. — Твою мать, ты это сделал!

За рулем сидел молодой доджен, и он повернулся к ней.

— Мадам, прошу прощения? Что я сделал?

Она махнула рукой в теплом воздухе салона.

— Ничего. Я просто... я с ним разговаривала.

Пэйтон сел рядом и отдал приказ:

— Поезжай.

— Куда отвезти вас, господин?

— Куда угодно, мне все равно.

Когда они съехали с обочины, стало очевидно, что Пэйтону не смешно.

— Что не так? — спросила она.

— Кем этот Оскар приходится тебе?

Ну, это обрубилло все веселье на корню. И она стала такой же смертельно серьезной.

Когда Ново посмотрела на водителя, Пэйтон сказал:

— Он будет молчать.

— Просто потому что твой слуга никому ничего не расскажет, еще не значит, что я стану обсуждать личное при нем... или с тобой.

— Значит, ты признаешь, что вы были вместе.

— Ревнуешь?

— Да. Особенно потому, что он не сводил с тебя глаз. Через несколько дней он женится на той склочной бабе, но пялится на тебя. Что ты сделала с ним, выставила вон, когда пресытилась, и он начал встречаться с ней, потому что только так мог подобраться к тебе?

— Как раз наоборот, — сказала она тихо.

— В смысле?

Ново отвернулась к окну. Они проезжали мимо частных ресторанов; в этом районе, поблизости от Северного шоссе и небоскребов в центре города не было крупных сетевых заведений. И сквозь мутные стекла кафешек она видела людей — на свиданиях, семейных сборищах, официантов и официанток, разносящих еду и напитки на подносах.

— Он бросил меня и ушел к ней, — услышала она свой ответ.

Так, ей нужно закрыть рот...

— Каким местом он думал?!

Ново сказала себе, что не стоит принимать его слова за комплимент. Черт, Пэйтон говорил это с расчетом на возможный секс.

— Твоя сестра — фальшивка, — продолжил он. — Прости, я понимаю, она — твоя родственница, но такой кисейной барышни я еще не встречал... а я, на минуточку, из Глимеры. Подобное безобразие зародилось именно среди аристократов.

Ново повернулась к нему. Не смогла сдержаться.

Пэйтон сидел рядом, но не смотрел на нее. Он уставился в точку перед собой, его взгляд был расфокусированным, словно он прогонял в мыслях произошедшее.

— Она ни во что его не ставит, — сказал он. — А ведь это ее будущий хеллрен. Она должна ставить его превыше всех остальных, особенно ценить выше какого-то придурка, которого она даже не знает — такого как я. Но она оценила стоимость моих шмоток и решила... пофиг. И Оскар заслужил нечто подобное, раз выбрал такую женщину вместо тебя. Я имею в виду... ты

сильная, умная, красивая женщина. Ты — настоящая.

Ново моргнула. Еще раз.

И решила, что очень хочет трахнуть Пэйтона. Вот прямо сейчас.

Она наклонилась к водителю.

— Отвези нас в «Ключи». Ты знаешь, где это?

Доджен покачал головой.

— Нет, мадам. Простите.

— Здесь поверни налево. Я объясню, куда ехать.

***

Кровь Пэйтона загустела, а член встал через секунду после того, как Ново произнесла слово «Ключи». Он даже решил, что ему померещилось. Но потом ее четкие указания привели их к невзрачному входу в скандально известный во всем Колдвелле секс-клуб.

Черт, насколько он понимал, о «Ключах» слышали даже в Нью-Йорке.

— Я нормально одет? — спросил он, когда «Рендж Ровер» остановился.

— Мы возьмем у сотрудников маску.

Ново открыла свою дверь, и он вышел из машины через свою. Наклонившись, он приказал водителю припарковаться и ждать.

Он не знал, насколько они здесь задержаться. И что будет дальше.

Прежде чем выпрямиться, он поправил эрекцию, устраивая ее на нижнем прессе, и застегнул куртку. Ново же бросила свою в машине, оставшись в майке и кожаных штанах, которые... Боже, как же он ее хотел.

Особенно когда она пошла вперед, широкими шагами направляясь к очереди из, по меньшей мере, полусотни человек.

У неприметной двери стояли два парня, и когда она показала им ключ, они сразу же впустили ее... и его тоже, ведь он был с ней. Оказавшись внутри, он уловил запах секса, услышал грохот музыки, но не видел ничего сквозь плотные шторы, разграничивающие холл.

Ну, здравствуй, обнаженная леди.

Из тени вышла женщина с голой грудью, окрашенной в красный цвет, и ничем не укрытой нижней половиной тела; она вручила им черные маски, напомнившие ему о «Призраке Оперы». Когда они укрыли лица, Ново отодвинула занавесь и шагнула вперед.

Пэйтон снова последовал за ней... только чтобы остановиться за барьером.

Ступая дальше в просторное, тускло освещенное помещение, он вспомнил об Иерониме Босхе^[94]. На ум приходило только это.

Музыка доносилась из невидимых взгляду колонок, перед глазами мелькали сотни голых, извивающихся тел. Кто-то растянут на диванах и скамьях. Другие — в ящиках из оргстекла. Были также ямы с клубками человеческих тел, ряды женщин и мужчин, которых трахали на столах в разных позах.

Представшее перед его взглядом зрелище пришлось бы ему по вкусу пару лет назад.

Черт, одну-две недели назад у него была похожая оргия, только масштабы поменьше.

Не то, чтобы это не заинтересовало его. Ему было интересно, как здесь все устроено, но скорее в духе «ах, вот оно что», чем призыв к действию.

Он хотел трахнуть лишь одну женщину, и она уводила его все глубже в помещение клуба.

— Это заводит тебя? — спросила Ново, оглядываясь назад.

Достаточно, — подумал он.

Схватив Ново за руку, он развернул ее и впечатал в свое тело.

— Меня заводишь ты, — прорычал он.

Пэйтон потерялся об нее бедрами, и тогда в ее взгляде за маской вспыхнул пожар. И он не мог не ответить на это. Ухватил ее жестко под ягодицы и толкнул к стене. Накрыв рукой ее горло, он сжал ладонь достаточно сильно, чтобы перекрыть ей доступ к воздуху.

— Этого ты хочешь? — спросил он хрипло. — Жестко и на людях?

— Пошел ты. — Она обнажила клыки, зашипев на него. — И да, хочу.

Ново просунула руку между ними, нащупав его член, и она не столько погладила его, сколько схватила... и ему это было в кайф.

Пэйтон стянул лямки ее майки, обездвиживая руки. Без бюстгалтера. О да... без белья. Он удерживал ее на месте за горло и потянулся к соску, оцарапав ее клыком, чтобы вместе с горошиной вобрать в свой рот и ее кровь. В ответ она вцепилась пальцами в его волосы и закинула ногу ему на поясницу.

Почему, черт возьми, она не в юбке?!

К черту прелюдию, они оба отчаянно хотели этого. Поэтому он развернул ее лицом к стене, рывком подтянул к себе бедра и достал складной нож, который всегда носил в нагрудном кармане.

— Не шевелись.

Когда Ново оглянулась назад, он раскрыл нож и дождался ее кивка. Потом провел рукой вверх-вниз по промежности, потирая кожаный материал, лаская ее лоно сквозь брюки. Недолго. Взяв бритвенно-острое лезвие, он разрезал шов прямо посередине и, отложив нож, скользнул в образовавшуюся прорезь четырьмя пальцами.

Разрыв вышел хирургическим.

Открывая ее голое лоно, готовое и влажное для него.

Пэйтон быстро освободил член, рывком расстегнув ширинку. А потом ворвался в нее одним мощным толчком, от которого она уткнулась лицом в стену. Ново выкрикнула что-то, наверное, его имя... он не расслышал из-за грохота музыки... и уперлась руками в стену, еще шире раздвигая бедра.

Пэйтон трахал ее как животное.

К черту дорогие шмотки. И на хрен народ, наблюдающий за ними. Его волновало одно — необходимость кончить в нее. Заполнить ее собой. Снова и снова, пока его сперма не будет вытекать из нее реками.

Где-то на полпути он осознал, что отмечает ее своим запахом.

Каким-то образом он умудрился связаться с ней.

Сэкстон с нетерпением ждал момента, когда сможет покинуть Дом для аудиенций. Чувство ответственности и долга перед Рофом гарантировали, что он закончит все дела, но при первой же возможности он сбежал через заднюю дверь и дематериализовался в дом Минни.

Он проскочил сквозь щель у двери, но ощутив при этом некоторые трудности. Приняв форму, он понял, в чем дело.

Объяснение лежало на полу, под раковиной Минни, вытянув длинные ноги, а согнутые руки копошились с чем-то.

— Фантазия во плоти, — протянул Сэкстон. — Кто бы мог подумать: я хотел, чтобы ты сыграл сантехника.

Раздался лязг, потом проклятье. А потом его сексуальный сантехник сел, вытирая рот предплечьем. Вау. Футболка «Хэйнс» и голубые джинсы. Мускулы под одеждой. Такой мужественный, везде.

Моя любовь, подумал Сэкстон.

— Ты вернулся, — сказал Ран с улыбкой.

Сэкстон поставил портфель на стол и снял кашемировое пальто. — Воистину. А ты — грязный и потный.

— Я приму душ...

— Даже не думай.

Сэкстон подошел к нему и опустился на колени между его ног. Скользнув руками по мускулистым бедрам, он ловко расстегнул ширинку... а потом прижался губами к тому, о чем думал всю ночь.

Судорожный вздох Рана сопровождался бряканьем.

А потом мужчина вовсе выронил гаечный ключ.

О-ёй, какая жалость.

— Сэкстон... — выдохнул он. — О, Боже, да...

Сэкстон поднял взгляд. Ран потирал голову так, словно ударился макушкой о край столешницы... но, казалось, мужчину не тревожила возможная шишка. Нет, его взгляд был полон изумления и жара. Воистину, была толика удивления в его страсти, словно ему не верилось, что он способен на подобные чувства. И Сэкстону нравилось это. Удивление и радость, мощный инстинкт и потребность... все подкреплялось ощущением, что это каждый раз в новинку.

Сэкстон вернулся к делу, посасывая, облизывая, и, судя по тому, как Ран вскидывал бедра, он уже был близко...

— Здравствуйте! — раздался радостный голос.

Вскинув голову, Сэкстон в панике посмотрел в сторону передней части дома. Потом соскочил с пола, пока Ран судорожно пытался застегнуть ширинку.

Рывком Сэкстон потянулся поверх Рана, за мылом на раковине, зная, что цветочный аромат перекроет запах возбуждения. Включив воду, он начал смывать...

— Только не кран!

Вода хлынула из-под раковины на спину Рана и пол, и в это мгновение Минни вошла в кухню. Женщина застыла на месте.

— Привет! — воскликнул Сэкстон, выключая кран локтем. — Как вы?

Он просто стоял на месте с мыльными руками, с которых пена стекала в раковину... а Ран выглядывал из-за него, мокрый с головы до плеч.

Минни рассмеялась.

— Вы напоминаете нас с Рисландом. Даже не вспомню, сколько раз он забирался под раковину, чтобы починить эту трубу. И он всегда просил меня включать воду.

Ран поднялся, его лицо покраснело, как от румян. Потянувшись к бумажным полотенцам, он передал одно Сэкстону и сам взял несколько, чтобы вытереть руки и шею.

— Она протекала и раньше?

— О, да. — Пожилая женщина подошла к ним с холщовой сумкой. — Я приготовила хлеб для вас. Еще здесь есть консервы. Клубника. Приходится покупать их. Клубника в «Whole Foods»^[95] слишком жесткая для меня... ой, лампочки! Вы заменили перегоревшие лампочки на потолке!

— Да, госпожа. — Ран поклонился. — Даже ту, что застряла в патроне.

— Вон ту? — Она указала рукой в другой конец кухни, и когда Ран кивнул, улыбнулась. — Вечно с ней проблема. Вы достали ее с помощью картофеля?

Сейчас улыбался уже Ран.

— Да. Отец научил меня этому. Он же научил меня чинить водопроводные трубы. Кстати, вы знали о течи в туалете на втором этаже?

— Нет, не знала.

— Мне нужно заскочить в «Хоум Дипо» за некоторыми деталями. Я займусь этим завтра вечером.

— Я дам вам денег...

— Нет, — вмешался Сэкстон. — Не стоит.

Она переводил взгляд между ними, и ее радость растворилась в смутном чувстве, которое тяготило сердце. К ее глазам подступили слезы, и она судорожно попыталась достать платок из кармана пальто.

— Этот дом такой большой, — сказала женщина. — Он нуждается в... уходе. Я пыталась следить за ним, изо всех сил. Но я одна и далеко не такая сильная, какой была раньше.

Ран, казалось, хотел обнять женщину. Но застенчивость не позволила ему, обездвиживая.

— Мы позаботимся обо всем за вас. Все исправим к вашему возвращению, а если вам понадобится разнорабочий, можете звонить мне. Я все починю.

Шмыгнув носом, Минни решительно подошла к мужчине и обняла его. Мгновение Ран просто стоял на месте с таким видом, будто его хватит панический приступ. Но потом он аккуратно и очень нежно обнял хрупкую женщину своими огромными руками. А потом Минни подошла к Сэкстону.

Он не возражал против объятий, и когда они разошлись, он достал свой платок из кармана брюк.

— Госпожа, вот, возьмите.

Минни шмыгнула носом и промокнула слезы.

— Я не знала, как все запущено, и насколько это тревожило меня. Не осознавала... какую ношу несу. Мне казалось... что я подвожу Рисланда.

— Ну, у нас есть решение, — сказал Сэкстон, посмотрев на Рана. — И мы сделаем так, чтобы вам больше никогда не пришлось переживать за этот дом.

Когда Ран посмотрел на него и кивнул, Сэкстон ощутил, как в груди расцветает тепло.

— Вы любите друг друга, ведь так? — внезапно спросила Минни.

Сэкстон тут же прокашлялся, не зная, станет ли это проблемой для них.

— Госпожа, мы...

Просто друзья? Он не мог озвучить эту ложь. Но Ран скрестил руки на груди и выглядел так, будто хотел провалиться под землю.

— Любите, — эхом повторила Минни и взяла их руки. — Знаете, любовь — самый большой дар Девы-Летописицы для своей расы. Я так рада снова видеть любовь в этом доме. Мы с Рисландом прожили здесь много лет в любви.

Когда их руки отпустили, Ран выдохнул. А потом улыбнулся.

«Я запомню это мгновение до конца своей жизни», подумал Сэкстон. Кухню с открытым шкафом под раковиной, мокрые волосы и футболку Рана, сияющее, словно в карнавальную ночь, лицо Минни.

Именно в этот момент он смог на самом деле принять себя.

***

Богатенький мальчик оказался безбашенным, озабоченным эксгибиционистом.

Танцую с высокой женщиной в латексе, Ново не сводила глаз с Пэйтона: он стоял в стороне, наблюдая, как ее руки скользили по женскому телу, за движением ее бедер и задницы в танце.

Он до чертиков хотел ее. Даже после продолжительного секса, он снова хотел ее... только ее.

Другие женщины... и мужчины... подкатывали к нему, красовались перед ним, предлагали всякое, но он ото всех нетерпеливо отмахивался. А ведь некоторые отличались сногшибательной красотой.

Пэйтону было плевать. Он не видел никого, только ее.

Для женщины, которую бросили ради другой, это было открытием. На самом деле, она не знала, нужно ли ей такое сильное внимание... но прекрасно осознавала, что это — скользкая дорожка. Не стоит становиться центром чужой жизни: когда партнер уйдет — а это неизбежно — он заберет с собой ту часть твоего сердца, которую занимал, оставляя тебя опустошенной.

Но сегодня ночью? Только на эту ночь?

Она была полноценной, и никогда не думала, что почувствует подобное когда-нибудь.

И, очевидно, Пэйтону надоело наблюдать за ней в чужих руках. Он подошел к ним и буквально отпихнул женщину с дороги. А потом он поцеловал Ново, требовательно, он снова был возбужден, а его руки — грубыми и жадными.

Следующее, что она осознала, — как ее нагнули над чем-то... она не знала, что это было, да и плевать хотела. Он вошел в нее одним рывком, натягивая косу как уздечку, и она прогнулась в спине от давления. Оргазм вышел настолько мощным, что она с силой стиснула зубы, ощущая жжение у корней волос.

Опуская веки, Ново открылась навстречу ощущениям: слабость в мускулах бедер, жесткость материала под ее щекой, давление на груди, мощные погружения в ее лоно.

На глаза, укрытые маской, набежали слезы.

Ново отчаянно пыталась ухватить контроль над эмоциями, запереть их в клетке, но никак не могла взять верх.

Словно разрядка открыла ящик, в котором она все хранила, и оттуда выкатилась старая боль подобно труп, ее запах и вид было невозможно игнорировать.

Она рыдала в темноте, в маске, посреди грохота музыки и трахающихся незнакомцев.

Раскрыв рот, она с криком выпустила из себя боль и прошлое в пространство клуба, безразличное и обезличенное, использовала секс с Пэйтоном в качестве съезда с магистрали.

Никто не знал.

Только она.

В конечном итоге, Пэйтон рухнул на ее спину, тяжестью своего тела возвращая ее на землю, его резкое дыхание напротив ее уха послужило подтверждением, что он оставался с ней, пока

она парила в призрачных землях, что она была не одна. Хоть он и не понимал, как сильно помог ей.

Закинув руку за спину, Ново нашла его руку и, подтянув к себе ладонь... поцеловала линию жизни.

Она не могла иначе отблагодарить за его подарок, о котором он даже не догадывался.

Она наконец-то встала на путь исцеления.

— Пошли ко мне.

Пэйтон открыл дверь для Ново, мысленно умоляя, чтобы она сказала «да». Он не хотел, чтобы эта ночь заканчивалась. Хотел провести день только с ней. Не хотел просыпаться в одиночестве, без нее.

— Что твой водитель подумает о нас? — протянула она.

— Я отослал его пару часов назад. Пошли со мной.

Когда она остановилась и посмотрела на небо, он повторил за ней. Небо затянули густые тучи, а в воздухе чувствовалась зимняя духота. Грядет снегопад.

Кому не плевать на погоду?

— Мой отец уехал по делам, — сказал он. — Весь дом в нашем распоряжении. Он взял дворецкого с собой, а остальная прислуга рада выходному. И да, я приказал водителю освободить дом или уволью его.

Ново повернулась к нему.

— Где ты живешь?

— Это «да»?

— Нет, это вопрос. Где ты живешь?

Он улыбнулся.

— Ты не уступаешь ни на дюйм, да? В тебе моя кровь. Следуй за мной. После секса в ванной я приготовлю тебе ужин на кухне.

Повисла долгая пауза. Где-то вдалеке послышался вой сирен. Автомобильный гудок. Смеющаяся тройка в обнимку вышла из клуба.

— Хорошо, — сказала Ново.

Пэйтон взял ее за руку и сжал.

— Спасибо.

Когда она отстранилась, Пэйтон отпустил ее. А потом, закрыв глаза, дематериализовался. Когда он появился на переднем газоне перед отцовским особняком, то не знал, появится она или нет. В этом она. Огонь и лед.

Сердце гулко билось, пока он стоял на снегу, ветер обдувал его и свистел в ветках елей, опоясывающих участок.

В окнах горел свет, и на мгновение он попытался оценить особняк глазами Ново. Ей бы понравилось здесь?

Это почему-то не имело значения, и не потому, что его не волновало мнение Ново. Дело в том, что впервые в жизни он подумал о том, что ничто из этого в действительности не принадлежало ему. Жизнь отца, обязанности перед родом, запросы социального круга... никто не спрашивал его согласия, и, наверное, его вредные привычки — попытка смириться с пониманием этого.

В это мгновение Ново появилась рядом с ним.

— Добро пожаловать в мое скромное жилище, — пробормотал он, рукой обозначив дом и прилегающие земли.

— Меньше, чем я представляла. — Когда Пэйтон пораженно отшатнулся, Ново крепко ударила его по руке. — Попался! Шутишь, что ли, этот домина похож на замок.

Притянув ее к себе, Пэйтон поцеловал Ново в макушку... поражаясь тому, что она позволила. А потом он повел ее к парадному входу. Открыв бедром тяжелую дверь, он удивился напряжению во всем теле.

Ново вошла внутрь, до сих пор одетая в разорванные штаны, ее подтянутое тело излучало силу, а голова была вскинута, когда она оглядывалась по сторонам.

Ее глаза не упускали ничего — антиквариат, роскошь, хрустальные люстры, напольные часы и гобелены.

Повернувшись к нему, Ново сухо сказала:

— Ты не упоминал раньше, что живешь в Смитсоновском музее^[96].

— Ты же знаешь, как я не люблю красоваться. — Он закрыл дверь с пинка, отчего стук пронесся эхом под высокими потолками. — Это не модно. Пошли, познакомлю тебя со своей ванной.

Когда они поднялись наверх, Ново спросила, сколько здесь комнат, и он не спешил отвечать.

— Да брось, — подначивала она. — Умеешь считать только до десяти?

— Да, я не силен в математике. — На вершине лестницы они свернули налево, в коридор с кучей дверей. — Наверное, пятьдесят или шестьдесят? Может, больше. В каких-то помещениях я не бывал ни разу в жизни.

— Я живу в однокомнатной. Нет, комнат две — еще же ванная.

— Ты должна как-нибудь пригласить меня.

— Она покажется тебе не интересней коробки «клинексов».

Он остановился перед своей комнатой.

— Она твоя. Поэтому я очень даже заинтересован.

Ново сама повернула ручку, скорее всего пытаясь убежать от его откровений. Что еще он узнал о ней? Ново была мастером по части диверсий, и это не удивительно. Она избегала близости во всех ее проявлениях, напоминая ему птицу, которая улетала при малейшем шорохе.

Но, казалось, каждый раз она возвращалась к его руке.

Боже, она была разной. Неожиданной. Изумительной.

Присвистнув, Ново зашла в огромное пространство и окинула взглядом его кровать, плазму, диваны и ванную в другом конце.

— Уютно, не так ли?

Она рассмеялась.

— Ну, если сравнивать твою комнату с вестибюлем в гостинице.

Он подошел к гардеробу, и двери открылись сами благодаря датчикам движения. Там он разделся и покидал вещи в корзину для грязной одежды.

В комнату он вышел голышом.

— На тебе слишком много одежды.

— Смотрю, ты от этого не страдаешь.

Ее глаза блестели, пока она раздевалась: скинула берцы, разоружилась, затем стянула майку и испорченные штаны. А потом она предстала перед ним в чем мать родила. Ее тело... было шикарным. Гибкое, мускулистое... до чертиков сексуальное.

— Черт, — выдохнул Пэйтон. — Ты самая красивая женщина из всех, что я встречал.

— Слушай, я тебе и так дам, завязывай сыпать комплиментами...

— Замолчи, а. — Он подошел к ней и взял за руку. — Пока ты не покинешь мой дом завтра вечером, я буду говорить все, что хочу, и вести себя так, как хочу, ясно? Я не прошу тебя притворяться кисейной барышней в розовом платье, оттопыривающей пальчик при чаепитии. Но на следующие часы избавь меня от таких комментариев, ладно?

Она отвела взгляд. Снова посмотрела на него.

— Справедливо.

Уладив разногласия, он увлек Ново в ванную комнату и включил воду. В зеркалах он наблюдал, как она бродит по комнате, изучая раковины и полотенца, банные халаты и окна. Она

была настолько сногшибательно сексуальной, что он засмотрелся и едва не залил пол.

— Это бассейн, — заявила она. — Не ванная.

— Подожди, — сказал он, когда она занесла ногу, чтобы зайти в воду. — Твои волосы.

Она грациозно повернулась к нему.

— А что с ними?

Пэйтон медленно подошел к ней и взял конец косы, на котором была резинка.

— Расплети их. — Прежде чем она успела ответить, он шепотом добавил: — Прощу. Я хочу хоть раз увидеть тебя с распущенными волосами.

Когда в ее взгляде мелькнула затравленность, он приготовился услышать отказ.

Но вместо этого Ново вырвала косу из его рук.

— Я сама.

Повернувшись к нему спиной, она перекинула косу через плечо и со щелчком сняла резинку... а потом начала расплетать косу, распуская шикарные черные волосы.

Закончив, она снова повернулась к нему и перебросила волосы за спину, позволяя ему увидеть лишь мельком копну — за сгибом талии. Учитывая взгляд исподлобья и напряженность в теле, она словно приготовилась к удару.

Протянув руку, он перекинул ее волосы вперед.

— При виде тебя я перестану дышать, — сказал он тихо, разглядывая волны, спускающиеся по ее грудям, почти до самого лона. — Сейчас... и навсегда.

***

Ради всего святого, это всего лишь волосы, думала Ново.

Но правда заключалась в том, что после Оскара никто не видел ее с распущенными волосами. И она могла оставить их незаплетенными лишь в одном случае — убеждая себя, что это только на день. Как только солнце сядет за горизонт, она снова соберет их в косу и приведет себя в должное состояние, застегнется на все пуговицы, заплетется, и ее эмоции снова окажутся под жестким контролем.

Когда Пэйтон заговорил с ней, она скорее прислушивалась к его голосу, чем словам, и да, он говорил ей вещи, которое желало услышать ее одинокое, избитое сердце, ему хотелось верить... но инстинкт самосохранения велел ей обрубить эти эмоции.

Но она не могла игнорировать его взгляд.

Или тот факт, что он опустил на колени.

Его руки порхали по ее бедрам, ногам... груди. А его бархатные губы скользнули по ее животу. Потом он подцепил рукой ее ногу и закинул себе на плечо, и Ново последовала за ним, предоставляя ему допуск к желаемому. Приятно, слишком приятно было чувствовать его рот на своем лоне, влажные губы на влажных губах, жар напротив жара.

Скользнув взглядом мимо напряженных сосков, она наблюдала, как он ласкает ее, его язык порхает по ее плоти, а глаза не отрываются от нее.

Она кончила. Дважды.

А потом ее уложили на мягкий коврик на полу, Пэйтон забрался сверху, и выпирающий член прижался к ее лону.

Ново закрыла глаза, чтобы не видеть его, чтобы представить, что она с кем-то другим. Расстояние и отстраненность были жизненно необходимы.

Но тело ведь знало, что это он.

И, о, Боже...

... ее сердце тоже.

Несколько ночей спустя Сэкстон, садясь в грузовик Рана, не мог точно вспомнить, сколько времени прошло с тех пор, как Минни прервала их воссоединение под раковиной... часы, годы, десятилетия или века. Действительно, время превратилось в резиновую ленту, которая растягивалась и возвращалась к прежней длине, моменты и вечность ничем не отличались друг от друга.

— Это здесь, — сказал он. — Направо. Номер 2105.

— Этот?

— Да... этот. В викторианском стиле.

Сэкстон четко ощутил, как свело желудок, когда он заставил себя повернуть голову и посмотреть на свой старый дом. И, по правде говоря, его по-настоящему затошнило, когда взгляд прошелся по темно-зеленому, серому и черному цветам фасада, куполам, крыльцу и ставням с длинными стеклами. Среди заснеженного зимнего ландшафта дом смотрелся как рождественская открытка с изображением Новой Англии^[97], живописная, совершенная в своей красоте, как любая картина.

— Красиво, — сказал Ран, заглушая двигатель. — Кто здесь живет?

— Я. Вернее, я жил здесь раньше. — Он открыл дверь машины. — Пошли со мной.

Они вместе вышли и направились по засыпанной снегом дорожке, ведущей к крыльцу. Вытащив медный ключ, Сэкстон повернул замок и толкнул большую дверь, сразу послышался тонкий скрип дверных петель.

Ран осторожно стряхнул снег с подошв своих сапог, и Сэкстон последовал его примеру, обстучав друг об друга свои «Мерреллсы», прежде чем перешагнуть через порог. Внутри было теплее, чем снаружи, но домашнего уютного тепла не было. Он установил термостаты на шестьдесят два градуса^[98] еще на день Колумба^[99] в октябре, когда приходил сюда, чтобы проверить отопление. С тех пор сюда никто не приходил.

Он пахнет по-прежнему. Милый старый дом. Но больше не его.

Сэкстон закрыл за ними дверь и огляделся.

Как в фильме Винсента Прайса^[100], вся антикварная мебель была скрыта под простынями. Он наугад шагнул в гостиную и приподнял угол огромного полотна. Под ним оказалась кушетка в классическом викторианском стиле, резное красное дерево, обивка глубокого винного цвета.

Ран зашел в комнату вслед за ним.

— Как долго ты жил здесь?

— Довольно долго, на самом деле. Мне нравился этот дом.

— А сейчас не нравится?

Сэкстон позволил ткани скользнуть обратно на свое место.

— Это сюда... ну, сюда мы с Блэем иногда приходили.

— Оу.

— После того, как мы расстались, я не мог находиться в этих комнатах. — Он прошел дальше, в библиотеку. — Слишком много воспоминаний.

Сэкстон обернулся, Ран следовал за ним, и выражение на лице парня было нечитаемым.

— Вот почему я захотел привезти тебя сюда сегодня. — При звуке дверного молотка, Сэкстон посмотрел за плечо мужчины. — Подожди, я скоро вернусь.

Сэкстон вышел в фойе, и ему потребовалось время, чтобы собраться, прежде чем он смог открыть дверь. Но потом он медленно и глубоко вдохнул, и выполнил свой долг.

По другую сторону двери стояла опрятно одетая вампирша с портфелем в руках, её волосы,

стриженные под каре, были взлохмачены на макушке.

— Сэкстон, дорогой, как я рада, что ты позвонил мне.

Она расцеловала его в обе щеки и похлопала по плечам.

— Я так удивилась, но была очень рада твоему звонку, — сказала она, когда вошла. — Я рада, что... ой, кто это?

Сэкстон закрыл дверь,

— Это мой... это Ран.

— Что ж... — Она шагнула вперед и протянула руку, — Рада знакомству, Ран. У Сэкстона безупречный вкус, и я могу сказать, что он снова сумел это продемонстрировать. Меня зовут Кармайкл.

Ран моргнул и в панике огляделся, словно ему на плечо села дикая экзотическая птица.

— Ты говорила, у тебя есть покупатель на этот дом? — Сэкстон сгладил неловкую паузу.

Отвлекающий маневр отлично сработал — Кармайкл мгновенно переключила внимание.

— Месяц назад я сказала тебе об этом. Но затем ты купил тот пентхаус без моего участия. — Она осуждающе цокнула. — Это было довольно грубо с твоей стороны, но я прощу тебя, если дашь мне выставить на продажу этот дом.

— Ты продаешь его? — спросил Ран тихо.

— Да. — Сэкстон встретился с ним взглядом. — Я понял, что готов отпустить прошлое.

— Отлично, — Кармайкл чуть не пустилась в пляс. — Замечательные новости. У меня с собой форма объявления для продажи, подпишем прямо здесь.

С восхитительной ловкостью она каким-то образом смогла вытащить лист и ручку из портфеля, не выпуская его из рук: поставив портфель на колено, она открыла замки и достала бумагу с ручкой.

— Вот. Сделаем это, и я приведу их уже через час.

С сердцем, гулко бьющимся в груди, Сэкстон взял листок и дешевую ручку.

— Пока ты подписываешь, хочу уточнить некоторые замеры. — Она положила портфель, достала рулетку и свой айфон, и ушла. — Ты же юрист, без меня знаешь, куда поставить Джона Хэнкока [\[101\]](#).

Когда ее бодрые шаги послышались в районе кухни, Сэкстон взглянул на Рана.

Мужчина стоял рядом, его опущенные руки были сцеплены, взгляд вроде бы спокойный, но взволнованный.

— Похоже, тебе совсем некомфортно это делать.

И именно в это мгновение все и произошло. Чувство полного покоя охватило его, столь же неожиданное, как благословение, о котором молится агностик. Он увидел все это в светло-карих глазах Рана.

— Я люблю тебя, — неожиданно выпалил Сэкстон.

Этот красивый взгляд загорелся так ярко, светлая радужка вокруг зрачков вспыхнула, как лунный свет.

Сэкстон махнул рукой.

— Этот дом, этот... мавзолей? Я оставил его как надгробие тому, что, как я думал, больше никогда не найду. И сейчас я понимаю, что больше мне это не нужно. Я отпускаю его так же, как когда-то я позволил Блэю уйти, и все из-за тебя. — Он поднял руку. — Это не значит, что ты обязан ответить мне взаимностью. Я привел тебя сюда, просто потому...

Ран прервал поток его слов:

— Я тоже тебя люблю.

Сэкстон заулыбался.

И еще долго не переставал это делать. Даже когда использовал широкую спину Рана, чтобы

поставить свою подпись на форме.

Чтобы двигаться вперед, надо отпустить прошлое. Некоторым для этого требуется сдвиг в сознании... другим — перемены в материальном мире.

Часто они взаимосвязаны.

С Раном в его жизни он теперь намного больше заинтересован будущим, чем прошлым.

«Так и должно быть», подумал он, надевая колпачок на «Бик». В конце концов, жизнь — нечто большее, чем ностальгия и сожаления.

И слава богу.

***

Стоя в тренажерном зале учебного центра, Ново указала на Пэйтона.

— Его. Я хочу его.

Брат Рейдж хлопнул в ладоши.

— Справедливо. Тогда вы вдвое, Крэйг с Буном, а Пэрадайз будет сражаться с Пэйн. Я возьму на себя Акса. В боевую стойку, чуваки.

Ново, сдерживая усмешку, последовала этой команде, ноги были полусогнуты в коленях, руки подняты перед собой, плечи напряжены — она готова атаковать. Пэйтон, с другой стороны, даже не пытался осторожничать. Он улыбался, как полный придурок, принимая ту же позу.

— На мой счет три, — рявкнул Рейдж. — Один, два, три.

Когда раздался свисток, Ново упала на маты и, описав обеими ногами огромный круг, ударила Пэйтона прямо по лодыжкам. Парень завалился на пол, как срубленное дерево и всем весом приземлился прямо на лицо. Времени не было совсем — после такого тяжелого приземления она не даст ему ни секунды собраться с силами.

Ново прыгнула ему на спину, обхватила горло рукой, перевернула и, раздвинув широко ноги, обернула их вокруг его бедер и сжала со всей силы. Пэйтон задохнулся, напрягся и, извиваясь, попытался перевернуться и подмять ее под себя или же просто избавиться от удушающего захвата. А она сжимала все крепче и крепче... аж взмокла, её руки, плечи и бедра горели, словно кости охватил пожар.

Каждый раз, когда он двигался в одну сторону, она выкидывала ногу. И затем, когда двигался в другую, она переключалась на противоположную сторону. Затем она схватила свое собственное запястье и потянула, потянула сильнее...

Пэйтон замедлился.

Еще.

Почти застыл.

И затем протянул руку и ударил ладонью по поверхности мата один раз... два...

На третьем хлопке Ново отпустила его и перекатилась на спину. Она так тяжело дышала, что перед глазами мелькали звезды, а легкие напоминали пару вулканов в груди...

Она захихикала. И позволила себе эту девчачью выходку, потому что, черт возьми, она только что сделала мужчину почти вдвое больше нее самой.

Пэйтон несколько раз перевернулся и икнул, его голова болталась из стороны в сторону, руки отнимались.

А потом он тоже повалился на спину и засмеялся.

Лежа на синих матах, они посмотрели друг на друга и засмеялись еще громче.

Только после того, как Ново села, она поняла... ох... ну да. Все в зале прекратили спарринг и смотрели на них.

После девичника они провели вместе несколько дней, и ей очень нравилось провокационно

подкрадываться в его дом по служебной лестнице, что позволяло избегать встреч с отцом и слугами; ей нравилась сама идея трахаться с Пэйтоном под крышей дома, принадлежавшего мужчине, который никогда бы не одобрил в пару своему сыну такой сброд, как она.

На горизонте маячило еще одно преимущество. Благодаря фиаско на девичнике, ее выгнали со свадебной вечеринки, а должность подружки невесты и соответствующие обязанности были аннулированы ее сестрой. И это прекрасно. Однако она все еще числилась в списке гостей.

Посмотрим, как долго это продлится. И решит ли она сама туда пойти.

Все эти дни, лежа рядом с Пэйтоном, Ново задавалась вопросом, а почему, собственно, она должна присутствовать на таком мероприятии, как свадьба Софи и Оскара. Конечно, это ее семья и все такое. Но они не обращались с ней как с родным человеком. Родители стыдились ее за то, что она не была достаточно женственной, а для сестры она всегда служила лишь орудием для самоутверждения.

Кому это нужно?

Фактически, чем больше Ново об этом думала, тем больше задавалась вопросом, почему кровным родственникам придавалось такое значение в жизни. Генетическая лотерея, в которую никто не играл добровольно, выплевывает вас куда заблагорассудится, независимо от совместимости. И все же каким-то образом ты обязан придавать этим возникшим по воле случая родственным связям эмоциональный вес и значимость — просто потому, что вашим родителям удалось удержать тебя в живых до того времени, когда ты сможешь, наконец, свалить из дома.

Поэтому да, скорее всего она не пойдет.

И вдруг ей стало все равно, что весь класс учеников и два преподавателя теперь в курсе, что они с Пэйтоном вместе изучали анатомию.

— Дай пять, — сказала она ему, выставляя ладонь. — В следующий раз ты меня сделаешь.

Он хлопнул по руке в ответ и пожал плечами.

— Даже если и нет, мне нравится сам процесс.

И подмигнул ей в своей хамоватой манере. А потом вскочил на ноги и помог ей подняться.

Он оставался джентльменом. Даже в своем непристойном поведении, он никогда не терял аристократического воспитания, и каким-то невообразимым образом ее это больше не раздражало.

Это просто была еще одна его сторона.

— Хватит на сегодня, — объявил Рейдж. — Все в душ. Автобус уходит через двадцать минут. Встречаемся завтра в качалке на первые полдня. Затем стрельба и курс по ядам.

По пути в раздевалки все болтали без умолку, парни шли первыми, а потом и она с Пэрадайз вошли в свою раздевалку и направились в отдельные душевые кабины. Она кайфовала, снимая мокрую от пота одежду, а затем расплела волосы. Просто рай.

Горячая вода. Класс! Только вот...

— Эй, — сказала она, перекрикивая шум льющейся воды. — Я могу одолжить немного твоего шампуня? Мой кончился, а новый принести я забыла.

Когда она высунулась из-за занавески, Пэрадайз выглянула из-за своей.

— Я думала, тебе никогда не нравился мой запах.

Ново пожала плечами.

— Он не так уж плох.

— Тогда, конечно. Бери что нужно.

— Спасибо.

Пузырек шампуня перешёл в руки Ново, она вернулась под потоки воды и намылила голову.

— Тебе вернуть его? — спросила Ново.

— Нет. Кондиционер у меня, сейчас передам его тебе под занавеской.

— Ты лучшая.

— Итак... — Последовала пауза. — Похоже, вы с Пэйтеном поладили.

Когда Ново выгнулась под струями и начала долгий десятиминутный процесс смывания пены с волос, в животе у нее все сжалось.

— Я видела, как он улыбался тебе в ответ, — сказала Пэрадайз сквозь шум воды.

Она ревнует? — удивилась Ново. Боже, вот только этих странностей не хватало.

— Ну, он ничего так, — пробормотала она.

Из-за занавески мелькнул кондиционер, и Ново схватила бутыл, хотя была не совсем готова. Она все еще споласкивала волосы, когда Пэрадайз выключила воду, и к тому времени, когда Ново вышла завернутая в полотенце, полностью одетая Пэрадайз уже стояла у зеркала с розовым феном в руках.

Обогнув шкафчики, Ново вытерлась насухо, натянула чистые кожаные штаны и черную майку. Она только начала расчесывать волосы, приготовившись заплести косу, когда из-за угла высунулась Пэрадайз.

— Ладно, я здесь умираю от любопытства.

Ново приподняла брови.

— В самом деле? А по цвету лица и не скажешь, что ты страдаешь респираторным заболеванием.

— Что происходит между вами двумя?

— Почему бы тебе у него не спросить?

— Я могла бы, да.

Она просто стояла там, напоминая ожившую фотографию со страницы «Vogue»^[102], белокурая красавица в элегантной, дорогой, я-богата-так-же-как-он одежде. Ново начала заплетать свою косу и почти доплела ее до конца, молча изучая стоявшую напротив девушку. В той не было гнева или чувства собственничества. Просто глубокое, нескрываемое, слегка удивленное любопытство.

Ново молчала, пока не закрепила конец косы резинкой.

— Вы на самом деле с ним просто друзья?

Пэрадайз кивнула.

— И всегда были только друзьями. — Девушка улыбнулась. — Он — очень хороший парень. И мне нравится, как он смотрит на тебя. Я всегда хотела, чтобы он нашел кого-то, на кого мог бы так смотреть.

— Мы не вместе, ничего в этом духе. В смысле... ну, ты поняла. Не в отношениях.

Вот дерьмо, она как будто оправдывалась. Опять же, она даже представить не могла, что будет вести подобный разговор — по целому ряду весьма мерзких причин.

Пэрадайз улыбнулась.

— Иногда отношения подкрадываются неожиданно. Чувства, эмоции, они как ниндзя, скрытные и...

— Смертельно-опасные.

Пэрадайз нахмурилась.

— Нет, я собиралась сказать, что они появляются из ниоткуда.

— Ну... слушай, я ничего не могу сказать по этому поводу.

— Извини. — Идеальные брови Пэрадайз обеспокоено сошлись на переносице. — Я не должна была поднимать эту тему. Это не мое дело.

— Нет, все круто. Все нормально.

Казалось, что девушка испытала искреннее облегчение, и у Ново возникло совершенно неожиданное желание обнять ее, но она быстро его задавила.

Она совсем размякла или что? Что за хрень?

— Увидимся в автобусе, — сказала Пэрадайз, закинув на плечо спортивную сумку. — Я никому ничего не скажу. Даже Крэйгу.

— Все нормально. — И, что самое интересное, это была правда. — Мне нечего скрывать, потому что ничего эмоционального не происходит.

После того, как Пэрадайз вышла из раздевалки, Ново задержалась на минутку. Обычно такой разговор мог бы выбить ее из колеи. Но уже нет. Или... по крайней мере, не сегодня.

Странно.

Собрав вещи и сложив их в вещевой мешок, она проверила свой телефон по привычке...

И в этот прекрасный момент, мобильный тренькнул мелодией Бобби Макферрина^[103] «Не волнуйся и будь счастлив», всплыло окошко сообщения, и она увидела имя адресата.

Открыв сообщение, ей пришлось прочитать его дважды. Затем она убрала телефон и нетвердой походкой вышла в коридор.

Ново была на полпути к стоянке, когда раздался голос у ее уха:

— Как насчет матч-реванша, только голыми?

Подпрыгнув, Ново повернулась к Пэйтону.

— Ой! А, да, конечно... куда направляешься?

— Домой. И я надеялся увидеться с тобой.

— Да. Мне нужно сначала в прачечную и доделать кое-какие дела. Увидимся через час?

— Эй. — Он положил ладонь ей на руку. — Ты в порядке?

— В полном. — Она уклонилась от его прикосновения. — Плечо побаливает, а дома беспорядок. Нужно разгрести завал на домашнем фронте, и я приеду.

— Заметано. — Его взгляд стал нечитаемым. — И, слушай, если тебе нужна передышка, я пойму.

— Не-а. Я в порядке. — Ново покачала головой, пораженная странным желанием подарить ему быстрый поцелуй.

Пэйтон словно почувствовал это и медленно улыбнулся уголками губ.

— Не торопись. Я всегда буду ждать тебя.

Вместе они пошли по коридору и сели в автобус, устраиваясь вдоль прохода лицом друг к другу, вытянув ноги так, что их кроссовки коснулись подошвами. Когда автобус тронулся, Бун включил старый добрый U2, и она узнала альбом «Джошуа Три» по шипящему ритму в наушниках. Крэйг и Пэрадайз расположились на задних сидениях, в объятиях друг друга, но без заигрываний, они просто расслаблялись. Акс же начал похрапывать.

Когда они добрались до назначенного места высадки, все вышли, и Пэйтон махнул ей рукой, прежде чем исчезнуть.

Ново подождала, когда все дематериализуются. Затем она рассеялась в ночном воздухе... в противоположном направлении от того места, где жила.

Она приняла форму перед ирландским баром под названием «У Пэдди» в квартале города, который она избегала более двух лет.

Она сделала глубокий вдох, и вошла в паб. Здесь было, по большей части, безлюдно, но там был мужчина-вампиры, сидевший в глубине зала.

Он встал, как только она вошла. Спустя мгновение она подошла к нему.

— Привет, Оскар, — сказала она, останавливаясь перед ним. — Вот так сюрприз.

После того как Ново поздоровалась, последовала неловкая пауза, и она использовала ее должным образом, усаживаясь и пристраивая свой вещевой мешок поудобнее — так что не было никаких шансов на объятие или что-то в этом духе.

Оскар прокашлялся, а затем снова вернулся за стол.

— Хочешь что-нибудь выпить?

«Может, пиво», подумала Ново. Обычно она предпочитала хороший скотч, но эта ситуация далека от обычной.

— Да, «Курс»^[104]. — Затем добавила: — Лайт.

Он поднял руку, и когда бармен подошел, сказал:

— Два «Курса» Лайт.

— Мы закрываемся через полчаса.

— Хорошо. Спасибо.

Человек, явно недовольный, ушел и сразу же вернулся с парой бутылок.

— Вы хотите рассчитаться сейчас?

Оскар кивнул и привстал, чтобы достать из кармана бумажник.

— Сдачи не надо.

— Окей. Спасибо... но мы закрываемся через полчаса.

Парень продолжал бормотать что-то себе под нос, даже когда вернулся к протиранию стаканов в дальнем конце барной стойки.

— Я рад, что ты пришла, — тихо произнес Оскар.

Ново ковыряла этикетку своей бутылки, чувствуя, как Оскар разглядывает ее лицо, волосы, ее тело.

— Ты изменилась, — пробормотал он. — Стала тверже. Сильнее.

— Это все тренировки.

— Я не только о физической форме...

— Послушай, я не знаю, что ты надеешься из всего этого получить, но мне неинтересно ворошить прошлое, ясно? Я пережила это, закрыли тему. Ты начал новый этап уже с Софи, и я тоже не топталась на месте.

— Я просто... хотел тебя видеть.

— Прямо перед тем, как ты собираешься сочетаться браком... ох, прости, жениться по человеческим традициям на моей сестре? В самом деле? Да ладно. В какую игру ты здесь играешь...

— Я знал, что ты беременна.

Слова были тихими, но ударили по ней как взрывная волна, остановив сердце и дыхание.

— Ты знал?

— Да. — Он кивнул и уставился на свою бутылку. — То есть... я догадывался. Тебя постоянно тошнило по вечерам. По крайней мере, как говорила Софи. Она думала, что это грипп и не хотела заразиться.

Ну разумеется, она не хотела.

Сейчас уже Ново изучала его. Оскар похудел. Под глазами залегли мешки. Бородка была похожа на аккуратно подстриженную садовую изгородь, а очки? Не для зрения, всего лишь часть образа.

Когда смотришь лишь на обложку, подумала она, очень легко соответствовать стандартам... и так же легко их менять.

— Что случилось с ребенком? — спросил он хрипло. — Где ты делала аборт?

Когда ее желудок свело, Ново оттолкнула от себя пиво.

— Почему ты думаешь, что я сделала аборт?

— Я видел тебя десять месяцев спустя. Ты не была беременна.

А, тооооочно. Она вспомнила счастливое маленькое воссоединение. Она пришла к своим родителям на обед, ее пригласила мамэн. Это случилось после ее переезда, и она чувствовала себя виноватой, что не вернулась. О, да, конечно, мама, я поморщусь и перетерплю.

И, естественно, центральной темой была Софи, которая привела своего нового парня домой, чтобы «познакомить» с семьей. Очевидно, ее сестра выбрала этот ужин, чтобы рассказать родителям, что на романтическом фронте события резко изменились, и она подчеркнула важность присутствия Ново. Все расслабились по поводу того, что все так хорошо закончилось.

Ново вернулась домой и не могла есть три дня.

А Софи же сияла победной радостью еще несколько недель.

— Это было твое решение, — сказал он. — Я бы не остановил тебя. В тот момент мы не были готовы к тому, чтобы стать родителями.

— Ага, потому что ты трахал мою сестру. Но это лишь детали.

Он вздрогнул.

— Извини. — Он потер лицо ладонями. — Я просто... я не знал, что делать.

На кончике ее языка повисло предположение, что, вероятно, для начала он не должен был трахаться с ее сестрой. Но потом она снова посмотрела ему в лицо. Первая любовь была по определению лишь тренировкой, пробником. Кому-то везет, и тогда вас ждет долгое будущее, полное самопознания с обеих сторон, которое только сближает. Но чаще всего, вам предстояло еще очень много узнать друг о друге.

Он был у нее первым. Во всех важных аспектах.

Но по сравнению с одним белобрысым аристократом? Самоуверенным наглецом, который забивал на все и вся?

Оскар нервно курил в сторонке.

И если подумать, тот факт, что Софи вмешалась и прервала естественный ход вещей, в действительности не имел никакого значения. Истинная трагедия заключалась не в уходе Оскара. Речь о потере ребенка и предательстве ее собственной семьи.

— Я в порядке, — выпалила Ново. — Все в полном порядке.

Что являлось для нее шокирующей правдой.

— Я рад, — ответил он.

— Я сказала эти слова не для тебя. — Ново положила руку на сердце. — Я сказала их для себя. Я... в порядке.

По крайней мере, что касается его ухода к сестре. Ребенок? Ну, это другая история... и она не касается Оскара. Если мужчина знал, что она беременна и все равно ушел? Он не заслуживал ее секретов.

Правду, как и доверие, надо заработать.

Оскар прокашлялся и провел ногтями по бородке, словно его кожа зудела. Затем он снял массивные очки в черной оправе. Положив их на стол, он потер глаза, как будто они болели.

Когда тишина затянулась, Ново покачала головой.

— Ты решил, что совершаешь огромную ошибку, собираясь жениться на Софи, и сейчас не знаешь, что делать.

Он опустил руки на стол.

— Она сводит меня с ума.

— Ничем здесь не могу тебе помочь, извини.

— Она... очень требовательная. Я ведь никогда не просил ее выйти за меня. Она отвела меня в ювелирный магазин, и следующее, что я вижу — как она меряет кольца... и вот я покупаю то, которое она захотела. Этот бриллиант. С окаймлением или как там оно называется. Что бы это ни было. — Оскар снова почесал щетину, словно пытался стереть свою жизнь, содрав то, что Софи, несомненно, заставила его отрастить. — Софи нашла нам квартиру. Которую я не могу позволить. Она говорит, что не может работать из-за церемонии... то есть свадьбы. Нескончаемое дерьмо — вечеринки, салфетки, украшения стола. Она начинает что-то делать, бросает, орет на меня, пытается втянуть своих подружек. Это кошмар, но что еще хуже...

Ново подняла руку.

— Стоп. Просто... остановись.

Когда он посмотрел на нее, Ново выскользнула из-за стола с вещевым мешком в руках.

— Это меня не касается. И, на самом деле, это не круто — просить меня приехать сюда, чтобы при мне полить грязью мою же сестру. Женись на ней или нет. Работай над отношениями или нет. Это твое дерьмо, не мое.

— Я знаю. Прости. Я просто не знаю, что еще сделать.

В тот момент его слабая сущность была настолько очевидна постороннему взгляду, что Ново поражалась, как, черт возьми, она когда-либо находила его привлекательным. И она точно знала, что произойдет. Он пойдет под венец, или как там еще люди называли этот алтарь, женится на Софи, они заведут ребенка, а может и двух. И потратит свою жизнь, задаваясь вопросом, как так вышло, что он оказался с шеллан, которую терпеть не может, детьми, которых он не любит, и домом, который не может себе позволить. Это будет загадкой, которую он никогда не сможет решить, даже когда зайдет в могилу по тропе, которую сам себе протоптал.

— Знаешь, Оскар, никто не приставляет пистолет к твоей голове.

— Что?

— Ты сам выбираешь это. Ты выбираешь свою судьбу, и значит, если ты чувствуешь, что это не правильно, тебе не обязательно это делать. — Ново покачала головой. — Но это зависит только от тебя. Все это... это все на тебе.

— Не ненавижь меня. Пожалуйста.

— Знаешь... Я совсем не испытываю к тебе ненависти... Мне жаль тебя. — Она кивнула. — До свидания, Оскар. И удачи. Я действительно это имею в виду.

Когда она выходила из паба, бармен крикнул:

— Возвращайтесь к нам обязательно!

Она бросила через плечо:

— Спасибо. Он определенно вернется, это я вам точно говорю.

***

Пэйтон вышел из душа и натягивал украшенный монограммным принтом халат, когда зазвонил телефон. Ответив, он даже не стал смотреть, кто это, потому что боялся, что это Ново звонит, чтобы все отменить.

— Да?

— Пэйтон?

Узнав женский голос, он на мгновение закрыл глаза. Затем подошел и сел на край ванны.

— Ромина. Привет.

Последовала пауза.

— Послушай, я не знаю, в курсе ли ты, но наши отцы записаны на встречу в Доме для

аудиенций. С Королем.

Он вскочил на ноги.

— Как? Зачем?

— Я думаю, что платеж согласован, и дело... идет.

— Нет. Ни в коем случае. — Когда он понял, что это прозвучало как колоссальное оскорбление, то быстро сказал: — Слушай, дело не в тебе...

— Конечно во мне, но я тебя не виню.

— Нет, я... я влюблен в другую. Я встречаюсь с другой.

Было странно и очень приятно говорить это. И он, казалось, искушал судьбу. У него возникло ощущение, что за последние пару ночей он словно оттаял вместе с Ново, но он не обольщался. Она все еще не доверяла ему, хотя это и не удивительно. Они вместе не так давно.

Технически они пока не вместе.

— Я рада за тебя, — сказала Ромина. — И в этом случае, нам действительно надо что-то с этим делать.

— Они не могут нас заставить.

— Если твой отец примет платеж, мой будет ожидать, что за ним последует ты.

Он нахмурился.

— Прости... что?

— Твой отец установил цену, и, если я правильно понимаю, мой отец согласился заплатить. Поэтому, если деньги переходят из рук в руки, дело сделано. Это Древнее Право.

Его продали? Как скотину?

Пэйтон пропустил пальцы сквозь мокрые волосы и был настолько ошеломлен, что не мог думать.

— Черт возьми, теперь я знаю, как чувствуют себя женщины, — пробормотал он.

— Мне очень жаль. И у меня было ощущение, что ты не в курсе. Я думаю, они могут попытаться заставить Короля подписать все без какой-либо церемонии. В этом случае вряд ли мы сможем что-то изменить. Слово Рофа, сына Рофа, — закон. Тогда нам придется пожениться.

— Вот хрень...

Послышались помехи, и голос Ромины стал глухим.

— Мне пора. Ты должен это остановить. Ты работаешь на Братство. Так или иначе, ты в состоянии добраться до Короля. Я не хочу этого для тебя.

— Или себя.

— О себе я не волнуюсь.

Когда звонок прервался, он проиграл в голове разговор, гадая, чего он мог не знать. Финансовые дела своей семьи — да. Только одно «но». Вокруг столько всего происходило, и отец не выглядел обеспокоенным. Установленная цена была, без сомнения, просто способом отыграть неудачную инвестицию в первого наследника.

— Пэйтон?

При звуке голоса Ново в своей спальне он развернулся. Черт, ему нужно позаботиться об этом. Немедленно. И также он должен рассказать своей девушке, что происходит.

— Я здесь, — сказал он. — Послушай, я должен...

Когда Ново вошла через дверь ванной комнаты, он сразу понял, что стряслось нечто серьезное. И затем он увидел слезы у нее на глазах.

— Ново? Что происходит?

Устремившись вперед, он сжал ее в объятиях. Ее сотрясали жуткие рыдания, все тело дрожало, и он потянул Ново глубже в ванную комнату и закрыл дверь, чтобы никто не услышал ради ее же собственного уединения.

— Ново... — Пэйтон склонил голову и погладил ее по спине. — Ново, любовь моя... что случилось?

В конце концов, Ново вздрогнула и отстранилась от него.

Она начала ходить кругами, держа руки сцепленными на животе, и она сгорбилась, словно была в агонии.

Потом остановилась и посмотрела на него глазами, наполненными болью до самых краев так, что было невыносимо смотреть в них.

— Я потеряла своего ребенка, — Когда Ново заговорила, эмоции снова накрыли ее, и она всхлипнула. — Это была маленькая девочка. Я держала ее в ладонях... после того, как потеряла ее...

Ново думала, что она — кремень. Что она просто ушла из этого паба, от Оскара и всего прошлого дерьма в ее голове. И в подтверждение подобной уверенности она смогла без проблем дематериализоваться, приняла форму за гаражом особняка семьи Пэйтона и проскользнула через дверь в библиотеку, используя код, который ей дал Пэйтон.

Она даже немного посмеялась, поскольку у нее получилось прокрасться мимо дворецкого, которого Пэйтон так ненавидел.

Но в длинном коридоре, по пути в его комнату выяснилось, что она зацепилась о метафорический каблук тканью некой внутренней одежды, плетение швов ослабло, и к тому моменту, как она добралась до спальни Пэйтона, она была абсолютно голой.

И когда Пэйтон посмотрел на нее, а она вдохнула его запах... плотину снесло подчистую. Поэтому она поделилась с ним правдой, своим секретом, рассказала ему то, о чем никому не рассказывала.

Видя потрясение и ужас на его лице, ей захотеть сбежать.

— Прости, — пробормотала она. — Я не должна была приходить...

В панике она развернулась, готовясь к побегу, но Пэйтон рванул вперед и загородил своим телом выход.

— Расскажи мне, — сказал он. — Расскажи, что случилось. О, Боже... Ново... Я даже подумать не мог...

Она очень долго качала головой, слезы катились по щекам, приземляясь полукругом у ее ног.

— Никто не знает. Никто не знал... — Она хлопнула носом и вздрогнула, когда образы вернулись... вместе, Господь Всемогуший, с воспоминаниями о старом, сыром, холодном доме. — Я никому не рассказывала.

— Оскар, — сказал Пэйтон мертвым голосом. — Это был Оскар.

Она кивнула.

— Он оставил меня сразу после жажды. Я думала, что мы были осторожны, но, очевидно... прошло три недели, кровотечения не было, а потом я узнала. Я сохранила все в тайне. Уехала из дома своей семьи, сказала родителям, что мне нужно пространство... они до последнего не знали, что натворила Софи. Что Оскар ушел к ней.

— Вот. Возьми.

Ново уставилась на то, что он протянул ей, не понимая, что это... а, коробка с «Клинексами». Она вытянула несколько салфеток, а остальные спрятала под руку.

Она шумно высморкалась.

— Прошло восемь месяцев, когда начались боли. Примерно спустя две недели я была в съемном доме... У меня началось кровотечение и... — Она снова высморкалась и прижала салфетку к глазам, когда боль вернулась. — Я потеряла ребенка. Она вышла из меня... девочка была такой крошечной, такой идеальной. Моя дочка...

Образ ребенка был высечен в ее разуме, как глубокий овраг, никогда не теряющий контуров, независимо от того, сколько раз она вспоминала об этом или сколько лет прошло.

Внезапно Ново почувствовала тепло вокруг себя, чье-то тело рядом с собой.

Пэйтон.

Она снова всхлипнула и прижалась к нему, сжимая в кулаках мягкую ткань его халата, повиснув на нем.

— Я рядом... — сказал он. — Я с тобой.

— Я не сказала ему. Он догадался, что я была беременна... но я не рассказывала ему, что случилось... — Внезапно она подняла глаза. — Он позвонил мне сегодня вечером и попросил о встрече. Хотел... поговорить о Софи. Он думал, что я сделала аборт.

Пэйтон нахмурился.

— Подожди минутку... он знал? Что ты была беременна? И ушел к твоей сестре?

— Когда он говорил сегодня вечером... — Ново отстранилась, а затем снова начала ходить кругами. — Он спросил меня, куда я пошла, чтобы сделать аборт. Я не сказала ему, что был выкидыш. — Она посмотрела на свой плоский живот. — Я похоронила своего ребенка. В поле за домом. Пока из меня все еще лилась кровь. Я... покрыла могилу камнями и посадила глупый куст, потому что не хотела, чтобы у ее могилы не было надгробного камня или какого-либо обозначения. — Ново покачала головой. — Оскар не заслуживает того, чтобы знать о произошедшем. Это моя жизнь, моя личная боль. Он не хотел ребенка и не хотел меня. И я не думаю, что он заслуживает... он не заслуживает нас.

Ново закрыла глаза.

— Понимаешь, она все еще со мной. Она умерла, прежде чем узнала что-нибудь об этом мире, но я храню ее здесь. — Ново коснулась своего сердца. — Она здесь со мной. Всегда. — Она посмотрела на него. — И ты — единственный, кто знает.

***

Существует так много разных способов сказать «Я люблю тебя».

Пэйтон подошел к Ново и снова притянул ее к себе, думая, что эти три слова, безусловно, служили самой распространенной передачей священных эмоций между двумя душами. Но были и другие способы. Жесты, подарки, восстановление сарая после пожара, чистка дорожки от снега, нечто банальное, например, перенос сумок с продуктами из машины.

Ново говорила ему о своей любви, делаясь страшной правдой о потере настолько невообразимой, что он не мог понять, как она смогла справиться с трагедией и как продолжала идти дальше: она призвала его в свидетели своей истории, своей боли. И открываясь ему, как никому до этого, она заявляла, что любит его.

— Я так давно живу в боли, — прошептала она, немного успокоившись. — Так долго держала всё в себе.

Он представлял ее где-то там, в одиночестве, без медицинской помощи, никто не держал ее за руку, никоим образом не облегчил ее страдания. И затем она похоронила своего ребенка.

Пэйтон крепко зажмурился при мысли, что она перенесла.

— Пойдем со мной, — сказал он, беря ее за руку и ведя в спальню. — Ложись. Позволь мне обнять тебя.

Ново закуталась в одеяло с монограммным принтом так, будто у нее все болело. Он присоединился к ней, обнял и натолкнулся рукой на уголок коробки с Клинексом, которую она обхватила, как ребенок хватается игрушку, чтобы успокоиться. Когда ее снова накрыла дрожь, он притянул Ново к себе.

— Как ее звали? — услышал он свой голос.

Ново дернулась в его руках, и подняла глаза.

— Я... я не успела дать ей имя.

Он смахнул пряди волос с ее раскрасневшегося лица.

— Ты должна дать ей имя. И ты должна вернуться и установить правильное надгробие. Она жила внутри тебя. Она существовала.

— Я думала, может быть...

— Что ты думала? — прошептал он, откидывая её волосы. — Расскажи мне.

— Я спрашивала себя, следует ли мне дать ей имя. Но сомневалась... Я чувствую, что не заслужила этого. Настоящая мамэн дает имена своим детям. Я не смогла сберечь своего... Я отпустила ее, я убила ее... я не достойная мать, чтобы давать имя кому-нибудь.

— Остановись, — прохрипел он. — Ты не сделала ничего плохого. — Потом яростно добавил: — Чего не скажешь о многих других. И ты должна дать ей имя. Ты хранишь ее в своем сердце, ты — мамэн, и эта невинная маленькая душа сейчас в Забвении наблюдает за тобой. Твоя дочь — ангел, и ты должна дать ей имя, только так ты сможешь обращаться к ней, когда говоришь с ней в своей голове.

— Как ты узнал, — хрипло спросила она. — Что я говорю с ней?

Скользнув взглядом по ее лицу, он понял, что хотел бы взять ее боль на себя, забрать бремя из усталых рук и нести его на себе всю оставшуюся жизнь.

— Разве нет? Она же твоя дочь.

Новые слезы появились в ее глазах, и он достал «Клинекс» из коробки и стер все до единой. Когда они остановились, она прошептала:

— Я внезапно ощутила дикую усталость.

Пэйтон провел кончиками пальцев по ее щеке.

— Спи. Я присмотрю за тобой. Сегодня у тебя не будет кошмаров.

— Обещаешь? — спросила она.

— Обещаю. — Он закрыл глаза. — Я не оставлю тебя. И никаких кошмаров. Просто отдыхай.

Сильное тело Ново вздрогнуло и расслабилось, а потом она прижалась к нему.

— Если бы я умел петь, я бы спел тебе колыбельную, — сказал он мягко. — О месте, где нет боли и потерь. Волнений. Но мне медведь на ухо наступил.

— Само желание — вот что главное, — пробормотала Ново.

Вскоре после этого ее дыхание стало медленным и ровным, тело вздрагивало время от времени — значит, она провалилась в глубокий сон.

Смотря на нее в своих объятьях, Пэйтон понимал, что без сожаления отдаст за нее свою жизнь. Он будет убивать драконов и двигать горы ради нее. Завоюет целые миры по ее приказу, будет голодать, пока от него не останутся кожа и кости, но убедится, что она обеспечена едой. Она не была его солнцем или луной... она была его галактикой.

— Я тоже люблю тебя, — прошептал он ей на ухо. — Навсегда и навечно.

Ново проснулась через десять часов. Она знала это по часам на прикроватном столике, естественно, не по дешевому цифровому куску дерьма с «Амазона», а по антикварным «Картье», которые, как оказалось, были сделаны из мрамора, а стрелки инкрустированы бриллиантами.

Она отвернулась от Пэйтона во сне, но нельзя сказать, что они спали раздельно. Он, все еще в халате, крепко прижимался к ее спине, они лежали поверх одеяла, а не между ним и невероятно мягкими простынями.

Черт, ей надо в туалет.

Ладно, это вряд ли было самой главной мыслью на тот момент, но с точки зрения срочности? И тот факт, что для решения этой проблемы надо просто встать и сходить в ванную комнату?

#цельжизни

Когда она осторожно выпуталась из объятий Пэйтона, он ненадолго выплыл из своего сонного состояния, чтобы пробормотать что-то вроде «Ты куда?».

— В ванную, — сказала она тихо. — Спи.

Он кивнул головой на подушке, и пробормотал что-то утвердительное.

Ново стояла над ним, и ей хотелось погладить его взлохмаченные светлые волосы и стереть черные круги под закрытыми глазами. Она была готова поспорить, что большую часть дня он не спал, присматривая за ней, и она ненавидела себя за то, что ввела его в такое состояние.

Но она была рада. Она... чувствовала облегчение, вроде того, как бывает, когда исцеляешься от какой-нибудь заразы. Было адски больно вскрывать нарыв, но потом? Очищение напоминало яркий солнечный свет в темной, сырой пещере.

— Ты намного больше того, что я о тебе думала.

И не только потому, что она недооценила Пэйтона с самого начала. А потому, как он общается с ней, как смотрит на нее, поддерживает, не подавляя.

Это прекрасно характеризовало то, кем он был для нее... ведь она отправилась со своей болью не к мужчине, от которого она зачала ребенка. Нет, это был Пэйтон.

Она хотела только Пэйтона. Только ему она доверяла. В нем нуждалась.

Она влюбилась в него.

И было не страшно признать это. Поразительно.

— Я дам ей имя и вернусь туда, — произнесла тихо. — И может, ты когда-нибудь пойдешь со мной, чтобы я могла вас познакомить.

Принимая его в свою жизнь, она хотела, чтобы он когда-нибудь побывал там вместе с ней. Это не просто часть ее... Долгое время оно задавало тон ее жизни.

Ново прокралась на цыпочках в туалет, закрылась, сделала все, что планировала, потом помыла и высушила руки. Посмотрев на свое отражение в зеркале, она удивилась, что осталась прежней. Хотя, можно подумать, что внутренние преобразования могли изменить цвет глаз, волос, поменять стиль.

Но да, это по-прежнему она.

В этом и суть, не так ли? После выкидыша в ней словно уживались две стороны, одна хранила все, что случилось: боль потери и связанное с ней горе; вторая — все остальное. Последняя — отвечала за жизненные процессы и перемещение по миру. Первая — была затаенной сущностью, что преследовала ее по пятам постоянно. И она защищала обе стороны возведёнными стенами.

Без вариантов: либо она удерживает все противоречия под контролем, либо она бы просто

распалась на части и не смогла нормально существовать.

Пока она, рыдая, рассказывала Пэйтону свою историю, обе ее половинки почти соединились. Она не знала, как это объяснить.

Да и кто бы мог, черт возьми.

— Увидимся на учебе, — сказала она Пэйтону, вернувшись в спальню и надев ботинки.

Он снова пробормотал что-то во сне, а затем почти сразу проснулся, чтобы сосредоточить на ней взгляд:

— На учебе? Увидимся на учебе?

— Да, на учебе.

Когда она наклонилась и поцеловала его, у нее появилось желание сказать «Я люблю тебя»... импульс был настолько силен, что она почти произнесла слова вслух.

В конце концов, она остановила себя и сказала:

— Мне уже не терпится.

— И мне.

— Спи дальше. У тебя целый час, может быть, чуть больше, прежде чем придется вставать.

— Жаль, что тебе надо уйти.

— И мне, — повторила она его слова.

В дверях она взглянула на него. Он закрыл глаза и глубоко, медленно вздохнул, как будто в его мире воцарился полный порядок.

Она чувствовала то же самое.

Выйдя в холл, Ново направилась к лестнице, ее мысли путались, но в голове было по-странным ясно. Случилось столько всего, чего она никак не ожидала — ни от него, ни от себя...

Когда она подошла к лестнице, то поняла, что сделала ошибку. Отвлекаясь, она ушла не прямо, а влево, и оказалась не у служебной лестницы, а у главной.

— И кто, позволь спросить, ты такая?

Она обернулась. Эти слова сказал мужчина, одетый в костюм-тройку, и он был мрачнее тучи. У него были редкие волосы, такого же цвета, как у Пэйтона, и аристократические черты лица, которые можно было бы назвать красивыми, если бы не тонна презрения.

— Ну? — потребовал он, подойдя к ней. — Отвечай, уж будь так любезна.

В непосредственной близости она решила... нет, отец Пэйтона был не таким красивым, каким казался на расстоянии.

— Я подруга вашего сына.

— Подруга. Сына. Что ж. Он оплатил твои услуги, или ты планировала украсть серебро на выходе?

— Прошу прощения?

— Ты слышала, что я сказал.

— Я — не шлюха, — огрызнулась она.

— О, прости, — протянул он. — Значит, ты провела с ним день бесплатно? Видимо, ты надеешься стать его шеллан, но позволь мне пресечь твои стремления. На этой неделе он будет обручен с женщиной из достойного рода, поэтому я ужасно сожалею, дорогая, но с тобой у него будущего нет.

— Обручен? — прошептала она. — Что вы...

— Он дал свое согласие и уже виделся с ней. И не думай, что для тебя найдется роль любовницы на стороне, я должен тебя разуверить в этом убеждении. Иди и торгуй своими прелестями в другом месте. Вон. Доброй ночи.

Ново отшатнулась, смысл слов плохо доходил до нее.

— Не туда, — рявкнул мужчина. — Ты не заслужила уйти через парадный вход. Твое место

на выходе с черной лестницы...

Ново повернулась и побежала по длинному красно-золотому ковру, ее ноги перепрыгивали ступени, а отец Пэйтона продолжал что-то кричать ей вслед. У парадной двери она долго возилась с запирающим механизмом, вырвавшись на свободу в тот момент, когда слуга выскочил откуда-то.

Оказавшись на холоде, она поскользнулась и упала в снег. Поднялась и продолжила бежать по газону, оставляя следы на нетронutom снегу.

Ее сердце колотилось, а мысли в голове плавали. В основном Ново осознавала, что снова оказалась в царстве боли, временная передышка закончилась... она лишь на мгновение выплыла на поверхность, чтобы глотнуть немного воздуха, и вот, она снова погружается на дно.

Но она не заплакала.

Это холод спровоцировал слезы. Виноват холод, он один.

Сэкстон опаздывал на работу. Он бежал вверх по лестнице цокольного этажа фермы, на ходу натягивая пиджак и одновременно застегивая пуговицы на рубашке. Но все шло не так как надо, эффективность стремилась к нулю из-за попытки сделать два дела сразу.

— У меня твой тост! — крикнул Ран, стоя у раковины. — И я налил кофе в твою кружку!

Сэкстон остановился. Парень был абсолютно обнажен, и все, о чем Сэкстон мог думать сейчас — как он внимательно изучил этот... вид сзади... к своему очень большому удовольствию дважды в течение дня. Нет, трижды, включая тот, что в душе. Это и послужило причиной его опоздания.

— И как, по-твоему, я должен покинуть дом, пока ты расхаживаешь в таком виде?

Ран, всегда следовавший правилам, на этот раз решил не флиртовать.

— Эй, давай, ты же опоздаешь! И я не хочу быть виновным в этом.

Сэкстон мог бы пошутить по этому поводу, но его отношение и чувства были настолько серьезными, что такое легкомыслие казалось бы совершенно не к месту, независимо от намерения.

— Пообещай мне, что когда я вернусь, ты будешь одет точно так же.

— Сэкстон, ешь.

К нему подтолкнули тарелку и пихнули под нос кружку, а он просто стоял в наполовину застегнутой рубашке и в пиджаке наперекосяк.

И, кстати, какое прекрасное слово... «наперекосяк». Звучит отлично и прекрасно описывает беспорядок.

— Сэкстон...

— Обещай.

— Хорошо! Я буду голым, как ты просишь.

— Благодарю покорно. — Он слегка поклонился и быстро привел одежду в порядок. — И я жду нашего воссоединения, затаив дыхание.

— Я буду здесь, — улыбнулся Ран. — Сегодня я работаю в подвале.

— Благодаря тебе это место будет как новое к моменту нашего отъезда.

— Таков план.

Сэкстон замолчал.

— Я люблю тебя.

Поцелуй, что подарил ему Ран, напоминал дыхание, он был легким и жизненно необходимым.

— Я тоже тебя люблю, — сказал мужчина. — Ступай... Подожди, пальто возьми, оно там, на столе!

— Оно мне не нужно. У меня есть ты, чтобы согреться.

Спустя несколько минут Сэкстон дематериализовался... и принял форму у заднего входа в Дом для Аудиенций. Сразу же, как только он вошел на кухню, то понял, что выпал из жизни. Доджены уже выставили подносы с пирожными и включили огромный кофейник, отовсюду раздавались голоса, а гражданские уже прибывали на встречи.

— Проклятье, — выдохнул он, проскользнув через откидную дверь и запрыгивая в свой кабинет, словно в бассейн.

Кофейная кружка опустилась на стол, и лишь тогда он понял, что взял с собой еще и тост на тарелке. Ее поставил туда же, тост забросил в рот, схватил папки, с которыми, слава Богу, он разобрался еще перед уходом домой...

— Роф задерживается.

Сэкстон развернулся. Блэй стоял в дверном проеме, одетый в форму для караульной службы, его одежда была неофициальной — свободная, застегнутая на молнию кофта, скрывающая под собой все виды оружия. Его рыжие волосы были еще влажными, как будто он тоже только прибыл из своего дома, а вишневое пирожное в его руке мысленно вернуло Сэкстона в те далекие воскресные вечера, когда они вместе просыпались.

Но вот что странно: появление мужчины и воспоминания о прошлом не вызывали боли. На самом деле не было даже ностальгии. Скорее перечень прозаических событий, пережитых Сэкстоном в прошлом, среди которых также была покупка нового костюма у своего портного, пирожное, которое он в последний раз ел здесь, в Доме для Аудиенций... или даже тот факт, что, да, его собственные волосы тоже были немного влажными.

Он купался в спокойствии от осознания отсутствия боли.

Сэкстон вынул кусок тоста изо рта.

— Я рад. Сам опоздал. Я не мог выбраться... — Он замолчал. — В общем, у нас расписание забито полностью. Во сколько он прибывает?

Блэй пожал плечами и доел пирожное.

— Не знаю. Естественно, все прибывшие хотят попасть к нему на прием. Насколько я понял, Джордж выблевал завтрак, поэтому Роф вызвал ветеринара, чтобы убедиться, что с бедным псом все в порядке.

— О, нет. — Сэкстон похлопал вокруг в поисках своего телефона. — Я должен позвонить в дом... так, стоп. Я не хочу вмешиваться. Ничего не случится с этой собакой

— Ничего не случится с этой собакой.

Они оба засмеялись. Затем Блэй внезапно стал серьезным.

— Слушай, мои родители очень благодарны за то, что ты и... Ран... сделали для Минни. Думаю, вы позаботились о застройщике? Минни — замечательная женщина, и ситуация действительно очень беспокоит мамэн и отца. Ты же знаешь мою мамэн. Она реально волнуется.

Сэкстон подошел и сел за стол.

— Твои родители — самые лучшие.

— Они любят тебя.

— И я люблю их.

Повисло молчание.

— Кстати, я очень рад за тебя и Рана, — мягко сказал Блэй. — И я надеюсь, что это не прозвучало странно. Я не имел ничего такого в виду, клянусь.

— Я, эм... я не знал, что кто-то еще в курсе о нас. Не то чтобы я сознательно держал все в секрете.

— Минни рассказала моим родителям.

Сэкстон глубоко вздохнул. И затем потянулся за своей кружкой, снял крышку и сделал глоток. Кофе был по его вкусу, сладкий и не слишком крепкий.

Каким-то образом тот факт, что его сварил Ран, заставил Сэкстона почувствовать, словно парень был здесь, в этом кабинете.

— Могу я быть откровенным с тобой?

— Конечно. Всегда.

Он посмотрел на своего бывшего любовника.

— Я тоже рад за себя. Это было тяжело.

Блэй прошел еще глубже в кабинет.

— Я знаю, что было сложно. Но не знал, как помочь, что сделать. Было ненавистно наблюдать за твоими переживаниями. Это просто убивало меня.

— Я старался не показывать их слишком явно. И думал, что неплохо справлялся.

— Просто я хорошо тебя знаю.

— Да, так и есть. — Сэкстон провел пальцем по металлическому ободку кружки. — Я не ждал его. Рана, то есть. Вообще. Я не думал, что когда-либо... снова почувствую это, и что это все изменит. Он... да, конечно, это звучит банально, но он — моя вторая половина. Это случилось так быстро, что у меня до сих пор кружится голова и от этого порой становится страшно, но вместе с тем я чувствую радость и счастье.

— Нужно лишь мгновение, — тихо сказал Блэй. — Когда чувства настоящие, все происходит как по щелчку выключателя. Нажал — и вся жизнь освещена.

— Да. Так и есть. — Сэкстон улыбнулся мужчине. — В моей душе воцарился мир. Знаешь, я ведь подумывал об отъезде.

— Из Колдвелла? Правда?

— Меня мало что удерживало здесь. Вот это все... — он обвел рукой офис, — отлично отвлекало. Когда здесь наладилась работа, и забот поубавилось, я начал дрейфовать. Но, по всей видимости, мне еще раз повстречалась спокойная гавань.

— Ран — хороший парень. И я не знал, что он гей.

— Он тоже не знал.

Блэй тихо рассмеялся.

— Ты неотразим, перед тобой невозможно устоять. Знаю это по собственному опыту.

— Я безмерно польщен твоим комплиментом, дорогой друг, — Сэкстон положил руку на сердце. — Весьма.

Они оба засмеялись, но потом в коридоре мимо кабинета проскользнула пара додженов, они тащили пылесос, шланг которого волочился за ними по полу.

— О, Боже, нет, — нервно пробормотал Сэкстон и пересек офис. — Неужели снова эта ванная комната. — Он высунул голову в коридор. — Что стряслось?

Слуги остановились, поклонились, а тот, что слева, сказал:

— Туалет наверху.

— Мы все починили, — сказал второй. — Но на полу вода.

— Мы все там заменим. Спасибо. Продолжайте.

Пара покрасневших довольных додженов исчезла из вида, и Сэкстон вернулся в кабинет. Взглянув в глаза Блэю, он улыбнулся.

— Все в порядке.

— Все хорошо, действительно, — сказал мужчина, когда протянул руку и сжал плечо Сэкстона. — Очень хорошо....

— Прошу прощения. Я не хотел вас прерывать.

Сэкстон оглянулся. Один из стажеров, Пэйтон, сын Пейтона, стоял в открытых дверях с выражением нетерпения на лице, беспокойно покачиваясь взад-вперед, словно лишь верхняя часть его тела знала, что пора притормозить.

— Все нормально, — отозвался Сэкстон. — Входи. Тебе что-то нужно?

— У меня проблема.

Блэй дал пять стажеру, а затем взглянул на Сэкстона.

— Я дам тебе знать, как только прибудет Роф.

— И по поводу Джорджа тоже.

— Несомненно.

Сэкстон и Блэй махнули друг другу рукой, а затем он дал себе немного времени прочувствовать свое новое место в жизни, так называемый новый адрес, который не шел ни в какое сравнение с его предыдущей печальной обителью.

Все хорошо, что хорошо кончается.

Затем он изменил направление мыслей и вернулся в реальность.

— Рассказывай, что случилось, и как я могу помочь?

***

Пэйтон проснулся в одиночестве, но сразу вспомнил, как Ново попрощалась с ним. Ему пришлось собираться в спешке, потому что он проспал и не услышал трель будильника на своем телефоне. Он даже не потрудился побриться, просто принял душ, натянул одежду, открыл окно и дематериализовался в Дом для аудиенций.

Несмотря на то, что он опаздывал и, что более вероятно, уже пропустил автобус в учебный центр, первым делом он должен был позаботиться совсем о другом.

— Я могу закрыть дверь? — спросил он.

Сэкстон, личный юрисконсульт Короля, кивнул.

— Конечно.

Заперев их наедине, Пэйтон принялся мерить шагами узкий проход между архивными шкапами и встроеными полками.

— Мой отец хочет женить меня на девушке, и ни она, ни я на это не согласны. Мы это с ней уже обсудили. Я влюблен в другую, а она... — Он подумал, что будет неуместно рассказывать историю Ромины. — Она хочет остаться свободной. Проблема в том, что... наши родители пришли к какому-то финансовому соглашению, и мы обеспокоены тем, что они его выполняют, и мы попадем в западню.

— Твой отец платит приданое, я полагаю.

— Нет, ему платят.

Сэкстон не скрыл удивления.

— Серьезно? Ну ладно.

— Мой отец пытается избавиться от меня в течение многих лет, — сухо сказал Пейтон. — Это как продажа гаража. Только вот я сомневаюсь, что моя цена будет выше пяти долларов.

— И для полной ясности: вы оба, ты и эта девушка, не согласны. Она тоже в этом абсолютно уверена.

— Да. Но судя по тому, что она рассказала мне прошлой ночью, наши родители договорились о встрече с Королем. Они придут сюда. Я не знаю, когда именно, но точно знаю, что скоро. Мой отец уже несколько раз был в Южной Каролине, где проживает ее семья.

— Твоего отца зовут Пейтон?

— Да.

Сэкстон открыл ноутбук, что-то напечатал, затем откинулся в кресле.

— У них назначен визит к Королю.

— Когда?

— Я не могу тебе сказать. — Пэйтон хотел возразить, но Сэкстон вскинул руку. — По этическим соображениям я должен быть осторожным и не нарушать конфиденциальность. Но это не значит, что я не могу тебе помочь.

— Мы можем это остановить?

— Я так понимаю, что девушка прошла превращение. — Когда Пэйтон кивнул, Сэкстон продолжил: — Хорошо. Значит, вы оба по закону совершеннолетние. Моя первоначальная мысль заключается в том, что вы не являетесь третьими лицами в подобном договоре. Двое взрослых, которые пришли к взаимопониманию, могут связать друг друга узами по соглашению, но такое соглашение не должно обременять кого-либо, у кого нет интереса или выгоды по условиям

подобного договора.

Пэйтон потер глаза пальцами.

— Ничего не понял.

— Ваши родители могут согласиться на все, что захотят, между собой. Но это соглашение не может быть использовано для принуждения тебя или девушки к действиям, которые вы откажетесь выполнять добровольно. Разве ты или эта девушка получаете часть платежа по договору?

— Нет. По крайней мере, мы не в курсе. Я не видел контракта, она тоже, но родители обычно не обращают внимания на наши интересы, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Единственная загвоздка — Древнее Право и то, как оно соотносится с финансовыми траншами по брачному соглашению. Нужно подробнее изучить этот вопрос. Но не волнуйся. Я обо всем позабочусь.

У Пэйтона словно гора свалилась с плеч.

— Спасибо, огромное спасибо. И послушайте, с моей стороны, это не значит, что с самой девушкой что-то не так. Просто...

— Ты любишь другую. — Улыбка адвоката казалась старой и очень мудрой. — Я прекрасно тебя понимаю. Сердцу не прикажешь.

— В точку. И еще раз спасибо, я Вам жизнью обязан.

— Я еще не спас тебя. Но сделаю это. Можешь мне довериться.

— Я уже чувствую себя намного лучше. Теперь я должен идти на занятия.

— Береги себя, — произнес Сэкстон.

— Обещаю.

У стойки администратора Пэйтон попытался вызвать автобус и выругался, когда услышал, что придется прождать целый час. Но что он мог сделать...

— Эй, — сказал Блэй, — ты торопишься в учебный центр? У нас есть микроавтобус, один из наших додженов может подбросить тебя.

Дважды за ночь повезло, подумал он. Господи, все происходит так, как он хочет. Наконец-то.

— Было бы потрясающе, — сказал он бойцу. — Просто шикарно.

И правда заключалась в том, что он хотел не только выполнить свои обязанности в части учебной программы... на самом деле, он хотел увидеть Ново. Как можно быстрее.

И больше не покидать ее, никогда.

Ново сидела на диване и смотрела прямо перед собой. В голове было пусто, и это казалось настоящим благословением. В одном она точно была уверена: тяжкий груз вернулся и стал еще весомее, чем когда-либо, знакомое тянущее ощущение в центре груди затрудняло дыхание и мешало двигаться.

Она слышала, как ходят люди этажом выше, готовясь к ночи. Часы говорили, что уже почти десять вечера, и невозможно было не думать о времени, с точки зрения занятий в учебном центре и того, чем бы она сейчас занималась, не притворись она больной.

Они должны заниматься в тренажерке в начале вечера. А затем собрались бы в классе, чтобы получить новые задания для вылазки на улицы.

Она бы попросила не ставить ее в паре с...

Она будет выходить на поле только с Пэрадайз, Крэйгом, Аксом или Буном.

Согнув ноги, Ново обняла колени и положила подбородок на запястье. Боже, разве можно быть такой глупой.

Нет, решила она. С самобичеванием покончено навсегда. Ни при каких обстоятельствах она не будет убиваться лишь из-за того, что очередной парень оказался куском дерьма. И, к тому же, она уже пережила сердечную реабилитацию. Нужно просто взглянуть на ситуацию с этого угла. Сердце разбито. Его надо снова собрать в одно целое. Снова стать сильной.

Это было так просто.

Ново какое-то время думала об этом и понимала, что пытается убедить себя в правде, в которую сама до конца не верила, но неважно. Это — единственный способ все скорректировать: завтра вечером, с наступлением темноты, она вернется к учебной программе, и снова наденет маску.

Она не могла все бросить лишь потому, что роман, который, по сути, и не начинался, взял и лопнул как мыльный пузырь прямо у нее перед лицом.

Это было так по-девчачьи. А она давно взрослая женщина.

Она борец...

Стук в дверь заставил ее поднять голову. Это был не арендодатель, он обычно приходил первого числа. И не Пэйтон, его бы она почувствовала сразу.

— Да? — ответила она.

— Это Доктор Манелло.

Нахмурившись, она встала и подошла к двери. Открыв, спросила:

— Эй, что ты здесь делаешь?

— Визит врача на дом. — Человек прошёл мимо нее в квартиру. — Как дела?

По какой-то причине она выглянула в коридор, чтобы посмотреть, нет ли подкрепления. Нет.

Закрыв дверь, Ново перекинула косу через плечо.

— Я не понимаю.

Хирург поставил свою маленькую черную врачебную сумку на столик для двоих, за которым она всегда сидела одна. Она обратила внимание, что на нем врачебные брюки. Сверху пуховик, на голове бейсбольная кепка «Mets»^[105], а на ногах — ничего себе! — ядовито-желто-синие кроссовки.

— Ты позвонила и сказала, что заболела, — заявил мужчина, — пожаловалась на тошноту. Поэтому я и пришел проверить тебя.

Проглотив раздражение, Ново покачала головой.

— Слушай, я ценю внимание, но ничего серьезного не произошло. Я просто чувствую себя немного...

— У тебя была серьезная травма сердца...

— Сто лет назад.

— Всего лишь несколько дней.

Боже. А казалось, будто вечность прошла.

— Но я в порядке.

— Хорошо, тогда давай все быстро проверим? — Он выдвинул один из разномастных стульев из-за стола и развернул к себе. Похлопал по жесткому сиденью и сказал: — Если ты в полном порядке, это займет не больше минуты.

Ново скрестила руки на груди.

— Я в порядке.

— Когда ты в последний раз была на осмотре у врача? — Он закатил глаза. — И, кстати, ты не представляешь, как часто я говорю эту фразу людям вокруг.

И человек просто посмотрел на нее так, словно собирался стоять здесь, пока один из них не скончается от старости.

Ново выругалась и подошла к нему.

— В этом нет необходимости, — проворчала она, садясь.

— Надеюсь. Тошнит?

— Нет.

— Температура, знобит?

— Нет.

— Боль в животе или в руках?

— Нет.

— Голова кружится, в обморок падала?

— Нет.

Ну, по крайней мере, с тех пор, как отец Пэйтона бросил топор ей в спину в том коридоре. А потом? Ничего подобного.

Обойдя стол и встав перед ней, врач достал из сумки стетоскоп и вставил наушники.

— Я послушаю твое сердце.

Она небрежно убрала руки от груди, опустила их вдоль тела, и доктор приложил маленький металлический диск к ее коже. Когда он несколько раз протянул «mmm-хмм», она поняла, что мужчина убедился в ее словах.

Ничего страшного или особенного. В физическом смысле, по крайней мере.

— Теперь давление, — сказал он радостно. — Твое сердце работает идеально.

— Я знаю.

Его голова оказалась прямо перед ее лицом.

— У тебя отвратительные манеры, ты в курсе?

— Разве ты не страдаешь от той же беды?

— Квиты.

Пока доктор осматривал ее, Ново уставилась перед собой, в ее голове снова воцарился вакуум. На самом деле, она подозревала, что собственное подсознание готовит заговор против нее, планируя на ближайшее будущее пробуждения с криками и составляя график ночных кошмаров аналогично тому, как записывают пациентов к дантисту.

— Ново? Алло!

Она очнулась.

— Что, прости?

Доктор Манелло мгновение смотрел на нее. Затем опустился на корточки.

— Не хочешь рассказать, что на самом деле происходит?

— Я уже сказала: ничего. Просто съела что-то не то.

— И что именно?

— Не помню. — Когда на его лице появилось выражение «да-я-все-понимаю-на-самом-деле», она встала и обошла стол. — Правда, завтра я буду в полном порядке.

— Если тебе надо с кем-то поговорить...

— Я абсолютно точно, стопроцентно не нуждаюсь в разговорах.

— Хорошо. — Он выставил перед собой ладони. — Оставляю тебя в покое.

Доктор Манелло собрал свою маленькую черную сумку, а затем вернулся к двери.

— Позвони мне, если вдруг на самом деле поднимется температура или начнет тошнить.

— Это ни к чему. — Ново подошла к двери, чтобы выпустить его. — Спасибо, что пришел...

— Я беспокоюсь о тебе. И не только как медик.

По какой-то причине она подумала о том пациенте в клинике, который все время кричал. По крайней мере, если она сойдет с ума, у доктора Манелло был опыт общения с сумасшедшими.

Но этого с ней не произойдет. Только не с ней.

— А я нет, — сказала она ему. — Я о себе совсем не беспокоюсь.

Если она смогла пережить то, что произошло ранее? Тогда она без проблем сможет принять тот факт, что Пэйтон оказался именно тем, за кого она его принимала.

В этом у нее достаточно опыта.

***

Где же она, черт побери!

Когда через сорок минут Пэйтон зашел в тренажерный зал учебного центра, он внимательно пересчитал тела на тренажерах и матах... и снова задался вопросом, куда же подевалась Ново.

Нахмурившись, он подошел к Брату Куину:

— Эй, ты не видел Ново?

— Она позвонила и сказала, что заболела. Чувствует себя не очень.

Первым порывом Пэйтона было запрыгнуть в ракетный корабль и рвануть через весь город к ней. В чем проблема? Ракеты не было, и он не знал ее адреса... хотя, погодите, он же кормил ее, не так ли?

— Она сообщила, что с ней?

— Нет. Просто сказала, что что-то с животом, и что она не придет. Голос у нее был слабый, но не смертельно.

— Это может иметь отношение к ее сердцу? Проблемы после...

— Я сказал Мэнни, поэтому он поехал ее проверить. Сказал, что это пищевое отравление немытыми овощами или что-то в этом роде. Не проблема. — Разноцветный взгляд Брата остановился на лице Пэйтона. — Ты думаешь, ее беспокоит что-то другое?

— Когда она уходила от меня вечером, я... — Он зажал рот ладонью. — Нет, не сказал бы.

— Может, она по достоинству оценит смс или звонок от коллеги? — протянул Брат. — Или визит после занятий?

— Да. Это вариант... я могу выйти?

— Ага. Потом вернешься к работе.

— Без проблем.

Пэйтон со всех ног кинулся в раздевалку, туда, где оставил на полу свою сумку, даже не

потрудившись положить ее в шкафчик. Перерыв одежду и оружие, он нашел свой телефон. От Ново — ничего.

Первый звонок переключился на голосовую почту. Второй... черт, и второй тоже.

Он набрал короткий и милый текст: «Ты норм? Привезти ч-нить?»

Пэйтон подождал пять минут. Потом ему пришлось вернуться в класс.

Час спустя, в перерыве между тренажеркой и стрельбой в тире, он снова проверил свой телефон. Ничего. Поэтому позвонил. Отправил еще одно сообщение.

И затем сделал то же самое через полтора часа, когда они перешли к занятиям в классе. Ничего. Даже после того, как он снова позвонил. Еще раз отправил сообщение.

Что, если она потеряла сознание...

Он был на грани того, чтобы выбежать на хрен из класса и вызывать гребаный автобус, когда его телефон пискнул. Смс от нее: «Норм. До завтра».

И все.

Его пальцы стучали по экрану телефона, отбивая текст: «Я заскочу на минутку, привезу суп, грелку и тд и тп».

Ответа не последовало.

— Как дела? — Крэйг вышел в коридор. — С Ново все в порядке?

Пэйтон откашлялся.

— А, да, все в порядке. У нее все отлично. Она будет завтра вечером.

И хотя мобильные нельзя было выносить за пределы раздевалки, он положил свой в карман флисовой кофты.

Что, черт возьми, происходит?

Необходимость высидеть занятия оказалась сущей пыткой, но он с облегчением услышал, что на следующий вечер их с Ново приставили к Блэю и Куину. Они будут первой группой, что вернется на поле — Братство словно хотело сделать перезагрузку, стереть из памяти произошедший инцидент и начать все с чистого листа.

Такими темпами раньше этого момента он ее не увидит.

Когда ночь, наконец, подошла к концу, Пэйтон едва не затоптал одноклассников, пытаясь скорее забраться в автобус — что было глупо. Быстрее он все равно отсюда выбраться не мог. И Господи, этот дворецкий не может ехать еще медленнее?

Он не слышал разговоров вокруг, а окружающие, казалось, понимали, что сейчас в он в полном раздрае, и не лезли к нему.

В ту самую секунду, когда автобус остановился, Пэйтон был у двери, но, вырвавшись в ночь, понял, что не знает, куда направляется. Закрыв глаза, он отпустил свои инстинкты, пока его коллеги-стажеры дематериализовались один за другим.

Он уловил сигнал своей крови где-то на западе. Недалеко.

Путешествуя россыпью молекул, Пэйтон принял форму перед четырехэтажкой без лифта в промышленной части города. Не свалка, конечно, но явно не кандидат на попадание в «Архитектурный дайджест»^[106]. Цокольный этаж... он почувствовал ее в цокольном этаже. Но как туда попасть?

Как по заказу, наружную дверь в вестибюль открыл какой-то человек, и Пэйтон бегом бросился к нему.

— Привет! Пустишь внутрь...

— Не вопрос. — Парень откинулся назад и придержал дверь. — Свои ключи забыл?

— Ключи своей подружки.

— Знаем-плавали. Покеда.

— Спасибо.

Пэйтон вошел внутрь и огляделся по сторонам. Должен был быть способ добраться до нижнего этажа... а вот и он. Дверь в дальнем углу.

Вокруг никого не было, поэтому он мог просто разблокировать замок силой мысли... черт, почему он не додумался до этого снаружи?

Ну, потому что его голова сейчас занята совершенно другим, черт возьми.

Подходя ближе, Пэйтон опробовал этот умственный трюк, но тот не работал с тем, что на проверку оказалось медным засовом. Это был знак, что здесь среди людей живут вампиры.

Он подумал позвонить ей, но все было так странно, и у него возникло стойкое ощущение, что Ново не собирается его впускать. Может, это паранойя. Кто, черт возьми, знал...

Дверь широко распахнулась, и он отскочил назад. Когда он увидел, кто это, то почти бросился с объятьями.

— Ново! Это ты!

— Что ты здесь делаешь?

Ее голос звучал так же безжизненно, как цифровая копия, она была бледной, как призрак, а глаза — мертвыми.

— Ты в порядке? — спросил он, протягивая к ней руку.

Она сделала резкий шаг назад.

— В порядке. Что ты здесь делаешь?

— Что не так? Что... Я не понимаю, что происходит?

— Мне было плохо. Но уже лучше. Завтра я вернусь на учебу. Я тебе уже говорила.

Коса, откинута за плечо, обычные джинсы и толстовка, на ногах толстые носки и тапочки для душа от «Адидас» — она как будто просто уютно проводила ночь дома. Но ее глаза. Они были похожи на старые речные камни.

— Где ты была? — выпалил он. — Что...

Она выставила перед собой руки.

— Все, с меня хватит. Я хочу, чтобы ты ушел. Я не звала тебя сюда, и меня бесит тот факт, что ты воспользовался своей кровью во мне, чтобы меня выследить.

— Что, прости? Выследить?

— Ты все слышал. Я не хочу, чтобы ты снова здесь появлялся.

Пэйтон крепко сжал зубы.

— Хорошо, давай на этом остановимся. Насколько я помню, когда ты в сумерках ушла из моей постели, между нами все было круто. И теперь ты ведешь себя так, словно я — маньяк-преследователь. Думаю, ты должна мне объяснить...

Она грубо рассмеялась.

— О, я должна тебе, да. Конееечно. Потому что весь мир должен вертеться вокруг тебя.

— О чем ты говоришь? — Пэйтон почувствовал, как повышает голос, но не мог остановиться. — Что с тобой не так?

— Со мной? Со мной все нормально. И с тобой тоже все тип-топ. Ты скоро сочетаешься браком с прекрасной девушкой из хорошей семьи, как и все в твоём мире. Поздравляю... Кстати, может, вы вдвоем и моя сестра с Оскаром объединитесь и сходите на двойное свидание? — Она хлопнула в ладоши. — Ура! Время для селфи!

Прежде чем он смог открыть рот, Ново подалась вперед.

— И не притворяйся, что удивлен. Ты точно знал, что происходит все это время, пока мы с тобой трахались. Ты знал, что будешь связан с другой, но вел себя так, словно... — Она резко замолчала. — Во всяком случае, сделай мне одолжение и не приглашай на церемонию, окей? Уверена, ты поставишь в неловкое положение свою будущую шеллан, и хотя для таких как ты жестокость в порядке вещей, непорядочными нам всем быть не хочется, не так ли? Да, потому

что это неправильно.

Пара людей, мужчина и женщина, спустились по лестнице слева от них, а тот факт, что они смеялись и держались за руки, был как удар по яйцам.

Пэйтон шагнул в сторону, чтобы позволить им пройти, и подождал, пока они не окажутся в конце вестибюля, прежде чем заговорить.

— Это не то, что ты думаешь.

Ново снова засмеялась.

— В самом деле? По-твоему, как много способов интерпретировать этот сценарий? Или ты предполагаешь, что раз я всего лишь гражданский кусок дерьма, то более чем жажду играть роль твоей грязной тайны до конца своих дней?

Пэйтон сделал шаг назад. А потом еще и еще один.

— Значит, ты все решила. Все решила, да?

— Математика здесь не так уж сложна. И я очень умная женщина.

— Для сведения — ты мне и слова не дала сказать по этому поводу.

— Я разве должна? Твоя версия событий для меня не имеет значения. Сотрясение воздуха, ничего серьезно. Как и ты сам.

Пэйтон физически ощутил, как ее слова ударили прямо в центр грудной клетки. А потом он устоял в пол. словно сквозь туман он заметил, что ковер был влажным от снега, что приносили люди с улицы на сапогах и ботинках.

Он думал о том, как она позволила ему обнимать ее всю ночь.

И он поверил, что наконец-то забрался в ее сердце.

Но он недостаточно хорошо ее знал.

Может, в другое время ее жизни у них мог быть шанс. Но отношения с ней похожи на марафон со сломанной ногой. Можно было договариваться о чем угодно, разговаривать о том, чтобы возродить доверие, заверять и проверять, чтобы убедиться, что ее все устраивает, но со временем ее главная слабость, которая заключалась в том, что она никогда на самом деле ему не доверяла, разрушила бы общие усилия.

— Я не могу тебя исцелить, — тихо произнес Пэйтон.

— Какого хрена? — огрызнулась она. — Что, черт возьми, ты несешь?

Пэйтон посмотрел ей прямо в глаза.

— Мне жаль, что тебе причинили боль. Мне действительно...

— Дело не в Оскаре! И не пытайся свалить...

— Собственно, дело именно в нем. Наверное, ты когда-нибудь поймешь это, а может и нет. Но в любом случае — это не мое дело, потому что я отказываюсь продолжать платить за грехи другого. Удачи тебе. Надеюсь, ты каким-то образом обрешь в душе покой.

Он отвернулся и пошел к двойным дверям... и на своем пути увидел вспышку ее отражения на стекле. Ново смотрела ему вслед, подбородок был упрямо выставлен вперед, глаза сверкали, а руки скрещены на груди.

Закрывая сердце.

И если это не самая идеальная метафора, описывающая ее личность, то он не знал, какая еще могла бы сделать это лучше.

Выйдя из здания, Пэйтон спустился по семи заснеженным ступеням и посмотрел налево. Потом направо.

Он выбрал направление случайно и пошел, засунув руки в карманы своей флисовой кофты. Он не потруился надеть парку и по ошибке оставил свою вещевую сумку в раздевалке в учебном центре. Но холод его не тревожил.

По какой-то причине, пока он шел, он думал о раненых животных, которые, не смотря ни на

что, почему-то кусают руку, которая пытается их спасти.

И это всего лишь часть трагедии. Не так ли?

— Да пошли они в задницу. Эта пара придурков может валить на хрен.

Роф сделал заявление, сидя в зале для аудиенций, в левом кресле из двух, стоявших перед пылающим камином. Джордж свернулся у него на коленях, и рука короля поглаживала квадратную светлую голову, собака чувствовала себя намного лучше после, по всей видимости, попытки переварить желтый теннисный мяч.

Все шло как надо. Не то чтобы Сэкстон вообще отдавал себе отчет о том, что именно «все», куда это «все» «шло» и что входило в понятие «как надо».

Оставалось только догадываться.

— Мне нравится Ваша манера излагать мысли, мой Господин, — сказал он с усмешкой, глядя на древний том, который открыл с осторожностью и изучал с большим вниманием. — И в этом случае я полностью с Вами согласен. Пэйтон и Ромина имеют полное право самостоятельно определять ход своей жизни и, если перевести с древнейшего языка данный пассаж, мы можем утверждать, что несогласованное приданое не является проблемой для обоих полов.

— Отменишь прием? — Роф поднял голову, в своих черных очках он был похож на наемного убийцу, который был готов пристрелить эту пару господ на месте. — Потому что, если они заявятся сюда, им может не понравиться мой вежливый отказ. Продать своего ребенка, черт возьми. Они издеваются надо мной?

— Да, мой Господин. — Сэкстон сделал запись в своем графике. — Я думаю, будет лучше, если я объясню им по телефону, что не существует законного способа достижения их целей. В противном случае, нам придется вызывать «Стинмастер»^[107], не так ли?

Роф мягко рассмеялся.

— Мы с тобой — отличная команда.

— Я непомерно горд Вашей похвалой и не могу не согласиться со сказанным. — Сэкстон поклонился. — Я набросаю просмотренные пункты по Древнему Праву и внесу в онлайн-базу, чтобы они были под рукой. Все будет хорошо.

— Это последнее дело на сегодня?

— Да, мой Господин. — Он взглянул на собаку. — Но, Джордж, больше никаких теннисных мячей, хорошо?

— Да, обойдемся без повторений, верно, здоровяк?

Когда золотистый пес издал стон, Сэкстон собрал свои бумаги, встал из-за стола и откланялся. По пути кивнул Блэю, который стоял на страже у двери.

— Думаю, эта парочка собирается отбыть домой, — прошептал он. — Роф весь извелся от беспокойства о своем втором ребенке.

— А я думаю, что мы все испугаемся до смерти, если что-то случится...

— ...с этой собакой.

— ...с этой собакой.

Они кивнули друг другу, а затем Блэй вошел в комнату для аудиенций, чтобы организовать транспортировку Короля в особняк, а Сэкстон направился в свой кабинет. Искушение немедленно вернуться домой было невозможно отрицать, но, в конце концов, ему приходилось соблюдать все процедуры. Он провел в офисе еще час, прежде чем смог уйти, и, когда он, наконец, закончил, то чуть не затоптал пару додженов по пути к заднему выходу.

Дематериализуясь к парадному входу в фермерский дом, Сэкстон помедлил, чтобы ослабить шнуровку на своих «Мерреллах», и, насвистывая, вошел внутрь.

В воздухе висел тяжелый запах крови.

— Ран? — Он уронил свою сумку и кружку на пол. — Ран!

Паника охватила все его нервные окончания, и он бросился в гостиную. Сломанная мебель, разбитые лампы... скомканные ковры в беспорядке валялись по углам.

— Ран! — закричал он.

Ни звука. Ни стона. Ни вздоха.

Но кровь была не человеческая.

Развернувшись, он побежал на кухню и...

Рядом со столом растеклась лужа крови, и Сэкстон чуть не споткнулся, ринувшись...

— О Господи, нет...!

Ран лежал на полу, лицом вниз, а кровь была... повсюду.

— Ран! Любовь моя!

Сэкстон упал на колени возле тела, желудок сводило от рвотных позывов, но он взял себя в руки и прикоснулся к плечу и спине.

— Ран? Господь всемогущий, пожалуйста, не умирай...

Слабыми дрожащими руками он осторожно перевернул парня на спину. То, что он видел, было кошмаром: на горле Рана зияла рваная рана, взгляд неподвижно застыл. Казалось, он не дышал.

Крик Сэкстона эхом отозвался в пустом доме. И затем он снова вскрикнул, когда понял, на чем лежал Ран.

Умиравший мужчина стащил кашемировое пальто Сэкстона со спинки стула, на которой оно висело... и, умирая, прижимал его к себе, словно их любовью пытался унять боль.

— Пожалуйста, не умирай... живи... приди в себя...

Каким-то образом Сэкстон сумел вытащить свой телефон и позвонить... кому-то. Он не знал, кому именно. И также внезапно он понял, что уже не один. Он был окружен людьми... и кто-то потянул его назад, чтобы кто-то другой мог взглянуть на Рана...

Блэй. Его обнимали руки Блэя.

Они оба стояли на коленях в луже крови Рана.

— Я ничего не слышу, — выпалил Сэкстон. — Кто-нибудь говорит что-нибудь?

— Ш-ш, — услышал он мягкий голос Блэя. — Все в порядке. Им надо осмотреть его...

— Я не могу... что случилось с моими ушами? — Он ударил себя по голове пару раз. — Я не слышу... они не работают...

Блей схватил его за руку, обездвиживая.

— Нам нужно выяснить, есть ли...

— Он мертв?

В этот момент Сэкстон колебался на грани грандиозной истерики, но у него не было времени слепнуть от навернувшихся слез и внезапной глухоты. Поэтому он рыдал без них, пытаясь сосредоточиться сквозь свое отчаяние и горе.

И когда он отклонился в сторону, чтобы его стошнило, Блей держал его голову, пока желудок не опустел. Сэкстон краем сознания отметил голос мужчины, когда он снова обращался к нему. Но, Боже, он не понимал ни слова.

Тогда Куин присел на корточки. Губы Брата двигались, и его разноцветный взгляд был серьезным, обеспокоенным и полным сочувствия.

— Я не могу... — Сэкстон снова постучал себя по уху. — Я не слышу, что ты говоришь...

Кивнув, Куин сжал плечо Сэкстона. Затем мужчина посмотрел на Мэнни и Дока Джейн, склонившихся над Раном.

Избранная... здесь была Избранная, осознал Сэкстон.

Подождите, они бы не привели ее, будь Ран уже мертв, ведь правда?

— Кто-нибудь, поговорите со мной! — закричал Сэкстон.

Все замерли и посмотрели на него. Тогда на пути возник Рейдж, он показал рукой в другую комнату.

— Нет, — Сэкстон покачал головой. — Нет, я не... не забирайте меня от него... я не... — Лицо Рейджа оказалось прямо перед ним.

— У него есть пульс. Они дадут ему вену, а потом зашьют ножевое. Я отведу тебя в гостиную, и мы позволим им заняться делом...

— Нет! Не вынуждайте меня оставлять...

— Ты хочешь, чтобы они отвлекались на тебя, пока работают над Раном?

Сэкстон моргнул. Такой логики было вполне достаточно, чтобы на время успокоиться.

Он попытался встать, однако ноги не слушались, и он избежал падения лишь потому, что успел выбросить в сторону руку. Блэй и Куин помогли ему подняться и отвели в гостиную.

Он упал на диван и посмотрел на свои ладони. Колени. Рубашку.

Он весь был в крови.

Сэкстон взглянул на дверь. И услышал свой голос:

— Камера. Там есть камера в углу карниза.

Откуда-то появился Брат Вишес.

— Ты знаешь, где распределитель?

Сэкстон откашлялся и сказал хриплым голосом.

— Там... внизу, есть ноутбук. Пароль «Минни». Всё там.

— Я разберусь с этим.

Когда Брат выскочил из комнаты так, как будто дело касалось его лично, Сэкстон опустил голову... и заплакал.

Ну почему у него так быстро забрали его любовь?

***

На другом конце города Ново расхаживала по своей квартире, если это помещение можно было так назвать: ей потребовалось четыре шага, чтобы покрыть расстояние до ванной. Четыре шага вернуться к дивану.

Прополощите и повторите, образно выражаясь.

В ней поселилось какое-то тревожное возбуждение, как будто вселенная раскололась прямо в Колдвелле, и произошла какая-то космическая перестройка, повлиявшая и на ее мир. С другой стороны, может, она просто бредила после суточного голодания.

До визита Пэйтона она ощущала себя намного лучше.

Ничего удивительного.

Она впала в шок, почувствовав отголоски его крови над своим подвалом, но если учитывать все, что произошло, можно было не удивляться, что он пришел. И у нее возник соблазн проигнорировать его появление, но рано или поздно он бы нашел дорогу к ее квартире... и действительно, это был лишь вопрос времени.

Поэтому она взяла быка за рога и вышла к нему сама, чтобы доходчиво объяснить что-к-чему.

Так и вышло.

Он мудака, а она жертва, которая отказывается быть жертвой.

Бла-бла-бла.

Но вот в чем проблема: кое-что не сходилось.

«Я отказываюсь платить за чужие грехи».

— Это просто слова. Просто грёбаная брехня, — пробормотала Ново, делая очередной круг по квартире.

Быстро взглянув на электронные часы у изголовья кровати, она посчитала, сколько часов до рассвета: два. У нее осталось около ста двадцати минут, прежде чем она застрянет здесь на весь день.

Было только одно место, куда она могла сейчас направиться. И, к сожалению, это было последнее место в мире, где она хотела бы сейчас оказаться.

Но что-то гнало ее отсюда.

Как птица, стремящаяся к полету, она внезапно бросилась к выходу, словно боялась, что судьба закроет дверь для свободы выбора и заблокирует ее навсегда.

Оказавшись на улице, Ново быстро зашагала по стопам бесчисленных людей и вампиров, что протоптали дорожку по снежному тротуару. Она двинулась дальше, не только чтобы найти место для дематериализации, но и давая себе время и возможность передумать.

Взывающий да обрящет?

В конце концов, она укрылась в неосвященном дверном проеме... и после нескольких попыток отправилась из центра города, мимо внешнего кольца пригорода, в заросший, затопленный болотами лес.

Материализовавшись, она оказалась среди знакомого и одновременно такого чужого пейзажа.

Дом, который она когда-то арендовала, теперь был заброшен — окна разбиты, дыры в крыше, во дворе находился спутанный клубок виноградной лозы, также виднелись дикие кусты и саженцы, которые скоро станут деревьями. Фактически вся собственность, казалось, вернулась в лоно дикой природы, шесть или семь акров заросли так, что не было видно дома по соседству.

Снежная пелена, ровная, нетронутая, за исключением некоторых оленьих следов, казалось, накрыла весь дом подобно савану. Точнее, как крышка гроба.

Должно быть, она последняя жила в этом месте.

Возможно, ее трагедия прокляла эту землю и дом.

Или... может, владелец просто не смог больше платить ипотеку, и банк, отобрав имущество, не сумел его никому продать... и потом прошел год, наступила зима, трубы полопались... и в итоге получилось то, что получилось.

Эквивалент рака, пустившего метастазы, только у недвижимости.

Ново шла вперед, не торопясь обходить здание... но всем путешествиям, большим и малым, когда-то приходит конец.

И вот она оказалась перед заболоченной равниной, которой, казалось, не было ни конца, ни края. В действительности, болота протянулись примерно на милю, вдали виднелись предгорья, перетекающие в горы, которые, в конечном счете, обхватывали озеро Шрун Лэйк с другой стороны.

Даже в таком беспорядке она точно знала, где похоронила ребенка. Там, под когда-то маленьким кустом, который стал намного выше, и кучкой камней, которые она выложила когда-то, которые так и остались на своем месте.

И над снежным покрывалом возвышался небольшой холм.

С каждым шагом тяжесть в ее сердце росла... пока она совсем не перестала дышать. И затем она наклонилась и положила голую руку на снег.

Перевернув ладонь, она вспомнила волдыри.

Когда это случилось, было так же холодно, как и в эту ночь. Но она решила копать. Она использовала кухонный нож, чтобы взрыхлить твердую, замерзшую землю, а затем раздирала почву голыми руками. Три фута вниз, она не могла копать дальше, потому что рук уже не хватало.

Тогда она вернулась в дом.

Ребенка она обернула в кухонное полотенце, чистое, без единой дыры.

Вернувшись к могиле, она наклонилась и положила крошечный комочек на землю. В вырытую ямку первыми попали именно ее слезы. И затем она голыми руками вдавливала куски замерзшей земли, ее кровь смешивалась с глинистой почвой.

Беспокоясь, что хищники найдут это место, она вернулась в дом. У заднего входа лежали камни, отложенные для какого-то дизайнерского проекта на террасе, который так и не осуществили. Один за другим она перенесла их на могилу и выложила в форме пирамиды.

А потом сидела на холоде, пока не затряслась от переохлаждения.

Прямо как сейчас.

Только обжигающий свет самых ранних рассветных лучей побудил ее вернуться внутрь... и она тогда ушла не потому, что хотела жить, а потому, что решила смыть свою кровь с кухонного пола.

А также из-за старого поверья о том, что самоубийцам закрыт вход в Забвение.

С наступлением темноты она выкопала этот куст и пересадила его... а потом ушла, не зная, куда направляется.

Первые несколько дней она провела на улицах, защищаясь от солнца в переулках за мусорными контейнерами. Ей хотелось верить, что, в конце концов, она встретится со своим

ребенком.

Она до сих пор этого хотела.

Как ни странно, она вспомнила, насколько оживлен город днем. Она знала лишь ночной Колдвелл, поэтому движение на городских улицах, говор прогуливающихся людей и оживленная атмосфера стали для нее полной неожиданностью.

В конце концов она решила, что ей нужно что-то делать. Она устроилась поваром в закусочной, взяв на себя ночную смену, за которую платили относительно неплохо, потому что большинство людей не хотели работать в столь позднее время.

И затем увидела тот пост в закрытой группе Фейсбука о программе обучения Братства.

Сев задницей прямо на землю, Ново уставилась на камни, которые сама когда-то сложила один за другим.

— Серенити^[108], — сказала она вслух. — Я назову тебя Серенити. Надеюсь, что ты обрела покой в Забвении.

— Ты — особенный друг моего дяди.

При звуке детского голоса Сэкстон отвел взгляд от закрытой двери операционной. Битти находилась рядом с ним в коридоре учебного центра, оба ее родителя стояли позади, а в руках она держала игрушечного тигра. На девочке было красное платье, ее темные волосы завивались на концах, взгляд был невинным, но очень взрослым.

Она не понаслышке знала, что такое страдания. И уже свыклась с этой постоянной печалью, не так ли? — подумал он с грустью.

Откашлявшись, Сэкстон присел на корточки, чтобы встретиться с ней взглядом.

— Да, так и есть. Откуда ты знаешь?

— Мой дядя рассказал мне все о тебе. Когда мы как-то ночью собирали вместе головоломку, он сказал, что ты его особый друг, и что он очень тебя любит.

Сэкстон думал, что выплакал все слезы: после поездки в машине скорой помощи с Раном, которого дважды реанимировали, а затем, наблюдая, как за Доком Джейн и Мэнни закрывается дверь палаты, в которой они скрылись, чтобы вставить какую-то трубку или что-то подобное в горло Рана... он полагал, что не сможет проронить ни слезинки.

Нет.

Его глаза снова наполнились слезами.

— Я тоже очень люблю твоего дядю. Он тоже мой особенный друг.

— Вот, — она протянула ему плюшевого тигра. — Его зовут Мاستимон. Он всегда меня защищал. Можешь пока оставить его у себя.

Сэкстон трясущимися руками принял драгоценный подарок, и, прижав его к сердцу, притянул девочку к своей груди. Длины ее ручек не хватало, чтобы обнять его, но он чувствовал исходящую от нее силу.

— Новости есть...? — Рейдж выглядел абсолютно несчастным.

Выпрямившись, Сэкстон с удивлением осознал, что Битти все еще его обнимает. Естественным движением он положил руку на ее плечико, их мгновенно сблизило горе.

— Еще нет, — сказал он Брату. — Они словно навечно там засели.

— Они знают, кто это сделал?

— Вишес выясняет. Я не могу сейчас даже думать об этом. Я хочу одного — чтобы Ран... — он замолчал. — Мы просто будем молиться о хорошем, правда, Битти?

— Да, — кивнула девочка.

— Тебе принести что-нибудь? — спросила Мэри.

— Нет, но спасибо за заботу.

Приходили и другие Братья, тоже спрашивали о последних новостях, разговаривали с ним. Кто-то принес ему кофе, но когда он попробовал его, то мог думать лишь об одном: о той кружке с кофе, который Ран сварил ему двенадцать часов назад.

Тот был идеален. Все остальное не шло ни в какое сравнение.

Он больше никогда не сможет пить этот напиток.

Боже, казалось невозможным, что жизнь, которая шла таким счастливым чередом, в один момент разбилась о кирпичную стену ужаса...

В дальнем конце коридора открылась стеклянная дверь офиса, и в помещение вошел Роф. Лицо короля искажала темная ярость, и его королева, Бэт, казалось, словно пыталась его удержать... не преуспев в этом деле.

Роф подошел к ним и остановился напротив, и Сэкстон не мог никак посмотреть ему прямо

в глаза, пусть и незрячие.

— Кто сделал это? — прорычал Король. — Кто, мать твою, сделал это?

— Я думаю, что это были люди... — Сэкстон глубоко вздохнул. — Мы с Раном остановились в том доме, чтобы помочь домовладелице, которую они преследовали.

— Почему, черт возьми, ты не подключил остальных?

Когда прозвучал этот авторитарный тон, Бэт дернула его за руку.

— Роф! Ради Бога, оставь в покое...

— Все в порядке, — устало произнес Сэкстон. — Он просто расстроен тем, что произошло, и насколько плохо все вышло. Мы с ним уже сталкивались с таким по работе...

Король протянул руку и дернул его на себя так сильно и быстро, что у Сэкстона закружилась голова... по крайней мере, пока она не врезалась в железобетонную грудную клетку.

— Мне очень жаль, — пробормотал Роф. — Я не знал, что вы двое вместе.

Внезапно, Сэкстон обнаружил, что цепляется за огромного мужчину, т. к. в этот момент он нуждался именно в ощущении неопровержимый физической силы Рофа.

— Я не знал, что он твой, — сказал Роф. — Я бы никогда не отправил его с тобой, если бы знал.

— Тогда он еще не был моим, — с трудом произнес Сэкстон. — Когда мы начали работу... он еще не был моим.

В этот момент Мэнни и Док Джейн вышли из операционной, словно их вызвали оттуда королевским указом. Хирурги синхронно сняли маски, и было трудно не прочитать на их усталых лицах, что все шло не так, как они надеялись.

— Значит, что мы имеем, — сказала Док Джейн. — Ран в стабильном, но критическом состоянии. У него проблемы с нормализацией давления и сердечного ритма.

— Была повторная реанимация, — добавил Мэнни. — И мы не можем поделиться подробностями — все очень сложно. Пару раз на пару минут его мозг оставался без кислорода.

— Мне очень жаль, — закончила Док Джейн, — но мы не уверены что... он очнется.

Битти бросилась к своим родителям, а Сэкстон закрыл рот руками, чтобы снова не закричать.

Собравшись с силами, он сказал:

— Могу я его увидеть? Можно нам с ней его увидеть?

Док Джейн взглянула на Рейджа и Мэри. Когда они кивнули, врач сделала то же самое.

— Ладно, но только двое из вас. Поговорите с ним, скажите ему, что вы хотите, чтобы он боролся. Мы не собираемся его перевозить прямо сейчас, и вы не сможете долго оставаться там. Ему нужно отдохнуть.

— Хорошо. Ладно.

Он взял Битти за руку и посмотрел на нее.

— Ты готова?

Когда девочка кивнула, Мэнни открыл им дверь.

В операционной было холодно, так холодно, что он оказался к этому не готов. В этом плиточном пространстве не было случайных вещей: от медицинского оборудования и светильника над головой до стеклянных передних полок со всеми инструментами и медицинскими принадлежностями.

Его единственная мысль, когда они подошли к столу, заключалась в том, что он не хотел, чтобы Ран умирал в этой ужасной, больничной обстановке. Не так, не обмотанный километрами проводов.

Он был таким бледным, почти серым. С забинтованным горлом.

— Что это такое пищит? — спросил Битти, когда они остановились.

— Биение его сердца.

Боги, наверное, не стоило позволять девочке видеть это, подумал Сэкстон. Лицо Рана было таким осунувшимся, серым, волосы казались темнее на фоне мертвенной бледности. Кроме того, его глаза были закрыты так плотно, будто они никогда не откроются снова, а дыхание неестественно сильным...

О, конечно. Он был подключен к аппарату ИВЛ^[109] через трубку, вставленную в горло.

— Дядя, это Битти и Сэкстон. Мы тебя любим.

И девочка взяла его руку в свои ладошки.

— Любовь моя, — произнес Сэкстон, наклонившись и поцеловав его лоб. — Вернись к нам. Ты нам нужен.

Еще так много всего нужно было друг другу сказать, просить, умолять...

Сэкстон ощущал, как открывается собственный рот и как он продолжает что-то говорить. Странная глухота вернулась к нему, его способность слышать опять покинула его.

Когда на его плечо опустилась рука, он подскочил.

Глаза Дока Джейн цвета зеленой листвы были серьезными.

— Прости, — тихо сказала она, — но мы вынуждены попросить тебя уйти ненадолго.

Отвернуться от Рана — равносильно тому, чтобы содрать с себя кожу лоскутами, но он позволил себя вывести. И когда он вышел из операционной, то увидел, что Вишес, Блэй и Куин присоединились к собравшейся толпе.

Дверь закрылась между ним и его возлюбленным.

В тишине, когда все смотрели на него, что-то изменилось глубоко внутри Сэкстона. Ушла тошнота, печаль и страх. Все слабости исчезли, как будто их никогда не было. На их месте?

Ярость связанного мужчины.

Он услышал свой собственный, но такой не похожий на себя голос:

— Кто-нибудь может увести отсюда Битти?

Рейдж немедленно кивнул, мужчина сразу понял, что происходит.

— Эй, Бит, я проголодался. Может вы с Мэри отведете меня в комнату отдыха, что-нибудь перекусить?

Девочка подошла к Сэкстону.

— Ты обещаешь позвать меня, если он проснется?

Сэкстон погладил ее по щеке.

— Обещаю. Клянусь всем, что у меня есть, моя дорогая.

Она быстро и крепко его обняла, чем напомнила своего дядю, а затем взяла за руку отца и увела его вместе с Мэри по коридору.

Сэкстон ждал, пока они не выйдут из зоны слышимости, чтобы обратиться к Вишесу.

— Скажи, что знаешь, кто это сделал.

Вишес кивнул.

— Я просмотрел запись с камеры за последние пару недель. Это были те же самые два человека, что приезжали на грузовике несколько раз. У одного из них теперь рука на перевязи. Они подошли к входной двери, и у них было оружие. Ран открыл дверь, и они напали на него. Борьба, должно быть, была жестокой, потому что они не выходили почти полчаса.

— Они уехали в плохом состоянии, — добавил Блэй. — Ран сильно их ранил.

— Очень сильно, — подтвердил Куин. — Настоящий боец.

Голосом, полным жажды мщения, Сэкстон сказал:

— Вы их найдете. И приведете их ко мне. Я, я один позабочусь обо всем остальном.

Все трое мужчин низко поклонились, отдавая почтение его положению связанного мужчины.

И затем Вишес обнажил один из черных кинжалов, которые были пристегнуты ручками вниз к его груди. Голой ладонью он обхватил лезвие и выдернул его из ножен, и кровь закапала на бетонный пол.

Он протянул руку.

— Клянусь честью.

Сэкстон обхватил предложенную ему ладонь своей.

— Живыми. Они нужны мне живыми.

Блэй и Куин тоже нанесли себе порезы, и Сэкстон пожал каждую кровоточащую ладонь.

Решено.

Умрет ли Ран или будет жить, но он будет отомщен.

Когда наступила следующая ночь, Ново узнала, что солнце село, потому, что в доме стемнело, и опустилась температура. Бросив быстрый взгляд на часы, она поняла, что угадала, и медленно поднялась на ноги.

Она провела день, сидя на кухонном полу в холодном доме с заколоченными окнами, а облака, плотно окутавшие дневное небо, обеспечили ей необходимую защиту.

Она не спала, ее мозг медленно, но верно обрабатывал информацию, часы пролетали незаметно.

«Ты сам выбираешь это. Ты выбираешь свою судьбу, и значит, если ты чувствуешь, что это не правильно, тебе не обязательно это делать».

«Все это... это все на тебе».

Более того, она обнаружила, что собственные слова преследуют ее, слова, которые она сказала парню, который предал ее и причинил боль.

Но она думала о них не в контексте Оскара. Она думала о тех, что относились к Пэйтону.

Он был прав. Она не дала ему шанса что-либо объяснить. Она была настолько готова вернуться в прошлое, окунуться в состояние беспросветного горя, которое, как ей показалось, снова случилось с ней. Она выслушала то, что сказал ей его отец. И развернулась на сто восемьдесят.

В принципе, какой-то смысл в этом был.

Только вот она все думала об очках Оскара. Тех, что несли декоративную функцию.

Его фальшивые, ненастоящие очки, нереальные.

Покидая дом через дверь, она вернулась к могиле Серенити и немного постояла на ветру.

— Я еще приду навестить тебя. Покойся с миром.

И она ушла, вернулась в свою квартиру... где приняла душ, съела что-то со вкусом картона и проверила свой телефон. В тренировочном чате повисла куча сообщений, и она быстро прочитала их.

Ночные занятия отменены. Что-то случилось, Братья особо не объяснили. Однако сообщение прочитали все. Даже Пэйтон.

Он не звонил и не писал ей, но она этого и не ждала.

Выбирая его номер из списка контактов, Ново знала, что он вряд ли ответит, и уже начала составлять в голове голосовое сообщение...

— Алло?

От шока она даже слегка закашлялась.

— А... а... привет. Это я.

— Да, у меня определился номер.

— Послушай, я... могу я тебя увидеть?

— Я сейчас немного занят.

— О. Ладно.

— Но если ты не против потаскать кучу всякого дерьма вниз по лестнице, подгребай.

— Прости... погоди минутку. Ты переезжаешь?

— Ага. В любом случае, ты знаешь, где я живу. Или жил. Приходи, если хочешь.

Когда он закончил разговор, Ново почти запаниковала. Но ведь она сама выбрала это, не так ли? Она собиралась выбрать глубину, а не поверхность. Она собиралась... довериться тому, что ее сердце знало об этом мужчине, а не двухминутному разговору с отцом, которого Пэйтон не уважал.

Отбросив мысли о своих прошлых психологических травмах в сторону, она поняла, что должна дать парню шанс объясниться. И вот тогда... ну, будь что будет. Но по крайней мере, она не станет наказывать его за грехи, которые он, по его словам, не совершал.

На улице ей понадобилась пара попыток, чтобы дематериализоваться, и когда Ново приняла форму на лужайке семейного особняка, то была удивлена. Большой белый грузовик U-Haul с морским львом и данными по штату Мэн на боку кузова был припаркован прямо у главного входа.

Словно величественный дом превратился в студенческое общежитие в конце учебного года.

Пройдя по снежному газону, Ново остановилась, чтобы заглянуть в открытый кузов фургона. Там стоял диван. Коробки. Гардеробные стойки с одеждой на вешалках. Обувь в ящиках для стирки.

— Эй, не поможешь мне? — раздался голос издалека.

Она резко развернулась. Пэйтон стоял у подножия лестницы, пытаясь удержать кушетку и пуфики.

— Да, конечно.

Она вытерла подошвы своих берцев о коврик не потому, что боялась натоптать в доме его отца, а потому что не хотела поскользнуться на мраморной плитке. И бросилась вперед, с трудом игнорируя запах Пэйтона, проникающий в ее нос.

Но еще сложнее было слышать в голове свои собственные слова, те, что она бросила в него, как кинжалы.

Прихватив диванчик по краям, они оба закричали, выравнивая вес, а затем по-крабьи зашагали по Смитсоновскому ^[110] фойе и вышли на трап, который вел в нутро грузовика.

— Куда поставить?

— Сюда в самый раз. Я не много с собой беру.

Поставив мебель на пол, она спросила.

— Так... ты уезжаешь?

— Да. — Пэйтон хлопнул ладонями по задним карманам своих джинсов. — Пришло время. Наши с отцом отношения уже давно исчерпали друг друга.

Он старался на нее не смотреть. Не потому, что был зол, нет. Похоже, он просто закончил с их драмой.

Тревога пронеслась сквозь нее, как токсин.

— Куда ты поедешь?

— У одного моего приятеля есть пентхаус с дополнительной комнатой. Поживу там какое-то время, пока не обзаведусь собственным жильем.

— Так ты, по крайней мере, остаешься в Колдвелле. Что насчет учебной программы?

— О, нет, ее я не брошу. А смысл? Я больше не убегаю от трудностей. — Пэйтон посмотрел на свои пожитки. Затем на нее. — Так чем я могу тебе помочь?

Он был спокоен и сосредоточен — ни злости, ни каких-либо эмоций вообще. Словно разговаривал с незнакомцем на улице: вежливо, но не вникая глубоко в суть.

Ее сердце колотилось. И не от того, что она только что таскала мебель.

— Я хочу извиниться.

— Все нормально, это не обязательно. — Пэйтон отвернулся. — На занятиях я буду вести себя как ни в чем не бывало.

Ново протянула ладонь и взяла его за руку.

— Пожалуйста. Позволь мне высказаться.

Пэйтон намеренным движением освободился из ее захвата, и Ново вспомнила то время, когда поступала с ним таким же образом, буквально и образно.

— Вообще-то, — сказал он, — может, лучше, если ты не будешь этого делать.

— Пэйтон, я совсем не то имела в виду прошлой ночью...

— А по мне ты звучала ясно и понятно. И слушай, ты не первая, кто считает меня пустышкой и лгуном. — Внезапно его лицо стало серьезным. — Но ты станешь последней. Это я тебе обещаю.

— Я не это имела в виду. Мне было больно, и я сделала эти выводы после того, как я...

— О, кстати. Я сожалею о том, что сказал тебе мой отец. Когда я вернулся сюда после нашего разговора, у нас возникла небольшая, так скажем, дискуссия. Он рассказал мне, что сделал, и пошла веселуха. Я разбил его любимую лампу от Тиффани, но, по крайней мере, не об голову ублюдка. — Пэйтон пожал плечами. — Кстати, не то чтобы тебе есть до этого дело, но именно по этой причине я съезжаю. Он не заставит меня жениться на нелюбимой женщине, и я охренеть как уверен, что не смогу жить под одной крышей с тем, кто назвал тебя проституткой.

— Значит, это была ложь.

— По поводу женщины? Почему ты задаешь мне сейчас этот вопрос?

— Ты по праву обвинил меня в том, что я не дала тебе возможности объясниться...

— Нет, зачем ты задаешь мне вопрос, если не собираешься верить моим словам? Я уверен, что могу доказывать тебе что-то до посинения, но ты все равно сама сделаешь все выводы. — Отвернувшись, Пэйтон направился обратно в дом. — Знаешь, ответь, как тебе самой больше нравится. Играй словами, словно в шахматы и двигай фигуры, пока не получишь результат, который ты сама предварительно посчитаешь самым правильным...

Она догнала его у изящной лестницы.

— Я ходила навестить Серенити.

Тут он остановился.

— Я так ее назвала. Я провела день в том доме. На кухне.

Казалось, прошла целая жизнь, прежде чем Пэйтон медленно обернулся.

И, господи, она не собиралась упускать этот шанс. Ново заговорила быстро и отчаянно:

— Ты был прав. Я наказывала тебя и окружающих за то, что Софи сделала со мной, и за то, что Оскар был недостаточно силен, чтобы бороться. А потом я наказывала себя за выкидыш, хотя я не сделала ничего плохого. Это все... ярость в моей крови, с которой я не могла справиться. И мне очень жаль. Ты сказал мне вчера вечером, что надеешься, что я все это выясню для себя, и я пытаюсь, на самом деле. Я просто... Я люблю тебя. Даже если я сломлена, я все равно люблю тебя. И не так, как я любила Оскара. Я была с ним, потому что он стал первым мужчиной, который обратил на меня какое-то внимание, и я оказалась слишком глупа, чтобы понять разницу между надеждой и реальностью. Но ты... ты был единственным, кого я хотела видеть, когда пришло время рассказать правду. Ты был единственным, к кому я захотела пойти. И все потому, что это, — указала она на свое сердце, — знает больше, чем это. — Указав на свою голову, Ново молила о том, чтобы достучаться до него. — Я бы сделала все, чтобы вернуть те слова, которые я бросила тебе. Ты этого не заслужил. Ты более чем достоин шанса объяснить все, что на самом деле произошло с тем договорным браком, но мой гнев не дал мне возможности выслушать тебя. Я знаю, что не заслуживаю второго шанса, но...

— Ш-ш, помолчи хоть минуточку.

Пэйтон обхватил руками голову и глубоко вздохнул. Затем сосредоточился на чем-то позади нее.

Сердце Ново билось так сильно, что соперничало с барабанной установкой.

— Позволь мне задать один вопрос, — сказал он после долгой паузы.

— Что угодно, я отвечу на любой.

Пэйтон посмотрел ей в глаза.

— Как думаешь, мы сможем втащить мой диван к тебе в квартиру? Ну или хотя бы эту кушетку.

Ново в недоумении потрянула головой.

— Прости, что...

— Ну, сколько квадратных футов в твоей квартире? — Когда Ново в полном замешательстве посмотрела на него, он развел руки и улыбнулся. — Да брось, женщина моей мечты говорит, что любит меня, и при этом думает, что я, несчастный бомж, не воспользуюсь ситуацией и не перееду к ней? В самом деле? Типа, серьезно? Не будь я влюблен в тебя, ты при любом раскладе более приятная соседка, чем Николь.

Ново не знала, плакать ей или смеяться.

Она сделала и то и другое, когда прыгнула в любящие объятия Пэйтона.

— Я не заслуживаю тебя, — задохнулась она. — Серьезно...

***

Пэйтон прижал Ново к груди, закрыл глаза и выдохнул:

— Не заслуживаешь меня? Ну, учитывая, что многие считают меня проклятием библейского масштаба...

Она отодвинулась.

— Говори, кто. Я вырежу этой суке сердце.

— Мой отец, например. Но у него дурной вкус.

Пэйтон быстро поцеловал ее. А потом еще раз. Когда они прервались, чтобы вдохнуть немного воздуха, он вытер слезы с ее щек.

— Можешь ничего не говорить, — прошептал он. — Я уже знаю.

— Знаешь что?

— Что ты не хочешь, чтобы кто-нибудь знал о твоей мягкой стороне. Поэтому я просто скажу всем, что ты пришла, врезала мне по яйцам, забрала мою печень после того, как я выкашлял ее на пол. И мне пришлось последовать за тобой к тебе домой, иначе я бы не смог смыть с себя собственную кровь.

Ново засмеялась, а потом долго вглядывалась в его лицо, словно снова вспоминала его черты после долгой разлуки.

— Все нормально. Я больше не чувствую необходимости все время держать оборону.

— Хорошо. Потому что я всегда тебя прикрою.

— А я тебя, — она взглянула на открытую дверь особняка. — И думаю, нам придется оставить твой диван. Один твой гардероб займет больше места, чем у меня есть.

— Круто. Я просто вытащу его из грузовика и оставлю посреди фойе. Отец, вероятно, захочет вытащить его и сжечь на передней лужайке, потому что он принадлежал мне, но по крайней мере не придется заставлять додженсов снова заносить его наверх.

— Ты очень внимательный сын.

— Согласись, а?

Она снова поцеловала его.

— Послушай... мое жилье — это помойка по сравнению с тем, к чему ты привык. Квартира маленькая, без окон, а соседи порой могут быть очень надоедливыми.

Пэйтон окинул взглядом то величие, в котором вырос. Его отец поклялся вычеркнуть его из завещания и убрать из родословной, поэтому все это теперь в прошлом. И что самое удивительное? Ему было невероятно хорошо от такой перспективы.

Материальное благополучие — это приятно. Но любовь намного лучше.

Снова посмотрев на Ново, он сказал:

— Я предпочту жить с тобой в лачуге, чем в замке с кем-то другим.

Когда она подняла взгляд, ее улыбка была такой яркой, что он чуть не ослеп на мгновение. Затем Пэйтон поднял вверх указательный палец.

— А что касается твоих надоедливых соседей, то у меня есть решение. — Наклонившись в бок, он вынул из кармана сложенный лист бумаги. — Я просто повешу это на дверь.

Разгладив листок, он развернул его, чтобы показать записку, которую доктор Манелло написал и повесил на дверь больничной палаты, в которой она выздоравливала.

— О... — выдохнула Ново, прикасаясь к бумаге. — Ты собирался взять его с собой.

— Я жутко сентиментален. Когда дело касается тебя. — Он улыбнулся ей. — Рано или поздно я бы все равно сдался и попробовал подкатить еще раз. Моя тяга к тебе непреодолима.

— Даже несмотря на то, что я бываю редкостной сухой?

Пэйтон подмигнул ей.

— Что поделать, я люблю трудности.

Они снова обнялись и сошлись в поцелуе. И затем он подхватил ее под руку.

— Давай, выгружаем диван и валим отсюда.

— Идеальный план.

Они были на полпути через фойе, когда Ново сказала:

— Эй, ты будешь моей парой на свадьбе сестры... бракосочетании... как там называется это мракобесие?

Остановившись, Пэйтон задумался.

— Да, но при одном условии.

— Каком?

— Я его ударю.

— Кого? Оскара?

— Ага. Прямо по роже. — Когда Ново закатила глаза и замотала головой, он вскинул ладони. — Один удар. Обещаю. И послушай, только потому, что я настоящий мужик, я сделаю это после того, как они закончат со свадебными фотками. Да ладно, ты же моя женщина. Я должен заботиться о тебе.

— Я могу сама позаботиться о себе, — строго сказала она.

— Это правда. Но признайся, ты хочешь на это посмотреть. Признайся. Ну, даваааай.

— Хорошо, — пробормотала она. — Признаю. Но ты его не ударишь...

— Даже слегка? — Спросил он, когда они вышли на холод. — Что, если я склею его булки скотчем? Сложу вдвое его простыню?^[111] Подсыплю слабительного в шоколадный пудинг...? Знаешь, у меня есть и другие идеи...

Ново положила руки на бедра, пытаясь удержать серьезное лицо. В конце концов, она не выдержала и рассмеялась.

— Ты совсем безбашенный.

Пэйтон взял ее в захват, и она не стала с ним бороться.

— Больше нет. Я знаю, чего я хочу и где хочу быть. И это только с тобой. Ты мой дом, так же как я — твой.

Она обняла его за шею.

— Разгрузим грузовик, прежде чем займемся сексом?

— Да ну нахрен. — Он ухмыльнулся. — Вообще-то я собирался по дороге через город съехать где-нибудь на обочину и трахнуть тебя на переднем сидении.

— Мне нравится ход твоих мыслей, — ответила Ново, поцеловав его долго и крепко. — Ты мужчина с большими планами...

Было двенадцать минут после полуночи, когда Сэкстон дематериализовался к черному входу Дома для аудиенций. Он не стал входить через кухонную дверь. Вместо этого он обернулся и оказался прямо перед гаражом на четыре машины, что стоял позади особняка. Там был припаркован черный фургон Братства, и со спокойствием, шокирующим при таких обстоятельствах, Сэкстон отправился по снегу к внешней лестнице, ведущей на второй этаж строения. Когда он поднялся, его дыхание было ровным, как метроном, сердечный ритм устойчивым, глаза не моргали, несмотря на холод.

Казалось, откуда-то издалека, Сэкстон наблюдал, как его рука тянется и поворачивает ручку. Открыв путь, он шагнул внутрь, в тусклый свет.

Кляпы заглушали человеческие стоны. Их было трое, еле стоящие на ногах, с завязанными за спиной руками, вспревшие от ужаса, как мясо, которое слишком долгое время лежало на жаре. Двоих он узнал по нападению за рестораном. Третьего он раньше не встречал, но типаж был предсказуем: большой, мускулистый, коротко стриженный, с лицом кирпичного цвета.

Одного из них держал Вишес. Остальных Блэй и Куин.

Под их сапогами была расстелена полиэтиленовая пленка.

Люди стали сопротивляться еще сильнее, когда увидели его, и судорожно задержались в своих путах, чем напомнили Сэкстону стреноженных лошадей в конюшне, настолько похожи были дергания тяжелых тел.

Все молчали.

Вишес просто кивнул в сторону верстака. На нем лежал кинжал. Черное лезвие. *Интересно, он принадлежит Ви или Куину?* — мелькнула смутная мысль, и Сэкстон снял кожаные перчатки.

Не важно, — подумал он, когда подошел и взял его правой рукой.

Без особой на то причины, он осмотрел пространство под балками. Несколько вставных окон в крыше, но каждое из них покрыто черными занавесками. В дверях не было стекла. Никто из соседей не сможет это увидеть.

Даже если и могли, ему было все равно.

Он приблизился к первому человеку, и тот заметался в захвате Ви, из его носа текло, щеки надулись от кляпа.

Пытаясь облегчить доступ, Вишес изменил хватку, и его опасная рука, покрытая перчаткой, ударила мужчину по лбу, и тот дернулся назад, обнажая горло.

Бусина пота, как слеза, скатилась по щеке человека, когда он умолял о пощаде. Сэкстон ничего не слышал. Нет, все, что он сейчас видел, это тело Рана на полу той кухни, залитой его драгоценной кровью, он лежал на пальто, и шерстяная ткань стала единственным утешением умирающему мужчине.

Рука Сэкстона пришла в движение прежде, чем он осознал, что дает ей ментальную команду. Он поднял кинжал...

И затем провел черным лезвием по обнаженной, хрупкой шее.

Кровь хлынула потоком, брызги полетели в лицо Сэкстона. И Ви удерживал человека, не давая упасть на пол, пока тот корчился в предсмертных судорогах.

Сэкстон перешел ко второму и ощутил, как открывает рот и шипит, полностью обнажив клыки. Затем он высунул язык и лизнул клинок.

Человек, который собирался умереть, увидел все это и закричал в свой кляп, сопротивляясь, тщетно пытаясь высвободиться из рук Куина, и не только потому, что его собирались убить: он обнаружил, что существует что-то, очень сильно отличающееся от людей, и это нечто станет его

палачом. В ответ Брат только крепче схватил его и дернул за волосы голову.

Сэкстон описал лезвием в воздухе огромную дугу, проходящую прямо через горло, разрез получился ровным, как и первый.

А потом остался последний, тот, кто напал на Рана за рестораном, чья рука была сломана.

Глаза Блэя были холодны, как камни, когда он вздернул мужчину немного выше.

Теперь Сэкстон не спешил. Нагнувшись к мужчине, он надавил кончиком окровавленного клинка на плоть над яремной веной.

Человек сошел с ума от страха, ноги конвульсивно дергались, словно его били электрошоком, исходящая от него вонь говорила о крайней степени паники.

— Это за мою любовь, — прорычал Сэкстон. — Это за моего возлюбленного. Это...

С каждым словом он погружал конец клинка все глубже и глубже, пока не брызнула кровь.

— За то, что принадлежало мне. За то, что вы пытались у меня отобрать.

С этими словами он опустил кинжал, запрокинул голову и впился зубами в горло так сильно, что достал до позвонков. Разорвав плоть, он выплюнул ее, наблюдая, как человек ахнул, раскрыв рот и, истекая кровью, начал испускать дух.

Все трое были неподвижны, их головы болтались по сторонам, жизнь покинула тела, они отдали долги. Воины позволили телам упасть на пол, одно за другим, лицами вверх.

Сэкстон вытер рот рукавом своего дорогого пальто. Затем порезал ладонь, ту, в которой держал кинжал. Подойдя к каждому из тел, он стоял и смотрел в их безжизненно распахнутые глаза и нанес свою печать на их лица собственной кровью, помечая убийства, как в Старом Свете.

— Что с ними будет? — спросил он, закончив.

Вишес заговорил:

— Мы доставим их к их боссу.

— Заодно и потолкуем с ним, — продолжил Куин.

И Блэй закончил:

— И он больше не побеспокоит госпожу Минайну.

Сэкстон на мгновение уставился на тела.

— Пусть так и будет.

По дороге к двери он аккуратно вытер кинжал и вернул его точно туда, где взял, прежде чем пустить в дело.

Холод снаружи очистил его ноздри от медного запаха человеческой крови. И он спустился по лестнице и обошел фургон без проблем.

Но когда Сэкстон подошел к тому месту, куда материализовался, его накрыла тошнота. Спотыкаясь и падая вперед, он ухватился за забор, который окружал задний двор, и его вывернуло прямо на ботинки.

Когда он снова выпрямился, перед ним стоял Блэй.

— Я не чувствую себя лучше, — простонал Сэкстон, вытирая рот платком. — Я чувствую себя... ничуть не лучше.

— Почувствуешь. Позже. Этот откат необходим для равновесия.

Когда Сэкстон качнулся в сторону, мужчина поддержал его, а затем предложил глотнуть воды из бутылки, и, как ни странно, он отметил, что это была «Поланд Спринг». Его любимая.

А затем Блэй обнял его.

— Ты поступил правильно. Ты сделал все так, как нужно.

Сэкстон обнял Блэя в ответ.

— Я просто хочу, чтобы Ран...

— Он пришел в себя! — закричал Ви с верхнего этажа гаража. — Сэкстон! Они пытались

дозвониться до тебя. Он пришел в себя и зовет тебя!

Когда Сэкстон перевел ошеломленный взгляд на Блэя, мужчина начал улыбаться.

— Никогда не слышал о том, что отмщение может вернуть любимого человека с того света, — сказал он. — Но все бывает в первый раз. Иди! Давай же... поспеши!

***

Поскольку сейчас, лежа в больничной палате, Ран хотел видеть только одного человека в мире, то первой мыслью стал вопрос...

Почему любовь всей его жизни покрыт человеческой кровью с головы до пят?

Но потом все это было забыто, когда Сэкстон бросился на грудь Рана.

— Ты жив... О, Боже...

Ран попытался что-то сказать, но выходило лишь мычание. Однако вскоре он смог ответить.

— Я... не собираюсь покидать... тебя.

Сэкстон отступил назад и, казалось, выискивал на его лице признаки того, что Ран серьезно намерен остаться здесь, по эту сторону от Забвения.

— Я думал, что потерял тебя.

— Я слышал... ты... Битти и... вы говорили со мной.

Боги, как болит горло, — подумал Ран.

— Когда ты был здесь, я умер? Я думаю, так и было.

Сэкстон промолчал, и Ран испугался.

— Я... умер?

— Ты сейчас со мной. И это главное.

— Горло... болит.

— Я знаю, любимый. — Сэкстон внимательно оглядел его с головы до ног, словно искал скрытые повреждения. — Тебе нельзя говорить...

— Забвение. Дверь. В Забвение... я отказался открыть ее...

— Что? — Сэкстон наклонился к нему. — Что ты сказал?

— Я увидел дверь... в тумане... Я знал, что если открою ее... то покину тебя. Много раз я подходил к ней. Я отказывался... Я не собирался... покидать тебя. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Слезы Сэкстона закапали, словно дождь, но это был весенний ливень. Обновляющий. Эмоции переполняли Рана и стали еще сильнее, когда Битти вошла в комнату вместе с Рейджем и Мэри.

— Дядя.

Ран улыбнулся так, что заболели щеки, и попытался что-то сказать, но получалось плохо. Он уже потратил всю свою энергию и голос, но Битти, казалось, не думала об этом. Она прыгала, как мячик, полная радости, и сам ее вид избавлял от боли лучше всяких лекарств, которыми он был напичкан.

Пока девочка продолжала выдавать по сто слов в минуту, он понял, что Сэкстон подошел к двери. Парень поднял указательный палец, показывая тем самым, что вернется через мгновение.

— И я знала, что с тобой все будет в порядке! Я знала это!

— Чувак, — сказал Рейдж, он подошел и коснулся Рана рукой. — Я рад, что ты с нами. Могу я купить тебе второй грузовик или что-то еще?

Когда Ран нахмурился и покачал головой, потому что у Брата хватило бы ума сделать что-то подобное, Мэри ткнула мужа локтем в бок.

— Рейдж, тебе совсем не обязательно что-то покупать человеку, чтобы выразить свои

чувства.

— Знаешь, а у тебя могла быть отличная коллекция ювелирных украшений, я тебе точно говорю. — Рейдж подмигнул Рану. — Клянусь, моя женщина живет как спартанец.

Ран откинулся назад и просто слушал их болтовню. Он понимал, что всех отпустило напряжение и волнение, даже если у него не было желания принять участие в разговорах... а затем вернулся Сэкстон, он него приятно пахло мылом и шампунем, и он переоделся в больничную одежду.

В конце концов, Рану не пришлось спрашивать, что произошло. Он и так знал, что его любимый нашел тех людей... и сделал то, что сделал бы сам Ран, если бы на Сэкстона напали и бросили умирать в том самом доме, в котором они жили. Тем не менее, ему было грустно при мысли, что его красавцу-юристу пришлось воспользоваться чем-то страшнее и опаснее, чем шариковая ручка.

Но он не мог отрицать права своего возлюбленного на мщения.

Что было, то было.

— Окей, как насчет того, чтобы позволить дяде и Сэкстону пообщаться вдвоем? — сказала Мэри. — Кроме того, твой отец ничего не ел уже двадцать минут.

Рэйдж посмотрел на дочь.

— Знаешь, я слегка проголодался.

— Давайте сделаем такос и принесем дяде!

С его саднящим горлом? *О, нет*, подумал Ран. Он бы начал с ванильного пудинга. Например, через неделю.

После того, как Битти и ее родители обняли его и ушли, он посмотрел на Сэкстона.

— Не могу говорить... — тихо сказал он. — Больно.

Сэкстон сел на кровать.

— Тебе не нужно ничего говорить.

— Люблю тебя. Так сильно люблю тебя.

Он потянул Сэкстона за руку, пусть и слабо, но юрист понял, чего он хочет. С улыбкой Сэкстон вытянулся на кровати и положил голову на плечо Рана.

— Ты никогда больше не покинешь меня? — спросил Сэкстон.

— Никогда. Обещаю.

Ран закрыл глаза, думая... что ж, похоже, ему придется позвонить своему старому менеджеру и попросить его больше не беспокоиться по поводу поиска для него работы и жилья в Колдвелле. Он ни за что не покинет этот дом.

Ни за что, пока здесь Сэкстон.

Но как мало он тогда знал... На самом деле, в ближайшем будущем его ждал большой сюрприз...

Спустя две недели.

Наступившая ночь принесла с собой потрясающую февральскую луну. В самом деле, было столь ясно и безоблачно, что поверхность самого большого в небе сверкающего алмаза напоминала зеркало.

Сэкстон поправил галстук-бабочку в зеркале заднего вида, пока его любимый парковал грузовик напротив...

— Подожди, это церковь? Бракосочетание будет проходить в церкви?

Ран кивнул и с удивлением всмотрелся в лобовое стекло.

— Навигатор говорит, что адрес верный.

— Хм, да. Что ж, каждому свое. Не то чтобы я имел что-то против человеческой духовности, просто... все это кажется довольно странным.

— Позволь мне открыть тебе дверь.

Когда мужчина выбрался из-за руля, Сэкстон улыбнулся. Ран настаивал на соблюдении правил хорошего тона, и разве можно было ему в этом отказать? Тем более, если его глаза лучились счастьем каждый раз, когда он открывал дверь, подставлял стул или подавал руку.

— Знаешь, — сказал Сэкстон, выскальзывая из высокого авто прямо в объятия Рана, — порой мне кажется, что ты берешь грузовик с одной целью — чтобы лишний раз достать меня из машины.

Ран наклонился и прошептал в ухо Сэкстону:

— В этом плане мне больше нравится доставать тебя из твоих брюк.

Сэкстон усмехнулся и прижался губами к его горлу.

— Развратник.

— Но тебе это нравится.

— Безусловно.

Не успев осознать происходящее, они уже целовались, запустив руки под одежду, их тела охватил мгновенный жар, словно не было секса три раза в душе, а затем снова, когда они натягивали костюмы.

— Нам лучше остановиться, — сказал Сэкстон между вздохами. — Иначе мы опоздаем.

Ран с явной неохотой отступил назад и как будто бы сник.

— Тогда я надеюсь найти тихое укромное место в банкетном зале... ну или как там оно называется.

— Я сам жду этого с нетерпением.

Держась за руки, они пересекли улицу, направляясь к человеческой церкви. Когда они вошли внутрь, им указали на специальные лавочки.

«Нет, это называется церковная скамья», — подумал Сэкстон. «Да, точно, скамья».

Когда они устроились на последнем ряду и огляделись по сторонам, стало ясно, что другие вампиры — их, по крайней мере, было около ста — чувствовали себя также неудобно. Ему было все равно. Когда представляется возможность провести ночь с любимым человеком, разве есть разница, как и где ты это делаешь?

— Знаешь, я так не хочу завтра переезжать, — Ран поднял глаза на оголенные стропила наверху. — Мне нравится эта ферма.

— Я тоже. — Сэкстон обхватил ладонью запястье своего возлюбленного. — Там я чувствую себя как дома.

— Это и был наш дом.

Фритц убрал ужасные последствия нападения, и Сэкстон не смог сдержать слез от неожиданного проявления доброты, ведь он пытался собраться с силами и вернуться туда, чтобы самому сделать работу. Но нет. Все было в порядке, мебель отремонтирована и поставлена на свои места, ковры убраны с пола, содранная краска отреставрирована.

Кровь смыта.

Была и другая причина, по которой Сэкстон собирался позаботиться о произошедшем: его беспокоило, что Минни может неожиданно вернуться и увидеть результаты насилия, которое случилось в принадлежавшем ей и Рисланду любимом доме.

Но, как всегда, семья Сэкстона — его настоящая семья, а не та, в которой он родился — позаботилась обо всем.

— Не помню, мы когда-нибудь встречались с внуком Минни? — спросил Ран. — Как его зовут?

— Оскар. Так указано в приглашении... и он женится на сестре Ново. Ты знаешь Ново? Стажерку?

— О да. Мы вместе занимались в тренажерном зале. Она хорошая. Очень сильная, не только для женщины, для кого угодно...

— Вы пришли!

Сэкстон поднялся на ноги.

— Минни! — Он обнял пожилую женщину. — Но вы же бабушка жениха, что вы делаете в церкви? Или... подождите, это такой обычай? Я весьма озадачен.

Минни была одета в прелестное бело-розовое кружевное платье, седые волосы убраны в красивую аккуратную прическу, на лицо нанесен надлежащий макияж. И она заговорщически улыбалась.

— Я просто хотела поздороваться с вами перед началом церемонии.

— Вы очень хорошо выглядите, — сказал Ран, когда, в свою очередь, тоже обнял женщину. — Очень хорошо.

— Как там мой дом? — спросила она, присев на лавочку — вернее, на скамью — рядом с ними. — Все тип-топ?

— Да, все в порядке. — Ран поклонился и тоже сел. — Вчера вечером я закончил последнее дело — отремонтировал котел.

— И мы более чем уверены, что вы там будете в безопасности. — Сэкстон не смог посмотреть женщине в глаза... и не потому, что беспокоился о ней. Скорее потому, что прекрасно понимал, что именно произошло между Ви, Куином, Блэем и господином Романски. — У нас состоялся очень продуктивный... разговор... с тем застройщиком. Он осознал, что больше не интересуется вашей собственностью.

Собственно, ублюдок решил незамедлительно покинуть штат Нью-Йорк. Кто бы сомневался.

— Что ж, это замечательно, — Минни хлопнула в ладоши, — Потому что я решила продать этот дом.

Словно копье пронзило грудь Сэкстона.

— О. В самом деле? Какая чудесная новость. И мы как раз завтра собирались съехать, так что...

— Я хочу, чтобы вы купили его у меня.

Сэкстон понял, что застыл, как изваяние. Затем взглянул на Рана.

— Извините, что вы сказали?

Подавшись вперед, Минни взяла их за руки. Она сжала их ладони вместе, и ее глаза

заблестели.

— Этот дом был построен с любовью... и в нем должны жить люди, которые любят друг друга. Я хочу, чтобы вы жили в нем. Мы можем договориться о справедливой цене, а я останусь у внучки. Мне у нее очень понравилось, и в ее доме я встретила замечательных новых знакомых — вампиров и пару людей.

— Но как насчет вашего внука и его шеллан? Разве они не хотят взять этот дом?

— Они сами по себе, — сухо сказала Минни. — Во-первых, сноха ненавидит сельскую местность, она сама не постеснялась сказать мне об этом, когда я пригласила их на ужин, чтобы лучше познакомиться с ней. Во-вторых, мне грустно это признавать, но я не уверена, что эту пару связывает любовь. Мой внук... Боюсь, что он совсем другой, и она тоже. Но это — не моя жизнь, и я всегда во всем их буду поддерживать. — Минни снова сжала их руки. — Пожалуйста, скажите, что вы это сделаете. Мне было бы приятно знать, что вы двое позаботитесь о моем доме.

Сэкстон снова посмотрел на Рана.

Океееееей, сияющая улыбка стала отличным ответом, не так ли?

— Одно условие, — сказал Сэкстон. — Последняя Трапеза каждого воскресенья — вместе, и вы приводите с собой внучку, если и она когда-то захочет приехать.

— Договорились, — сказала Минни, одновременно обнимая их обоих. — Жаль, что вы не были знакомы с Рисландом, вы бы ему очень понравились.

После ее ухода Сэкстон какое-то время просто сидел на лавочке... черт, на церковной скамье... и смотрел на алтарь с крестом и изображением одетого в саван красивого бородатого мужчины, с состраданием во взгляде взирающего на собравшихся. По правую сторону уже выстроились мужчины, и, значит, церемония скоро начнется. Он надеялся на это.

— Кажется, мы только что получили дом своей мечты, — услышал Сэкстон свой голос.

— Да! Мы это сделали!

Ран радовался, как ребенок, и Сэкстон поцеловал любимого... а затем отклонился назад, когда рядом проскользнули двое.

— Привет, — сказала девушка. — Можно сесть рядом с вами? Я — Ново, стажер из учебного центра...

— Конечно! — пригласил их Сэкстон, выглянув из-за нее и улыбнувшись Пэйтону. — Мы не против компании...

— Отлично, но нам нужно сесть с другой стороны, у стены. Подальше от прохода.

— О... эм, хорошо, — сказал Сэкстон, поднимаясь и пропуская их. — Но разве ты не сестра той, кого они называют... невестой? Ты разве не участвуешь в свадьбе... бракосочетании или как там оно называется?

— Меня прогнали взащей, и слава Богу. — Она поздоровалась с Раном, а затем пропустила Пэйтона, и тот устроился прямо у витражного окна.

— Длинная история. Как дела?

— Мы только что купили дом! — воскликнул Ран.

— Поздравляю, — сказал Пэйтон и дал ему пять. — Это потрясающе. Где он находится?

— Вы не поверите, кому он принадлежал...

Они болтали до тех пор, пока не зазвучал орган, и пришлось замолкнуть вместе с остальной частью собрания. Прямо перед самым началом, Сэкстон взял руку Рана, и мужчина взглянул на него с любовью. Он чувствовал, что пара рядом с ними тоже поделила поцелуй и долгий многозначительный взгляд.

А потом Ново наклонилась к нему.

— Слушай, — прошептала она. — Вы двое поможете мне кое в чем?

— Скажи, что надо сделать, — ответил Сэкстон. — И все будет.

Пэйтон закатил глаза.

— Я просто хочу врезать жениху. Хоть разок. Неужели я многого прошу?

Сэкстон удивленно вскинул брови.

— Это человеческая традиция для подобных церемоний?

— Ну конечно, — сказал парень. — На самом деле, это...

Ново накрыла ладонью его рот.

— Нет. Ни за что на свете. И что бы я ни думала о своей сестре в прошлом, я не хочу портить главную ночь в ее жизни, ясно?

Пэйтон что-то пробубнил, а когда Ново убрала руку, сказал:

— Прежде всего, я согласился сделать это после того, как отснимут свадебные фото... и, если это реааааально для тебя так важно, я могу заехать ему под дых, а не по роже. Я открыт для компромиссов.

Ново рассмеялась.

— Я тебя люблю.

— Нисколько не сомневаюсь. — Парень поцеловал ее. — И я тоже тебя люблю.

— Достаточно сильно, чтобы не трогать его? Это будет так мило с твоей стороны. Я просто млею.

Демонстративный выдох Пэйтона мог бы войти в историю.

— Отлиииично.

Сэкстон посмотрел на каждого из них по очереди.

— Почему мне кажется, что это еще не конец?

Ран прервал их.

— Тише! Они идут.

Сэкстон замолчал и расслабился, насколько это можно было сделать на жестком сидении скамьи, прислонившись к плечу своего мужчины. Музыка становилась все громче, и когда толпа женщин в розовых платьях с огромными бантами зашагала по проходу, он просто пожал плечами.

«Каждому свое», — подумал Сэкстон, целуя руку своего возлюбленного. Каждому свое.

У него, безусловно, так и было. Свое он имел.

***

Ново вытянула шею из-за Сэкстона и его парня Рана, чтобы увидеть Софи, спускающуюся по проходу. Женщина, конечно, выглядела счастливой, ее лицо было частично спрятано за белой завесой фаты, а длинное, объемное белое платье делало из нее прелестную куклу.

— Ты в порядке? — мягко спросил Пэйтон.

Она посмотрела на Оскара, стоявшего возле алтаря. Одетый в смокинг мужчина застыл с нечитаемым выражением на лице, рядом с группой своих друзей, которые также, казалось, хотели находиться где-нибудь в другом месте. На противоположной стороне расположились все женщины с девичника, одетые в нелепые розовые платья, явно выбранные с расчетом на то, чтобы они не выглядели красивей невесты.

«Молодчина, Софи», — подумала она.

— Да, в полном. — Ново сжала его руку и посмотрела в глаза. — Я в полном порядке.

Жизнь с ее «бедным богатым мальчиком», как называл себя Пэйтон, оказалась до нелепости простой. Они были до странного совместимы, если и возникали споры, то они касались глупых вещей, например, выбора рингтона — лай собаки для него, в то время как она предпочитала

старомодный телефонный гудок. Или каким образом несколько темных предметов могло попасть в стирку его светлых вещей, при том, что грязной одежды у нее на тот конкретный момент не было ни одной.

На самом деле все оказалось проще и целостней. И хотя ей было жаль, что его вычеркнули из родословной, Пэйтон понимал, что именно по этой причине она не хотела знакомить его со своими родителями.

Может, такое желание возникнет позднее, а может быть и нет.

Но в настоящее время он был той семьей, в которой она нуждалась.

Вдалеке, у алтаря, Софи подошла к своему жениху/паре/называйте-как-хотите, и человек в церемониальной одежде начал что-то зачитывать из человеческой книги. Ново только покачала головой. Будет ли их брак скреплён по вампирскому обычаю? Вероятно. Так они добьются еще больше внимания.

— Я люблю тебя, — сказал Пэйтон.

Ново снова взглянула на него. Ее чувства были сложными и даже... изнурительными: ей было ясно, что она желает своей сестре счастья в ее выборе... и ей очень нравился этот прогресс. Что касается Оскара? Она все сказала ему в том баре и не собиралась менять свое мнение или брать слова обратно.

Но что действительно важно? У нее была своя счастливая жизнь. И никто не посмеет лишить ее этого.

Даже она сама.

— Хочешь, пропустим фуршет? — спросила она шепотом. — Вернемся домой, тупо поваляемся и посмотрим какой-нибудь сериал?

Именно это она рассчитывала услышать в ответ, его тихий рык. В этом весь он. Пэйтон всегда появлялся, когда она нуждалась в нем, и обычно с эрекцией наперевес.

Ладно, прозвучало пошло. Зато правдиво.

— Я так сильно тебя люблю... — заявила Ново, — что мне даже не больно.

— Вот это моя женщина. Именно об этом я и говорил.

Последовала пауза. И тут что-то изменилось в его взгляде.

— Давай я просто свяжу ему шнурки? Как тебе такой вариант?

— Пэйтон, — прошипела Ново.

— Что? Знаешь, случаются иногда несчастья. А что, если он случайно выпадет из окна?

— Ш-ш. А то нас выгонят отсюда...

— Я знал, что нужно было захватить свой рупор...

Рассмеявшись, Ново обняла своего мужчину. Какое бы будущее не ждало их, в двух моментах она была уверена.

Первое: они будут вместе, в горе и в радости. И, второе? Ей будет очень весело.

И эта жизнь прекрасна.

КОНЕЦ

Внимание!

Данный перевод выполнен специально для сайта www.jrward.ru.

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения. После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

*При использовании материалов ссылка на сайт www.jrward.ru и указание переводчиков/редакторов обязательны. Как говорится, *draco dormiens nunquam titillandus*, слезно просим.*

---

notes

Примечания

BuzzFeed (БаззФид) — новостная интернет медиа-компания, основанная в 2006 году в Нью-Йорке. Джона Перетти, основатель BuzzFeed, изначально задумывал компанию как небольшую интернет-лабораторию, в настоящее же время компания выросла в международный медиа-портал, обзоревающий широкий спектр тем: от международной политики до телевизионных сериалов и творческих мастер-классов.

Сокр. «О, мой Бог»

«Двойной удар», в боксе — серия из двух ударов, в переносном смысле — атака с двух фронтов

Норд-ост — ураган который проносится по северо-восточной части США (особенно это название употребляется в Вашингтоне, округ Колумбия

Стиль мебели начала XVIII в. эпохи королевы Анны

Сельтерская вода (нем. Selterswasser; по современным нормам транслитерации правильное «зельтерская») — хлоридно-гидрокарбонатно-натриевая минеральная вода естественной газации из источника Нидерзельтерс, по состоянию на 2009 год из источника Зельтерс-ан-дер-Лан (в составе коммуны Лёнберг). Имеет солоноватый, пощипывающий благодаря заметному содержанию углекислого газа вкус.

«Комбос» — закуски, упаковки в крекерами, кренделями или тортильями с разнообразными добавками.

Бонг (также водяная трубка, сленговое название — бульбулятор, от тайского [bɔːŋ] — «бамбуковая труба») — устройство для курения конопли и табака.

Дэн Карви — Весьма популярный американский актер и комик, получивший наибольшую известность благодаря участию в шоу 'SaturdayNightLive', а также по роли Гарта в музыкальной комедии 'Мир Уэйна' ('Wayne'sWorld').

Данк, слем-данк — бросок мяча в корзину в прыжке, из положения на уровне кольца; в баскетболе

Отсылка к популярному клипу Can't touch this, <https://www.youtube.com/watch?v=otCpCn0l4Wo> — движения смотреть с 1:55

Фрэнк Ллойд Райт (англ. Frank Lloyd Wright, 8 июня 1867 — 9 апреля 1959) — американский архитектор-новатор. Оказал огромное влияние на развитие западной архитектуры в первой половине XX века. Создал «органическую архитектуру» и пропагандировал открытый план в архитектуре.

Бот/Виртуал — фиктивный пользователь в чатах и на форумах, часто создается «троллями» в качестве группы поддержки

«Тамс» (англ. Tums) — средство от изжогов

<https://www.youtube.com/watch?v=QCLJsDWRkdk>

Вручение подарков невесте до свадьбы

Отсылка к библии, 22 псалом

Айна Розенберг Гартен (род. 2 февраля 1948) — американская писательница кулинарных книг и ведущая программы на Food Network под названием Босоногая графиня. Её кулинарная карьера началась с открытия гастронома деликатесов "Босоногая графиня", позже расширив свою деятельность до кулинарных книг-бестселлеров, авторских колонок в журнале, продуктов питания, выпускаемых под собственным брендом и популярного кулинарного ТВ-шоу на канале Food Network.

Интернет-магазин 1stdibs — винтажный бутик, в котором можно найти оригинальные детали интерьера, предметы искусства и стильную одежду.

«Сотбис» — один из старейших в мире аукционных домов. Совместно с аукционным домом «Кристис» занимает около 90 % мирового рынка аукционных продаж антиквариата, предметов искусств и т. д. Является крупнейшим в мире аукционным домом.

«Кристис» (англ. Christie's) — аукционный дом. Christie's является лидером мирового арт-рынка, суммарная выручка которого только по итогам 2015 года составила £4,8 / \$7,4 млрд. Совместно с аукционным домом «Сотбис» он занимает 90 % мирового рынка аукционных продаж антиквариата и предметов искусства.

Леброн Рэймон Джеймс (англ. LeBron Raymone James; 30 декабря 1984, Акрон, Огайо, США) — американский профессиональный баскетболист, играющий на позиции лёгкого и тяжёлого форварда за команду НБА «Кливленд Кавальерс». Рост — 203 см.

«Вмешательство» (англ. Intervention — американское документальное тв-шоу. Героем каждой серии становится человек с определенной зависимостью, и в ходе шоу его вынуждают пройти реабилитацию с активным участием семьи и родственников.

Джеймс Тиберий Кирк (англ. James Tiberius Kirk, в других переводах — Кёрк) — персонаж научно-фантастического телевизионного сериала «Звёздный путь: Оригинальный сериал» и его многочисленных продолжений. Упоминается и пародируется во многих других произведениях культуры.

Бифитеры (англ. Beefeater от beef «говядина» + eater «едок») — неофициальное название церемониальных стражей лондонского Тауэра. Официальным (кратким) английским названием является Yeomen Warders («Йоменская Стража»).

Роб Гронковски (англ. Rob Gronkowski) — американский профессиональный игрок в американский футбол, выступающий на позиции тайт-энда в клубе Национальной футбольной лиги «Нью-Ингленд Пэтриотс». Имеет прозвище — Гронк.

Merrell — бренд одежды и обуви.

ниже нуля — по Фаренгейту, по Цельсию = -17,8 градусов

Бурные, или ревущие двадцатые (англ. Roaring Twenties) — эпоха 1920-х годов в США, Великобритании, Германии, Франции. Название характеризует динамичность искусства, а также культурной и социальной жизни этого периода. Эпоха начинается с возвращения к мирной жизни после самой, на тот момент, разрушительной войны в истории. Радикально меняются мода и стиль одежды, наступает расцвет джаза и ар-деко, радиовещание становится повсеместным, кинематограф обретает звук и из редкого развлечения превращается в массовый вид досуга и отдельный вид искусства.

Делфтский фарфор (нидерл. Delfts blauw) — фарфор в сине-белых цветах, производится в городе Делфт (Нидерланды) и является одним из символов города и популярным сувениром.

АООС — Агентство охраны окружающей среды США

Рит — ритуал искупления вины, предлагаемый лицом, которое нанесло оскорбление. Если предложение принимается оскорбленной стороной, оскорбивший подвергается наказанию оружием, выбранным оскорбленным, и не имеет права защищать себя.

Фрэнк Ланджелла (англ. Frank Langella; род. 1 января 1938, Бейонн, Нью-Джерси, США) — американский актёр. Четырёхкратный лауреат премии «Тони», номинант на «Оскар», «Эмми», «Золотой глобус» и BAFTA. Наиболее известен по участию в фильмах «Лолита», «Девятые врата», «Доброй ночи и удачи», «Фрост против Никсона», «Посылка» и «Неизвестный».

Суммарно примерно 340кг

Смешанные боевые искусства (также ММА — от англ. Mixed Martial Arts) — боевые искусства (часто неверно называемые «боями без правил»), представляющие собой сочетание множества техник, школ и направлений единоборств.

Напиток шампанское+апельсин. сок

Сокращение аббревиатуры *mom i'd like to fuck* — привлекательная женщина зрелого возраста

Yelp (yelp.com) — веб-сайт для поиска на местном рынке услуг, например ресторанов или парикмахерских, с возможностью добавлять и просматривать рейтинги и обзоры этих услуг. Для популярных бизнесов имеются сотни обзоров. Для обозревателей на сайте предусмотрены элементы социальной сети.

«Фильм о семейке Брейди» (англ. The Brady Bunch Movie) — кинофильм, экранизация комедийного телесериала 1969-74 годов «Семейка Брейди».

«Дыра славы» — дырка в стене общественного туалета для анонимного секса.

Фраза из фильма «Охотники за привидениями»

Энн Хэмптон «Энни» Поттс (англ. *Anne Hampton «Annie» Potts*; род. 28 октября 1952) — американская актриса театра, кино и телевидения, комедиантка и продюсер. Поттс известна по своим ролям в популярных фильмах 1980-х годов, таких как «Охотники за привидениями» (1984), «Девушка в розовом» (1986), «Джек-попрыгун» (1986), «Кто такой Гарри Крамб?» (1989) и «Охотники за привидениями 2» (1989).

Джеймс Спейдер (англ. *James Todd Spader*, род. 7 февраля 1960, Бостон, Массачусетс) — американский актёр. Призёр Каннского кинофестиваля, трёхкратный лауреат и четырёхкратный номинант премии «Эмми», трёхкратный номинант премии «Золотой глобус» и «Сатурн», десятикратный номинант «Премии Гильдии киноактёров».

«Девушка в розовом» (англ. *Pretty in Pink*; другое название — «Милашка в розовом») — американская романтическая комедия 1986 года режиссёра Ховарда Дойча и продюсера Джона Хьюза.

«Тако Хренако» — издев. Отсылка к «Tako Bell»

Ципрофлоксацин (лат. *Ciprofloxacinum*, англ. *Ciprofloxacin*) — антибактериальный препарат, противомикробное средство широкого спектра действия.

Песня She's So High (оригинал Tal Bachman)

Wham! («Уэм!») — дуэт Джорджа Майкла и Эндрю Риджли, который пользовался огромным успехом в середине 1980-х годов. За всего лишь два года (1984–1986) семь синглов этого коллектива побывали на первом месте британских поп-чартов

A Flock of Seagulls (также — Flock of Seagulls — британская группа новой волны, образованная в Ливерпуле, Англия, в 1979 году, братьями Майклом и Алистером Скорами (англ. Michael, Alistair Score) и назвавшая себя в честь строчки из песни «Toiler on the Sea» The Stranglers.

Качественное постельное белье класса «люкс»

Отсылка к одному из самых известнейших рождественских гимнов — "Двенадцать дней Рождества", написанном в Англии еще в 1780 году; в каждом куплете поется о том, какой подарок преподнесла рассказчику его истинная любовь в один из дней Рождества. Куропатка на грушевом дереве была подарком первого дня.

метамфетамин

7-Eleven — крупная сеть небольших магазинов в 18 странах мира.

Букв. с фр. «Спасибо тысячу раз».

Лучшее белое вино Бордо. Одно из лучших белых вин мира. Очень редкое и ценится среди коллекционеров.

Пессак (фр. Pessac, окс. Peçac) — город и коммуна во французском департаменте Жиронда, округ Бордо. Пессак находится в винодельческом регионе Бордо в области Грав и производит вина географического наименования «Пессак-Леоньян». Здесь расположены два знаменитых винодельческих хозяйства: Шато О-Брион и Шато Пап-Клеман.

Даника Патрик — американская автогонщица

Рит — ритуал искупления вины, предлагаемый лицом, которое нанесло оскорбление. Если предложение принимается оскорбленной стороной, оскорбивший подвергается наказанию оружием, выбранным оскорбленным, и не имеет права защищать себя.

Имеется в виду игра в блошки

Эскарго (фр. Escargots de Bourgogne) — изысканное французское блюдо из улиток, подаваемое с белым сухим вином. Слово также применимо к обыкновенной улитке съедобных видов. Во Франции наиболее ценятся бургундские улитки, которые продаются по всей Франции в виде консервированных полуфабрикатов. Подчеркивая бургундское происхождение, эти улитки называют Эскарго де Бургонь. Улитки из других регионов ценятся меньше и стоят дешевле. В небольших частных лавках и на рынке можно купить живых улиток.

Мем (англ. meme) — единица культурной информации. Мемом может считаться любая идея, символ, манера или образ действия, осознанно или неосознанно передаваемые от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов, жестов и т. д.

Поколение снежинок (от англ. Generation Snowflake) — оскорбительный термин для обозначения поколения, годы взросления которого пришлись на начало XXI века. Название подчёркивает уязвимость этих молодых людей и их уверенность в своей исключительности. Газета «Файненшл Таймс» в 2016 году объявила использование слова «снежинка» в этом смысле «словом года», словарь Коллинз (рус.) англ. включил выражение в десятку слов 2016 года.

Марки элитных швейцарских часов

Марки автомобилей — Porsche R8 и Porsche 911

«Noblesse oblige» — французский фразеологизм, буквально означающий «благородное (дворянское) происхождение обязывает». Переносный смысл — «честь обязывает» или «положение обязывает» — власть и престиж накладывают известную ответственность.

Райан Родни Рейнольдс (англ. Ryan Rodney Reynolds; род. 23 октября 1976, Ванкувер, Канада) — канадский актёр кино и телевидения, кинопродюсер. Наиболее известен по ролям в ситкоме «Два парня, девушка и пиццерия», а также в фильмах «Король вечеринок», «Просто друзья», «Да, нет, наверное», «Предложение», «Ужас Амитивилля», «Большая жратва», «Люди Икс: Начало. Росомаха», «Погребённый заживо», «Блэйд: Троица», «Зелёный Фонарь» и «Дэдпул».

Petco — сеть магазинов с товарами для домашних животных

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР, «вьетнамский синдром», «афганский синдром» и т. п.) — тяжёлое психическое состояние, которое возникает в результате единичной или повторяющихся психотравмирующих ситуаций, как, например, участие в военных действиях, тяжёлая физическая травма, сексуальное насилие, либо угроза смерти. При ПТСР группа характерных симптомов, таких как психопатологические переживания, избегание либо выпадение памяти о травмирующих событиях и высокий уровень тревожности сохраняется на протяжении более месяца после психологической травмы.

Суточное мониторирование ЭКГ, холтеровское мониторирование, или длительная регистрация ЭКГ — метод электрофизиологической инструментальной диагностики, предложенный американским биофизиком Норманом Холтером.

Toyota Prius — первый в мире массовый гибридный легковой автомобиль, который движется за счёт как бензинового, так и электрического двигателей.

«Тамс» — лекарство от изжоги

Таллула Брокмен Бэнкхед (англ. Tallulah Bankhead, 31 января 1902 — 12 декабря 1968) — американская актриса, знаменитая своим остроумием, блестящей внешностью, хриплым голосом и превосходно сыгранными ролями во многих пьесах и кинофильмах, в основном довоенных.

«Дружба — это чудо» (англ. My Little Pony: Friendship is Magic) — детский анимационный сериал Hasbro Studios и DHX Media. Мультсериал основан на франшизе американской корпорации Hasbro My Little Pony. Премьера шоу состоялась 10 октября 2010 года на телеканале The Hub. Целевая аудитория — девочки от 4 до 7 лет.

«Семейство Кардашьян» (англ. *Keeping Up with the Kardashians*) — американское реалити-шоу. Премьера шоу состоялась в октябре 2007 года на телеканале E! и существует в настоящее время.

«Космополитен» (англ. cosmopolitan cocktail) — алкогольный коктейль на основе водки, ликёра трипл-сек, лимонного и клюквенного сока. Классифицируется как коктейль на весь день (англ. All day cocktail). Входит в число официальных коктейлей Международной ассоциации барменов (IBA), категория «Современная классика» (англ. Contemporary classics).

Слэм — действие публики на музыкальных концертах, при котором люди толкаются и врезаются друг в друга. Обычно слэм возникает на концертах альтернативных, метал и панк-исполнителей.

Полианна — героиня одноимённой повести Э. Портер; также — неисправимый оптимист; тот, кто смотрит сквозь розовые очки

Пол Баньян (англ. Paul Bunyan) — вымышленный гигантский дровосек, персонаж американского фольклора. Самое раннее напечатанное произведение о Баньяне, которое сейчас известно, создано Джеймсом Макгилливреем в 1910 (по другим сведениям, в 1906) году. Несколько лет спустя, в 1916 году, Уильям Логхед придумывал рекламу и решил использовать образ Баньяна, сделав его гигантом.

Вишисуаз — холодный суп-пюре, французская кухня

«Дрянные девчонки» (англ. Mean Girls) — американская комедия 2004 года, снятая режиссёром Марком Уотерсом.

Линда Картер (англ. Lynda Carter, род. 24 июля 1951) — американская актриса и певица, представительница США на конкурсе «Мисс Мира» в 1972 году.

Севиче (исп. ceviche, seviche или sebiche) — блюдо из рыбы или морепродуктов, чьей родиной считается Перу. Блюдо получило распространение во многих кухнях латиноамериканских стран, хотя рецепты могут различаться значительно.

Powerball — американская лотерея. Билеты лотереи продаются в 44 штатах США (все штаты, кроме: Невада, Юта, Миссисипи, Алабама, Аляска, Гавайи). Розыгрыш джекпота практически всегда становится сенсацией. В январе 2016 года джекпот достиг 1,5 миллиардов долларов, который выиграли сразу 3 участника лотереи.

«Стальные магнолии» (англ. *Steel Magnolias*) — кинофильм режиссёра Герберта Росса, вышедший на экраны в 1989 году. Экранизация одноимённой пьесы Роберта Харлинга. Премия «Золотой глобус».

Ванна Мари Уайт (англ. Vanna Marie White), урождённая — Росич (англ. Rosich; 18 февраля 1957, Конуэй (рус.) англ., Южная Каролина, США) — американская актриса и телеведущая. Наиболее известна как ведущая телевизионного игрового шоу «Колесо Фортуны» (англ. Wheel of Fortune) с 1982 года. 20 апреля 2006 года получила «звезду» на Голливудской аллее славы за вклад в телевидение.

Ерун Антонисон ван Акен (более известный как Иероним Босх; около 1450–1516) — нидерландский потомственный художник, один из крупнейших мастеров периода Северного Возрождения.

Whole Foods Market Inc. (Хол Фудс Маркет Инк.) — американская сеть супермаркетов, специализирующаяся на продаже продуктов питания без искусственных консервантов, красителей, усилителей вкуса, подсластителей и трансжиров.

Смитсоновский музей американского искусства (англ. Smithsonian American Art Museum; сокр. SAAM, бывший National Museum of American Art) — музей в Вашингтоне, США. Основан в 1829 году, когда вашингтонец Джон Уорден предложил создать городской музей для хранения своей коллекции европейской живописи. В настоящее время музей имеет одну из крупнейших и наиболее представительных коллекций искусства от колониального периода до современности, выполненных в США; располагает работами более чем 7000 художников.

Новая Англия (англ. New England) — регион на северо-востоке США, включающий в себя следующие штаты: Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Род-Айленд, Вермонт. Граничит с Атлантическим океаном, Канадой и штатом Нью-Йорк.

шестьдесят два градуса по Фаренгейту = 16,67 градусов Цельсия

День Колумба — праздник в честь годовщины прибытия Колумба в Америку, которое произошло 12 октября 1492 года по григорианскому календарю.

Винсент Леонард Прайс-младший (англ. 27 мая 1911, Сент-Луис, Миссури — 25 октября 1993, Лос-Анджелес, Калифорния) — американский актёр.

John Hancock (тж. жарг. John Henry) — собственноручная подпись. Дж. Хэнкок — американский государственный деятель, чья подпись стоит первой под Декларацией независимости)

Vogue (произносится вог, с фр. — «мода») — женский журнал о моде, издаваемый с 1892 года издательским домом Condé Nast Publications.

Роберт «Бобби» Макферрин-младший (англ. Robert "Bobby" McFerrin, Jr., род. 11 марта 1950) — американский джазовый певец и дирижёр, десятикратный лауреат премии «Грэмми».

«Пивоваренная компания „Coors“» — региональное отделение пятой по величине в мире и третьей в США пивоваренной компании Molson Coors Brewing Company. Coors известен также находящимся в городе Голден (Колорадо) крупнейшим пивоваренным заводом в мире.

Нью-Йорк Метс (англ. New York Mets) — профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Восточном дивизионе Национальной лиги Главной лиги бейсбола (МЛБ). Клуб базируется в Квинсе (Нью-Йорк).

«Архитектурный дайджест» — ведущий журнал об архитектуре и дизайне интерьеров.

«Стинмастер» — клининговая компания.

С англ. безмятежность, душевное равновесие, спокойствие

ИВЛ — искусственная вентиляция легких

Смитсоновский музей американского искусства (англ. Smithsonian American Art Museum; сокр. SAAM, бывший National Museum of American Art) — музей в Вашингтоне, США.

Пранк с простыней смотреть здесь — <https://www.youtube.com/watch?v=C6ihY0niBow>